

7 ВЕЛИКИХ КОМЕДИЙ

ЖАН-БАТИСТ МОЛЬЕР
ТОМАС БРЭНДОН
АЛЕКСАНДР ОСТРОВСКИЙ
ДЕНИС ФОНВИЗИН
НИКОЛАЙ ГОГОЛЬ
УИЛЬЯМ ШЕКСПИР
АЛЕКСАНДР ГРИБОЕДОВ

7 великих комедий (сборник)

Коллектив авторов

Аннотация
7 великих комедий
Жан-Батист Мольер. Мещанин во дворянстве
  Действие первое
    Явление первое
    Явление второе
  Действие второе
    Явление первое
    Явление второе
    Явление третье
    Явление четвертое
    Явление пятое
    Явление шестое
    Явление седьмое
    Явление восьмое
    Явление девятое
    Явление десятое
  Действие третье
    Явление первое
    Явление второе
    Явление третье
    Явление четвертое

Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое
Явление восьмое
Явление девятое
Явление десятое
Явление одиннадцатое
Явление двенадцатое
Явление тринадцатое
Явление четырнадцатое
Явление пятнадцатое
Явление шестнадцатое
Явление семнадцатое
Явление восемнадцатое
Явление девятнадцатое
Явление двадцатое
Действие четвертое
Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое
Явление восьмое
Явление девятое

Явление десятое
Явление одиннадцатое
Явление двенадцатое
Явление тринадцатое
Действие пятое
Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое
Балет наций
Выход первый
Выход второй
Выход третий
Выход четвертый
Выход пятый
Выход шестой и последний
Томас Брэндон. Тетка Чарлея
Действие I
1
2
3
4
5

6
7
8
9
10
11
Действие II
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
Действие III
1
2
3
4
5
6

7
8
9
10
Александр Николаевич Островский. За чем пойдешь, то и найдешь. (Женитьба Бальзаминова)
Картина первая
Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое
Явление восьмое
Явление девятое
Картина вторая
Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое
Явление восьмое
Картина третья

Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое
Явление восьмое
Явление девятое
Денис Иванович Фонвизин. Недоросль
Действие первое
Явление I
Явление II
Явление III
Явление IV
Явление V
Явление VI
Явление VII
Явление VIII
Действие второе
Явление I
Явление II
Явление III
Явление IV
Явление V
Явление VI

Действие третье
Явление I
Явление II
Явление III
Явление IV
Явление V
Явление VI
Явление VII
Явление VIII
Явление IX
Действие четвертое
Явление I
Явление II
Явление III
Явление IV
Явление V
Явление VI
Явление VII
Явление VIII
Явление IX
Действие пятое
Явление I
Явление II
Явление III
Явление IV
Явление V

Явление VI
Явление VII
Явление последнее
Николай Васильевич Гоголь. Ревизор
Характеры и костюмы
Действие первое
Явление I
Явление II
Явление III
Явление IV
Явление V
Явление VI
Действие второе
Явление I
Явление II
Явление III
Явление IV
Явление V
Явление VI
Явление VII
Явление VIII
Явление IX
Явление X
Действие третье
Явление I
Явление II

Явление III
Явление IV
Явление V
Явление VI
Явление VII
Явление VIII
Явление IX
Явление X
Явление X
Действие четвертое
Явление I
Явление II
Явление III
Явление IV
Явление V
Явление VI
Явление VII
Явление VIII
Явление IX
Явление X
Явление XI
Явление XII
Явление XIII
Явление XIV
Явление XV
Явление XVI

Действие пятое
Явление I
Явление II
Явление III
Явление IV
Явление V
Явление VI
Явление VII
Явление VIII
Явление последнее
Уильям Шекспир. Виндзорские насмешницы
Действие I
Сцена первая
Сцена вторая
Сцена третья
Сцена четвертая
Действие II
Сцена первая
Сцена вторая
Сцена третья
Действие III
Сцена первая
Сцена вторая
Сцена третья
Сцена четвертая
Сцена пятая

Действие IV
Сцена первая
Сцена вторая
Сцена третья
Сцена четвертая
Сцена пятая
Сцена шестая
Действие V
Сцена первая
Сцена вторая
Сцена третья
Сцена четвертая
Сцена пятая
Александр Сергеевич Грибоедов. Горе от ума
Действие I
Явление 1
Явление 2
Явление 3
Явление 4
Явление 5
Явление 6
Явление 7
Явление 8
Явление 9
Явление 10
Действие II

Явление 1
Явление 2
Явление 3
Явление 4
Явление 5
Явление 6
Явление 7
Явление 8
Явление 9
Явление 10
Явление 11
Явление 12
Явление 13
Явление 14
Действие III
Явление 1
Явление 2
Явление 3
Явление 4
Явление 5
Явление 6
Явление 7
Явление 8
Явление 9
Явление 10
Явление 11

Явление 12
Явление 13
Явление 14
Явление 15
Явление 16
Явление 17
Явление 18
Явление 19
Явление 20
Явление 21
Явление 22
Действие IV
Явление 1
Явление 2
Явление 3
Явление 4
Явление 5
Явление 6
Явление 7
Явление 8
Явление 9
Явление 10
Явление 11
Явление 12
Явление 13
Явление 14

Явление 15

Аннотация

В книге «7 великих комедий» представлены самые знаменитые и смешные произведения величайших классиков мировой драматургии. Эти пьесы до сих пор не сходят со сцен ведущих мировых театров, им посвящено множество подражаний и пародий, а строчки из них стали крылатыми. Комедии, включенные в состав книги, не ограничены какой-то одной темой. Они позволяют посмеяться над авантюрными похождениями и любовным безрассудством, чрезмерной скупостью и расточительством, нелепым умничаньем и закостенелым невежеством, над разнообразными беспутными и несуразными эпизодами человеческой жизни и, конечно, над самим собой…

7 великих комедий

Жан-Батист Мольер. Мещанин во дворянстве

Действующие лица

Г-н Журден.
Г-жа Журден.
Люсиль — их дочь.
Клеонт — влюбленный в Люсиль.
Доримена — маркиза.
Дорант — граф, влюбленный в Доримену.
Николь — служанка Журдена.
Ковьель — слуга Клеонта.
Учитель музыки.
Его ученик.
Учитель танцев.
Учитель фехтования.
Учитель философии.
Портной.
Его ученик.
Первый слуга.
Второй слуга.

Действие происходит в Париже, в доме г-на Журдена.

Действие первое
Явление первое

Учитель музыки, его ученик (пишет ноты за столом, посреди сцены), певица, два певца, учитель танцев, танцовщики.

Учитель музыки *(певице и певцам)*. Входите, входите! Можете отдохнуть, пока его нет…

Учитель танцев *(танцовщикам)*. Вы тоже… вот сюда!

Учитель музыки *(ученику)*. Готово?

Ученик. Да.

Учитель музыки. Покажи!.. Что хорошо, то хорошо!..

Учитель танцев. Новенькое что-нибудь?

Учитель музыки. Да. Я задал ему написать серенаду к тому времени, как наш проснется…

Учитель танцев. Можно взглянуть?

Учитель музыки. Да вот будем исполнять, так услышите. Ждать недолго!

Учитель танцев. Работы нам с вами теперь достаточно!

Учитель музыки. Верно! Находка для нас обоих! Спасибо господину Журдену за то, что взбрело

ему в голову перекроить себя на благородный и светский лад… Хорошо стало бы и музыкантам, и танцорам, если бы всех такая же блажь одолела!..

Учитель танцев. Так ли?.. Я, с своей стороны, предпочел бы, чтобы этот господин побольше смыслил в том, чему мы его обучаем…

Учитель музыки. Смыслит-то он, правда, мало, зато платит много; а по нынешним временам нашему брату только это и нужно!..

Учитель танцев. Нет, я и славой не брезгаю… Рукоплескания — вещь, бесспорно, приятная; а возиться с дураками, тратить время и силы на то, чтобы пронять какого-нибудь тупицу, это, по-моему, сущая пытка для всякого художника… То ли дело работать на людей, способных почувствовать все тонкости искусства, умеющих оценить все красоты произведения и доставить несколько истинно отрадных минут вашему самолюбию! Уж против этого вы ничего не скажете… Да, только тот, чей труд верно понят и достойно поощрен, вправе считать себя вполне удовлетворенным и вознагражденным… Таков мой взгляд, по крайней мере… Громкие похвалы — что может быть слаще этого!

Учитель музыки. Я с вами согласен и сам не

прочь от рукоплесканий… Пощекотать самолюбие, — отчего ж, но ведь этим сыт не будешь… От одних похвал проку мало; а вот если к ним присоединяется что-нибудь существенное, такое, что можно руками дать и руками взять, это похвала настоящая! О Журдене я, конечно, далеко не высокого мнения: ни знаний, ни способностей, ни вкуса — как есть ничего; но он так богат, что ему все простить можно… Художественное понимание у него в кошельке, а похвалы его из чистого золота… Во всяком случае, как вы и сами видите, от этого неуча мещанина нам с вами куда больше поживы, чем от того знатного барина, который ввел нас сюда…

Учитель танцев. В ваших словах есть доля правды; но, по-моему, вы уж слишком много придаете значения деньгам… Корысть — чувство настолько предосудительное, что порядочному человеку следует скрывать его… Учитель музыки. Однако денежки вам все-таки подай?!.

Учитель танцев. Само собой разумеется, но я не придаю им большого значения… Мне хотелось бы, чтобы господин Журден при его богатстве был хоть несколько потолковее…

Учитель музыки. Да и мне хотелось бы; ведь только над этим мы с вами и бьемся! Но так или

иначе, он создает нам известность, другие за него будут нас расхваливать, а он за других будет нам платить...

Учитель танцев. Вот и он...

Явление второе

Те же, Журден (в халате и ночном колпаке), двое слуг.

Журден. Ну что ж, господа, за дело — раз, два, три!..

Учитель танцев. То есть как это «раз, два, три»?!.

Журден. Нуда это самое... как, бишь, оно у вас называется? Вокальный пролог, танцевальный диалог, так, что ли?..

Учитель танцев. Ага!

Учитель музыки. Мы готовы — приказывайте!

Журден. Вам пришлось подождать немного; но это оттого, что теперь я одеваюсь как знатные баре... А еще портной удружил мне: такие шелковые чулки прислал, что я насилу натянул их!

Учитель музыки. Не извольте беспокоиться!..

Журден. Так уж вы, пожалуйста, не уходите: сейчас мне принесут платье, и я хочу, чтобы вы

полюбовались мною…

Учитель танцев. Мы всецело к вашим услугам!..

Журден. Вы увидите настоящего щеголя — с головы до ног!

Учитель музыки. Мы не смеем сомневаться в этом!..

Журден. А вот я себе халат сделал!..

Учитель танцев. Прекрасный халат!..

Журден. Портной уверяет, что все знатные баре такие халаты по утрам надевают…

Учитель музыки. Идет вам как нельзя лучше!..

Журден. Человек! Эй, люди!..

Первый слуга. Что угодно-с?

Журден. Ничего… Это я так, для порядка… *(Учителям.)* А что вы скажете о моих ливреях?..

Учитель танцев. Превосходные ливреи!..

Журден *(распахивая халат, под которым оказываются узкие штаны из красного бархата и камзол из зеленого бархата)*. Глядите-ка еще, это для утренних упражнений…

Учитель музыки. Очень изящно!

Журден. Человек!..

Первый слуга. Что прикажете-с?

Журден. Другой человек!..

Второй слуга. Что прикажете-с?

Журден *(снимая халат)*. Держите! *(Учителям.)* Хорош?..

Учитель танцев. Загляденье!

Журден. Ну-ка, с чего начнем?!.

Учитель музыки. Сначала я попросил бы вас прослушать *(указывая на своего ученика)* его сочинение — серенаду, которую вы мне заказали. Это один из моих учеников — большой мастер на такие вещи...

Журден. Ладно, но зачем же вы это ученику всучили?!. Невелика работа — можно было бы и самому сделать!

Учитель музыки. Ученик ученику рознь, сударь; есть между ними такие, что никакому учителю не уступят... А за эту серенаду я вам отвечаю — прослушайте только...

Журден *(слугам)*. Дайте халат — так мне удобнее будет... Постойте, без халата, пожалуй, лучше... Нет, давайте! — в халате все-таки пристойнее...

Певица

С тех пор как приковал меня твой чудный взгляд,

Я чахну день за днем от страстного томленья...

О если у тебя к друзьям нет сожаленья,

То сколько мук врагам глаза твои сулят?..

Журден. Больно жалобно что-то — ко сну клонит… Повеселей бы что-нибудь!..

Учитель музыки. Музыка должна соответствовать словам, сударь…

Журден. Недавно меня научили прехорошенькой песенке. Постойте… Ну… Как, бишь, это?..

Учитель музыки. Право, не знаю.

Журден. Про барашка…

Учитель музыки. Про барашка?..

Журден. Да-да… А, вспомнил! *(Поет.)*

Думал я, моя милашка,

Что добрее ты барашка,

Потому что всех милей:

То-то был я дуралей!..

Хоть милашка ты, нет спора,

Но узнал я очень скоро,

Что барашек наш, ей-ей,

Тигра лютого лютей!..

Недурна песенка?!.

Учитель музыки. Прелестная!

Учитель танцев. И у вас она очень мило выходит!..

Журден. А музыке-то ведь я не учился…

Учитель музыки. Должны учиться, сударь, так же как учитесь танцам. Эти два искусства тесно связаны между собой…

Учитель танцев. И открывают нашей душе неисчерпаемый родник наслаждений…

Журден. Ну а знатные баре тоже учатся музыке?

Учитель музыки. Обязательно, сударь!

Журден. Тогда и я буду учиться… Затрудняюсь я только насчет времени: кроме учителя фехтования, который уж начал заниматься со мной, я нашел еще учителя философии; сегодня у нас первый урок…

Учитель музыки. Философия… да, конечно… Но музыка, сударь, музыка…

Учитель танцев. Музыка и танцы… Музыка и танцы — это все, что требуется…

Учитель музыки. Для государства нет ничего важнее музыки!

Учитель танцев. Для человека нет ничего нужнее танцев!

Учитель музыки. Без музыки государство не

может существовать…

Учитель танцев. Без танцев человек не знал бы, что ему делать!

Учитель музыки. Все раздоры, все войны, какие только видит мир, происходят от незнания музыки…

Учитель танцев. Все людские бедствия, все гибельные перевороты, какими полна история, все ошибки политиков, все промахи великих полководцев — все это от неуменья танцевать!..

Журден. Как так?..

Учитель музыки. Если бы все люди жили между собой в согласии, войны бы не было, — не так ли?

Журден. Так…

Учитель музыки. А если бы все люди учились музыке, разве это не заставило бы их слиться в одну семью и разве не установился бы на земле вечный мир?..

Журден. Согласен…

Учитель танцев. Теперь представьте себе, что человек совершил упущение — в семейных ли делах, в управлении ли государством, в командовании ли армией, не скажете ли вы о таком человеке, что он сделал неверный шаг?

Журден. Скажу…

Учитель танцев. А тот, кто умеет танцевать, может сделать неверный шаг, как вы думаете?..

Журден. Согласен, согласен... С обоими согласен...

Учитель танцев. Мы именно хотели показать вам, насколько танцы и музыка превосходят все остальное и насколько они вообще полезны...

Журден. Теперь вижу...

Учитель музыки. Не позволите ли нам приступить?

Журден. Да.

Учитель музыки. Я уже говорил вам о моей попытке выразить в музыке самые разнообразные чувства.

Журден. Отлично!

Учитель музыки *(певице и певцам)*. Подойдите! *(Журдену.)* Следует вообразить, что это пастухи...

Журден. Опять пастухи?!. Что они вам всем так полюбились?..

Учитель музыки. Это для правдоподобия: музыкальный разговор только и возможен в виде пасторали. Пастухи всегда пели — с тех пор как мир стоит; а как бы дико и смешно вышло, если бы вдруг запели принцы или мещане!..

Журден. Ну-ну! Послушаем!..

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

Певица и два певца.

Певица

Когда любовь над нами власть берет,
Не знаем мы покоя от забот…
Отрадны, говорят, любовные страданья;
Пусть говорят
Нам, что хотят,
Но всех счастливей мы, свободные созданья…

Первый певец

Лишь те и счастливы, кто познает любовь
И в ком она воспламеняет кровь,
Сердца одним желанием волнуя;
А без любви
Хоть не живи:
Все наши радости – в отраве поцелуя!..

Второй певец

Была бы счастьем жизнь полна,
Когда б любовь была верна:

Но горе, горе нам! Теперь и в целом свете

Пастушки верной не найдешь —

И на любовь рукой махнешь,

Чтоб только не попасть в предательские сети...

Первый певец

О пламя святое!

Певица

О дивная воля!

Второй певец

О лживое племя!

Первый певец

Ты счастье земное!

Певица

Ты чудная доля!

Второй певец

Ты адское семя!

Первый певец

Люби!.. Здесь, на земле, блаженства

нет иного…

Певица

Пастушку верную легко-легко найти…

Второй певец

Увы, не знаю где!..

Певица

Чтоб нашу честь спасти,

Тебя, мой пастушок, я полюбить готова…

Второй певец

Поручишься ли ты мне в верности своей?..

Певица

Попытка не беда… Я вижу, ты решился…

Посмотрим, кто кого полюбит горячей!

Второй певец

А кто изменит – о, тот лучше б не родился!

Все трое

Так всякое дело
Венчает конец…
Да здравствует счастье
Двух верных сердец!..

Журден. И все?!.

Учитель музыки. Все…

Журден. Ловко подобрано… и словечки попадаются забористые!

Учитель танцев. А теперь позвольте вам показать мою работу: красивейшие телодвижения и положения, какие только возможны в танцах!

Журден. И у вас пастухи?!.

Учитель танцев. Все что пожелаете! *(Танцовщикам.)* Начинайте.

БАЛЕТ

Четыре танцовщика исполняют разные па и принимают разные позы по указанию учителя.

Действие второе
Явление первое

Журден. учитель музыки, учитель танцев, первый слуга.

Журден. Вот это я люблю! Молодцы, ребята!

Учитель танцев. А танцы вместе с пением еще лучше! Это будет как раз в том маленьком балете, который мы для вас составили…

Журден. Оно и кстати… Одна особа обещала сделать мне честь откушать у меня, и я хочу доставить ей удовольствие…

Учитель танцев. Все готово!

Учитель музыки. Ах, сударь, это далеко не то что нужно: при том великолепии, какое вас окружает, и при вашей склонности ко всему прекрасному вам бы следовало устраивать у себя по средам или по четвергам концерты…

Журден. А знатные баре это делают?..

Учитель музыки. Конечно, сударь!

Журден. Что ж, можно… И хорошо это?..

Учитель музыки. Очень хорошо! Состав должен быть такой: три голоса — дискант, альт и бас, для аккомпанемента — виолончель, лютня

и клавесины, чтобы держать внизу октаву, и для ритурнелей — две скрипки…

Журден. Недурно бы еще морскую трубу запустить… Очень мне этот инструмент нравится — звуку него славный…

Учитель музыки. Позвольте уж нам по-своему распорядиться…

Журден. Певцов-то к обеду не забудьте прислать!

Учитель музыки. Будьте покойны…

Журден. А главное — насчет балета постарайтесь…

Учитель танцев. Останетесь довольны… Между прочим, покажем вам несколько менуэтов…

Журден. А… менуэт — это мой конек: поглядите, как я его танцую… Господин учитель, не угодно ли?

Учитель танцев. Потрудитесь взять шляпу, сударь…

Журден берет у слуги шляпу и надевает ее сверх колпака; учитель, взяв Журдена за руку, заставляет его танцевать под напев менуэта.

Ла-ла-ла-ла-ла-ла! ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла! ла-ла-ла-ла-ла-ла! ла-ла-ла-ла-лала! ла-ла-ла-ла-ла! В такт, пожалуйста!.. Ла-ла-ла-ла! Правая, правая!..

Ла-лала! Не болтайте головой!.. Ла-ла-ла-ла-ла! ла-ла-ла-ла-ла! Руки, руки выпячиваете! Ла-ла-ла-ла! Носки врозь! Ла-ла-ла!

Журден. Ну что?!.

Учитель музыки. Лучше и нельзя!

Журден. Кстати, научите меня, как нужно кланяться маркизе; мне это скоро потребуется…

Учитель танцев. Кланяться маркизе?

Журден. Да! Есть такая маркиза — Доримена…

Учитель танцев. Вашу руку!

Журден. Нет, вы только покажите: я увижу и запомню…

Учитель танцев. Если вы желаете, чтобы это вышло вполне почтительно, то сделайте так: поклон — и подайтесь назад, потом три поклона и с каждым поклоном вперед; а под конец — на колени…

Журден. Ну-ка для примера…

Учитель танцев показывает.

Ладно!

Явление второе

Те же, второй слуга (с двумя рапирами).

Второй слуга. Учитель фехтования, сударь…

Журден. Пусть войдет; его-то я и жду… (Учителям.) Полюбуйтесь, как я это проделываю!..

Явление третье

Те же, учитель фехтования.

Учитель фехтования *(взяв у слуги рапиры и передав одну Журдену).* Начнемте, сударь, — поклон! Корпус прямо, слегка на левое бедро! Не раздвигайте ног! Ступни в одну линию! Кисть против бедра! Острие наравне с плечом! Короче правую руку! Левую выше! Левое плечо свободней! Голову прямо! Взгляд смелей! Выпадайте! Корпус тверже! Кварт! Раз, два! Спокойнее! На месте! Раз, два! Прыжок назад! Шпагу вперед, берегите корпус! Раз, два! Тьерс! Выпадайте! Корпус тверже! Выпадайте! Так! Раз, два! Спокойнее! Сильнее! Раз, два! Прыжок назад! Защищайтесь!.. *(Наносит Журдену несколько ударов, повторяя: «Защищайтесь!»)*

Журден. Каково?..

Учитель музыки. Чудеса!

Учитель фехтования. Я уже вам говорил, что вся тайна этого искусства заключается в двух

главных приемах: наносить удары и отражать их. На прошлом уроке вы могли убедиться в том, что при уменье отклонять шпагу противника получить удар немыслимо; а для этого достаточно легкого движения кисти к себе и от себя…

Журден. Не нужно, стало быть, никакой храбрости на то, чтобы убить человека, а самому уцелеть!..

Учитель фехтования. Совершенно верно… Разве я не показал вам этого наглядно?..

Журден. Да-да!..

Учитель фехтования. Теперь для вас ясно, каким почетом должно пользоваться в государстве наше искусство и насколько оно выше других ни к чему не пригодных занятий, вроде танцев, музыки…

Учитель танцев. Потише, господин фехтовальщик! О танцах прошу так не выражаться!

Учитель музыки. Советую вам проникнуться должным уважением к музыке…

Учитель фехтования. Уж не хотите ли вы равняться со мной?.. Вот чудаки-то!

Учитель музыки. Какая важная особа, подумаешь!

Учитель танцев. Петух индейский в нагруднике!..

Учитель фехтования. Ой, смотрите, господин плясунчик, не заплясать бы вам под мою дудку! А вы, господин певунчик, пожалуй — так запоете, как отродясь не певали!

Учитель танцев. Ну-ну, шпагой-то пырнуть и я сумею лучше вашего еще, пожалуй!

Журден *(учителю танцев)*. Ошалели вы!.. Не видели разве, как он тьерсами и квартами жарит, и не слыхали, что ему ничего не стоит наглядно убить человека?!.

Учитель танцев. Эка невидаль! Плевать мне на его тьерсы и кварты!

Журден *(учителю танцев)*. Тише, говорят вам...

Учитель фехтования *(учителю танцев)*. Повтори-ка, повтори, пигалица!

Журден *(учителю фехтования)*. Оставьте, господин учитель!

Учитель танцев *(учителю фехтования)*. Что, что, битюг толстоногий?!.

Журден *(учителю танцев)*. Оставьте, господин учитель!

Учитель фехтования. Если я наскочу на тебя...

Журден *(учителю фехтования)*. Легче, легче!

Учитель танцев. Если я возьмусь за тебя...

Журден *(учителю танцев)*. Не так горячо!

Учитель фехтования. Света не взвидишь!

Журден *(учителю фехтования)*. Пожалуйста!..

Учитель танцев. Ох, что будет!

Журден *(учителю танцев)*. Прошу вас!..

Учитель музыки. А вот мы его как следует проучим!..

Журден *(учителю музыки)*. Вы-то хоть, ради бога…

Явление четвертое

Те же, учитель философии.

Журден. Ах, господин философ, как вы кстати подоспели с вашей философией! Будьте добры, уймите этих господ!

Учитель философии. Что такое?! В чем дело?..

Журден. Разъярились и переругались из-за того, чье занятие лучше, — и вот уж драться готовы…

Учитель философии. Господа, господа, возможно ли терять самообладание до такой степени?!. Разве вы не читали рассуждения Сенеки «О гневе»? Что может быть постыднее и позорнее этой страсти, превращающей человека в дикого зверя! И не должен ли разум управлять всеми нашими

движениями?!.

Учитель танцев. Вы не слыхали, сударь, как презрительно и оскорбительно отзывался он о танцах, которым я учу, и о музыке, которую преподает мой товарищ…

Учитель философии. Разумный человек выше всяких оскорблений; ответ на них один: спокойствие и терпение…

Учитель фехтования. Они себя со мной равнять вздумали!

Учитель философии. И это вас взволновало?!. Не в суетной славе и не в пустой кличке надлежит людям соревноваться между собою, а в мудрости и в добродетели…

Учитель танцев. Я доказываю, что танцы — такая наука, к которой нельзя относиться иначе как с полным уважением…

Учитель музыки. Я, с своей стороны, утверждаю, что человечество во все времена благоговело перед музыкой…

Учитель фехтования. А я стою на том, что фехтование — всем наукам наука!

Учитель философии. Чем же будет тогда философия?.. Нет, какова наглость — так важничать передо мной и называть наукой такие занятия, которые даже искусством назвать нельзя?!.. И

кто же дерзает на это? Жалкие ремесленники, бродяги, скоморохи, шуты гороховые!..

Учитель фехтования. Ах ты мразь философская!

Учитель музыки. Ах ты буквоед протухлый!

Учитель танцев. Ах ты гуща чернильная!

Учитель философии. Смеете вы, бездельники… *(Бросается на них; они его бьют.)*

Журден. Господин философ!

Учитель философии. Подлецы! Мошенники! Прохвосты!

Журден. Господин философ!

Учитель фехтования. Болячка поганая!

Журден. Господа!

Учитель философии. Нечестивцы!

Журден. Господин философ!

Учитель танцев. Неуч проклятый!

Журден. Господа!

Учитель философии. Изверги!

Журден. Господин философ!

Учитель музыки. К черту нахала!

Учитель философии. Мерзавцы! Негодяи! Прощелыги! Разбойники!

Журден. Господин философ! Господа! Господин философ! Господа! Господин философ!..

Все четверо уходят, продолжая драться.

Явление пятое

Журден, слуга.

Журден. Так-то вот лучше — жарьте вовсю; а меня это не касается, да и платье на мне новое… Не дурак я тоже, чтобы сунуться разнимать их: и не оглянешься, как самому влетит!..

Явление шестое

Те же, учитель философии.

Учитель философии *(поправляя воротник)*. Теперь за урок…

Журден. Ах, сударь, мне очень прискорбно, что над вами такая беда стряслась!..

Учитель философии. Сущий вздор! Философ должен относиться к вещам просто… Я напишу на них сатиру в ювеналовском роде, и тогда они почувствуют мою силу… Оставим это… Чему вы желаете учиться?

Журден. Хорошо бы всему понемножку! Очень уж большая охота у меня сделаться ученым — и так мне досадно на моих родителей, что они во-

время не обучали меня как следует…

Учитель философии. Прекрасное рассуждение: «Nam, sine doctrina, visa est quasi mortis imago». Понятно это вам? По-латыни вы знаете, конечно?..

Журден. Да, но вы со мной разговаривайте так, как будто я ничего не знаю… Переведите-ка то, что вы сказали…

Учитель философии. Я сказал: «Без науки жизнь почти подобна смерти».

Журден. Латынь-то не дура, оказывается!..

Учитель философии. Получили ли вы вообще хоть какое-нибудь образование, хоть начальное?..

Журден. Ну еще бы! Я умею читать и писать…

Учитель философии. К чему вам теперь угодно перейти? Не желаете ли учиться логике?

Журден. Что это — логика?..

Учитель философии. Она учит нас трем процессам мышления.

Журден. А это что? Какие такие три процесса мышления?

Учитель философии. Первый, второй и третий. Посредством первого мы исходим из общих свойств и приходим к правильному понятию, посредством второго — исходим из категорий и приходим к правильному суждению; посред-

ством третьего — исходим из посылок и приходим к правильному силлогизму: Barbara, celarent, Darii, feris, baralipton — и так далее…

Журден. Фу, даже слушать противно! Нет, не нравится мне ваша логика… Позанятнее бы что-нибудь!

Учитель философии. Возьмем нравственную философию…

Журден. Нравственную философию?..

Учитель философии. Да.

Журден. О чем же она толкует, эта нравственная философия?

Учитель философии. Она толкует о счастье: учит, как сдерживать себя, укрощать страсти…

Журден. Нет! нет! — не подходит… Уж если я рассержусь, так меня никакая нравственная философия не сдержит: в гневе я злее всякого черта, и, пока не отведу душу, никто не подвертывайся!

Учитель философии. Физику не хотите ли?

Журден. А что в ней, в вашей физике?.. О чем речь?..

Учитель философии. О многом… Во-первых — о законах природы и о свойствах тел; во-вторых — о сущности стихий, минералов, растений и животных; в-третьих — о происхождении всякого рода небесных и воздушных явлений: радуги,

падающих звезд, комет, молнии, грома, дождя, снега, града, ветра, вихрей…

Журден. Да уж слишком много: голова закружится!..

Учитель философии. Чему же мне вас учить в таком случае?..

Журден. Учите меня правописанию…

Учитель философии. С удовольствием!

Журден. А потом еще мне хотелось бы научиться, как узнавать по календарю, когда бывает луна на небе, когда не бывает…

Учитель философии. Можно и это. Чтобы изучить предмет последовательно и философски, мы прежде всего должны точно определить свойства букв и различные способы их произношения. Начнем с того, что буквы делятся на гласные, названные так потому, что они означают звук нашего голоса, и на согласные, названные так потому, что они произносятся не иначе как вместе с гласными, и означают лишь различные изменения голосовых звуков. Основных гласных пять: А, Е, И, О, У.

Журден. Все понятно!

Учитель философии. Чтобы произнести звук А, нужно глубоко раскрыть рот: А…

Журден. А, А… Верно!

Учитель философии. Чтобы произнести звук Е, нужно придвинуть нижнюю челюсть к верхней: А, Е.

Журден. А, Е… А, Е… Так, так… Ах, чтоб тебя, вот ловко-то!

Учитель философии. Для произнесения звука И нужно еще больше сдвинуть челюсти, а углы рта раздвинуть к ушам: А, Е, И.

Журден. А… Е… И, И, И, И… И тут без ошибки! Айда наука!

Учитель философии. Чтобы произнести звук О, нужно раздвинуть челюсти и сдвинуть губы углами: О…

Журден. О, О… Вернее верного! А, Е, И, О; И, О… Диво, да и только! И, О; И, О…

Учитель философии. При этом отверстие рта принимает вид кружка — точь-в-точь О…

Журден. О, О, О… Правда! О… Ах, как хорошо, когда узнаёшь что-нибудь!

Учитель философии. Чтобы произнести звук У, нужно сблизить зубы, но не совсем и вытянуть губы вперед, тоже сблизив их, но опять-таки не совсем: У…

Журден. У, У… Как в аптеке! У…

Учитель философии. Губы вытягиваются так, как будто вы дразните кого-нибудь; поэтому,

если вам действительно захочется сделать это, то скажите только: У!..

Журден. У, У!.. Верно! Ах, все это я мог бы знать раньше, если б вовремя учился!

Учитель философии. Завтра мы перейдем к другим буквам — согласным.

Журден. Так же занятно будет, как и сегодня?

Учитель философии. Конечно! Например, согласная Д произносится посредством прикосновения кончика языка к верхним зубам: ДА...

Журден. ДА, ДА... Так... Славно, ей-ей славно!

Учитель философии. Для произнесения Ф верхние зубы опускаются на нижнюю губу: ФА...

Журден. ФА, ФА... Точнехонько! Ах, батюшка и матушка, пожелал бы я вам на том свете...

Учитель философии. Р произносится посредством поднятия кончика языка к небу; от напора воздуха, который мы выдыхаем, он колышется и как бы дрожит: Рр, РА...

Журден. Рр, Рр, РА; Рр, Рр, Рр, Рр, Рр, РА... Верно! Чудодей вы этакий! Эх, сколько я времени потерял!.. Рр, Рр, Рр, РА...

Учитель философии. Я вам все объясню до мельчайших подробностей...

Журден. Будьте благодетелем! Ну а напоследок я вам кое в чем признаюсь... Влюблен я в одну

знатную особу и надумал подбросить ей под ноги записочку; так вот, если бы вы написали мне…

Учитель философии. Извольте!

Журден. Ведь это по-светски будет, а?..

Учитель философии. Вполне… Как же вы хотите, стихами?

Журден. Нет-нет, зачем стихами?!.

Учитель философии. Стало быть, прозой?!.

Журден. Нет, ни стихами, ни прозой…

Учитель философии. Иначе нельзя!

Журден. Почему нельзя?

Учитель философии. По очень простой причине, сударь, — выражаться можно только двумя способами — или прозой, или стихами.

Журден. Только?!. Или прозой, или стихами?..

Учитель философии. Да, сударь. Все, что не проза, то стихи, а все, что не стихи, то проза…

Журден. Ну вот мы с вами говорим — это что такое?

Учитель философии. Проза.

Журден. Как?!. Когда я говорю: «Николь, принеси мне туфли и подай ночной колпак», — это проза?

Учитель философии. Да, сударь.

Журден. Скажите на милость! Сорок с лишком лет говорю прозой — и невдомек! Не знаю уж,

право, как вас и благодарить за то, что объяснили мне это! Видите ли, я хотел бы написать так: «Прекрасная маркиза, ваши прекрасные глаза заставляют меня умирать от любви»; но иначе бы как-нибудь — получше, понежнее…

Учитель философии. Напишите, что огонь ее глаз превращает ваше сердце в пепел, что из-за нее вы терпите и день и ночь такие муки, каких…

Журден. Нет-нет, нет! Я хочу только это… Только то, что я вам сказал: «Прекрасная маркиза, ваши прекрасные глаза заставляют меня умирать от любви».

Учитель философии. По-моему, это должно быть выражено несколько пространнее…

Журден. Да нет же, говорю вам; я хочу, чтобы в записочке были именно эти слова, и больше никаких, но так надо обернуть, чтобы вышло по-модному, как следует… Скажите мне это самое и так и этак — на разные лады, а я послушаю.

Учитель философии. Прежде всего как у вас: «Прекрасная маркиза, ваши прекрасные глаза заставляют меня умирать от любви»; или так: «От любви умирать меня заставляют, прекрасная маркиза, ваши прекрасные глаза»; или так: «Ваши прекрасные глаза от любви меня застав-

ляют, прекрасная маркиза, умирать»; или так: «Умирать ваши прекрасные глаза, прекрасная маркиза, от любви меня заставляют»; или так: «Меня заставляют ваши прекрасные глаза умирать, прекрасная маркиза, от любви».

Журден. Как же всего лучше будет?

Учитель философии. Так, как вы сказали: «Прекрасная маркиза, ваши прекрасные глаза заставляют меня умирать от любви».

Журден. Вишь ты, сразу вышло, а ведь никто никогда не учил меня! Несказанно вам благодарен!.. До завтра, значит — пораньше?..

Учитель философии. Не премину… *(Уходит.)*

Явление седьмое

Журден, слуга.

Журден *(слуге)*. Что ж платье? Неужто не принесли до сих пор?!

Слуга. Нет еще, сударь…

Журден. Проклятый портной! Заставляет дожидаться, когда у меня столько дела! Как тут из себя не выйти! Чтоб его, этого кровопийцу портного, лихорадка целую неделю трепала, чтоб его, этого портного, черт побрал, чтоб его,

этого портного, чума задавила! Подайте мне его сюда, этого негодяя портного! Я его, собаку, я его, мерзавца, я его…

Явление восьмое

Те же, портной, его ученик (с платьем Журдена).

Журден. А, наконец-то! Я уже начинал сердиться на вас!..

Портной. Раньше никак не мог; двадцать человек, не отрываясь, работали!..

Журден. Вы прислали мне такие узкие чулки, что со мной чуть удар не сделался, как я стал натягивать их; и две петли уж лопнули…

Портной. Скоро разносятся…

Журден. Да, когда все петли перелопаются! Башмаки тоже невыносимо жмут…

Портной. Ой нет, сударь!

Журден. Что «нет»?..

Портной. Башмаки не жмут…

Журден. А я вам говорю, что жмут!

Портной. Это вам кажется…

Журден. Еще бы не казалось, когда я ступить не могу, да мне разве легче от этого?..

Портной. Не угодно ли взглянуть на платье?!. Хоть во дворец; и цвета на диво подобраны!.. Обратите внимание, какой у него приличный и степенный вид, а ведь не черное: это, я вам скажу, задача!.. Самому знаменитому портному закажите — и тот лучше не сошьет, головой ручаюсь!..

Журден. Что это? Что это?.. У вас цветочками вниз вышло!

Портной. Вы не предупредили меня о том, что должно быть цветочками вверх.

Журден. Да разве об этом нужно предупреждать?

Портной. Непременно! Весь большой свет так носит…

Журден. Знатные баре носят цветочками вниз?

Портной. Да, сударь…

Журден. Так бы вы раньше и сказали…

Портной. Если желаете, я переставлю.

Журден. Нет! нет!

Портной. Только прикажите…

Журден. Говорю вам — нет! Так отлично! А к лицу оно мне будет, как вы полагаете?..

Портной. И вы еще спрашиваете! Картина будет, одно слово… У меня есть подмастерье: так штаны прилаживает, как никто в мире; а другой

по части жилетов собаку съел, тоже всякому нос утрет…

Журден. А парик и перья как следует?..

Портной. Все на подбор!

Журден *(вглядываясь в портного).* Э, господин портной! Платье-то на вас из той же материи, из которой вы мне в последний раз шили… Она и есть!

Портной. Да уж так мне ваша материя понравилась, что я соблазнился — сшил из нее и для себя…

Журден. Сшить — отчего не сшить, только из моей-то зачем же?..

Портной. Желаете надеть платье?..

Журден. Да-давайте…

Портной. Позвольте, так не годится! Я привел людей, чтобы одеть вас по этикету и церемониалу: парадное платье иначе не надевается… Эй, вы, войдите!

Явление девятое

Те же, ученики портного (танцующие).

Портной *(ученикам).* Оденьте этого господина так, как вы одеваете знатных особ!

Первый выход балета

Четверо учеников портного, танцуя, приближаются к Журдену. Двое стаскивают с него штаны, надетые им для упражнений, другие двое снимают камзол; затем, продолжая танцевать, одевают его в новое платье. Тот расхаживает между ними, показывая им обновку и как бы спрашивая, хороша ли она.

Ученик портного. Пожалуйте нам, барин, что-нибудь выпить за ваше здоровье…

Журден. Как ты назвал меня?..

Ученик. Барином.

Журден. Барином! Вот что значит платье: хамом одеваться — так и не жди, чтобы тебя барином назвали… (*Дает ученику денег.)* Получай от барина!

Ученик. Покорнейше благодарим, ваше сиятельство!

Журден. Ваше сиятельство! Ого! Ваше сиятельство! Погоди, братец, сиятельство чего-нибудь стоит; это не простое слово — сиятельство… Получай от его сиятельства!

Ученик. То-то мы, ваше сиятельство, выпьем за вашу светлость…

Журден. Ваша светлость! Ого-го-го! Стойте, не

уходите! Я — ваша светлость!.. *(В сторону.)* А ну как он еще накинет?.. Весь кошелек отдам, ей-же-ей! *(Громко.)* Получай от его светлости...

Ученик. Не знаем, как и благодарить ваше сиятельство за ваши милости! *(Уходит.)*

Журден. Хорошо, что ушел, а то бы я все выложил...

Явление десятое

Те же, без ученика портного.

Второй выход балета

Четверо учеников портного, танцуя, радуются щедрости Журдена.

Действие третье
Явление первое

Журден, двое слуг.

Журден. Ступайте за мной! Я хочу пройтись по городу в новом платье. Ни на шаг от меня не отставать, слышите?!. Вы при мне, чтобы это все видели!..

Слуга. Слушаем, сударь…

Журден. Позовите Николь — мне нужно кое-что приказать ей! Стойте, она сама идет…

Явление второе

Те же, Николь.

Журден. Николь!

Николь. Что угодно?

Журден. Слушай!

Николь *(смеясь)*. Хи-хи-хи-хи-хи!

Журден. Чему ты смеешься?

Николь. Хи-хи-хи-хи-хи-хи!

Журден. Что с тобой, дура?!.

Николь. Хи-хи-хи! Ай да мужчина! Хи-хи-хи!

Журден. Что такое?

Николь. Ах… ах господи! Хи-хи-хи!

Журден. Вот негодница-то! Надо мной ты смеешься, что ли?

Николь. Ой нет, сударь! Разве я посмела бы! Хи-хи-хи-хи-хи!

Журден. Я покажу тебе, как смеяться, если будешь продолжать!..

Николь. Не могу удержаться, сударь… Хи-хи-хи-хи-хи-хи!

Журден. Перестанешь ты?..

Николь. Простите, сударь, но на вас без смеха смотреть нельзя! Хи-хи-хи!

Журден. Видали вы такую наглость?!.

Николь. Вот умора-то! Хи-хи!

Журден. Да я тебя…

Николь. Не гневайтесь, прошу вас… Хи-хи-хи-хи!

Журден. Слушай! Если ты хоть чуточку засмеешься, я закачу тебе такую оплеуху, какая тебе и во сне не снилась!

Николь. Готово, сударь… — больше не смеюсь…

Журден. Ну смотри! Как можно скорее прибрать…

Николь. Хи-хи!

Журден. И хорошенько прибрать…

Николь. Хи-хи!

Журден. Прибрать, говорю, а потом…

Николь. Хи-хи!

Журден. Опять?..

Николь *(падая от смеха).* Нет, сударь, уж лучше ударьте меня, а я должна насмеяться досыта — сил моих нет! Хи-хи-хи-хи!

Журден. Выведешь ты меня из терпения!..

Николь. Пожалуйста, сударь, прошу вас — дайте мне высмеяться… Хи-хи-хи!

Журден. Как примусь я за тебя…

Николь. Лопну, сударь, ей-ей лопну, если не высмеюсь! Хи-хи-хи!

Журден. Дрянная девчонка! Я ей приказываю, а она мне пренахально в глаза смеется!..

Николь. Что я должна сделать, сударь?..

Журден. Должна позаботиться о том, чтобы везде прибрано было: я ожидаю гостей…

Николь *(вставая).* Ну вот теперь мне и вправду не до смеха… Ваши гости всегда такого беспорядка в доме наделают, что я, как только услышу о них, готова на стену лезть!

Журден. Не прикажешь ли мне из-за этого дверь на замке держать для всех моих знакомых?!

Николь. Для некоторых не мешало бы…

Явление третье

Те же, г-жа Журден.

Г-жа Журден. А… еще новость! Что это ты напялил на себя, муженек любезный? В шуты гороховые записался, что ли? На посмешку людям вырядиться вздумал?..

Журден. Не людям, женушка любезная, а только дуракам да дурам…

Г-жа Журден. Будто?! А я тебе скажу: не первый это случай, давно уж все над тобой смеются!

Журден. Кто это «все», желал бы я знать?!.

Г-жа Журден. Все, в ком хоть сколько-нибудь здравого смысла есть, кто умней тебя… Какую ты жизнь ведешь — одна срамота! Что с нашим домом сталось?! Точно заговенье у нас каждый день: с утра до ночи вой стоит от скрипок да от пения — все соседи жалуются…

Николь. А ведь это верно, сударь… При такой толчее может ли быть чистота в доме? Одной грязи что нанесут со всего-то города! После ваших прекрасных учителей каждый раз приходится полы мыть; бедная Франциска из сил выбилась…

Журден. Попридержи язык, деревенщина!

Г-жа Журден. Она правду говорит: ума-то у нее больше, чем у тебя… Хотела бы я знать, какой тебе прок в учителе танцев на старости лет?!

Николь. Или в этой дылде, что на шпагах дерется? Примется топать — дом дрожит; весь пол изрыл в зале ножищами своими…

Журден. Молчать! Обе молчать — и служанка, и жена!

Г-жа Журден. Или ты хочешь учиться танцам, пока ноги совсем не отнимутся?..

Журден. Молчать, говорят вам! Вы невежды, не понимаете, как все это важно!

Г-жа Журден. Подумал бы ты лучше о том, что у тебя дочка на возрасте, — пора и замуж выдавать…

Журден. И о дочке подумаю, когда ей представится партия; а теперь я должен думать о себе — приобрести полезные знания!

Николь. Я слышала, сударыня, что сегодня тут еще новый учитель объявился — философии; мало их было, видите ли…

Журден. Да-да!.. Я хочу поумнеть, чтобы не ударить в грязь лицом, когда придется с порядочными людьми разговаривать…

Г-жа Журден. Сходил бы ты уж, кстати, в шко-

лу, — пускай бы тебя там на старости лет розгами угостили…

Журден. Что ж, я от розог не прочь, хоть при всем честном народе, лишь бы знать все то, чему там учат!

Николь. А пожалуй, это бы вам хорошо было — помолодели бы сразу!

Журден. Еще бы!

Г-жа Журден. Очень все это нужно для того, чтобы вести хозяйство как следует!..

Журден. Непременно! Обе вы дуры — и больше ничего; я краснею за ваше невежество… Вот, например, г-жа Журден, знаешь, знаешь ли ты, что ты сейчас говоришь?

Г-жа Журден. Как не знать! Я знаю, что говорю дело и что пора тебе образумиться!

Журден. Я не об этом! Я спрашиваю, какие это слова, что ты говоришь?

Г-жа Журден. Слова настоящие, умные; а поведение твое — как раз наоборот…

Журден. Да не об этом я, пойми ты, наконец! Я спрашиваю тебя о том, что мы говорим; ну, вот я теперь говорю — что это такое?..

Г-жа Журден. Глупости…

Журден. Эх, все невпопад! То, что мы оба говорим?.. Речь наша сейчас, теперь?..

Г-жа Журден. Ну?..

Журден. Как это называется?..

Г-жа Журден. Почем я знаю!

Журден. Это проза, невежда!..

Г-жа Журден. Проза?

Журден. Да, проза… Все, что проза, то не стихи, а все, что не стихи, то проза… Хорошо быть ученым?!. *(Николь.)* Ну а ты знаешь, что нужно сделать, чтобы сказать: У?

Николь. Как?!

Журден. Что ты делаешь, когда говоришь: У?

Николь. Чего?..

Журден. «Чего»! Скажи: У.

Николь. Ну, У…

Журден. Что ты делаешь?

Николь. Говорю: У.

Журден. Так; но когда ты говоришь У, что ты делаешь?

Николь. Делаю то, что вы говорите…

Журден. Ох, беда связаться с дурами!.. Ты вытягиваешь губу вперед и приближаешь верхнюю челюсть к нижней… У… — видишь? Я как будто дразню тебя: У…

Николь. Вот так славно!

Г-жа Журден. Удивительно!

Журден. А если нужно сказать О, так уж это

по-другому. Или, например: ДА, ДА; ФА, ФА…

Г-жа Журден. Что за чепуха такая?!

Николь. Кому какая польза от этого?

Журден. Нет! Не могу я спокойно с глупыми бабами разговаривать!..

Г-жа Журден. Прогони-ка лучше всю эту шайку, пока у тебя совсем ум за разум не зашел!

Николь. А особенно эту каланчу, драгуна этого: напылит каждый раз, так что не продохнуть никому!

Журден. Неужели?.. Этот господин, я вижу, задел тебя за живое… Постой же, я покажу тебе сейчас всю твою необразованность… *(Приносит рапиры и одну из них дает Николь.)* Держи! Первое правило: корпус прямо. Когда колешь квартом — делай так, а когда колешь тьерсом — делай так; и уж не убьют тебя, будь спокойна… Дерешься с кем-нибудь и знаешь, что нет тебе смерти: каково это?! Ну коли меня для примера…

Николь. Эка хитрость, подумаешь! *(Наносит ему несколько ударов.)*

Журден. Стой! Стой! Тише! Ух!.. Провались ты к черту, негодная!..

Николь. Сказали: коли меня — я и колю…

Журден. Так тьерсом же сначала, а не квартом и не сразу: сделала удар — подожди, пока я от-

ражу его…

Г-жа Журден. Рехнулся, муженек любезный; теперь уж ясно, что рехнулся! И это с тех пор, как стал водиться со знатью…

Журден. Что я вожусь со знатью — это только доказывает мою рассудительность: лучше возиться с барами, чем с каким-нибудь хамьем!

Г-жа Журден. Оно и видно… Много проку тебе от этих бар, что и говорить! Один этот милый граф твой чего стоит!

Журден. Молчи! Не болтай зря! Ты вот говоришь о нем, а не знаешь, о ком говоришь, знаешь ли ты это? Тебе и невдомек, какая это важная особа: он во дворце как дома и с королем разговаривает как я с тобой… Не лестно мне разве, что такая особа запросто бывает у меня, называет меня своим другом любезным и обходится со мной будто с ровней — да так, что все это видят и слышат?.. Сколько он мне добра сделал, поверить трудно! И уж так-то ласков со мной при людях, что мне каждый раз даже совестно становится…

Г-жа Журден. Так, так… А зачем он у тебя деньги таскает?

Журден. Что ж такое?! Разве для меня не честь, что я одолжаю такого знатного барина? Он меня другом любезным называет, а я в такой малости

откажу ему?!.

Г-жа Журден. Да что он для тебя сделал, барин-то этот?..

Журден. То он для меня сделал, что, скажи я тебе только, ты рот разинешь!

Г-жа Журден. Ну?

Журден. Шабаш! Много будешь знать — скоро состаришься! Довольно того, что если он мне должен, так и отдаст при первой возможности…

Г-жа Журден. Дожидайся!

Журден. И дождусь! Ведь он же мне сказал…

Г-жа Журден. Сказать-то все можно!

Журден. Честное, говорит, слово благородного человека…

Г-жа Журден. Знаем мы эти слова!

Журден. Неужели?.. И упряма же ты, как я на тебя погляжу! Говорю тебе, что он сдержит слово: я уверен в этом…

Г-жа Журден. А я уверена, что не сдержит и всеми этими любезностями он только улещает тебя…

Журден. Молчи!., это он…

Г-жа Журден. Вот еще не было печали! Опять небось за деньгами… Видеть не могу эту рожу противную!

Журден. Молчи, говорят!..

Явление четвертое

Те же, Дорант.

Дорант. Здравствуйте, господин Журден! Как поживаете, любезный друг?

Журден. Очень хорошо, сударь; весь к вашим услугам…

Дорант. А здоровье госпожи Журден?

Г-жа Журден. Жива еще госпожа Журден, что дальше будет?..

Дорант. О, господин Журден, да вы не на шутку щеголять начинаете!

Журден. Как видите…

Дорант. Удивительно сидит на вас это платье: таких молодцов и у нас при дворе, пожалуй, не найдется!

Журден. Хе-хе!

Г-жа Журден *(в сторону).* Ловко подъезжает!..

Дорант. Повернитесь-ка! Очень, очень хорошо!

Г-жа Журден. Чучело гороховое — и спереди и сзади!..

Дорант. Я соскучился по вас, господин Журден, честное слово… К вам я питаю такое уважение, как ни к кому из моих знакомых; еще сегодня

утром я говорил о вас на приеме у короля…

Журден. Слишком много чести, сударь… *(Г-же Журден.)* На приеме у короля!

Дорант. Что это вы?!. Наденьте шляпу…

Журден. Я умею уважать людей, сударь…

Дорант. Наденьте, наденьте! Без всяких чинов со мной, пожалуйста…

Журден. Сударь…

Дорант. Исполните мою просьбу, господин Журден; не забывайте, что вы мой друг!

Журден. Я ваш слуга, сударь…

Дорант. Вы хотите, чтобы и я без шляпы остался?

Журден *(надевая шляпу)*. Нет, уж лучше я останусь невежей, чем вы без шляпы…

Дорант. Я ваш должник, как вам небезызвестно…

Г-жа Журден *(в сторону)*. Очень даже хорошо известно!

Дорант. Вы так часто ссужали меня деньгами, и притом с такой готовностью, с такой любезностью, что просто удивляться надо…

Журден. Вы шутите, сударь…

Дорант. Но я умею возвращать долги и быть благодарным за те одолжения, какие мне делают…

Журден. Могу ли я в этом сомневаться, сударь!..

Дорант. Мне хочется расплатиться с вами; я для того и пришел, чтобы свести наши счеты.

Журден *(тихо г-же Журден)*. Ну?!. Видишь теперь свою глупость?..

Дорант. Люблю кончать эти дела при первой возможности...

Журден *(тихо г — же Журден)*. Говорил я тебе!..

Дорант. Итак, много ли я вам должен?

Журден *(тихо г-же Журден)*. Что? Стыдно небось?..

Дорант. Вы хорошо помните, сколько давали мне?

Журден. Думается, что помню... У меня есть записочка. Вот... Сначала дано вам двести луидоров...

Дорант. Верно.

Журден. Потом сто двадцать...

Дорант. Да.

Журден. Потом сто сорок...

Дорант. Да-да.

Журден. Итого четыреста луидоров, или пять тысяч шестьдесят ливров.

Дорант. Совершенно верно! Пять тысяч шесть-

десят ливров…

Журден. Тысяча восемьсот тридцать два ливра вашему племяннику…

Дорант. Так.

Журден. Две тысячи семьсот восемьдесят ливров вашему портному…

Дорант. Так, так.

Журден. Четыре тысячи триста семьдесят ливров двенадцать су восемь денье вашему поставщику.

Дорант. Прекрасно! Двенадцать су восемь денье… Без ошибки!

Журден. Наконец, тысяча семьсот сорок восемь ливров семь су четыре денье вашему седельнику…

Дорант. Отлично! Всего?..

Журден. Всего пятнадцать тысяч восемьсот ливров.

Дорант. Превосходно! Пятнадцать тысяч восемьсот ливров — ни больше ни меньше… А если прибавить двести ливров, которые я у вас сейчас возьму, то выйдет ровно восемнадцать тысяч франков: я вам уплачу их сразу, как только буду при деньгах…

Г-жа Журден *(тихо Журдену).* Что?!. Не угадала я?..

Журден *(тихо г-же Журден)*. Молчи!

Дорант. Может быть, это затрудняет вас?

Журден. О нет!

Г-жа Журден *(тихо Журдену)*. Дойная корова ты ему, больше ничего!

Журден *(тихо г-же Журден)*. Молчи же!

Дорант. Если это вас затрудняет, я обращусь к другим…

Журден. Нет, сударь.

Г-жа Журден *(тихо Журдену)*. Он не удовольствуется, пока не обдерет тебя как липку!

Журден *(тихо г-же Журден)*. Молчи, говорю!

Дорант. Пожалуйста, не стесняйтесь, скажите прямо, если это для вас неудобно…

Журден. Нисколько, сударь…

Г-жа Журден *(тихо Журдену)*. Так в карман и лезет!

Журден *(тихо г-же Журден)*. Замолчи же!

Г-жа Журден *(тихо Журдену)*. Все у тебя высосет — до последнего су!

Журден (тихо г-же Журден). Замолчишь, ты!..

Дорант. У меня знакомых достаточно, любой из них ссудит меня охотно; но вы мой лучший друг и, пожалуй, сочли бы себя обиженным, если бы я обошел вас…

Журден. Вы делаете мне слишком много чести,

сударь… Я сейчас принесу…

Г-жа Журден *(тихо Журдену).* Как?! Ты еще дашь ему?..

Журден *(тихо г-же Журден).* Что ж поделаешь? Не могу же я отказать человеку с таким положением, да еще после того, как он говорил обо мне на приеме у короля…

Г-жа Журден *(тихо Журдену).* Олух ты, олух!..

Журден уходит.

Явление пятое

Те же, без Журдена.

Дорант. Вы очень расстроены, сдается мне… Что с вами, госпожа Журден?

Г-жа Журден. Голова у меня, того гляди, лопнет… Как еще до сих пор цела, удивляюсь…

Дорант. А почему я не вижу вашей прелестной дочери? Где она?..

Г-жа Журден. Моя прелестная дочь на своем месте…

Дорант. Как она живет?

Г-жа Журден. Живет — хлеб жует…

Дорант. На днях во дворце будет спектакль — балет и комедия: не пожалуете ли вы с вашей

дочерью?..

Г-жа Журден. Только нам и заботы теперь — зубы скалить! Только и заботы!..

Дорант. Я думаю, госпожа Журден, что в молодости у вас было немало поклонников, — наверно, вы привлекали их и красотой и общительностью…

Г-жа Журден. А теперь госпожа Журден — старая карга, — так, что ли, сударь? И у нее уж голова на плечах не держится, да?..

Дорант. О госпожа Журден! Будьте великодушны, простите!.. Мне и в голову не пришло, что вы еще молоды; я так рассеян! Не взыщите за грубость, умоляю вас!

Явление шестое

Те же, Журден.

Журден *(Доранту).* Двести луидоров считаных…

Дорант. Верьте мне, господин Журден, что я весь ваш… Я живу теперь одним желанием — как-нибудь услужить вам при дворе…

Журден. Премного вам обязан!

Дорант. Если госпожа Журден пожелает быть

на королевском спектакле, я достану для нее лучшие места.

Г-жа Журден. Госпожа Журден низко вам кланяется…

Дорант *(тихо Журдену).* Наша прелестная маркиза, как я уже писал вам, не замедлит приехать к вам пообедать и посмотреть балет; кроме того, я убедил ее принять от вас подарок, о котором вы мне говорили…

Журден. На всякий случай отойдемте подальше!..

Дорант. Я не видел вас целую неделю — и вы ничего не знаете об алмазе, который я должен был передать ей от вашего имени. Трудную задачу вы мне задали, могу сказать: только сегодня она уступила моим просьбам и согласилась наконец оставить алмаз у себя…

Журден. А понравился он ей?..

Дорант. Еще бы не понравиться! Или я ничего не понимаю, или этот чудесный камень окажется наилучшим ходатаем за вас…

Журден. Дал бы Бог!

Г-жа Журден *(тихо Николь).* Как прилип-то! Не оторвешь!..

Дорант. Я обратил ее внимание и на ценность вашего подарка, и на силу вашей любви…

Журден. Ваша доброта, сударь, просто удручает меня; мне совестно подумать, что такая знатная особа удостаивает меня своей заботливостью…

Дорант. Бросьте это! Что за счеты между друзьями? Разве вы не сделали бы того же самого для меня, если бы представился случай?..

Журден. О, конечно! От всего сердца!

Г-жа Журден *(тихо Николь).* Сил моих не хватает видеть его!

Дорант. Я, по крайней мере, для того чтобы услужить другу, готов на все… Когда вы мне признались, что влюблены в эту милую маркизу, на которую у меня у самого были виды, я тотчас же предложил вам свое посредничество, — не правда ли?

Журден. Сущая правда! Я и говорю, что мне совестно…

Г-жа Журден *(тихо Николь).* Уйдет он когда-нибудь?!.

Николь. Их теперь водой не разлить!

Дорант. Вы очень ловко затронули ее сердце… Женщины больше всего любят, чтобы на них тратились: беспрестанные серенады, ежедневные букеты, великолепный фейерверк на воде, один подарок, другой подарок — все это говорит о вашей любви гораздо красноречивее, чем могли

бы сказать вы сами…

Журден. Только бы мне заслужить ее любовь, а для этого я никаких денег не пожалею… Что может быть прелестнее знатной барыни?!. И если она полюбит, так ведь этакому счастью цены нет!..

Г-жа Журден *(тихо Николь)*. О чем они там все шушукаются? Поди послушай!

Дорант. Скоро вы увидите ее — тогда любуйтесь, наслаждайтесь вволю…

Журден. Для того чтобы нам быть совсем на свободе, я отсылаю жену обедать к моей сестре до позднего вечера…

Дорант. Благоразумно: ваша супруга могла бы стеснить нас… Я от вашего имени отдал нужные приказания повару и распорядился всем, что необходимо для балета… Это моя выдумка, и, если только она будет исполнена как следует, я уверен, что от нее…

Журден *(заметив, что Николь подслушивает, дает ей пощечину)*. Скажите, какая наглость!.. *(Доранту.)* Уйдемте отсюда, пожалуйста!.. *(Уходят.)*

Явление седьмое

Николь, г-жа Журден.

Николь. Вот и получила за любопытство! Знаете ли, сударыня, они что-то затевают такое, чтобы вас при этом не было…

Г-жа Журден. Ах, Николь, не первый день подозреваю я своего благоверного! Чует мое сердце, что пошаливает он где-нибудь на стороне: только о том и думаю, как бы накрыть его… А тут еще дочка из ума нейдет! Тебе известно, что Клеонт в ней души не чает: он мне нравится, и надо как-нибудь помочь ему; будь моя воля — не задумалась бы отдать ему Люсиль…

Николь. Уж как мне приятно слушать вас, сударыня, так вы и не поверите! Кому нравится господин, кому — не меньше того — слуга: повенчалась бы одна пара, а под шумок и другая…

Г-жа Журден. Беги к нему! Пусть сейчас же придет сюда — мы вместе на отца насядем…

Николь. Бегу, сударыня, с радостью, побольше бы таких поручений!

Г-жа Журден уходит.

То-то, я думаю, обрадуются оба!..

Явление восьмое

Николь, Клеонт, Ковьель.

Николь *(Клеонту).* Ах, вот кстати-то! А я было к вам бежать собралась, да с какой весточкой!..

Клеонт. Убирайся, ты, обманщица! И не думай вилять передо мной — не надуешь…

Николь. Так-то вы встречаете…

Клеонт. Убирайся, говорю тебе, и скажи своей барышне, что теперь Клеонт уже не так прост, как был до сих пор, и провести его не так легко…

Николь. Что за странности! Голубчик Ковьель, скажи мне, в чем дело?..

Ковьель. «Голубчик, Ковьель»?!. Шалишь, душечка! Ну живо с глаз долой, негодница, чтоб я и не видал тебя больше!

Николь. Как?!. И ты тоже…

Клеонт. С глаз долой, говорят тебе, сгинь, пропади!

Николь *(в сторону).* Однако! И какая это их муха укусила?.. Пойти рассказать барышне… *(Уходит.)*

Явление девятое

Клеонт, Ковьель.

Клеонт. А, так поступить со своим поклонником!.. И с каким поклонником! С самым верным, с самым пылким из всех влюбленных!..

Ковьель. Да уж, разуважил нас, что и говорить!

Клеонт. Я проявляю столько страсти, столько нежности к ней, что и вообразить трудно; только ее и люблю в целом мире, только ее и знаю; в ней все мои заботы, все мои желания, все мои радости: говорю только о ней, думаю только о ней, грежу только ею, дышу только ею, сердце мое бьется только для нее, — и за все это какая награда!.. Два дня не вижу ее, и эти два дня кажутся мне двумя веками… Случайно сталкиваюсь с ней на улице, от счастья чуть не падаю в обморок, вне себя от радости и восторга бросаюсь к ней, а она, изменница, глаза в сторону и мимо, как будто никогда в жизни не видала меня!

Ковьель. Вот я то же самое говорю…

Клеонт. Слыхал ли ты когда-нибудь, Ковьель, о такой неблагодарной изменнице, как Люсиль?

Ковьель. А вы, сударь, слыхали когда-нибудь о такой пройдохе, как Николь?..

Клеонт. После всех пламенных уверений, всех вздохов и обетов, какие расточал я перед ее красотой!..

Ковьель. После всех доказательств моей преданности, всех забот и услуг, какие она от меня видела на кухне!..

Клеонт. После всех слез, что я пролил у нее ног!

Ковьель. После всех ведер воды, что я перетаскал для нее из колодца!

Клеонт. После всего того, чем я выразил свою любовь к ней!

Ковьель. После всего того, что я вытерпел, жарясь за нее у печки!

Клеонт. Она бежит от меня с презрением!

Ковьель. Она повертывает ко мне спину, да как еще нагло!

Клеонт. За такое вероломство нет достойного наказания!

Ковьель. За такое бесстыдство тысячи оплеух мало!

Клеонт. И не заикайся мне о ней, прошу тебя…

Ковьель. Мне о ней заикаться, сударь?.. Боже меня упаси!

Клеонт. Никаких просьб за нее, никаких оправданий, слышишь?..

Ковьель. Не извольте беспокоиться…

Клеонт. Нет, видишь ли, что бы ты ни говорил — все это будет ни к чему…

Ковьель. Да у меня этого и в мыслях нет!

Ковьель. Пусть она не надеется на прощение: между нами все кончено…

Ковьель. Так ей и надо!

Клеонт. Может быть, она имеет виды на его сиятельство, с которым все они теперь носятся; захотелось в графини — дело ясное… Но я должен предупредить ее в измене — этого требует моя честь… Я так же отвернусь от нее, как она от меня отвернулась, чтобы не дать ей никакого преимущества над собой…

Ковьель. Превосходно сказано! Я всей душой сочувствую вам…

Клеонт. Так помоги же мне! Я решил потушить в сердце последнюю искру любви к ней, чтобы не осталось и следа прежнего чувства, — поддержи меня в этом решении. Заклинаю тебя, говори мне про нее все дурное, что только можешь придумать; рисуй мне ее в самом гнусном, в самом омерзительном виде, постоянно тверди мне о ее недостатках так, чтобы она окончательно опро-

тивела мне…

Ковьель. Да что в ней, сударь, хорошего-то? Ломается, кривляется — эка находка, подумаешь! Смазливая девчонка, и больше ничего — так я смотрю на нее… Да я вам хоть сейчас целую сотню представлю куда лучше ее… Глаза маленькие — вот уж первое…

Клеонт. Глаза у нее невелики, правда, но сколько в них огня, сколько блеска, как они ласкают, как нежат! Только одни такие глаза и есть во всем мире!..

Ковьель. Рот большой…

Клеонт. Да, но, по своей прелести, единственный — так и манит к поцелую! Восхитительный ротик, очаровательный ротик!

Ковьель. Ростом не вышла…

Клеонт. Положим; зато легка, как птичка, и сложена на диво!

Ковьель. Держит себя так, будто ни до чего ей дела нет…

Клеонт. Верно; но как мило это у нее выходит!

Ковьель. Насчет ума…

Клеонт. Ах, Ковьель, если бы ты знал, какой тонкий, изощренный ум!

Ковьель. Насчет разговора…

Клеонт. Разговор прелестный!

Ковьель. Напускает на себя степенность…

Клеонт. А тебе хотелось бы, чтобы она только и делала, что прыгала да хохотала?.. Есть ли на свете что-нибудь несноснее тех женщин, которые вечно смеются — и кстати и некстати!

Ковьель. Наконец, капризна, уж так-то капризна, что я и не знаю!

Клеонт. О, против этого я не спорю, но хорошенькой женщине все идет, от хорошенькой женщины все стерпишь…

Ковьель. Ну теперь для меня ясно: не разлюбить вам ее вовеки…

Клеонт. Не разлюбить? Мне?.. Тогда лучше умереть! Я буду ненавидеть ее так же страстно, как страстно любил…

Ковьель. Как же вы это сделаете, когда видите в ней одни только совершенства?

Клеонт. Тем славнее будет моя месть, тем больше я проявлю мужества, если возненавижу и брошу ее, — хотя, по-моему, она так мила и очаровательна, что ее нельзя не любить!

Явление десятое

Те же, Люсиль, Николь.

Николь *(Люсиль)*. Никогда еще не была я так обижена!

Люсиль. Не может этого быть, Николь, говорю тебе… Да вот и он…

Клеонт *(Ковьелю)*. Ну уж от меня она словечка не дождется!

Ковьель. И от меня тоже!

Люсиль. Что это значит, Клеонт? Что с вами?..

Николь. Что с тобой, Ковьель?..

Люсиль. Кто вас огорчил?

Николь. Кто тебя рассердил?

Люсиль. Вы онемели, Клеонт?

Николь. Язык у тебя отнялся, Ковьель?

Клеонт. Злодейка!

Ковьель. Иуда в юбке!

Люсиль. Должно быть, на вас неприятно подействовала утренняя встреча?

Клеонт *(Ковьелю)*. Ага, совесть заговорила!

Николь. Не оттого ли ты надулся, что сегодня мы не обратили на вас внимания?

Ковьель *(Клеонту)*. Знает кошка, чье мясо съела!

Люсиль. Угадала я, Клеонт? Скажите…

Клеонт. Да, изменница, вы угадали, уж если на то пошло; но знайте, что торжествовать надо мной вам не придется — не вы мне откажете, а

я откажусь от вас... Конечно, трудно мне будет совладать с моим чувством, придется мне и погоревать, и пострадать некоторое время, но я не отступлю и скорее убью себя, чем позволю себе вернуться к вам...

Ковьель *(Николь)*. Слово в слово то же самое...

Люсиль. Вот много-то шуму из ничего! Сейчас я объясню вам, Клеонт, почему это случилось...

Клеонт *(стараясь уйти от нее)*. Нет, я и слушать не хочу...

Николь *(Ковьелю)*. Сейчас я расскажу тебе, отчего так вышло...

Ковьель *(тоже стараясь уйти от нее)*. Я и знать не хочу!

Люсиль *(не отставая от Клеонта)*. Сегодня утром...

Клеонт *(не останавливаясь и не глядя на Люсиль)*. Нет-нет!

Николь *(не отставая от Ковьеля)*. Дело было так...

Ковьель *(тоже не останавливаясь и не глядя на Николь)*. Нет, голубушка!

Люсиль. Послушайте!

Клеонт. Незачем!

Николь. Дай мне сказать!

Ковьель. Я оглох!

Люсиль. Клеонт!
Клеонт. Нет…
Николь. Ковьель!
Ковьель. Ни-ни…
Люсиль. Постойте!
Клеонт. Вздор!
Николь. Выслушай!
Ковьель. Чепуха!
Люсиль. Одну минутку!
Клеонт. Ни секунды!
Николь. Не убудет тебя!
Ковьель. Ладно!
Люсиль. Два слова!
Клеонт. Нет, кончено!..
Николь. Одно слово!
Ковьель. Шабаш!..

Люсиль *(останавливаясь).* Ну если не хотите меня слушать, думайте и делайте что угодно!

Николь *(также останавливаясь).* А, ты так?.. Пусть так и будет…

Клеонт *(поворачиваясь к Люсиль).* Любопытно, однако, что вы можете сказать в свое оправдание?..

Люсиль *(в свою очередь уходя от Клеонта).* Я передумала и ничего не скажу…

Ковьель *(поворачиваясь к Николь).* Расскажи-

ка, расскажи, я послушаю…

Николь *(также уходя от Ковьеля)*. Охота прошла рассказывать…

Клеонт *(следуя за Люсиль)*. Отчего же…

Люсиль *(убегая и не глядя на Клеонта)*. Не скажу, не скажу!

Ковьель *(следуя за Николь)*. Ну, ну…

Николь *(также убегая и не глядя на Ковьеля)*. Ничего, ничего!

Клеонт. Пожалуйста!

Люсиль. Сказала — нет!

Ковьель. Смилуйся!

Николь. Ни за что!

Клеонт. Ну прошу вас!

Люсиль. Оставьте меня…

Ковьель. Ну умоляю тебя!

Николь. Проваливай!

Клеонт. Люсиль!

Люсиль. Нет!

Ковьель. Николь!

Николь. Ни-ни!..

Клеонт. Ради всего, что вам дорого!

Люсиль. Не хочу!

Ковьель. Да уж расскажи!

Николь. Не намерена…

Клеонт. Рассейте мои сомнения!

Люсиль. Не имею ни малейшего желания!

Ковьель. Успокой ты меня!

Николь. И не подумаю!

Клеонт. А… неблагодарная, если вы так мало заботитесь о том, чтобы вывести меня из этого мучительного состояния и оправдать свое недостойное поведение, то мы больше не увидимся: я ухожу и где-нибудь вдали от вас умру от горя и любви!..

Ковьель *(Николь)*. И я туда же…

Люсиль *(Клеонту, который хочет уйти)*. Клеонт!

Николь *(Ковьелю, следующему за Клеонтом)*. Ковьель!

Клеонт *(останавливаясь)*. А?..

Ковьель *(также останавливаясь)*. Что?..

Люсиль. Куда вы?

Клеонт. Я вам сказал…

Ковьель. Мы идем умирать!

Люсиль. Вы идете умирать, Клеонт?

Клеонт. Да, жестокая, потому что вы этого хотите!..

Люсиль. Я хочу, чтобы вы умерли?!.

Клеонт. Хотите, да…

Люсиль. Кто вам сказал?

Клеонт *(приближаясь к Люсиль)*. Конечно, хо-

тите, когда не хотите рассеять мои подозрения!

Люсиль. Да разве это моя вина?.. Если бы вы меня выслушали, я бы вам сказала, что сегодня с нами была моя старая тетка, а по ее мнению, достаточно мужчине подойти к девушке, чтобы обесчестить ее; об этом она толкует нам с утра до вечера и всех мужчин представляет какими-то чертями, от которых бегать надо…

Николь *(Ковьелю)*. Вот и все!

Клеонт. Вы меня не обманываете, Люсиль?

Ковьель *(Николь)*. По совести говоришь?..

Люсиль. Нет, я вас не обманываю…

Николь. По чистой совести…

Ковьель *(Клеонту)*. Как же нам теперь быть?

Ковьель. Ах, Люсиль, достаточно вам только раскрыть губки и произнести одно слово, чтобы вполне успокоить мое сердце! Как легко убеждают нас те, кого мы любим!

Ковьель. О лукавые создания! Обойдут кого угодно!..

Явление одиннадцатое

Те же, г-жа Журден.

Г-жа Журден. Очень рада вас видеть, Клеонт;

вы как раз вовремя явились. Сейчас придет муж, не теряйте времени и просите у него руки Люсиль…

Клеонт. Ах, сударыня, как я вам благодарен за эти слова! В них все мои мечты!.. Очаровательное приказание! Милость, которой цены нет!..

Явление двенадцатое

Те же, Журден.

Клеонт. Сударь, позвольте мне без всякого посредничества обратиться к вам с просьбой, которую я уже давно в себе лелею… Дольше молчать я не в силах и говорю прямо: я счел бы себя счастливейшим человеком, если бы вы удостоили меня великой чести — назваться вашим зятем…

Журден. Прежде чем вам ответить, я должен спросить вас: вы дворянин?

Клеонт. На моем месте, сударь, немногие затруднились бы ответом на ваш вопрос: слово слетает с языка легко… Назваться дворянином не считается предосудительным; мы живем в такое время, когда это воровство даже как будто освящено обычаем… Что касается меня, то я должен сознаться, что совесть внушает мне несколько

иной взгляд на этот предмет. Я нахожу, что обман, в чем бы он ни проявлялся, недостоин честного человека: не подло ли скрывать предначертанное нам свыше происхождение, щеголять перед светом в краденой личине и выставлять себя не тем, что мы такое на самом деле?.. Смею вас уверить, что родители мои — люди, заслуживающие полного уважения, сам же я шесть лет с честью носил оружие и обладаю достаточным состоянием для того, чтобы занять приличное положение в обществе; но при всем этом мне и в голову не приходит сделать то, что вполне свободно делают другие, то есть самовольно нарядиться в чужое звание… Я не дворянин, говорю вам откровенно…

Журден. Жму вашу руку, сударь, но дочь моя вам не жена…

Клеонт. Почему же?

Журден. Вы не дворянин — этим все сказано…

Г-жа Журден. «Дворянин», «дворянин»! Только от тебя и слышишь… Да мы-то сами кто такие? От Людовика Святого наш род идет, что ли?

Журден. Молчи, жена! Я ведь знаю, куда ты гнешь…

Г-жа Журден. Не мещане мы разве, по-твоему?..

Журден. Трудно тебе язык придержать?!

Г-жа Журден. Твой отец не торговал разве, так же как и мой?..

Журден. Чертова баба, до всего ей дело! Если твой торговал, тем хуже для него; а про моего только одни дураки могут это говорить… Моим зятем будет дворянин, — сказано и кончено!

Г-жа Журден. Зятя надо выбирать по дочери; а ей больше под пару честный человек с деньгами да из себя видный, чем какой-нибудь заморыш дворянский, которому есть нечего…

Николь. Верно! Вот хоть бы нашего помещика сын: такого урода и олуха я от роду не видывала!

Журден *(Николь).* А ты, грубиянка, молчи, когда тебя не спрашивают! Моя дочь не бесприданница… Я ищу для нее одного почета — и сделаю ее маркизой!

Г-жа Журден. Маркизой?

Журден. Да, маркизой…

Г-жа Журден. Ох! Господи помилуй!

Журден. Это дело решенное…

Г-жа Журден. А я на это никогда не соглашусь!.. От таких браков ничего, кроме худого, не бывает… Я не хочу, чтобы муж моей дочери корил ее родней и чтобы ее дети стыдились называть меня бабушкой. Если бы она приехала ко мне

в экипаже, как знатная барыня, да ненароком не поклонилась кому-нибудь из соседей, чего бы тут ни наговорили! «Видали, щеголиху маркизу? К ней и подступиться страшно; а ведь это дочка нашего Журдена, та самая девчонка, что радешенька была с нами в барыни поиграть! Раньше-то знатности этой и в помине не было: ее деды сукном торговали у ворот Святого Иннокентия… Хорошо обеспечили деток, а теперь небось на том свете дорого за это расплачиваются: честным трудом наживешь разве такое богатство?»… Не хочу таких разговоров… Я хочу, чтобы мой зять благодарность ко мне чувствовал и чтобы я безо всяких чинов могла сказать ему: «Присаживайся, голубчик, пообедаем вместе»…

Журден. Надо быть такой дурой, как ты, чтобы не желать вылезти из грязи… Больше я ничего не слушаю: моя дочь будет маркизой, на зло и тебе, и всем твоим кумушкам; а рассердишь меня, так я ее и герцогиней сделаю!..

(Уходит.)

Явление тринадцатое

Те же, без Журдена.

Г-жа Журден. Не все еще пропало, Клеонт, не горюйте! (Люсиль.) Пойдем, дочка; объяви отцу решительно: не за него, мол, так и ни за кого!..

Г-жа Журден, Люсиль и Николь уходят.

Явление четырнадцатое

Клеонт, Ковьель.

Ковьель. Вот вам и совестливость ваша: далеко вы с ней уехали, нечего сказать!..

Клеонт. Что ж делать! Я не мог поступить иначе…

Ковьель. С таким-то человеком?.. Да неужели вы не верите, что это сумасшедший? И что вам стоило поддакнуть ему?

Клеонт. Правда, ничего не стоило; но когда он спросил, дворянин ли я, мне и в голову не пришло, что для него в этом вся суть…

Ковьель. Ха-ха-ха!

Клеонт. Чему ты смеешься?

Ковьель. Какая прекрасная мысль! Одурачим его — и вы свое возьмете…

Клеонт. Каким образом?

Ковьель. То-то выйдет потеха!

Клеонт. Что такое?

Ковьель. Вы знаете, что готовится маскарад? Это нам как раз на руку: так подведем Журдена, что он и опомниться не успеет… Без шутовства не обойдется, конечно, да что нам стесняться-то! С Журденом все можно; он отлично сыграет свою роль в нашей комедии и всему поверит, что ему ни скажи… Актеры у меня есть, костюмы тоже; разрешите только действовать…

Клеонт. Так объясни же мне…

Ковьель. Все объясню; а теперь уйдемте! Он, я слышу, возвращается…

Уходят.

Явление пятнадцатое

Журден *(один)*. Что за черт! Со всех сторон меня знатными барами попрекают, а я ничего лучшего не знаю, как водиться со знатными барами: все у них так благородно, так вежливо! Сейчас бы дал два пальца на руке отрубить, если бы только можно было наново родиться графом или маркизом…

Явление шестнадцатое

Журден, слуга.

Слуга. Его сиятельство, сударь, с дамой под ручку…

Журден. Ах боже мой! Мне ведь еще нужно кой о чем распорядиться… Скажи, что я сейчас приду… *(Уходит.)*

Явление семнадцатое

Слуга, Дорант, Доримена.

Слуга. Барин сказали, что они сейчас придут…

Дорант. Очень хорошо!

Слуга уходит.

Явление восемнадцатое

Дорант и Доримена.

Доримена. Я не знаю, Дорант, ловко ли это, что я вхожу с вами в дом, где я никого не знаю?

Дорант. А в каком же другом месте я мог бы

пообедать с вами, маркиза? Вы боитесь огласки и не хотите доставить мне это удовольствие ни у себя, ни у меня…

Доримена. Сознайтесь, однако, что с каждым днем вы все больше и больше опутываете меня доказательствами вашей любви… Я защищаюсь изо всех сил; но ваше упорство оказывается сильнее моего, и вы незаметно заставляете меня делать все, что вам нравится… Тщетно боролась я против ваших посещений, признаний, серенад, подарков, сюрпризов: победа всегда оставалась за вами… Теперь я уж ни за что не отвечаю, а кончится, пожалуй, тем, что вы насильно подведете меня к венцу, о чем я до сих пор меньше всего думала…

Дорант. Честное слово, маркиза, давно бы уж следовало это сделать! Вы вдова и ни от кого, кроме самой себя, не зависите; я тоже сам себе господин и люблю вас больше жизни: в ваших руках все мое счастье, дайте же мне его!

Доримена. Боже мой, Дорант, для того чтобы составить счастливую пару, нужно столько условий и с той и с другой стороны! Часто муж и жена сами по себе прекрасные люди, а согласия между ними нет…

Дорант. У страха глаза велики, маркиза: ваш

личный опыт — исключение…

Доримена. Оставим это и возвратимся к тому, с чего у нас начался разговор. Ваши безрассудные траты причиняют мне двойное беспокойство: во-первых, они делают меня вашей неоплатной должницей; во-вторых, простите за откровенность, я не думаю, чтобы они не стесняли вас, а я этого совсем не хочу…

Дорант. Ах, маркиза, это такой вздор! По правде говоря…

Доримена. Я знаю, что говорю… Например, тот алмаз, который вы меня заставили взять, ведь он стоит…

Дорант. Маркиза, умоляю вас, не придавайте такой цены этой безделке, которая, конечно, далеко не стоит вашей красоты, — и снизойдите… А вот и наш хозяин…

Явление девятнадцатое

Те же, Журден.

Журден *(сделав два поклона, останавливается в упор перед Дорименой).* Чуточку назад, сударыня…

Доримена. Что такое?

Журден. На один шаг всего…

Доримена. Я не понимаю…

Журден. А как же я иначе сделаю третий поклон?

Дорант. Маркиза, господин Журден — знаток в приличиях…

Журден. Сударыня, я чрезвычайно польщен тем, что вы меня осчастливили, тем, что я могу гордиться тем, что вы почтили меня вашим почетным посещением; и если бы я оказался достойным быть, достойным сделаться вас, достойным… и если бы небо, завидуя моему блаженству, ниспослало мне… помогло мне… словом сказать…

Дорант. Довольно, господин Журден… Маркиза не любит комплиментов; а что вы умный человек — это ей известно… *(Тихо Доримене.)* Наш добряк довольно-таки смешон, как видите…

Доримена *(тихо Доранту)*. Еще бы этого не видеть!

Дорант. Вот лучший мой друг, маркиза…

Журден. Слишком много чести вы мне оказываете!..

Дорант. Человек вполне благовоспитанный…

Доримена. Яв этом не сомневаюсь…

Журден. Я ничем еще не заслужил такой мило-

сти, сударыня...

Дорант *(тихо Журдену)*. О вашем алмазе ей ни слова, помните!

Журден *(тихо Доранту)*. Нельзя ли хоть спросить, понравился ли он ей?

Дорант *(тихо Журдену)*. Что вы, помилуйте! Это было бы очень невежливо с вашей стороны; напротив, вам следует так держать себя, как будто вы здесь решительно ни при чем... *(Громко.)* Господин Журден говорит, маркиза, что он в восторге, видя вас у себя...

Доримена. Я очень польщена!

Журден (тихо Доранту). Как я вам обязан, сударь, за то, что вы сказали ей!

Дорант *(тихо Журдену)*. А чего мне стоило убедить ее принять ваше приглашение!..

Журден *(тихо Доранту)*. Не знаю уж, как и благодарить вас!

Дорант. Он говорит, маркиза, что, по его мнению, вы прелестнейшая женщина в мире...

Доримена. Это очень любезно!

Журден. Если насчет любезности, сударыня, так это про вас надо сказать...

Дорант. А что же обед?..

Явление двадцатое

Те же, слуга.

Слуга *(Журдену).* Все готово, сударь…
Дорант. Сядемте за стол! Музыкантов сюда!

Третий выход балета

Шесть поваров танцуют; потом приносят стол, покрытый множеством блюд.

Действие четвертое
Явление первое

Журден, Доримена, Дорант, три певца, слуги.

Доримена. Какой роскошный обед! Не правда ли, Дорант?

Журден. Вы изволите шутить, сударыня… Таким ли обедом желал бы я угостить вас!

Дорант. Господин Журден прав, маркиза, и я очень благодарен ему за то радушие, с каким он вас принимает… Обед не достоин вас, совершенно верно. Он заказан мною; но так как я по этой части плохой знаток, то вы найдете здесь немало упущений. Вот если бы за это взялся кто-нибудь из наших друзей, например Дамис, тогда действительно получилось бы нечто образцовое по изысканности и по изобретательности. Он сам не преминул бы так расписать каждое кушанье, что вы должны были бы преклониться перед его знанием и умением… Чего-чего не наговорил бы он вам и о румяном, со всех сторон поджаренном хлебе, который так нежно хрустит на зубах; и о маслянистом вине с чуть-чуть заметной терпкостью; и о бараньей лопатке с петрушкой; и о

телячьем окороке, белом, мягком, — сливки да и только; и о куропатках с каким-то необыкновенным запахом; и, наконец, — это слава и гордость — о крепком мясном бульоне, а еще больше — о молодой, жирной индейке, обложенной голубятами и убранной луком пополам с цикорием! Но я чистосердечно сознаюсь в своем невежестве и говорю то же, что и господин Журден: не таким обедом следовало бы угостить вас...

Доримена. Вы видите, как я ем; надеюсь, этого с вас довольно?..

Журден. Ах, что за прелестные ручки!

Доримена. Ручки самые обыкновенные, господин Журден. Вероятно, вы хотели похвалить перстень — он очень хорош, правда?

Журден. Похвалить перстень?! Боже меня сохрани, сударыня! Это было бы очень невежливо с моей стороны... Да и ничего в нем особенного нет!..

Доримена. У вас очень требовательный вкус...

Журден. Вы слишком добры...

Дорант *(сделав знак Журдену).* Дайте вина господину Журдену и этим господам: они будут любезны спеть нам застольную песню.

Доримена. К хорошему обеду музыка — превосходная приправа... Как меня здесь угощают,

однако!

Журден. Сударыня, это…

Дорант. Господин Журден, внимание! Мы услышим от этих господ вещи, несравненно более приятные, чем все наши разговоры…

Первый и второй певцы *(вместе, со стаканами в руках)*

Мы за тобой, Фелис, – один глоток лишь сделай!
Вино, как золото, сверкает в ручке белой:
Зачем тебе с ним враждовать?
Обоих вас любя, я вас не разделяю —
И клятвою скрепить союз наш предлагаю,
Чтоб жизнь взаимно услаждать…
Чуть губки омочи – вино уже вкуснее,
А губки сочные тогда еще сочнее:
Ах, мне с тобой не совладать!
В обоих вас я хмель и негу почерпаю —
И клятвою скрепить союз наш предлагаю,
Чтоб жизнь взаимно услаждать…

Второй и третий певцы *(вместе)*

Будем пить, друзья, – поверьте,
Время нас не ждет!
Будем пить, доколе смерти
Не настал черед!..
Не оглянемся, как жизни
Оборвется нить…
А уж нам на нашей тризне
Не придется пить…
Пусть разумники из кожи
Лезут и кричат:
Всех их доводов дороже
Нам бутылок ряд.
Ни богатством, ни почетом
Счастья не купить:
Там лишь места нет заботам,
Где умеют пить…

Все три певца *(вместе)*

Эй, слуга, наливай —
Наливай, не зевай!
Наливай, то и знай,

Доримена. Не думаю, чтобы можно было спеть лучше… Прекрасно!

Журден. Я вижу среди нас, сударыня, нечто еще более прекрасное…

Доримена. О, да какой же вы любезник, господин Журден! Вот уж никак не думала!

Дорант. Как, маркиза?!. За кого же вы принимаете господина Журдена?..

Журден. Пусть маркиза принимает меня за того, кем бы я хотел для нее быть…

Доримена. Этого еще недоставало!

Дорант *(Доримене)*. Вы его не знаете…

Доримена. О, это уж слишком!

Журден. От маркизы зависит узнать меня…

Дорант. За словом в карман не полезет, будьте уверены… Но вы не замечаете, маркиза, что господин Журден подбирает все кусочки, до которых вы дотронулись?..

Доримена. Господин Журден восхищает меня!

Журден. Если бы я мог восхитить ваше сердце, я был бы…

Явление второе

Те же, г-жа Журден.

Г-жа Журден. А... мир честной компании! Не ждали меня, дело ясное... Так вот для чего, муженек любезный, ты так усердно выпроваживал меня к сестре обедать! Там театр готовят — здесь пиршество идет, словно на свадьбе!.. Мотай нажитое добро, мотай! Угощай разных барынь, устраивай для них комедии да балеты, а законную жену гони из дому!..

Дорант. Что вы говорите, сударыня! И как могло прийти вам в голову, что ваш супруг мотает свое добро, угощая маркизу?! Маркиза в гостях у меня, прошу понять, а ваш супруг одолжил мне только помещение... Надо быть осторожнее в суждениях и выражениях!..

Журден. Вот тебе, дуре, и натянули нос! Это граф угощает маркизу, понимаешь? Он мне сделал честь, приняв от меня помещение и меня самого пригласил...

Г-жа Журден. Ври больше! Знаю я, в чем дело!

Дорант. Вам изменяет зрение, сударыня, — переменитe очки...

Г-жа Журден. На что мне ваши очки — я и без них хорошо вижу! Давно уж у меня душа не на месте, — рассудком я не обижена... Стыдно вам, знатному барину, путаться с моим мужем и потакать его глупостям! А уж с вашей стороны, сударыня, и вовсе нечестно расстраивать семью и позволять женатому человеку ухаживать за собой!

Доримена. Что же это такое?.. Очень вам благодарна, Дорант, за все то, что мне пришлось выслушать!..

Дорант *(спеша за уходящей Дориме́ной).* Маркиза, полноте! Куда вы, маркиза?..

Журден. Маркиза... Граф, извинитесь за меня перед маркизой, верните ее!

Явление третье

Журден, г-жа Журден, слуги.

Журден. Ах ты грубиянка, что ты наделала! На весь свет опозорила меня и выгнала таких знатных господ!

Г-жа Журден. Очень нужна мне их знатность!

Журден. Вот перебью о твою голову все тарелки, так иначе заговоришь, подлая!..

Слуги уносят стол.

Г-жа Журден *(уходя)*. Не боюсь я тебя! Я свои права защищаю и уверена, что все жены будут на моей стороне!..

Журден. Не ушла бы, плохо бы тебе пришлось!..

Явление четвертое

Журден *(один)*. Нужно же было ей возвратиться! А я только что разошелся, и чего бы я тут ни наговорил... Это что еще такое?..

Явление пятое

Журден, Ковьель (переодетый).

Ковьель. Имею честь кланяться, сударь... Вы, кажется, меня не узнаёте?..

Журден. Нет, сударь.

Ковьель *(показывая рукой на фут от пола)*. А я знал вас, когда вы были еще вот этаким...

Журден. Меня?

Ковьель. Да. Вы были восхитительным ребенком: все женщины только тем и занимались, что

наперерыв нянчили и целовали вас…

Журден. Целовали?

Ковьель. Да. Я был в большой дружбе с вашим покойным батюшкой…

Журден. С моим покойным батюшкой?

Ковьель. Да. Настоящий был дворянин!

Журден. Как вы сказали?

Ковьель. Настоящий, говорю, был дворянин!

Журден. Мой батюшка?

Ковьель. Да.

Журден. Так вы хорошо его знали?

Ковьель. Прекрасно знал.

Журден. И знали именно дворянином?

Ковьель. Именно.

Журден. Поди ж ты! Вот и верь людям после этого!

Ковьель. А что?

Журден. Да как же! Находятся дураки, которые утверждают, что мой отец был купцом…

Ковьель. Купцом? Ваш отец?!. Что за клевета! Никогда он купцом не был!.. Он просто знал толк в сукнах и других тканях и, как человек необыкновенно обязательный, услужливый, сначала скупал их, а потом продавал добрым знакомым…

Журден. Чрезвычайно рад познакомиться с вами, если вы согласитесь подтвердить это при

случае…

Ковьель. Хоть перед целым светом!

Журден. Весьма благодарен! Что же вам, собственно, от меня угодно?

Ковьель. После того как я познакомился и сошелся с вашим покойным батюшкой, настоящим дворянином, повторяю, мне пришлось исколесить весь белый свет.

Журден. Весь белый свет?!.

Ковьель. Да.

Журден. А далеко от нас до этого белого света, я думаю?..

Ковьель. Очень далеко. Я вернулся из путешествия всего четыре дня назад; а так как я принимаю близко к сердцу все, что касается вас, то и явился с очень приятною новостью…

Журден. С какой же?

Ковьель. Вы, конечно, знаете, что в Париже гостит сын турецкого султана?

Журден. Признаюсь, не слыхал…

Ковьель. Что вы! Да он живет здесь так роскошно и открыто и принят везде с таким почетом, что о нем только и говорят…

Журден. Не слыхал, представьте!

Ковьель. Самое же важное — это то, что он влюблен в вашу дочь…

Журден. Сын турецкого султана?!

Ковьель. Да, и хочет стать вашим зятем…

Журден. Моим зятем? Сын турецкого султана?

Ковьель. Вашим зятем… сын турецкого султана… Я с ним виделся, и он мне сказал в разговоре, по-турецки разумеется, — я хорошо знаю этот язык: «Аксиам крок солер онш алла мустаф гиделум аманахем варакини уссере карбулат?» — то есть: «Видел ли ты прекрасную молодую особу, дочь господина Журдена, парижского дворянина?»

Журден. Так про меня и сказал?!.

Ковьель. Да. А когда я ответил, что видел, вас же самих знаю отлично, он и признался: «Ах, говорит, марабаба сахем!» — то есть: «Ах, до чего я в нее влюблен!»

Журден. «Марабаба сахем» значит «до чего я в нее влюблен»?

Ковьель. Да.

Журден. Вот хорошо, что вы мне это сказали! Мне бы и в голову не пришло, что «марабаба сахем» значит «до чего я в нее влюблен»! Что за удивительный язык!

Ковьель. Это верно… Знаете вы, например, что значит «какаракамушен»?

Журден. «Какаракамушен»?!. Нет.

Ковьель. Это значит «моя душенька».

Журден. «Какаракамушен» значит «моя душенька»?..

Ковьель. Да.

Журден. Удивительно! «Какаракамушен» — «моя душенька»! Всю жизнь думай — не догадаешься! Удивительно!

Ковьель. В конце же концов он поручил мне просить руки вашей дочери; но для того чтобы тесть был достоин зятя, вы должны быть возведены в сан мамамуши — это очень высокий сан в Турции…

Журден. Мамамуши?..

Ковьель. Да, мамамуши. По-нашему — паладин… А паладинами назывались в древности… эти самые… паладины. Высокое звание, выше его нет; вы будете на равной ноге со всеми царственными особами…

Журден. Это такая честь, такая честь… Сын турецкого султана! Будьте добры, проводите меня к нему, чтобы я мог лично выразить ему мою глубокую благодарность.

Ковьель. Зачем?!. Сейчас он сам сюда пожалует…

Журден. Сам сюда пожалует?..

Ковьель. Да, и со всей церемонией, какая при

этом требуется…

Журден. Я просто опомниться не могу, до того все это быстро!

Ковьель. Где любовь, там и нетерпение!

Журден. Одно меня смущает, и очень смущает: моя дочь — большая упрямица; она бредит неким Клеонтом и клянется, что ни за кого другого не выйдет замуж…

Ковьель. Пусть только она увидит сына турецкого султана: тогда другое заговорит… К тому же — удивительное совпадение! — сын турецкого султана несколько похож на этого Клеонта; мне его как-то показывали… Таким образом, любовь к одному легко может перейти на другого — и тогда… Постойте! Кажется, это он… Да-да…

Явление шестое

Те же, Клеонт (переодетый турком), три пажа (с его верхним платьем).

Клеонт. Абусахим оки бораф, Джиурдина, саламалеки.

Ковьель *(Журдену)*. Это значит: «Господин Журден, пусть ваше сердце круглый год будет подобно цветущему розовому кусту». Так обык-

новенно выражаются в Турции, когда хотят быть любезными…

Журден. Я покорнейший слуга его турецкого высочества…

Ковьель. Коригар камбото устин мораф.

Клеонт. Устин йок катамалеки базум база алла моран.

Ковьель. Он говорит: «Да ниспошлет вам небо силу льва и мудрость змеи».

Журден. Его высочество слишком милостивы ко мне… Я желаю ему всех земных благ!

Ковьель. Осса банамен садок бабалли оракаф урам.

Клеонт. Бель-мен.

Ковьель. Он просит вас сейчас же пойти вместе с ним приготовиться к церемонии; ему желательно как можно скорей увидеть вашу дочь и вступить с нею в брак…

Журден. И это он столько наговорил в двух словах?..

Ковьель. Да: уж таков турецкий язык… Идите же, идите!

Журден, Клеонт и пажи уходят.

Явление седьмое

Ковьель *(один).* Ха-ха-ха! Вот потеха-то, право! Экий олух! Выучи он свою роль наизусть — и то не сыграл бы ее лучше! Ха-ха-ха!

Явление восьмое

Ковьель и Дорант.

Ковьель. Убедительно прошу вас, сударь, помогите нам в нашей затее…

Дорант. Это ты, Ковьель?.. Вот ни за что не узнал бы тебя! Что это тебе вздумалось нарядиться?

Ковьель. Увидите! Ха-ха-ха!

Дорант. Чему ты смеешься?

Ковьель. Да уж очень смешно, сударь…

Дорант. Что ж такое?

Ковьель. Мы придумали, сударь, как заставить господина Журдена выдать свою дочь за моего барина; только уж как вы ни ломайте голову — вам не догадаться, в чем дело…

Дорант. В чем дело, я не знаю; но знаю, что из него выйдет прок, раз ты в нем участвуешь!

Ковьель. Да ведь вам этот осел достаточно

известен!

Дорант. Объясни мне все-таки, что ты затеял?..

Ковьель. Будьте добры, отойдите в сторону: надо очистить место… Сейчас вы кое-что увидите, а остальное я вам доскажу…

Явление девятое

Турецкая церемония

Муфтий, дервиши, турки, помощники муфтия, поющие и пляшущие.

Первый выход балета

Шесть турок выходят с важностью, попарно, под музыку. Они несут три ковра, которые приподнимают очень высоко, после того как протанцевали несколько фигур. Поющие турки проходят под этими коврами и выстраиваются по обеим сторонам сцены. Муфтий, сопровождаемый дервишами, заключает шествие. Турки расстилают ковры по полу и бросаются поверх их на колени. Муфтий и дервиши остаются среди них на ногах, и, в то время как муфтий, гримасничая, кривляясь и не произнося ни одного слова, призывает Магомета, турки-помощники простираются ниц, припевая «Алла», и воздевают

руки к небу, припевая «Алла»; по окончании же заклинания встают, припевая «Алла-эк-бер», а два дервиша уходят за Журденом.

Явление десятое

Муфтий, дервиши, турки, поющие и пляшущие, Журден, одетый по-турецки, с бритой головой, без чалмы и сабли.

Муфтий *(Журдену).*

Се ти сабир,
Ти респондир;
Се нон сабир,
Тацир, тацир…
Ми стар Муфти;
Ти кви стар ти?
Нон интендир;
Тацир, тацир…

Два дервиша уводят Журдена.

Явление одиннадцатое

Муфтий, дервиши, турки, поющие и пляшущие.

Муфтий

Диче, турке, кви стар квиста?
Анабатиста? Анабатиста?

Турки. Йок.
Муфтий. Цвинглиста?
Турки. Йок.
Муфтий. Коффита?
Турки. Йок.
Муфтий. Гуссита? Мориста? Фрониста?
Турки. Йок, йок, йок.
Муфтий. Йок, йок, йок. Стар пагана?
Турки. Йок.
Муфтий. Лютерана?
Турки. Йок.
Муфтий. Пуритана?
Турки. Йок.
Муфтий. Брамина? Моффина? Цурина?
Турки. Йок, йок, йок.
Муфтий. Йок, йок, йок. Махаметана? Махаметана?

Турки. Хи валла. Хи валла.
Муфтий. Комо камара? Комо камара?
Турки. Джиурдина, Джиурдина.
Муфтий *(прыгая)*. Джиурдина, Джиурдина.
Турки. Джиурдина, Джиурдина.

Муфтий

Махамета, пер Джиурдина;
Ми прегар сера э матина.
Волер фар ун паладина
Де Джиурдина, де Джиурдина.
Дар турбанта э дар скорина
Кон галера е бригантина
Пер деффендер Палестина
Махамета, пер Джиурдина
Ми прегар сера э матина.

(Обращается к туркам.)

Стар бон турка Джиурдина?

Турки. Хи валла. Хи валла.
Муфтий *(приплясывая и подпрыгивая)*. Ха-ла-ба, ба-ла-шу, ба-ла-ба, ба-ла-да.
Турки. Ха-ла-ба, ба-ла-шу, ба-ла-ба, ба-ла-да.

Явление двенадцатое

Турки, поющие и пляшущие.

Второй выход балета

Явление тринадцатое

Муфтий, дервиши, Журден, турки, поющие и пляшущие.

Муфтий возвращается в парадной чалме огромных размеров, утыканной зажженными свечами в пять-шесть рядов; его сопровождают два дервиша в остроконечных шапках, также украшенных. Два других дервиша вводят Журдена и ставят его на колени; при этом руки его упираются в пол, а спина, на которую кладут Алькоран, служит муфтию пюпитром. Муфтий повторяет шутовское заклинание, хмуря брови, ударяя время от времени по Алькорану и стремительно переворачивая листы; потом, подняв глаза к небу, он громко вскрикивает: «Гу». В продолжение этого заклинания турки-помощники, то сгибаясь, то выпрямляясь, также поют: «Гу-гу-гу».

Журден *(после того как с его спины сняли Алькоран).* Уф!

Муфтий *(Журдену)* Ти нон стар фурба?

Турки Но, но, но.

Муфтий Но стар форфанта?

Турки Но, но, но.

Муфтий *(туркам)* Донар турбанта?

Турки

Ти нон стар фурба?
Но, но, но.
Но стар форфанта?
Но, но, но.
Донар турбанта.

Третий выход балета

Пляшущие турки под музыку надевают на Журдена чалму.

Муфтий *(вручая Журдену саблю)*

Ти стар нобиле, ннон стар фаббола:
Пильяр шьябола.

Турки *(с саблями в руках)*

Ти стар нобиле, нон стар фаббола:

Пильяр шьябола.

Четвертый выход балета

Пляшущие турки бьют Журдена саблями плашмя и в такт.

Муфтий

Дара, дара,

Бастонара.

Турки

Дара, дара,

Бастонара.

Пятый выход балета

Пляшущие турки бьют Журдена в такт палками.

Муфтий

Нон тенер онта,

Квеста стар л'ултима аффронта.

Турки

Нон тенер онта,

Квеста стар л'ултима аффронта.

Муфтий приступает к третьему заклинанию; дервиши почтительно поддерживают его под руки. После этого поющие и пляшущие турки, прыгая вокруг муфтия, удаляются вместе с муфтием и увлекают за собой Журдена.

Действие пятое
Явление первое

Журден *(одетый турком), г-жа Журден.*

Г-жа Журден. Ах господи боже мой! Что это такое? Что за образина? В ряженые записался? Святки у нас, что ли? Да говори же, что это значит? Кто тебя так изуродовал?

Журден. Экая грубиянка! Не умеет разговаривать с мамамуши!

Г-жа Журден. Как?..

Журден. Да, теперь ты должна относиться ко мне с особенным уважением: я произведен в мамамуши…

Г-жа Журден. В какие такие мамамуши?..

Журден. В мамамуши, понимаешь? Я теперь мамамуши!

Г-жа Журден. Это что ж за зверь такой?!.

Журден. Мамамуши — по-нашему паладин.

Г-жа Журден. Паладин?! Шут гороховый, стало быть?!.

Журден. Вот дура-то неученая! Паладин — это такое звание; я получил его после церемонии…

Г-жа Журден. После какой церемонии?..

Журден. Махамета пер Джиурдина.

Г-жа Журден. А это что же?

Журден. Джиурдина — значит Журден.

Г-жа Журден. Ну Журден, а дальше-то что?

Журден. Волер фар ун паладина де Джиурдина.

Г-жа Журден. Как?..

Журден. Дар турбанта кон галера.

Г-жа Журден. Не понимаю!

Журден. Пер деффендер Палестина.

Г-жа Журден. И все-таки не понимаю!..

Журден. Дара, дара, бастонара.

Г-жа Журден. Да по-каковски ты говоришь-то?..

Журден. Нон тенер онта, квеста стар л'ультима аффронта.

Г-жа Журден. Скажешь ли ты мне наконец, что это значит?

Журден *(поет и пляшет)*. Ха-ла-ба, ба-ла-шу, ба-ла-ба, ба-ла-да! *(Падает.)*

Г-жа Журден. Господи, вот горе-то! Рехнулся муженек мой!..

Журден *(поднявшись и уходя)*. Цыц, грубиянка! — не забывай, что я мамамуши...

Г-жа Журден *(одна)*. И с чего это на него нашло?.. Побежать за ним — не вздумал бы из дому

удрать!.. *(Увидав входящих Доримену и Доранта.)* А, вот они, лиходеи наши! Везде беда, куда ни оглянешься!.. *(Уходит.)*

Явление второе

Доримена, Дорант.

Дорант. Да, маркиза, вы увидите нечто поистине забавное: другого такого сумасброда, я думаю, в целом мире не сыщешь! И потом, следует помочь Клеонту — будемте уж заодно с ним… Это премилый юноша, и для него постараться не грех!

Доримена. Я очень хорошего мнения о нем и желаю ему всего лучшего…

Дорант. Наконец, маркиза, нас еще ожидает балет: зачем нам терять его! Мне хочется знать, удалась ли моя выдумка…

Доримена. Я уж заметила, что готовится что-то великолепное; но терпение мое истощилось, Дорант. Ваша расточительность переходит всякие границы — надо ее прекратить; мы должны обвенчаться — чем скорее, тем лучше… Другого средства я не знаю: после свадьбы все эти глупости вылетят у вас из головы…

Дорант. Маркиза, это правда? Вы решились

осчастливить меня?..

Доримена. Только для того, чтобы спасти вас от разорения! Я вовсе не хочу, чтобы вы из-за меня пошли по миру….

Дорант. О, маркиза, какая трогательная заботливость и как я вам благодарен за нее! Все мое состояние ваше, так же как и мое сердце: владейте и повелевайте!

Доримена. Постараюсь… А вот и наш турецкий вельможа… Что за прелесть!

Явление третье

Те же, Журден.

Дорант. Маркиза и я поспешили явиться к вам, сударь, чтобы выразить почтение к вашему новому сану и принять участие в вашей семейной радости…

Журден *(раскланявшись по-турецки).* Желаю вам, чтобы у вас была сила змеи и мудрость льва!..

Доримена. Я очень рада, что мне удалось одной из первых поздравить вас с таким редким отличием…

Журден. А вам, сударыня, желаю, чтобы

круглый год цвел розовый куст ваш… Я вам несказанно обязан за ваше внимание к моему благополучию; чрезвычайно рад, что вы пожаловали ко мне и что я могу извиниться перед вами за грубость моей жены…

Доримена. О, какой вздор! Я вполне понимаю и извиняю ее… Без сомнения, ей очень дорога ваша любовь, и немудрено, что она побаивается за то счастье, какое выпало ей на долю!

Журден. Вся моя любовь принадлежит вам, сударыня…

Дорант. Вы видите, маркиза, что господин Журден не из тех людей, которых ослепляют почести: в своем высоком положении он не забывает старых друзей…

Доримена. Это свойство великих душ!

Дорант. А где же его турецкое высочество?.. Как ваши друзья, мы желали бы представиться ему…

Журден. Вот он… А за дочерью я сейчас послал, чтобы поспешить с помолвкой…

Явление четвертое

Те же, Клеонт (по-прежнему переодетый).

Дорант *(Клеонту).* Позвольте, ваше высочество,

друзьям вашего будущего тестя представиться вам и засвидетельствовать их глубочайшее к вам уважение…

Журден. Где же переводчик?.. Он должен сказать ему, кто вы такие, и передать ему ваши слова. Вот вы услышите, как он вам ответит: по-турецки говорит удивительно… Эй! Куда он запропастился, черт его возьми?!. *(Клеонту.)* Струф, стриф, строф, страф: этот господин — гранде сеньоре, гранде сеньоре, гранде сеньоре; а эта госпожа — гранда дама, гранда дама, гранда дама… *(Видя, что тот его не понимает.)* А! *(Клеонту, указывая на Доранта.)* Это вот французский мамамуши, а это французская мамамушица… Если неясно, лучше не могу… Ну наконец-то пожаловал!

Явление пятое

Те же, Ковьель (переодетый).

Журден. Где вы были? Без вас слова сказать не можем… *(Указывая на Клеонта.)* Передайте его высочеству, что этот господин и эта госпожа — знатные особы и что они желают представиться ему, а также засвидетельствовать свое уважение… *(Доримене и Доранту.)* Слушайте,

слушайте!

Ковьель. Алабала крочиам акчи хорам алабамен.

Клеонт. Каталеки тубал урин сотер амалухан.

Журден *(Доримене и Доранту)*. Слышите, а?..

Ковьель. Он говорит: «Да будет вечно орошаем всякими благами сад всего вашего рода».

Журден. Не сказал я вам, что он говорит по-турецки?

Дорант. Поразительно!

Явление шестое

Те же, Люсиль.

Журден. Подойди, дочь моя, подойди и дай руку этому господину, который делает тебе честь, желая взять тебя в жены…

Люсиль. Что такое, батюшка? Я понять не могу! Что за комедия?..

Журден. Совсем не комедия, а дело очень серьезное, и такая для тебя честь, какой тебе и не снилось. *(Указывая на Клеонта.)* Вот твой жених…

Люсиль. Мой жених, батюшка?..

Журден. Да-да! Протяни же ему руку и поблаго-

дари небо за ниспосланное тебе счастье!

Люсиль. Я вовсе не хочу замуж…

Журден. А я этого хочу! Отец я тебе или нет?

Люсиль. Ни за что!

Журден. Без разговоров. Руку, говорят тебе! Руку, ну?!.

Люсиль. Нет, батюшка, я уже сказала вам, что никто и ничто не заставит меня выйти за кого-нибудь, кроме Клеонта; и я скорее решусь наложить на себя руки, чем… *(Узнав Клеонта.)* Вы, мой отец, правы, и я обязана беспрекословно повиноваться вам… На все ваша воля, а я пререкословить не смею!

Журден. Так-то. Вот лучше! Очень рад! Приятно иметь послушную дочь!..

Явление седьмое

Те же, г-жа Журден.

Г-жа Журден. Что это? Что это? Ты, говорят, хочешь отдать дочь за какое-то чучело?..

Журден. Замолчишь ли ты наконец, неугомонная баба? Всюду суешь свой глупый нос, и никакими силами не вразумить тебя!..

Г-жа Журден. Это тебя никакими силами не

вразумить: что ни шаг, то новая глупость! Что ты затеял? Что тебе в голову взбрело?..

Журден. Я выдаю дочь за сына турецкого султана!

Г-жа Журден. За сына турецкого султана?..

Журден. Ну да! *(Указывая на Клеонта.)* Приветствуй его как следует — через вот этого переводчика…

Г-жа Журден. На что мне переводчик: я и без переводчика прямо в глаза ему скажу, чтобы он о моей дочери и думать не смел!

Журден. Ой заставлю я тебя замолчать!

Дорант. Как, госпожа Журден, — вы противитесь такому счастью? Не хотите иметь зятем его турецкое высочество?

Г-жа Журден. Ах, сударь, знали бы вы лучше свои дела!

Доримена. Это такая честь, от которой нельзя отказываться!

Г-жа Журден. Уж будьте любезны и вы, сударыня, не заботиться о том, что вас не касается!..

Дорант. Если мы позволяем себе вмешиваться, то лишь из дружбы к вам…

Г-жа Журден. Проживем и без вашей дружбы!

Дорант. Однако ваша дочь соглашается повиноваться отцу…

Г-жа Журден. Моя дочь соглашается выйти за турка?!.

Дорант. Беспрекословно!

Г-жа Журден. И может забыть Клеонта?!.

Дорант. Все можно забыть ради того, чтобы сделаться знатной дамой!

Г-жа Журден. Пусть-ка она осмелится: я ее своими руками задушу!

Журден. Вот язык-то без костей! Говорю тебе, что этот брак — дело решенное!..

Г-жа Журден. А я тебе говорю, что этому браку не бывать!

Журден. Не ори!

Люсиль. Матушка…

Г-жа Журден. Знать тебя не хочу, скверная девчонка!

Журден *(г-же Журден)*. Как?! Ты не хочешь ее знать за то, что она меня слушается?..

Г-жа Журден. Да… Она такая же моя, как и твоя!

Ковьель *(г-же Журден)*. Сударыня…

Г-жа Журден. Вас еще тут недоставало!

Ковьель. Одно слово…

Г-жа Журден. Не нужно мне вашего слова!

Ковьель *(Журдену)*. Сударь, мне бы только одно слово шепнуть вашей супруге: ручаюсь вам, что

тогда она на все согласится!..

Г-жа Журден. Ни на что не соглашусь!

Ковьель. Выслушайте только…

Г-жа Журден. Нет!

Журден *(г-же Журден)*. Да выслушай же!

Г-жа Журден. Нечего мне его слушать!

Журден. Он тебе скажет…

Г-жа Журден. Ничего он мне не скажет!

Ковьель. Только выслушайте, а потом поступайте как угодно…

Г-жа Журден. Ну что такое?!.

Ковьель *(тихо г-же Журден)*. Вот уж целый час, сударыня, как мы вам делаем знаки… Неужто вы не видите, что мы только потакаем сумасбродству вашего мужа, что мы обманываем его этим переодеванием и что сын турецкого султана — не кто иной, как сам Клеонт?

Г-жа Журден *(тихо Ковьелю)*. А-а-а!..

Ковьель *(так же)*. А я совсем не переводчик, я Ковьель…

Г-жа Журден *(так же)*. А… ну если так, я уступаю…

Ковьель *(так же)*. Не выдавайте нас!

Г-жа Журден *(громко)*. Так и быть, я согласна на этот брак…

Журден. Уф, насилу-то все образумились! *(Г-же*

Журден.) А ты не хотела его выслушать! Я был уверен, что он тебе все разжует и в рот положит!

Г-жа Журден. Все разжевал и в рот положил — и мне больше ничего не надо! Посылай за нотариусом...

Дорант. Прекрасно сказано!.. А для того чтобы вы были совсем уж довольны, сударыня, и чтобы у вас не осталось уж никакого повода ревновать вашего супруга, как это сегодня было, спешу вам объявить другую новость: тот же самый нотариус составит свадебный контракт и для нас с маркизой.

Г-жа Журден. Согласна и на это!

Журден *(тихо Доранту)*. Вы отводите ей глаза — понимаю!..

Дорант *(тихо Журдену)*. Надо утешить ее этой выдумкой!..

Журден *(так же)*. Так, так... *(Громко.)* Пусть сходят за нотариусом!

Дорант. А когда с ним разделаемся — посмотрим балет и позабавим его турецкое высочество дивертисментом...

Журден. Отлично придумано! Займемте же места!

Г-жа Журден. А Николь?

Журден. Я отдаю ее переводчику, а жену — ко-

му угодно!..

Ковьель. Покорнейше вас благодарю, сударь... *(В сторону.)* Однако другого такого олуха, пожалуй, и не сыщешь!..

Балет наций
Выход первый

Раздаватель билетных либретто, пляшущий; надоедала, пляшущий; два кавалера, две дамы, два гасконца, швейцарец, старый болтун, старая болтунья, зрители, поющие.

Хор зрителей *(раздавателю либретто)*

Ах, сударь, мне! Прошу вас! Ради бога,
Позвольте книжку мне… Служить вам всем готов…

1-й кавалер

От этих, сударь, крикунов
Нас отличите хоть немного:
На нашу сторону, пожалуйста, – для дам…

2-й кавалер

Эй, сударь! эй! Хоть две-три книжки нам!

1-я дама

Как мало, боже мой, как мало

Здесь чтут порядочных людей!

2-я дама

Лишь для одних гризеток здесь достало
И книжек и скамей!

1-й гасконец, 2-й гасконец и швейцарец ломаным языком выражают свое неудовольствие. Раздаватель либретто, спасаясь от докучников, преследующих его по пятам, убегает в гневе.

Старый болтун

Ни крошки правды не тая,
Скажу вам я:
Бог им судья,
Всем этим с самого начала
Доволен мало...
Вот дочь моя,
Такое милое дитя,
Каких еще и не бывало,
И счет она уж потеряла
Тем, что рвались ко мне в зятья:
Нужна ей книжка, чтоб, следя
Стих в стих, она все понимала, —

И нет!.. К тому ж не ожидала
Моя семья,
Когда себя
Так наряжала,
Чтоб ей забраться предстояло
Чуть не в надзвездные края,
Тогда как зала
Полна каким-то сбродом вся!
Бог им судья, —
Доволен, правды не тая
Ни крошки, я,
Скажу вам, с самого начала
Всем этим мало!
Старая болтунья
О, что за стыд!
Лицо мое так и горит!
Вишь, отыскался сибарит —
И не глядит!..
Скотство подобное едва ли
Когда видали!
Да где же мы: сошлись ли в зале
Иль в хлев попали?..

А если б знали,
О чьей красе во всем квартале
Молва гремит
И с кем вчера еще на бале
Два графа даже танцевали?!.
И ей нет места?! Стыд! стыд! стыд!

Кавалеры

Какой здесь шум!

Дамы

Какая смесь!

Кавалеры

Того гляди, друг друга покалечим
Мы в этой толкотне!..

1-я дама

О боже мой!

2-я дама

Да здесь дышать нам скоро будет нечем!

Гасконцы и швейцарец тем же ломаным языком выражают свое неудовольствие.

Старый болтун

Уйдем, дружок,
От недотрог:
Следок в следок
Не отставай ни на вершок…
Мы здесь, как видно, не в почете,
А словно в каторжной работе!..
Я изнемог,
Разбит и вдоль и поперек,
Насквозь промок
И под собой не слышу ног!
Нет, братцы, врете, —
Очков мне больше не вотрете
И в свой вертеп не зазовете!
Я к вам по собственной охоте
Уж не ходок;
А соблазнюсь – в один прискок
Меня на первый же сучок,
И мы в расчете…
Уйдем, дружок,
От недотрог:
Следок в следок

Не отставай ни на вершок...
Мы здесь, как видно, не в почете,
А словно в каторжной работе!..
Старая болтунья
Скорей домой,
Барашек мой!
Тут, как ни вой,
Все стой да стой,
Как будто сами мы не баре!..
А чуть мы вон – состроят хари
От удивленья – ой-ой-ой!..
Толклась бы лучше на базаре,
Сюда же больше ни ногой:
Иначе пусть из вас любой
Своей рукой
Пощечин влепит мне по паре!..
Скорей домой,
Сыночек мой!
Тут, как ни вой,
Все стой да стой,
Как будто сами мы не баре!..

Раздаватель либретто возвращается в со-

провождении докучников. Зрители с криками накидываются на него. Докучники раздают книги, взятые ими у раздавателя, который в это время пляшет.

Выход второй

Трое докучников пляшут.

Выход третий

Испанцы.

Три испанца *(поют)*

Se que me muero de amor
Y solicito el dolor.
A un muriendo de querer
De tan buen ayre adolezco
Que es mas de lo que padezco
Lo que quiero padecer
Y no pudiendo exceder
A mi deseo el rigor.
Se que me muero de amor
Y solicito el dolor.

Lisonxeame la suerte
Con piedad tan advertida,
Que me assegura la vida
En el riesgo de la muerte.
Vivir de su golpe fuerte
Es de mi salud primor.
Se que, etc.

Шесть испанцев танцуют.

Три испанца-музыканта

Ay! que locura, con tanto rigor
Quexarce de Amor,
Del nino bonito
Que todo es dulcura.
Ay! que locura!
Ay! que locura!

Испанец *(поет)*

El dolor solicita,
El que al dolor se da,
Y nadie de amor muere
Sino quien no save amar.

Два испанца

Dulce muerte es el amor
Con correspondencia igual,
Y si esta gozamos hay
Porque la quieres turbar?

Испанец

Alegrese enamorado
Y tome mi parecer
Que en esto de querer
Todo es hallar el vado.

Все три испанца

Vaya, vaya de fiestas,
Vaya de vayle.
Alegria, alegria, alegria,Q
Que esto de dolor es fantasia.

Выход четвертый

Итальянцы.

Итальянка

Di rigori armata il seno
Contre Amor mi libellai,

Ma fui vinta in un baleno
In mirar due vaghi rai.
Ahi! che resiste puoco
Cor di gelo a stral di fuoco!
Ma si caro e 'l mio tormento,
Dolce e si la piaga mia,
Ch' il penare e 'l mio contento,
E 'l sanarmi e tirannia.
Ahi! che piu giova e piace
Quanto amor e piu vivace!

Два скомороха и два шута представляют с арлекином ночь в стиле представлений итальянских комедиантов.

Музыкант-итальянец

Bel tempo che vola
Rapisce el contento,
D'Amor ne la scola
Si coglie il momento.

Музыкантша-итальянка

Insin che florida
Ride l'eta

Che pur tropp' horrida
Da noi sen va.

Оба вместе

Su cantiamo,
Su godiamo,
Ne' bei di di gioventu:
Perduto ben non si racquista piu.

Музыкант

Pupilla ch'e vaga
Mill' alm incatena,
Fa dolce la piaga,
Felice la pena.

Музыкантша

Ma poiche frigida
Langue l'eta
Piu l'aima rigida
Fiamme non ha.

Оба музыканта

Su cantiamo, etc.

Шуты и скоморохи заканчивают выход пляской.

Выход пятый

Французы.

Два пуатуанца, поющие и пляшущие; пуатуацы и пуатуанки, пляшущие.

1-й пуатуанец

Как хорошо в тени ветвей!
Как день ликующий сияет!

2-й пуатуанец

И сладкогласный соловей
Прилет свой лесу возвещает…
Приют чудесный —
Зеленый свод;
Приют чудесный
К любви зовет!

Оба

Как жизнь прекрасна!
Взгляни вокруг:
И там и здесь к супруге страстно
И нежно ластится супруг…

Одной природе лишь подвластна,
Любовь у птиц не знает мук!
Из-за листвы нам каждый сук
За звуком звук
Сулит блаженство не напрасно!
Гони испуг,
Мой милый друг,
И пусть сердца звучат согласно!

Три пуатуанца и три пуатуанки пляшут вместе.

Выход шестой и последний

Испанцы, итальянцы и французы смешиваются в одну массу под общие рукоплескания.

Хор зрителей

Очаровательно! Такого наслажденья
И боги никогда не знали, без сомненья!..

Томас Брэндон. Тетка Чарлея

Фарс в 3-х действиях

Действующие лица

Полковник сэр Фрэнсис Чеснэй, баронет, служивший в Индии.

Стэфан Спетлайг, адвокат.

Джек Чеснэй, Чарлэй Вайкэм студенты в Оксфорде.

Лорд Фрэнкерт Баберлей.

Брассэт, лакей.

Донна Люциа д'Альвадорец, тетка Чарлея.

Энни, племянница Спетлайга.

Кити Веден, его воспитанница.

Елла Делэй.

Мэри, служанка у Спетлайга.

Действие I

Комната Джэка. На заднем плане две двери: левая входная, правая в комнату Чарлэя. В простенке буфет. В середине боковой левой кулисы балкон фонариком, дверь на который завешана портьерой. В середине правой кулисы окно. Направо стул, на нем дорожный мешок; письменный стол, корзина для бумаг. В середине круглый обеденный стол. По стенам развешаны фотографии, рапиры, перчатки для фехтования. На столах разбросаны книги, бумаги и проч. В буфете четыре бутылки шампанского, одна бутылка красного, одна бутылка виси, три стакана, графин с водой. На двух стульях на спинках салфеточки и в окно вид на университетский двор.

1

Джэк, потом Брассэт.

Джэк *(сидит у письменного стола и пишет письмо).* Ничего не выходит! Не хватает пылу! *(Бросает перо.)* Да, написать любовную записку оказывается не так-то легко лучше бы было

объясниться ей в любви лично, благо третьего дня представлялся отличный случай. *(Встает и садится на край обеденного стола).* Завтра все их семейство уезжает в Шотландию — лично не успею — значит надо написать, но что? Придумал! Сочиню дюжину записочек и, какая окажется лучше, — ту и пущу в ход. *(Садится опять к письменному столу.)* Влюблен ты в самую красивую девушку Англии и не можешь написать ей двух строк! Фу, какой срам! *(Пишет.)* «Ясное солнышко моего существования, путеводная звездочка моей жизни!» Нет, это уж черезчур, даже глупо! *(Рвет и бросает в корзину. Пишет другое.)* Дорогая мисс Вёден… Нет это слишком сухо. *(Рвет и бросает.)* «Дорогая моя ненаглядная Китти!..» гм! немножко смело, но зато отлично передает мое душевное настроение — значит идет! *(Пишет.)* «Дорогая моя ненаглядная Китти» превосходно. *(Брассэт выходить из правой на середину).* Вот когда я наконец в ударе: «Дорогая моя ненаглядная Китти».

Брассэт. Извините меня… вы позволите…

Джэк. Ничего не позволяю… я занят.

Брассэт. Очень хорошо. Я только… *(Подходит к нему ближе).*

Джэк. Говорят вам оставьте меня в покое.

Брассэт. Очень хорошо. *(Нерешительно отодвигается к среднему столу).*

Джэк. Это ни на что, наконец, не похоже! оборвал мое вдохновение на самом интересном месте! «Дорогая моя ненаглядная Китти» *(Брассэт нечаянно роняет со среднего стола книги.)* Вы еще здесь? чего вам от меня нужно? *(Не смотрит на него).*

Брассэт. Я на счет деньжонок!

Джэк. Все получите — не беспокойтесь.

Брассэт. Да я их уж получил.

Джэк. Вторые значит хотите заполучить? Вон!

Брассэт. Очень хорошо! *(Идет к двери).*

Джэк *(дрожащим от гнева голосом).* «Дорогая моя ненаглядная Китти».

Брассэт *(в дверях, оборачиваясь).* Это вы меня кличете?

Джэк. Вон! *(Запускает в него книгой и погружается в писанье. Брассэт быстро исчезает).*

2

Джэк, Чарлэй, потом Брассэт.

Чарлэй *(из правой с письмом в руках).* Я хотел сказать… *(Идет на авансцену).*

Джэк *(вскакивает в бешенстве).* Если вы сейчас отсюда не уберетесь… *(Узнает Чарлэя).* Ах, это ты, Чарлэй. *(Идет к нему.)* Что случилось?

Чарлэй. Если ты занят — я тебе мешать не стану; в другой раз. *(Хочет уйти).*

Джэк. Нет, оставайся! Меня разозлил этот осел Брассэт — лезет скотина и перебивает, не обращая никакого внимания на то, что я занят сочинением очень важного письма *(возвращается к письменному столу);* ты меня извини… Я очень расстроен! *(Садится к столу).*

Чарлэй. Я тоже не в своей тарелке.

Джэк. Отчего?

Чарлэй. Нужно написать тоже важное письмо.

Джэк. Кому?

Чарлэй. Энни Спетлайг.

Джэк. Ну и что же? — Написал?

Чарлэй. Видишь ли, я хотел написать так, чтобы вышло не очень страстно, но и не очень сухо. Думал, думал и начал так: «Дорогая моя и ненаглядная Энни».

Джэк. Очень хорошо. Дальше?

Чарлэй. Дальше? Дальше ничего не выходит — никак не подберу подходящих словечек. Вот я и пришел к тебе за советом — ты на это большой мастер.

Джэк. Ты думаешь?

Чарлэй. Конечно — я слишком робок и застенчив, а ты в этих делах молодчина и тебе ничего не стоит набросать мне черновичек.

Джэк *(в сторону).* Блестящая мысль! Составлю ему послание — выйдет хорошо, — пущу в ход и для себя! *(Садится и берет бумагу.)* И так, ты влюблен в Энни Спетлайг и хочешь узнать от нее свою участь?

Чарлэй. Да, да и как можно скорей, — она со всей семьей уезжает завтра на лето в Шотландию.

Джэк. Я это знаю. И ты желаешь переговорить с ней до отъезда с глазу на глаз, только не заешь когда и где? Так что ли?

Чарлэй. Совершенно верно. *(Садится на край среднего стола.)*

Джэк. Прекрасно! Начнем так. *(Пишет.)* «Дорогая моя ненаглядная Китти». *(Дальше не знает что писать.)*

Чарлэй *(подходит к нему и смотрит через письменный стол ему в глаза, затем отходит и садится опять на средний стол.)* Ее зовут не Китти, а Энни!

Джэк. Конечно… это я ошибся! *(Пишет и говорит деловым тоном.)* «Дорогая моя ненаглядная

Энни, простите меня великодушно за то, что я осмеливаюсь почтительнейше доложить вам о том безумном чувстве глубокого к вам высокопочитания» — да это хорошо… *«безумном»* подчеркнем для выразительности… «о котором я прошу у вас позволения говорить с вами лично и на веки…»

Чарлэй. Стой, стой… это уж через чур… Я бы конечно готов хоть сейчас под венец, но у меня есть тетка…

Джэк. Велика беда — у каждого есть тетка!

Чарлэй. Но только не такая как у меня, — моя тетка — особенная: — она призрела меня, когда я ребенком остался круглым сиротою и до сих пор печется обо мне, как о родном сыне; благодаря ей я попал в университет. Опекун пишет мне, что сегодня она будет у меня в час завтракать, — так не могу же я решить на веки такое дело, не посоветовавшись с нею.

Джэк. Это другое дело. *(Встает.)* Поговори с теткой; что она старая — богатая?

Чарлэй. Я ее еще ни разу и в глаза не видал. Много лет тому назад она уехала в Бразилию экономкой к богатому плантатору д'Альвадорец и я ее потерял из виду, пока мне совершенно случайно не попал в руки вот этот газетный листок

(вынимает из кармана и подает ему газету.)

Джэк *(читает).* «Донна Люциа д'Альвадорец, известная бразильская миллионерша, купившая замок лорда Тёппльби — родом чистокровная англичанка, обладающая выдающимися коммерческими талантами. Долгие годы она была самой деятельной помощницей дон Педро д'Альвадорец, ее покойного супруга, который в благодарность еще при жизни передал ей значительную часть своего состояния и в конце концов женился на своей бывшей экономке». Со стороны твоей тетки это очень похвально, — но что же тут общего с твоей любовью?

Чарлэй. А вот читай дальше!

Джэк. *(читает).* «Она бездетна, и единственный ее родственник — племянник, Оксфордский студент». Вот оно что! Тебе можно позавидовать! Я начинаю чувствовать глубокое уважение к твоей тетушке, да за одно уж и к тебе — она наверняка оставит тебе все свое состояние! *(Бросает газету на стол.)* Так это ее ты ждешь с минуты на минуту?

Чарлэй. Да, но только теперь ее появление очень не кстати... я страшно занят... мне необходимо составить очень важное письмо Энни.

Джэк *(вдумчиво).* Знаешь, друг, мне пришла в

голову блестящая мысль и мы можем ею воспользоваться оба! Надо тебе сказать, что я влюблен в Китти, так, как ты в Энни.

Чарлэй. Неужели?

Джэк. Да, я люблю Китти больше чем… чем жженку, а ее я обожаю! Все это я собирался ей написать, когда ты пришел. *(Показывает на стол.)* Вот письмо.

Чарлэй *(пожимает ему руку).* От души поздравляю. Дописывай скорей.

Джэк. К черту письма! Личное объяснение в тысячу раз лучше. Мы пригласим обеих барышень на завтрак, который мы устроим в честь твоей тетки. Брассэт нам сейчас все устроит. *(Зовет.)* Брассэт, Брассэт!

Чарлэй. Они пожалуй не придут: дядюшка Спетлайг не пустит их.

Джэк. Пустяки, он уехал сегодня на целый день в Лондон по делам.

Чарлэй. Чудесно.

Джэк. Сейчас мы напишем приглашение. Садись, я тебе продиктую! *(Зовет.)* Брассэт?

Чарлэй *(садится за письменный стол).* Ну, начинай!

Джэк *(диктует).* «Дорогая мисс Спетлайг!» *(Зовет.)* Брассэт, куда вы девались!

Брассэт *(входит).*

Джэк. Поскорее посыльного.

Брассэт. Очень хорошо! *(Уходит.)*

Чарлэй *(пишет).* И так — «дорогая мисс Спетлайг»… ну дальше.

Джэк *(наклоняясь над столом диктует).* «Не будете ли вы и мисс Вёден так любезны, сделать честь мистеру Чеснэю и мне позавтракать». — Адрес я напишу сам.

Чарлэй *(пишет).* «Адрес я напишу сам»…

Джэк. Сумасшедший, не пиши; это я так сказал. *(Надписывает конверт.)* «Мисс Спетлайг».

Чарлэй. Что же мне писать?

Джэк *(диктует).* Позавтракать с моей тетушкой. Как ее зовут?

Чарлэй. Донной Люцией д'Альвадорец.

Джэк *(диктует).* «Ваше согласие осчастливит глубоко»… *(Прикладывает к конверту промокательную бумагу.)*

Чарлэй *(пишет).* Глубоко уважающего вас Чарлэя Вайкэм».

Джэк*(запечатывает письмо).*

Чарлэй. Это письмо делает нам честь.

Джэк. Наши девицы запрыгают от восторга.

Брассэт. Посыльный пришел.

Джек *(идет к письменному столу, рвет нача-*

тые письма и бросает в корзину). Такие страстные натуры, как мы с тобой, не могут объясняться письменно.

Чарлэй. Мы увидим сейчас дам нашего сердца.

Джэк. А благодаря кому? Благодаря твоей тетке. Без нее мы никогда бы не могли пригласить их. *(Зовет.)* Брассэт.

Брассэт *(входит).* Что прикажете?

Джек. Приготовьте скорее завтрак на пять персон.

Брассэт. На пять…

Джек. Ровно к часу.

Брассэт *(смотрит на часы).* Трудновато; теперь уже половина первого. *(Начинает накрывать стол.)*

Джэк. Без рассуждений. Приготовить во чтобы то ни стало.

Чарлэй. Ах, Джэк, как у меня бьется сердце!

Джэк. И у меня тоже.

Брассэт. Какое вино прикажете подать?

Джэк. Разумеется шампанское.

Брассэт. Оно уже почти все вышло.

Джэк. В шкафу, кажется, оставалось шесть бутылок.

Брассэт *(приносит четыре бутылки из буфета).* Тут только четыре.

Чарлэй. Этого вполне достаточно.

Джэк. Вчера было шесть.

Брассэт *(ставит на стол четыре бутылки; бутылку с красным вином оставляет в буфете).* Извините: раз, два, три, четыре. И еще одна раскупоренная бутылка красного.

Джэк *(подходит справа к Чарлэю).* Она уже стоит здесь несколько недель. Вон ее. *(Чарлэю.)* Малый должно быть стянул шампанское.

Оба*(смотрят укоризненно на Брассэта; качают головой).*

Брассэт*(знаками показывает свою невинность и уходит).*

Джэк. Когда приедет твоя милейшая тетушка, ты конечно пойдешь показать ей нашу знаменитую капеллу, а я пока поболтаю без помехи с Китти.

Чарлэй. Зачем я с ней пойду? Я тоже хочу поговорить с Энни.

Джэк. Надо значит найти кого-нибудь, кто бы занялся ею.

Чарлэй. Кого? Ничего не могу придумать.

Брассэт *(приходит накрывать на стол).*

Чарлэй. Кого, кого? *(Смотрит на Брассэта, указывает на него).* А что, если мы представим его твоей тетке, как профессора? У него очень

внушительная наружность!

Брассэт *(расставляет бутылки).*

Чарлэй. Великолепно. Он очень похож на филолога.

Джэк *(идет задумчиво налево).* Но тогда кто же будет нам подавать завтрак?

Чарлэй. В самом деле не годится. Поищем кого-нибудь другого.

Джэк. Знаешь, можно позвать кого-нибудь из товарищей: Фредди Пиль, например!

Чарлэй. Нашел кого! Такую дубину!

Джэк. Да пожалуй, — он бросит тетушку…

Чарлэй …и примется ухаживать за барышнями.

Джэк. Постой! Я нашел! Возьмем Бабса.

Чарлэй. Превосходно. Бабс славный малый и сумеет занять тетушку.

Джэк. Брассэт, сходите скорей к лорду Фрэнкерт Бабёрлей, кланяйтесь ему и просите его поскорей сюда.

Брассэт. Очень хорошо! *(Уходит.)*

Чарлэй *(идет за Брассэтом).* Скажите ему, чтобы он поторопился.

Брассэт *(уже за сценой).* Очень хорошо.

Джэк. Ну отлично; теперь все устроили. Пока Бабс будет занимать твою тетушку, мы успеем

объясниться с нашими дамами.

Чарлэй. Кстати, ты не заметил, что Бабс после своего путешествия находится в меланхолии?

Джэк. Он наверное влюбился, как и мы с тобой.

Чарлэй. Тем лучше. Он скорее поймет нас и войдет в наше положение.

Джэк. И займет твою старую тетку.

Чарлэй. Как ты все это хорошо устроил. Джек. Ты должен непременно сделаться дипломатом.

Брассэт *(входит).* Лорд Бабёрлей извиняется: он ждет к завтраку гостей, просит пожаловать вас к нему и одолжить ему две бутылки шаманского.

Джэк. Как он смел пригласить гостей, когда он нам нужен?

Чарлэй. У него наверное будет этот надутый Фредди Пиль и другие в том же роде.

Джэк. Будут целый день петь и орать.

Чарлэй. А нам придется слушать.

Джэк. Я не допущу этого. Брассэт, накройте на шесть персон.

Брассэт. Очень хорошо! *(Возится у стола.)*

Чарлэй. Что ты хочешь делать?

Джэк. Пойдем к нему и притащим его сюда, силой. Из-за него расстраивается весь наш план. Брассэт, заморозьте шампанское.

Брассэт. Очень хорошо!

Джэк. И накрывайте скорее на стол. Ровно в час мы будем завтракать! — Пойдем, Чарлэй. *(Уходят налево.)*

3

Брассэт один.

Брассэт. Легко сказать, поскорей. Теперь уж почти час. *(Ставит на стол ящик с сигарами.)* Они все делают скоро! *(Подвигает стул к столу.)* Только платят не скоро! *(Гладит бутылку шампанского.)* Жаль! Я собирался распить ее сегодня сам! *(Уходит налево.)*

4

Бабёрлей, Джэк, потом Чарлэй.

Бабёрлей *(показывается в окне).* Джэк, ты дома? *(Влезает в окно.)* Никого! Неприятно. Вот положение. *(Осматривается, идет к буфету.)* Джэк должен мне дать шампанского. Ну, обойдусь и без него! Куда он только его ставит? *(Замечает бутылки.)* А, мне везет. *(Видит дорожный мешок,*

завертывает бутылки в салфетки и прячет в мешок.) И поделом ему. Кто же это оставляет так благородный напиток. Нас как раз четверо: по бутылке на брата. Пожалуй маловато! Впрочем зарядимся сначала виски. *(Идет с мешком к левой двери.)*

Джэк и Чарлэй *(входят в левую дверь, натыкаются на Бабса и вводят его под руки на середину).*

Джэк *(берет у него дорожный мешок и кладет на стол).* Наконец-то мы тебя нашли!

Бабс. Я вас тоже ищу. Каков я сегодня? Хорош?

Чарлэй. Писаный красавец, как всегда.

Бабс. Очень рад! Ну, а теперь прощайте! *(Берет мешок, кланяется и идет к левой двери).*

Джэк *(возвращает его, как выше. Кладет мешок на стол).* Погоди немножко, ты просил меня…

Бабс. Дать мне две бутылки шампанского.

Джэк. К сожалению я не могу исполнить твоей просьбы, потому что Брассэт стянул у меня именно две бутылки.

Бабс. Это наша участь. Меня мой лакей тоже здорово обкрадывает. Ничего не поделаешь. Надо с этим мириться. До свиданья! *(Берет мешок и хочет уйти).*

Джэк. Погоди! Я заходил к тебе вчера вечером, но не застал тебя дома. Где ты был?

Бабс. У Фредди Пиль — играли в банк. Я выиграл с него сто фунтов, посмотрел бы ты на его рожу!

Чарлэй. Что же, он заплатил?

Бабс. Нет, просит подождать смерти бабушки.

Джэк. Да ведь она уже три года, как умерла.

Бабс. Вот так штука! Однако мне пора. Прощайте! *(Берет мешок и хочет уйти).*

Джэк *(возвращает его как выше).* Куда ты? позавтракай с нами!

Бабс. Не могу. Меня ждет профессор.

Джэк *(льстиво похлопывает его по плечу).* Брось ты это. Ты и так уж умен.

Бабс. Ты думаешь?

Чарлэй. Много работать тебе вредно! Ты подурнеешь. Лучше позавтракай с нами. Сегодня приезжает моя тетка. Ей очень хочется с тобой познакомиться.

Бабс *(смеясь).* Твоя тетка? Лучше если бы был дядя. Например, всем известный дядюшка Петер, снабжающий нас презренным металлом. *(Все смеются).*

Джэк и Чарлэй *(толкают Бабса).*

Джэк. Бабс, ты — само остроумие.

Чарлэй. Ты уморишь со смеху мою тетушку.

Бабс. Еще бы! Уж я постараюсь ей понравиться. Кто она такая?

Джэк. Прелестная женщина, вдова и миллионерша!

Бабс. Прелестная миллионерша Я с ней должен непременно познакомиться.

Джэк. Мы было хотели позвать Фредди Пиль, но потом раздумали.

Бабс. Ваш Фредди Пиль болван. Я гораздо лучше его могу занять прелестную миллионершу. Как ее зовут?

Чарлэй *(значительно).* Донна Люциа д'Альвадорец.

Бабс. Бррр! Вот так имечко! Нет уж лучше прощайте! *(Берет мешок и хочет уйти; Джэк и Чарлэй возвращают его, как выше).*

Джэк. Нет уж мы тебя ни за что не выпустим. Ну что тебе стоит позавтракать с такой милой старушкой?

Бабс. Старушкой? Покорно вас благодарю. Я ухаживаю только за молоденькими.

Чарлэй. Мы ждем к завтраку еще молоденьких барышень.

Бабс. Хорошеньких?

Чарлэй. Очень!

Бабс. Ну, это другое дело! Сколько их?

Джэк. Две!

Бабс. Две! Теперь я все понял. Каждый из вас

возьмет по барышне, а я возись со старухой. Благодарю покорно. *(Хочет уйти).*

Джэк *(удерживая его).* Да постой! Дай договорить. Дело в том, что…

Бабс. Ну что еще?

Чарлэй. Что ты нам должен помочь, как друг.

Джэк. Надо тебе сказать, что мы влюблены.

Бабс. Оба сразу? молодцы.

Чарлэй. Слушай! Это очень серьезная вещь

Джэк. Даже печальная.

Чарлэй. Когда ты их увидишь, ты поймешь нас. Они хороши как ангелы.

Бабс. Что ж, вы с ними объяснились?

Джэк. В том-то и дело, что нет.

Бабс. Так я должен объясниться за вас?

Джэк. Нет, это проделаем мы сами, а ты должен занять тетку.

Бабс. Ну, нет, слуга покорный!

Чарлэй. Ты бы не стал так упираться, если бы ты знал, что такое любовь!

Бабс. Я знаю, честное слово знаю! *(Вздыхает.)* разве вы не заметил, как я бываю иногда мрачен?

Чарлэй. Да, да!

Джэк. А что за причина твоей печали?

Бабс. Я и сам не знаю. Мне кажется, что я тоже

влюблен.

Чарлэй. Из чего ты это заключаешь?

Бабс. Из того, что меня тянет гулять при луне, слушать соловья, писать глупейшие стихи. По ночам я не могу спать. Я хотел залить вином мою тоску, но после выпивки я всегда болен. Болит голова. И поэтому я бросил пить.

Джэк. Признаки зловещие!

Бабс. Я вам сейчас все расскажу: *(Садится направо, Джэк на средний стол, Чарлэй налево)* когда я провалился на последнем экзамене, я поехал отдохнуть в Италию. В Монте-Карло я познакомился с одним английским офицером Делэй, у которого в кармане не было ни гроша.

Джэк. Проигрался значит в рулетку.

Бабс. Да, он дошел со своей дочерью почти до нищеты. Чтобы его утешить, я ходил к нему каждый день, развлекал его разговорами, картами…

Чарлэй. Ну и что же?

Бабс. В конце концов несчастный умер.

Джэк. А что сталось с его дочерью?

Бабс. Я потерял ее из виду. Она уехала с одной богатой американкой в Англию. Я несколько раз собирался объясниться ей в любви, но она была очень огорчена болезнью и смертью своего отца, а я застенчив; я затаил в себе мою любовь.

(Встает.) И теперь страдаю!

Чарлэй. Значит ты должен понять нас и помочь нам. *(Все встали).*

5

Те же и Брассэт. Китти и Энни за сценой.

Брассэт *(входит с письмом).* Посыльный принес ответ.

Джэк *(вырывает у него письмо и распечатывает).* Ну-ка посмотрим!

Чарлэй. Нет прежде я! *(Вырывает у него письмо).*

Джэк *(отнимает письмо и читает).* Ура! Они придут!

Всетрое. Ура!

Джэк. Ну, друг, подтянись! *(Хлопает его по плечу).*

Бабс. Говорят же вам, что мне некогда. Меня ждут мои друзья. Мы сегодня вечером должны репетировать пьесу для одного домашнего спектакля; мне дали роль старухи; а так как я никогда не играл женских ролей, то хотел днем померить платья и посмотреть, что из этого выйдет.

Джэк. Ты можешь сделать это и у нас. Где твои

вещи?

Бабс. В моей спальне, в картоне.

Джэк. Брассэт, принесите скорей картон сюда.

Брассэт. Очень хорошо! *(Уходит).*

Джэк *(достает из буфета бутылку виски и рюмку).*

Бабс. Не могу же я моих приятелей заставлять ждать понапрасну.

Джэк. Брассэт может сходить к ним и сказать, что ты заболел или что-нибудь в этом роде. *(Наливает рюмки).* Не будь таким эгоистом!

Чарлэй. Это не хорошо, Бабс!

Бабс. Ну ладно, я сделаю для вас все, что угодно, если вы поможете мне найти мою возлюбленную.

Джэк. Идет! А пока выпьем за ее здоровье. За здоровье будущей леди Фрэнкерт Бабёрлей — мисс… как ее имя?

Бабс. Не знаю!

Джэк. Так за здоровье мисс Делэй!

Всетрое *(чокаются).* Ура!

Брассэт *(входит с картоном).* Пожалуйте!

Бабс *(берет картон).* Благодарю, Брассэт; постойте! *(Джэку).* Одолжи мне пожалуйста два шиллинга? *(Ставит картон на стул).*

Брассэт. С удовольствием! *(Достает деньги и*

подает Чарлэю). Вот пожалуйте, два шиллинга.

Чарлэй *(передает их Джэку).*

Джэк *(передает Бабсу).* Изволь!

Бабс *(отдает деньги Брассэту).* Это вам за труды! *(Все смеются).*

Джэк *(показывая на картон).* Здесь твое дамское платье?

Чарлэй. Покажи-ка!

Бабс. Погодите! я сейчас наряжусь и тогда вы его увидите во всей красе. *(Уходит с картоном направо).*

Китти *(за сценой налево).* Должно быть здесь!

Энни *(тоже за сценой).* Я постучу! *(Стучит).*

Джэк. Слышишь, это они!

Чарлэй. А тетки все еще нет!

Джэк. Брассэт, отворите дверь!..

6

Те же, Китти и Энни. Потом Баберлей, позже Брассэт.

Джэк *(идет на встречу дамам).* Милости просим, милости просим! *(К Китти).* Как мне благодарить вас за ваше внимание…

Китти *(идет направо).* Ваше приглашение было

так мило.

Энни *(остается налево).* Но мы пришли слишком рано; еще никого нет.

Чарлэй *(расставляет стулья).* О помилуйте! *(Смотрит на часы).* Тетушка должна сейчас приехать!

Бабс *(выглядывает из-за двери без сюртука, увидев дам, исчезает).*

Китти *(осматриваясь).* Так вот покои, посвященные изучению наук.

Джэк. О да, здесь мы проводим за книгами дни и ночи! *(Прячет быстро бутылку виски в буфет).* Здесь развиваем мы наш ум и сердце.

Чарлэй *(к Энни).* Как хорошо, что мы можем поговорить еще сегодня. Завтра вы уезжаете в Шотландию?

Энни. Да, мы ездим с дядей в горы каждое лето. Там так скучно.

Чарлэй. Неправда ли, здесь гораздо веселей?

Энни. Еще бы! Хорошо еще, что дядя уехал сегодня в Лондон, а то бы он нас ни за что к вам не пустил. *(Отходят болтая в глубину).*

Джэк. Я никогда не забуду вечера третьего дня.

Китти. Почему?

Джэк. Это был счастливейший вечер моей жизни. Ну может ли быть что-нибудь лучше, как

прогулка под руку с очаровательным созданием?

Китти. Как вы поэтично сегодня настроены!

Джэк. В вашем присутствии я не могу быть другим.

Китти. Не скажите этого как-нибудь в присутствии моего опекуна; он запретит нам видеться.

Джэк. Почему? У меня самые честные намерения.

Китти. Это ему все равно. Он запрещает мне знакомиться с молодыми людьми. *(Идет в глубину).*

Джэк *(за ней).*

Энни *(Чарлэю).* Ваша тетушка наверно очень милая дама. Почему вы нас с ней не познакомите?

Чарлэй. Да ее еще нет. Она приедет вероятно со следующим поездом.

Энни. Вот как? *(Идет к Китти).* Китти, ты слышишь: его тетушка еще не приехала.

Китти. Ну, так нам нельзя здесь оставаться; пойдем за покупками. *(Обе идут налево).*

Джэк *(вслед им).* Только пожалуйста возвращайтесь скорей; Чарлэй сейчас поедет за ней на вокзал.

Китти. Не беспокойтесь, мы скоро!

Энни. До свиданья. *(Уходят).*

Джэк. Какая досада, что они так скоро ушли.

Чарлэй. Что же нам теперь делать?

Джэк. Поезжай скорее на вокзал и вези твой старый хлам сюда.

Чарлэй. Какой еще хлам!

Джэк. Да твою тетку. Я пока позабочусь о завтраке и поговорю с Бабсом.

Чарлэй. Отлично. *(В дверях).* Не правда ли как мила была Энни?

Джэк. А Китти! Ну, иди скорей.

Чарлэй. Лечу! *(Уходит).*

Бабс *(высовывается без сюртука).* Джэк, ты один?

Джэк. Да, один, что тебе?

Бабс. Нет ли у тебя шпилек?

Джэк. Шпилек? Нет

Брассэт *(вошел).*

Бабс. Я пошлю купить. Нет ли у тебя шести пенсов?

Джэк *(ищет по карманам).* Нет! гол, как сокол.

Бабс *(Брассэту).* Брассэт, одолжите мне из тех двух шиллингов, что я вам дал шесть пенсов и пошлите пожалуйста за шпильками.

Брассэт. Очень хорошо! *(Уходит).*

Бабс. Джэк, барышни были?

Джэк. Конечно! Как можно быть таким неосто-

рожным! что если бы они тебя увидали? *(Стучат).* Кто-то пришел. Прячься скорей!

Бабс. Не забудь прислать мне шпилек. *(Уходит направо).*

Джэк. Войдите!

7

Джэк, сэр Фрэнсис. Потом Брассэт, после Чарлэй, к концу Баберлей.

Сэр Фрэнсис *(слева).* Джэк, милый мой, здравствуй!

Джэк. Вот не ожидал! *(Пожимают руки).* Отец! Откуда ты?

Сэр Фрэнсис. Из Лондона; привез тебе денег и потом мне нужно с тобой поговорить.

Джэк. Это очень кстати. Садись пожалуйста. Ну как ты поживаешь? *(Садится направо).*

Сэр Фрэнсис. Плохо.*(Достает из кармана банковые билеты).* Жизнь в Индии сильно подкосила мое здоровье.

Джэк. Полно, ты еще совсем молодец. Да, сколько тебе лет?

Сэр Фрэнсис. Пятьдесят. Вот тебе деньги, а вот *(достает кипу счетов)* твои оплаченные счета.

Ты весь в меня и я на тебя не сержусь; но теперь тебе придется экономить.

Джэк. Экономить?

Сэр Фрэнсис. Да, мой милый. Со смертью брата я сделался представителем не только нашего титула, но и наших семейных долгов, которых больше, чем я думал. Пришлось отдать все сбережения, что я сделал в Индии. И теперь мы по крайней мере на год бедные люди.

Джэк *(встает).* Вот тебе и раз.

Сэр Фрэнсис. Ты пожалуйста не беспокойся. Я тебе найду хорошее место в Индии или Южной Африке.

Джэк. Очень тебе благодарен. *(В сторону).* Этого только недоставало. *(Ходит взад и вперед).*

Сэр Фрэнсис *(стоит налево).*

Брассэт входит и идет направо.

Брассэт. Я несу шпильки. *(Уходит направо).*

Джек *(задумчиво).* Что же делать? Ага, выдумал! *(Фрэнсису).* Отец, слушай-ка, что я придумал.

Сэр Фрэнсис *(подходит к нему).* Что такое?

Джэк. Мы можем поправить наши дела только богатой женитьбой. Слушай: с минуты на минуту должна приехать сюда тетка моего приятеля. Мы ее ждем к завтраку. Она вдова, миллионерша и вообще прелестная женщина.

Сэр Фрэнсис. Замолчи! Я никогда не приму от тебя такой жертвы.

Джэк. С моей стороны тут нет никакой жертвы. Ты должен на ней жениться.

Сэр Фрэнсис. Я? жениться во второй раз? Покорно вас благодарю.

Джэк. Погоди, не горячись. Где твои вещи?

Сэр Фрэнсис. В гостинице.

Джэк. Отлично. Поезжай скорей к себе, принарядись, воткни цветок в петличку…

Чарлэй *(вбегает с телеграммой в руках).* Джэк, можешь себе вообразить? *(Замечает Фрэнсиса, кланяется).*

Джэк. Мой друг Чарлэй Вайкэм, — мой отец.

Сэр Фрэнсис *(протягивает руку).* Очень приятно!

Чарлэй *(кланяется, ходит взволнованно взад и вперед).*

Джэк *(отводит отца в сторону).* Это племянник той дамы, о которой я тебе говорил. Она будет еще красивее его. Поезжай переодеться, да не забудь цветок в петлицу, это помолодит тебя лет на десять. *(Подает ему шляпу).*

Сэр Фрэнсис. Да я вовсе не хочу…

Джэк. Я тебе говорю, не горячись. Тебя это ни к чему не обязывает; если ты увидишь ее, может

быть она тебе еще понравится!

Сэр Фрэнсис. Ты прав! Итак до свиданья. Я сейчас вернусь. *(Уходит).*

Джэк. Ну, что еще случилось?

Чарлэй. Читай! *(Подает ему телеграмму).*

Джэк *(читает).* «Важные дела задержали. Жди на днях. Люция д'Альвадорец». Вот так штука.

Чарлэй *(жалобно).* Она не приедет.

Джэк *(взволнованно).* Она должна здесь быть во чтобы то ни стало! Протелеграфируй ей!

Чарлэй. Теперь уже поздно! *(Идет к окну).*

Джэк. Но пойми, она необходима. Иначе наши барышни не останутся у нас завтракать.

Чарлэй. Знаешь что, позовем жену швейцара…

Джэк. Старую ведьму? это не возможно!

Чарлэй *(смотрит в окно).* Батюшки, они идут!

Джэк. А у нас нет тетки! Вот беда!

Бабс *(за сценой).* Джэк, Чарлэй, подите-ка сюда!

Джэк *(идет направо).* Кто там? Ах это ты, Бабс! Я об нем совсем и забыл! *(Отворяет правую дверь.)* Что тебе? *(Заглядывает в нее и отскакивает в удивлении.)* Ах, черт возьми! На кого ты похож! *(Тащит к двери Чарлэя.)* Чарлэй, погляди-ка: мы спасены!

Чарлэй. Каким образом? *(Смотрит в дверь).*

Джэк. Вот она тетка!

Чарлэй. Как! Бабс — моя тетка!

Бабс *(переодетый старой дамой входит справа).* Каково?

Брассэт *(входит за ним).*

Джэк. Великолепно!

Чарлэй. Удивительно!

Брассэт. Ума помраченье! *(Налево стучат).*

Джэк. Это наши барышни!

Бабс. Я удираю! *(Хочет бежать налево).*

Джэк *(удерживая его).* Ни с места!

Бабс. Пусти! *(Вырывается).*

Джэк. Стой! Ты будешь тетка Чарлэя!

Бабс. Я! Тетка? *(Плаксиво.)* Пусти меня пожалуйста! Мне стыдно!

Чарлэй и Джэк *(держат его с обеих сторон).*

Бабс *(отбивается от них).*

Джэк *(сажает его на стул).* Брассэт, просит дам.

8

Те же, Китти, Энни; потом Спетлайг.

Брассэт *(отворяет левую дверь, Китти и Энни входят).*

Джэк *(идет им на встречу).* Наконец-то, mesdames! Мы вас заждались.

Китти. Нас немного задержали, и потом Энни хотела купить цветов для тетушки мистера Чарлэя.

Чарлэй *(толкает ногой стул Бабса).*

Бабс *(на стуле, Чарлэй направо от него, Джэк посредине, дамы налево).*

Энни. Приехала ли наконец ваша милая тетушка? Иначе мы не можем остаться.

Джэк *(представляя).* Донна Люциа д'Альвадорец — мисс Спетлайг, мисс Веден *(дамы приседают).*

Бабс *(смущено, после паузы).* Очень приятно. Как вы поживаете?

Чарлэй *(подходит к Джэку, Дамы к Бабсу).*

Китти *(Бабсу).* Мы немного опоздали, потому что хотели поднести вам эти цветы *(подает Бабсу букет).*

Бабс *(не знает, что ему делать).* Что вы? что вы? зачем?

Энни *(идет к Чарлэю).*

Китти. Вам надо немного отдохнуть *(отходит).*

Бабс *(тихо Джэку, который подошел сзади к его стулу).* Проклятые цветы! Что мне с ними

делать?

Джэк. Наколи их на грудь!

Энни. Что с вами, мистер Вайкэм? Вы так взволнованы!

Чарлэй. Я… я… ничего!

Джэк *(быстро подходит).* Вы его извините, он взволнован. Ведь Чарлэй видит свою тетку в первый раз! *(Толкает Бабса ногой.)* Да говори что-нибудь, осел ты этакий!

Бабс. О чем же я буду говорить?

Джэк. Ну хоть о погоде!

Бабс *(громко).* Какая сегодня хорошая погода!

Китти, Энни. О да, великолепная!

Брассэт *(накрывает на стол).* Чего только эти студенты не придумают! *(Уходит налево.)*

Бабс *(тихо Джэку).* Хорошую ты со мной сыграл шутку, нечего сказать! *(Роняет цветы.)*

Китти *(подходит к Бабсу).* Позвольте, я поставлю цветы в воду! *(Отходит к столу.)*

Энни. Привыкли ли вы уже к нашему климату?

Бабс *(растерянный).* К климату?! А что?

Джэк *(тихо).* Ведь ты иностранка!

Бабс. Ах да! *(Громко.)* Привык… мне очень нравится ваш климат. *(Тихо Джэку.)* Как меня зовут?

Киттии Энни *(ставят цветы в воду).*

Брассэт *(приносит кушанья).*

Джэк*(Бабсу).* Донна Люция д'Альвадорец.

Бабс. Ирландка?

Чарлэй *(подходит).* Нет, англичанка. Была замужем за португальцем в Бразилии.

Бабс. Значит вдова?

Джэк. Миллионерша!

Бабс. А дети у меня есть?

Чарлэй. Нет, осел!

Бабс. Надо же мне знать о себе всю подноготную! Ну теперь я все знаю. *(Громко.)* Какая в Англии чудесная погода!

Китти, Энни *(у стола).* О, да!

Бабс. Не пройтись ли нам посмотреть старинную капеллу? *(Хочет встать).*

Джэк *(сажает его).* Это уж мое дело! Сиди смирно!

Китти *(подходит).* Если вы позволите, мы с Энни покажем вам все достопримечательности.

Бабс. Благодарю вас, с удовольствием! *(Хочет встать. Джэк и Чарлэй удерживают его).*

Китти *(у стола).* Вы ведь останетесь здесь до завтра?

Бабс *(Джэку).* Остаюсь до завтра?

Джэк. Нет!

Бабс *(к Китти).* Нет, я не останусь до завтра.

Китти. Ну, если мы вас очень попросим. Не правда ли, Энни?

Энни. О, да!

Чарлэй. Это невозможно! У тети столько дел.

Бабс. Да, да у меня завтра большая стирка.

Джэк *(толкает его).*

Чарлэй *(так же).* Тетушка хочет сказать, что она завтра намылит голову своему банкиру. У нее масса деловых неприятностей.

Энни *(подходит к Бабсу).* Как жаль, что вы не можете остаться. Мне бы так хотелось узнать вас поближе.

Бабс. Это в каком смысле?

Энни. Мистер Вайкэм рассказывал о вас так много хорошего, что я вас уже полюбила, еще не зная вас.

Бабс. Я тоже. *(Обнимает Энни за талию).*

Джэк *(отводя его руку).*

Энни *(становится перед ним на колени).* Чарлэй вам так благодарен! Вы так много для него сделали. Он постарается отплатить вам. Он такой благородный человек.

Бабс. Вылитый мой покойный брат…

Чарлэй *(тихо).* Сестра…

Бабс. Моя покойная сестра… единственной дочери которой я…

Чарлэй. Сыну, сыну…

Бабс. А, да… единственному сыну которой я должна была помочь.

Энни. Чтобы с ним было без вас… Ах, как я вас люблю!..

Бабс. Вы бы меня еще больше полюбили, если бы узнали ближе.

Джэк *(толкает его).*

Бабс *(тихо).* Чего ты толкаешься? Отстань!

Энни. Я постараюсь вам понравиться. Смотрите на меня, как на вашу дочь! *(Встает, целует Бабса и отходит).*

Чарлэй *(толкает Бабса).* Черт тебя возьми!

Бабс. Премилая девочка!

Брассэт *(быстро входит).* Осмелюсь доложить, мистер Спетлайг внизу и спрашивает швейцара, не видал ли он барышень.

Всечетверо *(без Бабса).* О, Боже мой!

Джэк. Я думал, он в Лондоне!

Китти. Спровадьте его как-нибудь. А то он непременно наскандалит.

Энни. Но что подумает о нас донна Люция, если мы так говорим про дядю.

Китти. Все равно, я не хочу, чтобы он испортил нам сегодняшний день. *(Стучат).*

Всечетверо. Вот он. Скорее сюда! *(Китти, Энни*

и Чарлэй бегут в фонарик и прячутся там).

Брассэт *(убегает направо).*

Бабс *(хочет выпрыгнуть в окно).*

Джэк *(удерживает его).* Стой, ты должен принять старикашку!

Бабс. Что же я ему скажу?

Джэк. Что хочешь! Только спровадь его поскорей. *(Стучат.)*

Джэк *(бежит в фонарик).*

Спетлайг *(за сценой).* Что же никто не откликается? Здесь никого нет что ли?

Бабс. Я его должен спровадить! Хорошо!

9

Спетлайг и Баберлей.

Спетлайг *(в шляпе врывается в комнату).* Где эти дрянные девчонки? *(Увидав Бабса).* Аа! *(Отступает).*

Бабс *(грубо).* Что вам угодно?

Спетлайг. Мне нужно мистера Чеснэя.

Бабс. Как вам не стыдно разговаривать с дамой в шляпе! *(Кричит).* Шляпу долой!

Спетлайг. Извините! *(Снимает шляпу).* Я очень взволнован! *(Садится).*

Бабс. Как вы смеете садиться! Разве я сижу? Разве вы не знаете, что к женщине следует относиться с уважением?

Спетлайг. Простите пожалуйста, но мне нужно поговорить с мистером Чеснэй.

Бабс. Разве он здесь?

Спетлайг. Нет, но…

Бабс. Ну так чего же вы хотите?

Спетлайг. Я ищу двух барышень, мою племянницу и воспитанницу. Где они?

Бабс. Одна барышня здесь я.

Спетлайг. Но швейцар видел, как они вошли сюда.

Бабс. И проглядел, как они ушли отсюда!

Спетлайг *(кричит).* Нет!

Бабс *(кричит).* А я видела!

Спетлайг. Где же они?

Бабс. Вероятно в городе.

Спетлайг. Пойду их искать. Но если я их не найду… берегитесь. *(Надевает шляпу).* В гневе я страшен!

Бабс. Как вам не стыдно кричать на женщину.

Спетлайг. Извините, сударыня, — я взволнован.

Бабс. Вы верно пьяны!

Спетлайг. Нет, не пьян!

Бабс. Нет пьяны; вон сию минуту!

Спетлайг. Честь имею кланяться!

Бабс. Шляпу долой! *(Берет книгу и кидает ее в шляпу).*

Спетлайг. *(Снимает шляпу убегает).*

Бабс. Наконец-то выпроводил!

10

Баберлей, Китти, Энни, Чарлэй, Джэк, после Фрэнсис и Брассэт.

Китти, Энни, Чарлэй и Джэк *(выходят из фонарика).* Слава Богу ушел! *(Стучат).*

Все. Опять стучат!

Джэк. Не бойтесь! Это должно быть мой отец. *(Бабсу.)* Будь любезен с моим отцом.

Бабс. Он мне родственник?

Джэк. Да нет. Ты тетка Чарлэя из Бразилии, где водятся обезьяны.

Сэр Фрэнсис *(входит в сюртуке с розой в петличке).*

Джэк *(ему на встречу).* Наконец-то, отец! Позвольте вас познакомить! Мисс Веден — мой отец; мисс Спетлайг — мой отец. Чарлэй — представь же свою тетушку.

Чарлэй *(представляет).* Донна Люция д'Альвадорец, сэр Фрэнсис Чеснэй.

Бабс. Как вы поживаете, сэр Фрэнсис? Я тетка Чарлэя из Бразилии, где водятся обезьяны.

Сэр Фрэнсис *(кланяется, удивлен).* Джэк, это она, та самая…

Джэк. Ну да, тебе не нравится?

Сэр Фрэнсис. Кому может нравиться эта образина!

Джэк *(Бабсу).* Поговори с моим отцом!

Бабс. Хорошо! *(Фрэнсису.)* Мой племянник много говорил мне о вас…

Джэк *(толкает его).*

Бабс …Я хочу сказать писал, говорил в своих письмах.

Сэр Фрэнсис. Это очень любезно со стороны мистера Вайкэма; но ведь мы с ним только что познакомились.

Джэк *(быстро).* Это очень просто. Чарлэй тебя превосходно знает по моим рассказам. *(Тихо Бабсу).* Помни, ты только сегодня приехал в Англию и видишь Чарлэя в первый раз. *(Отходит к Фрэнсису).*

Бабс. Так бы и сказали!

Сэр Фрэнсис *(Джэку).* И ты хочешь меня женить на ней, неблагодарный!

Брассэт. Кушать подано!

Джэк *(тихо Бабсу).* Садись рядом с отцом и не говори глупостей.

Сэр Фрэнсис*(поставил стул, к Бабсу).* Позвольте предложить вам руку.

Бабс. Благодарю, с удовольствием! *(Протягивает ему руку).*

Сэр Фрэнсис *(пока все садятся).* Вы вероятно много путешествовали?

Бабс. О да, благодарю, очень много.

Все садятся за стол.

Чарлэй *(накладывает на тарелки).* Тетушка, не угодно ли вам майонеза из омаров?

Бабс. Благодарю, только пожалуйста побольше.

Чарлэй. Господа, пожалуйста без церемоний.

Брассэт *(разносит тарелки).*

Бабс *(Фрэнсису, показывая на розу в петлице).* Какой хорошенький цветок!

Сэр Фрэнсис. Позвольте предложить его вам. *(Подает ему цветок).*

Бабс. Благодарю вас.

Чарлэй. Брассэт, дайте скорей вина.

Энни. Я попрошу дать мне стакан воды.

Джэк. Таких редких гостей надо угостить шам-

панским. Брассэт, откупоривайте скорей!

Брассэт *(ищет).* Куда же девались бутылки?

Джэк. Ведь я приказал поставить их в лед.

Брассэт. Извините, я забыл. *(Ищет).*

Джэк. Уж не распил ли ты их?

Бабс. Кажется чего-то не хватает.

Джэк. Шампанского, донна Люция!

Бабс. У вас его нет? Ну да я об этом позаботилась и привезла с собой. Брассэт, посмотрите в этом мешке.

Брассэт *(открывает мешок и достает бутылки).*

Джэк *(толкает Бабса).* Негодяй, ты это у меня стянул! *(Стучат).*

Чарлэй. Кто так?

11

Те же Спетлайг.

Спетлайг *(врывается в шляпе).* Наконец-то! Вот они!

Китти. Боже мой!

Энни. Дядя!

Джэк *(к Спетлайгу).* Ах, мистер Спетлайг! Очень, очень приятно!

Спетлайг. А мне так очень неприятно! *(Девушкам).* Вот что вы делаете без меня!

Джэк. Позвольте, мистер Спетлайг.

Спетлайг *(с жаром).* Молчать! Я не с вами говорю.

Чарлэй. Но мы должны вам сказать.

Спетлайг. Вас не спрашивают!

Бабс. Что же вам наконец нужно?

Спетлайг. Это вас не касается, сударыня!

Бабс. Да, снимете ли вы шляпу? Грубиян!

Спетлайг. Это не ваше дело. *(Снимает шляпу).*

Джэк. Вы забываетесь, милостивый государь!

Спетлайг. Ого, как грозно!

Сэр Фрэнсис *(с достоинством).* Не забудьте, что здесь дамы!

Спетлайг. Отстаньте вы от меня. Старая дура! *(К Китти и Энни).* Идите за мной!

Бабс. Как? Я старая дура! Я не могу этого вынести.

Сэр Фрэнсис *(Спетлайгу).* Возьмите ваши слова назад. *(Джэку).* Да кто это такой?

Джэк *(представляя).* Мистер Спетлайг, сэр Фрэнсис Чеснэй.

Сэр Фрэнсис *(показывая на Бабса).* Эта дама…

Спетлайг *(прерывает).* Мне на нее плевать… Вы должны меня понять; я рассердился, потому

что застал мою племянницу и воспитанницу на завтраке у этих молодчиков.

Сэр Фрэнсис. Они пришли сюда для того, чтобы познакомиться с тетушкой Чарлэя.

Спетлайг. Скажите пожалуйста, тетка, важная птица, ха, ха, ха!

Сэр Фрэнсис. Я запрещаю вам говорить про нее в таком тоне.

Спетлайг. Вот еще! Что мне до нее за дело!

Сэр Фрэнсис. Вы, может быть, переменитe, ваше мнение, если узнаете кто эта дама. *(С важностью).* Дона Люция д'Альвадорец.

Спетлайг. Как! Это она?

Бабс *(подходя).* Да, я тетка Чарлэя из Бразилии, где водятся обезьяны.

Спетлайг. Знаменитая миллионерша! *(В сторону).* Вот так вляпался! *(Громко).* Мне необыкновенно приятно видеть вас, донна Люция. *(В сторону).* Я знаю о ней из газет; у ней тут племянник. *(Громко).* Я так поражен, можно сказать уничтожен…

Джэк *(тихо Бабсу).* Пусть он извинится, а потом пригласи его завтракать.

Бабс *(Спетлайгу).* Вы меня кровно обидели; но если вы просите извинения…

Спетлайг. Тысячу раз. Требуйте какого хотите

удовлетворения!

Бабс. Довольно... так и быть, я вас прощаю. Садитесь с нами завтракать.

Спетлайг. Какая честь — завтракать с вами! Значит, вы на меня больше не сердитесь?

Бабс. Вот вам цветок в знак прощенья. *(Дает ему цветок).*

Спетлайг *(целует Бабсу руки).*

Сэр Фрэнсис*(в сторону с жаром).* Что я вижу! Она отдала ему мой цветок!

Джэк. Ну теперь все уладилось. Пожалуйте за стол. Чарлэй, подай руку мисс Спетлайг, что же вы не идете? *(Чарлэй и Энни, Джэк и Китти садятся на прежние места. Спетлайг кладет зонтик и шляпу).*

Сэр Фрэнсис *(предлагает Бабсу руку).* Позвольте просить вас, Люция.

Спетлайг *(с другой стороны).* Если вы позволите.

Сэр Фрэнсис. Я первый.

Спетлайг. Позвольте мне довести вас до стула.

Сэр Фрэнсис. Виноват, это мое дело. *(Схватывает стул справа, Спетлайг другой. Оба предлагают Бабсу садиться. Тот благодарит и садится мимо стульев. Все вскакивают, дамы вскрикивают).*

Занавес быстро падает.

Действие II

Площадка, окруженная забором; на четвертом плане налево входе в капеллу, на первом плане налево калитка в парке, на четвертом плане налево вход в капеллу, на первом плане налево калитка в парке, на четвертом плане направо калитка, на втором дом общежития с дверью в квартиру Джэка. В глубине ворота и вид на парк и здания университета. На авансцене стол, кругом стулья. Направо и налево по скамье.

1

Брассэт, потом Джэк, Чарлэй, позднее Китти и к концу Энни.

Брассэт *(расставляет стулья у стола).* А шутка-то им удалась на славу. Много я видел на свете старух, но таких как лорд Баберлей не встречал. Один голос чего стоит, точно немазаное колесо. Ну, да миллионерше простительно все. Оба старые барина за ней так и увиваются. Чего только эти студенты не выдумают! Уж такие пули отливают, не дай Бог! И это гордость нашего уни-

верситета! Право, я умру со смеху! *(Хохочет).*

Джэк *(из средней правой двери).* Чему это вы так смеетесь? Лучше бы позаботились о чае!

Брассэт. Очень хорошо!

Джэк. Накройте нам здесь!

Брассэт. Очень хорошо! *(Уходит).*

Джэк. Пока все идет хорошо. Только бы мне найти Китти и объясниться с ней, хотя я в отвратительном настроении. Бабс совсем убил меня за завтраком. Он так много ел, что мне даже делалось страшно. Слава Богу, что никто не заметил. Теперь все в саду, и я сказал Китти, чтобы она пришла сюда.

Чарлэй *(выходит из дома).*

Джэк. Кто-то идет. Должно быть она! *(Видит Чарлэя).* Ах, это, ты Чарлэй.

Чарлэй. Я, Джэк.

Джэк. Провались ты куда-нибудь поскорей. У меня здесь rendez vous с Китти.

Чарлэй. А у мен с Энни.

Джэк. Тоже здесь? Это невозможно. *(Идет налево).*

Чарлэй. Я не уйду.

Джэк. Ну, так бросим жребий. *(Кидает монету на стол, видит Китти).* Она! *(Китти входит справа).*

Китти. Мистер Чеснэй, я за вами. Вас зовут.

Джэк. Я сейчас, мисс Веден. *(Тихо).* Благодарю вас, что пришли. *(Тихо Чарлэю).* Пошел вон!

Чарлэй. Не могу же уйти, не дождавшись Энни.

Энни *(справа).* Ах, это вы, мистер Вайкэм!

Чарлэй *(ей тихо).* Я уж думал, вы обо мне забыли!

Джэк. Вот положение! *(Все в замешательстве. Пауза.)*

Джэк *(громко).* Что же ты, Чарлэй, не покажешь мисс Энни нашего сада?

Чарлэй. Да мы сейас только оттуда. *(Идет направо. Пауза).*

Джэк *(к Энни).* Неправда ли, чудный сад?

Энни. Да… не дурен.

Джэк. Как? только не дурен? *(Подводит ее к левой двери).* Значит вы не видели лучших местечек. Чарлэй, будь любезным кавалером покажи мисс Энни розы, незабудки и… ну и разную там зелень.

Чарлэй *(подходит).* Но… Джэк…

Джэк. И продекламируй твои мелодичные стихи о розах, незабудках…

Чарлэй *(толкает его).* Молчи, ты! Если она услышит эти стихи, она примет меня за сума-

сшедшего.

Джэк. А через полчаса приходите сюда пить чай.

Энни. Хорошо, с удовольствием. А пока до свиданья! *(Уходит налево).*

Чарлэй. Если нам помешают, то ты помни!.. *(Уходит за Энни).*

2

Джэк и Китти; потом Фрэнсис.

Джэк. Наконец-то мы одни, уважаемая, милая Китти.

Китти *(садится за стол).* Зачем вы их услали, они Бог знает, что подумают.

Джэк. Ничего, им гораздо лучше в саду, а нам здесь; т. е. видите ли...

Китти *(встает).* Знаете, пойдемте лучше в сад. Не хорошо, что мы здесь с вами вдвоем.

Джэк. Нет, присядьте пожалуйста. Мне нужно так много сказать вам. Дело идет о счастье всей моей жизни.

Китти. Если так — извольте. Только говорите пожалуйста скорей! *(Садится налево).*

Джэк. Не знаю, сумею ли я вам объяснить. В

жизни человека бывают минуты, когда он как бы отрывается от прошлого, и смелой рукой приподымает завесу будущего… Вы меня понимаете?

Китти. Не совсем…

Джэк. Да ведь это так просто. Завеса будущего это… *(Горячо).* Э, да что там размазывать… Моя милая, горячо любимая Китти…

Сэр Фрэнсис *(слева).* Я не помешал?…

Китти *(быстро встает).*

Сэр Фрэнсис. Куда вы, куда вы? Я только хотел сказать пару слов сыну! *(Идет направо).*

Джэк (идет налево).

Китти. Моя подруга ждет меня в саду. *(Лукаво смотрит на Джэка).* У роз, незабудок и другой зелени! *(В сторону).* Бедный Джэк! Оборвали на самом интересном месте! *(Уходит налево).*

3

Джэк и Фрэнсис.

Джэк. Что тебе нужно, отец?

Сэр Фрэнсис *(подходя к нему, на средине).* Я решился, мой друг!

Джэк. Что такое? Говори ясней!

Сэр Фрэнсис. Ты знаешь, что для твоего блага я готов на все.

Джэк. Да, но что ж из этого?

Сэр Фрэнсис. Ну так вот: чтобы доставить тебе средства к жизни, я женюсь на богатой.

Джэк. Разве ты нашел жену достойную тебя, молодую, красивую, богатую?

Сэр Фрэнсис. Она уже не молода, не хороша собой, но она богата, а это для нас теперь все.

Джэк. Жениться из-за денег не совсем-то честно. — Кто же она?

Сэр Фрэнсис. Ты ее знаешь!

Джэк. Кто же это? Решительно не могу догадаться!

Сэр Фрэнсис. Да донна Люция д'Альвадорец. *(Отходит налево).*

Джэк *(направо, испуган).* Как, на ней? Но ты не можешь на ней жениться — это невозможно!

Сэр Фрэнсис. Почему же нет? Разве ее репутация чем-нибудь запятнана?

Джэк *(на середине).* Нет, нет… но это прямо невозможно.

Сэр Фрэнсис. Однако ты сам же навязывал мне эту женитьбу. Я должен был принарядиться, воткнуть цветок… А цветок-то подействовал…

Джэк. Она отдала его другому.

Сэр Фрэнсис. Это из кокетства, чтобы подразнить меня. Она сама сейчас в этом призналась, покраснела и опустила глазки.

Джэк *(в сторону).* Вот так история! *(Громко).* Слушай, отец! Она тебе не пара; как бы тебе это объяснить…

Сэр Фрэнсис. Не трать понапрасну слов. Я твердо решился, потому что дело идет о твоем благе.

Джэк. Ну, а если она тебе откажет?

Сэр Фрэнсис. Я этого не боюсь, она дала мне ясно понять, что я ей очень нравлюсь, хотя мистер Спетлайг за ней сильно приударяет.

Джэк *(в сторону).* И тот туда же! Вот положение!

Сэр Фрэнсис. Так пожелай же мне счастья, мой милый…

Джэк. Прошу тебя, подумай…

Сэр Фрэнсис. Я старый солдат и терпеть не могу медлить. Раз, два и готово. Я видел у тебя в комнате шампанское. Пойду выпью для храбрости. *(Уходит к нему в комнату).*

Джэк (ходя взад и вперед). У меня просто голова идет кругом. Чем только это кончится.

4

Джэк, Чарлэй, потом Фрэнсис, позже Спетлайг.

Чарлэй. Джэк, осади этого нахала Бабса. Он Бог знает, что позволяет. Увел с собой под руку Энни и теперь разгуливает с ней по самым темным аллеям.

Джэк. Ну это еще не беда! А вот послушай, что тут творится! *(В комнате Джэка слышно хлопанье пробок).* Слышишь?

Чарлэй. Что такое?

Джэк. Мой родитель пьет для храбрости шампанское.

Чарлэй. Зачем?

Джэк *(идет направо).* Он собирается сделать предложение Бабсу.

Чарлэй *(налево).* Я так и знал, что выйдет скандал! А все ты! *(Подходит к нему).*

Джэк. Нет не я, а твоя старая противная тетка. Я готов задушить ее. *(Ходит взад и вперед).*

Чарлэй. Что же нам теперь делать?

Джэк. Что? Конечно найти Бабса и как-нибудь уладить всю эту историю. Идем только врозь, чтоб не разойтись с ним.

Чарлэй. Хорошо… А не лучше ли бы было сознаться во всем?

Джэк. Ни за что на свете! Не теряться, вот главное. Идем! *(Толкает Чарлэя и расходятся: Джэк в калитку налево, Чарлэй в калитку направо).*

Сэр Фрэнсис *(из комнаты).* Ну вот и готово. *(Смотрит на часы).* Однако, что же это она не идет. Я не сказал Джэку, что она мне назначила здесь свиданье. Уж ей пора. *(Спетлайг входит).* А, наконец-то! *(Оборачиваясь).* Дорогая донна Люция… *(Видит Спетлайга).* Вы ищете кого-нибудь?

Спетлайг *(осматриваясь).* Нет, не ищу!

Сэр Фрэнсис *(в сторону).* Чего он здесь вертится? *(Спетлайгу).* Вы что-нибудь потеряли?

Спетлайг. Нет! *(В сторону).* Это именно здесь. *(Фрэнсису).* Какая прекрасная погода. Вы еще должно быть не осмотрела сада? Рекомендую, тут есть очень редкие экземпляры.

Сэр Фрэнсис *(садится и закуривает папироску).* Это еще от мня не уйдет! *(В сторону).* Что ему надо? *(Громко).* Не угодно ли папироску!

Спетлайг. Благодарю вас, я не курю! *(В сторону).* Чего он здесь торчит! *(Смотрит на часы).* Она должна прийти через десять минут.

Сэр Фрэнсис *(в сторону).* Мне нужно отделаться от него во что бы то ни стало.

Спетлайг *(тоже).* Как мне его отсюда выжить.

Сэр Фрэнсис *(подходит к нему).* Может быть я вас беспокою дымом?

Спетлайг. Нет, не беспокойтесь, ничего.

Сэр Фрэнсис. В саду воздух гораздо чище.

Спетлайг. Так вы бы пошли им подышали!

Сэр Фрэнсис. Я вот только выкурю папироску. Дамы, особенно донна Люция не выносят дыму. Я сейчас их только что оставил.

Спетлайг *(горячо).* Где?

Сэр Фрэнсис. За розовой беседкой.

Спетлайг. Прощайте! *(Спешит налево).*

Сэр Фрэнсис *(смеясь).* Куда же вы?

Спетлайг. Подышать свежим воздухом. *(Быстро уходит).*

Сэр Фрэнсис *(идет налево).* Слава Богу, убрался! А ее все нет! Не выпить ли мне еще? *(Хочет идти в комнату).*

5

Фрэнсис, Джэк, потом Чарлэй; позже Энни и Баберлей.

Джэк *(слева).* Этот проклятый Бабс как сквозь землю провалился. *(Замечает Френсиса).* Не ви-

дал ли ты донны Люции?

Сэр Фрэнсис. К сожалению, нет!

Джэк *(в сторону).* Ну, отлегло от сердца!

Сэр Фрэнсис *(по середине).* Она, кажется, меня надувает…

Джэк. Каким образом?

Сэр Фрэнсис. Видишь ли, она мне назначила свиданье здесь, а сама… *(Идет направо).*

Джэк *(по середине).* Я ее сейчас видел у розовой беседки.

Сэр Фрэнсис. У розовой беседки? А я только что спровадил туда Спетлайга. Бегу. *(Уходит налево).*

Джэк *(один).* Я ему наврал, потому что мне необходимо прежде предупредить Бабса. Куда он это мог деваться?

Чарлэй (входя справа). Ну что, нашел?

Джэк. Нет, а ты?

Чарлэй. Он пропал вместе с Энни! Это черт знает что такое.

Джэк. Только попадись он мне, я ему покажу.

Бабси Энни *(нежно под руку слева).*

Чарлэй*(замечает их).* Джэк, полюбуйся!

Энни *(подходит к Чарлэю).* А, вот вы где, мистер Вайкэм! А мы вас везде ищем.

Чарлэй. Это очень любезно с вашей стороны.

Джэк *(толкает Бабса).* Где ты, негодяй, с ней

пропал?

Бабс. Много будешь знать, скоро состаришься. *(Хочет отойти от него).*

Джэк. Ни с места! Мне нужно поговорить с тобой. *(Чарлэю).* Чарлэй, не покажешь ли ты мисс Спетлайг капеллы! *(Тихо ему).* Уведи ее, мне нужно научить Бабса, что делать. *(Громко).* Не правда ли, мисс Спетлайг, вам уже давно хотелось ее видеть. В ней так мрачно, так таинственно, так... Ну да я знаю, она вам понравится.

Энни. Вы меня соблазнили. Мистер Вайкэм, хотите быть моим проводником?

Чарлэй. О, еще бы! С большим удовольствием. *(Бабсу).* С тобой я поле поговорю! *(Пока он подает руку Энни, Бабс дает ему подзатыльник).*

Чарлэй и Энни *(уходят в капеллу).*

Джэк *(Бабсу).* Теперь мы с тобой поговорим серьезно!

Бабс. Как, и ты тоже?

Джэк. Ведь ты обещал нам помогать?

Бабс. Я и помогаю.

Джэк. Тебя просили занимать стариков, а не барышень, а ты что? Ну да об этом после. Теперь призови на помощь весь свой ум и сообразительность.

Бабс. Что такое, говори скорей.

Джэк. Представь себе, мой отец хочет на тебе жениться.

Бабс. Ну уж это извините! Я тебе друг, но так далеко наша дружба не идет.

Джэк. Полно вздор молоть! Он сделает тебе предложение; ты должен ему отказать.

Бабс. А почем я знаю, как отказывают; да старухи никогда и не отказывают, а всегда рады идти замуж.

Джэк. Тише, отец. *(Идет в дом).*

Бабс *(кричит ему вслед).* Что же я ему скажу?

Джэк. Что хочешь! Только откажи наотрез!

6

Бабс, Фрэнсис; потом Джэк.

Сэр Фрэнсис *(входит слева, оглядывается и замечает Бабса).* Наконец-то я вас нашел, донна Люция. Я искал вас нашел, донна Люция. Я искал вас повсюду. — Садитесь пожалуйста. *(Предлагает ей стул).*

Бабс *(сидевший направо, садится на предлагаемый ему стул налево).* Вы очень любезны.

Сэр Фрэнсис*(в сторону).* Ну теперь надо смелее брать крепость. Откроем по ней огонь. *(Смот-*

рит на нее). Сколько бы ей могло быть лет? Э, да впрочем, женщину всегда можно взять комплиментами. *(Громко).* Донна Люция, я старый солдат и не умею говорить, но когда я вас вижу, я чувствую себя странником, который идет без конца, пока не найдет на благоухающем лугу нежную фиалку.

Бабс. И эта фиалка я?

Сэр Фрэнсис. Да, донна Люция, вы угадали. *(В сторону).* Нет, каково начал, каково начал!

Бабс *(в сторону).* Что мне ему на это отвечать? *(Громко).* Это очень мило с вашей стороны.

Джэк *(показывается то тут, то там в глубине, объясняясь мимикой с Бабсом).*

Сэр Фрэнсис *(в сторону).* Ей по меньшей мере пятьдесят с хвостиком. *(Громко).* Донна Люция, как вы думаете, что может быть высшей утехой такому страннику?

Бабс. Рюмка коньяку.

Сэр Фрэнсис *(в сторону).* Вот так дама! *(Громко).* Нет донна Люция, речь идет не о материальном наслаждении. Одинокий путник в пустыне жизни стремится только к одному: он жаждет прижать эту фиалку к своему измученному сердцу!

Бабс. Ах да, нежную фиалку с благоухающего

поля.

Сэр Фрэнсис. Да, донна Люция: вы видите перед собой путника, сделавшего утомительный переезд из Индии только для того, чтобы сорвать этот цветок.

Бабс. Так вы вероятно чертовски устали? Садитесь!

Сэр Фрэнсис. Благодарю вас, донна Люция. *(Садится).* И вот я нахожу этот цветок…

Бабс. Так воткните его в петлицу!

Сэр Фрэнсис. Но не перейдет ли он тогда к другому, как давеча?

Бабс. Это я пошутила. Я такая шалунья.

Сэр Фрэнсис *(в сторону).* Старая ведьма! *(Громко).* Цветок, который я избрал, должен занимать почетное место в моем доме, не разлучаться со мной, вечно царить в моем сердце.

Бабс. Все в одно время? Фиалка не может вынести всего этого — она цветок нежный!

Сэр Фрэнсис. Донна Люция, солдат всегда идет прямо к цели. Хотите ли вы быть этой фиалкой, царицей моего сердца?

Бабс *(обмахивается).* Это так неожиданно, то есть я хочу сказать, что этого со мной еще никогда не было!

Сэр Фрэнсис. Не томите меня. Скажите, могу

ли я надеяться?

Бабс. Нет, и нет!

Сэр Фрэнсис. Что я слышу? *(Встает).* Вы мне отказываете?

Бабс. Я должна это сделать. Сердце мое несвободно. Я люблю другого.

Сэр Фрэнсис *(идет налево).* Вот как! *(В сторону).* Это наверно Спетлайг. *(Оборачивается).*

Бабс. Но я не хочу огорчать вас. Я… я буду для вас нежной сестрой!

Сэр Фрэнсис. Только сестрой?

Бабс. Да, мне давно хочется иметь такого славного, милого брата.

Сэр Фрэнсис. И никакой надежды?

Бабс. К сожалению никакой! Я не могу вам объяснить почему; мне было бы это слишком тяжело. Я не такая женщина как все. Надо мной тяготеет ужасная тайна.

Сэр Фрэнсис *(вежливо, но холодно).* В таком случае не будем больше говорить об этом. Простите, донна Люция, за беспокойство, и забудьте наш разговор. *(Идет направо).*

Бабс. Идет! А если я вам понадоблюсь, милости просим, приходите ко мне, как брат!

Сэр Фрэнсис. Благодарю за честь! *(Кланяется в сторону).* Мне жаль Джэка, но я рад! Как гора с

плеч свалилась. *(Уходит налево).*

7

Бабс, Джэк; потом Спетлайг.

Джэк *(во время ухода Фрэнсиса, из своей комнаты).*

Бабс. Вот проклятое положение!

Джэк. И тебе не стыдно было, осел ты эдакий, так манерничать с моим отцом.

Бабс. Пожалуйста не ругайся. Ты, слышал, как он меня называл, а?

Джэк. Да, нежная фиалка!

Бабс. И на благоухающем лугу. Мне это очень понравилось!

Джэк. Почему ты ему сразу не отказал?

Бабс. Надо же мне было его немножко помучить. Я себя вел, как самая приличная дама! *(Замечает Спетлайга).* Батюшки, еще жених! Я удеру! Если бы ты знал, что он мне нашептывает; настоящая женщина сгорела бы со стыда. *(Убегает направо).*

Спетлайг *(слева Джэку).* Мистер Чеснэй, вы может быть… *(Замечает Бабса).* А, вот она! *(Бежит за ним).*

Джэк. И этот туда же! Черт с ним, пуская сам расхлебывает, а я пойду поищу Китти. Нужно же мне наконец с ней поговорить! А все тетка Чарлэя наделала! злую шутку она с нами сыграла. *(Уходит направо).*

8

Донна Люция и Элла; потом Фрэнсис и Баберлей; позже Спетлайг и Брассэт.

Донна Люция *(за сценой).* Первая дверь налево! Благодарю вас!

Донна Люция и Элла *(входят из середины).*

Донна Люция *(осматривается).* Швейцар сказал первая дверь налево.

Элла *(тоже осматривается).* Должно быть здесь*! (Читает визитную карточку на двери).* Мистер Джэк Чеснэй. Постучать?

Донна Люция. Да пожалуйста! *(Про себя).* Странно это самое имя!.. *(Громко).* Как неприятно, что мне придется свидится с моим племянником у чужих.

Элла *(постучала).* Он вас не ждет… Ведь вы ему телеграфировали, что вас задержали.

Донна Люция. Действительно меня задержа-

ли; но потом я решила сделать ему сюрприз. Вы постучали?

Элла *(прислушиваясь у двери).* Да; но там кажется никого нет. Швейцар сказал, что они все вероятно в саду.

Донна Люция. Я сегодня так измучилась, что мне хочется отдохнуть. Подождем здесь; может быть кто-нибудь придет и позовет моего племянника.

Элла *(быстро приносит ей стул).* Мне здесь очень нравится. Я бы всю жизнь могла просидеть среди этих старых стен. Здесь все так поэтично, так чудно!

Донна Люция *(села).* Молодость всему радуется, ей везде хорошо.

Элла. О нет, у меня было горе. Но я все-таки люблю все на свете: и пенье жаворонка, и соловья... Иногда при луне я мечтаю о... Жаль, что это было мимолетно, как сон!

Донна Люция. О чем же вы мечтаете, моя девочка?

Элла *(вздыхая).* Я и сама не знаю о чем. Мне кажется, что сегодня должно произойти что-то хорошее.

Донна Люция. Ваши предчувствия отчасти уже оправдались. Мне удалось уладить дело о вашем

наследстве, так то вы не нуждаетесь больше в моей помощи.

Элла *(испуганно).* Но ведь мы не расстанемся с вами, я так к вам привязалась, и так вам обязана. Подумать страшно, что бы было со мной без вас.

Донна Люция *(целует ее в лоб).* Понятно я вас не отпущу; я сама вас полюбила. Вот только что: бросим-ка все церемонии и будем говорить друг другу ты; зови меня теткой.

Элла *(обнимает ее).* Моя милая, дорогая тетя!

Донна Люция. Ну, а теперь скажи мне откуда у тебя осталось наследство после отца? Ведь он проигрался окончательно в карты.

Элла *(смущенно).* Папа его выиграл во время своей болезни.

Донна Люция. С кого?

Элла. С лорда Фрэнкерта Баберлей.

Донна Люция. Он был тоже игрок?

Элла. О нет, он играл, чтобы развлечь папу.

Донна Люция. Вот идеальный человек!

Элла *(после неловкой паузы).* Не правда ли, тетя, если я когда-нибудь встречу лорда Баберлея, я ведь должна отдать ему эти деньги?

Донна Люция. Едва ли он возьмет их!

Элла. Почем же нет?

Донна Люция. Потому что он проиграл их на-

рочно.

Элла *(задумчиво).* Да, это правда. — Зачем он так скоро уехал?

Донна Люция. Он не сумел отгадать твоего чувства. Таких мужчин очень много; я знаю это по опыту.

Элла *(встает и подходит к столу).* Расскажи мне пожалуйста!

Донна Люция. Это было очень давно, задолго до моего отъезда в Бразилию; я была еще очень молода, а он очень робок. Я догадывалась о его чувствах и разделяла их. Однажды на вечере я была уверена, что он мне сделает предложение, но он обманул мои ожидания. А на другой день получил приказ ехать в Индию. С тех пор мы не видались.

Элла. Можно узнать его имя?

Донна Люция. Франк Чеснэй. *(Смущенно).* И посмотри, мы сидим перед комнатой какого-то Чеснэя.

Сэр Фрэнсис *(выходя слева, слышит последние слова).* Чеснэй! Виноват, позвольте представиться: Чеснэй. Вам угодно меня или сына?

Донна Люция*(встает взволнованная).* Вы… Вас зовут… Извините пожалуйста. Не знали ли вы лейтенанта Франка Чеснэя?

Сэр Фрэнсис. Это я сам.

Донна Люция. И вы меня не узнаете?

Сэр Фрэнсис. Нет.

Донна Люция. Вы не шутите?

Сэр Фрэнсис. Нисколько.

Донна Люция. Положим это было двадцать пять лет тому назад.

Сэр Фрэнсис. Двадцать пять лет. *(Качает головой).* Нет, положительно не помню.

Донна Люция. Но вы наверное помните день, когда вы ухали в Индию?

Сэр Фрэнсис. Конечно.

Донна Люция. Не припомните ли, что было накануне?

Сэр Фрэнсис *(живо).* Я был на балу.

Донна Люция. Ну да и…

Сэр Фрэнсис*(смотрит на нее внимательно, берет ее за руки).* Вспомнил, вспомнил! Как сейчас вижу! Неужели вы тоже не забыли? Вот неожиданная встреча! Я непременно представлю вам моего сына. Он у меня славный малый. У него, то есть скорее у его друга Чарлэя Вайкэм сегодня гости по случаю приезда его тетки.

Донна Люция. Тетки? Разве она здесь?

Сэр Фрэнсис. Ну да, она приехала из Бразилии.

Донна Люция. Из Бразилии?

Сэр Фрэнсис. Донна Люция д'Альвадорец, я вас с ней непременно познакомлю.

Элла *(тихо Люции).* Тетя, что это значит?

Донна Люция *(тихо Элле).* Молчи! *(Громко).* Так ли я расслышала: донна Люция д'Альвадорец здесь?

Сэр Фрэнсис. Совершенно верно. Я ее сейчас только что видел в саду. Вы знаете эту даму?

Донна Люция. Так… понаслышке. *(В сторону).* Тут что-нибудь кроется.

Сэр Фрэнсис. Если позволите, я познакомлю вас со всем обществом.

Донна Люция. Я очень рада. Мне уже давно хочется познакомиться с донной Люцией.

Сэр Фрэнсис. Так пойдемте в сад, мисс… извините, забыл ваше имя… Это было так давно.

Донна Люция. Мисс Томсон.

Элла. Тетя!

Донна Люция *(тихо Элле).* Тс… молчи! Посмотрим, что тут такое. *(Громко).* Позвольте вас познакомить моя племянница мисс Делэй.

Сэр Фрэнсис *(кланяясь).* Полковник сэр Фрэнсис Чеснэй. — Пожалуйте сюда! *(Показывает налево).*

Донна Люция. С удовольствием! Пойдем, Элла! *(Обе уходят налево).*

Сэр Фрэнсис. Отчего не она донна Люция! Я бы на ней женился хоть сию минуту. *(Уходит за ними).*

Бабс *(выбегает справа и исчезает налево).*

Спетлайг *(бежит за ним).*

Брассэт *(выходит со скатертью, удивленно глядит на обоих).* Что это за скачки с препятствиями? Странные вещи у нас творятся. *(Берет со стола пачку папирос и прячет в карман).*

9

Китти, Джэк и Брассэт.

Киттии Джэк *(справа).*

Джэк *(нежно).* Наконец-то мы можем поговорить с вами без помехи, моя милая, дорогая Китти!

Китти *(замечает Брассэта).* Тише, Джэк. *(Показывает на Брассэта).*

Джэк *(подходит к нему сердито).* Что вам тут нужно, Брассэт?

Брассэт. Накрыть на стол!

Джэк. Убирайтесь!

Брассэт. Но ведь вы сами приказали!..

Джэк. Успеете после! А теперь вон! У меня

дела!

Брассэт *(улыбаясь).* Хороши дела!

Джэк *(кидает ему скатерть на голову).* Прошу не рассуждать*! (Выталкивает его в комнату; потом к Китти).* Ну, моя милая Китти…

Китти *(села налево, лукаво).* Вы уже мне это сказали Джэк…

Джэк. Если меня будут перебивать, я дальше этого никогда не уеду. Желаете вы выслушать меня?

Китти. Извольте, слушаю!

Джэк. То, что я вам скажу, очень серьезно.

Китти *(улыбаясь).* Это видно по вашей сияющей физиономии.

Джэк. Мой отец сегодня утром разбил все мои надежды. До сих пор я считал себя за богатого наследника, а оказывается, что у меня ничего нет, и я должен своим трудом зарабатывать себе кусок хлеба.

Китти. Ну что ж, трудовая жизнь, говорят, сладка!

Джэк. Положим я и в университете не сидел сложа руки, но все же это не то. Я право славный малый, хоть и был до сих пор большим шалопаем. Но могу и буду теперь трудиться.

Китти. Мне это в вас очень нравится, Джэк.

Джэк. Весь вопрос теперь в том, согласитесь ли вы ждать?

Китти. Мне ждать? Чего же?

Джэк. Пока не найду себе хорошее место. Теперь же я начну с местечка.

Китти. Маленького и скромненького.

Джэк. Квартирка у меня будет…

Китти. Еще меньше!

Джэк. Мои личные расходы…

Китти. Совсем капельные!

Джэк. Прислуга у меня…

Китти. Сомнительно будет ли!

Джэк. Вместо экипажей…

Китти. Буду ездить на конке и в омнибусе.

Джэк. Все это один я перенесу легко, но вы, Китти…

Китти *(встает).* Что такое я?…

Джэк *(печально).* Вы не можете жить в такой обстановке, вы привыкли к роскоши, вы не знаете забот…

Китти. Джэк, неужели вы меня так мало знаете? *(Отошла направо и села).*

Джэк. Китти, я вас обидел?

Китти. Конечно. Неужели вы думаете, что у меня не хватит мужества бороться с жизнью?

Джэк *(садится рядом с ней и берет ее за руку).*

Моя ненаглядная Китти, милая, хорошая. *(Обнимает и целует ее).* Ура! Мы самые счастливые люди в мире!

Китти. Погоди радоваться! Ты забыл о моем опекуне.

Джэк. Побегу сейчас просить у него твоей руки.

Китти. Да смотри возьми расписку в его согласии. А то я его знаю. Он тебе всего наобещает и ничего не исполнит. Да и то нет. Я знаю только одну особу, которая может заставить его согласиться.

Джэк. Кто же это такая?

Китти. Тетушка Чарлэя, донна Люция.

Джэк (отступает). Что ты! что ты!

Китти. Не волнуйся! Я сейчас пойду поищу Энни, а ты приведи тетушку и мы все устроим. До свиданья! *(Уходит направо).*

Джэк. Опять я теряю почву! Черт бы побрал эту тетку!

10

Джэк, Чарлэй, потом Баберлей и Спетлайг.

Чарлэй. Джэк, Джэк, как я счастлив!

Джэк. И я тоже!

Чарлэй. Я все сказал Энни!

Джэк *(испугано).* Как все?

Чарлэй. Ну да, что я ее люблю.

Джэк. Слава Богу!

Чарлэй. Жаль только, что мы никак не можем обойтись без согласия ее дяди, а его может добиться только донна Люция. Энни ищет теперь мою подложную тетушку. Как мы только из всего этого выпутаемся я и не знаю!

Джэк. Ничего. Побольше хладнокровия.

Бабс *(выбегает слева и прячется).*

Спетлайг *(бежит за ним; не видя его и замечая молодых людей, уходит напевая направо).*

Чарлэй и Джэк *(как только он ушел вытаскивают Бабса).*

Чарлэй. Несчастный, что ты с нами делаешь?

Бабс *(между ними).* Вы же меня еще и упрекаете? Если бы вы знали, что я вынес. Этот старый болван хотел…

Чарлэй. Ну что?

Бабс. Он хотел… *(смотря на Чарлэя.)* нет ты еще очень молод знать такие вещи! *(Шепчет Джэку на ухо).*

Джэк. Велика важность, если бы и поцеловал!

Бабс. Да, хорошо вам говорить, а каково это

мне, порядочной женщине?

Чарлэй *(волнуясь).* Довольно! Пора прекратить эту комедию! *(Садится направо).*

Бабс. Я вполне с тобой согласен. У меня даже в горле пересохло! Смерть хочется вина! *(Начинает постепенно расстегиваться).*

Чарлэй. Жаль, что мы не позвали Фредди Пиль.

Джэк. Уж конечно он бы не наделал таких глупостей!

Бабс *(снимает кофту).*

Чарлэй. Этот Бабс совершеннейший осел!

Джэк. Эгоист каких мало. Я просто способен убить его!

Бабс*(снимает юбку).*

Чарлэй (видит это). Глади, Джэк, что он делает! На что это похоже!

Бабс *(хочет убежать).*

Джэк, Чарлэй *(подхватывают платье и ловят его у левой арки).*

Спетлайг *(входит справа).*

Чарлэй, Джэк *(прячут Бабса).*

Спетлайг. Ах, мистер Чеснэй, не видали ли вы нашу уважаемую донну Люцию?

Джэк *(показывает налево).* Она в саду.

Спетлайг. Благодарю вас! *(Уходит налево).*

Джэк и Чарлэй *(вытаскивают Бабса).*

Джэк*(накидывает ему через голову юбку).* Неужели ты хочешь нас погубить?

Бабс. Оставьте вы меня в покое. Я не хочу больше ломать комедию. Сами же вы говорите, что пора кончить!

Чарлэй *(надевает на него парик и наколку).* Надо отступить с честью, а то ты нас погубишь. Ты сперва должен привести Спетлайга в самое радужное расположение духа. Это для нас необходимо.

Чарлэй. Мы за это, если понадобиться, отдадим нашу жизнь тебе и твоей возлюбленной.

Джэк. А ты, неблагодарный, хочешь бросить нас в самую критическую минуту?

Бабс. Ну ладно, будь по вашему! Посмотрите все ли у меня в порядке?

Джэк. Тс… дамы!

11

Баберлей, Джэк, Чарлэй, Китти и Энни справа.

Китти. Ах, вот и вы, донная Люция. *(Джэку).* Джэк, твой отец гуляет в саду с двумя какими-то чужими дамами. Смотри, чтоб они нам не по-

мешали. *(Отошла от Джэка, подошла к Бабсу).* Энни и мне нужно с вами серьезно поговорить.

Энни. Если бы вы нам уделили несколько минут вашего внимания?

Бабс. Я исполню все, что вам угодно.

Энни *(приносит налево стул и приглашает сесть Бабса).*

Китти. Вы наш добрый ангел! *(Тихо Джэку).* Уходи!

Энни *(Чарлэю).* Оставь нас одних.

Бабс. Позвольте вам представиться, господа: я ангел. *(Садится).*

Джэк и Чарлэй *(уходят налево).*

Киттии Энни *(становятся перед Бабсом на колени).*

Бабс. Ну, дети, говорите, в чем дело?

Китти. Видите ли, по завещанию моего отца, я лишаюсь почти всего состояния, если я выйду без разрешения моего опекуна, мистера Спетлайга.

Энни. Джэк и Китти любят друг друга, но Джэк разорился…

Китти. И будет сам себе зарабатывать хлеб…

Энни. А Китти хочет как можно скорей выйти за него замуж.

Китти *(сконфузилась).* Будет тебе!

Бабс. Да, Энни, довольно. Теперь очередь за

Китти!..

Китти. Чарлэй и Энни тоже хотят пожениться, если вы конечно не будете иметь ничего против.

Бабс. Разумеется ничего. Женитесь хоть сегодня!

Энни, Китти. Спасибо, спасибо! *(Обнимают и целуют Джэка).*

Джэк и Чарлэй *(появляются и кашляют).*

Эннии Китти *(встают и отходят, Джэк и Чарлэй толкают исподтишка Бабса).*

Китти *(Джэку).* Зачем вы пришли? Только помешали!

Энни *(Чарлэю).* Мы только что разговорились!

Бабс. Что вам тут нужно, господа? Почему вы не даете нам, трем женщинам, поболтать между собой?

Чарлэй *(тихо Джэку).* Я больше не могу выносить этого.

Джэк *(так же).* Погоди, я сейчас все устрою. Пойди скажи Брассэту, чтобы он готовил чай, а я приведу остальных.

Чарлэй*(уходит в комнату).*

Джэк. Ну и я не буду вам мешать. *(Уходит направо).*

Китти *(становятся с Энни перед Бабсом на колени).* Как жаль, что нас перебили! На чем это

мы остановились?

Бабс. Что вы обе влюблены и хотите поскорей выйти замуж.

Китти. Да, да!

Энни. А для этого нам нужно получить дядино согласие.

Китти. Будьте нашим добрым гением. Попросите его за нас.

Бабс. За обеих?

Китти. Об Энни пожалуй нечего и просить, если вы согласны; он ничего не будет иметь против.

Бабс. Благословляю вас обеими руками.

Энни *(обнимает Бабса за шею).* Какая вы добрая! не даром я полюбила вас с первого взгляда.

Бабс *(перебивает).* Разве можно отказать такой милочке! Знаете что? Я буду вашей подружкой.

Энни. Непременно, непременно.

Китти. А что же будет со мной!

Бабс. Ах да, я и забыла про завещание.

Китти. Вы должны заставить опекуна дать расписку в его согласии.

Бабс. Расписку?

Китти. Да, на гербовой бумаге с его подписью.

Бабс. Но я не имею никакого влияния на вашего опекуна.

Энни. Вы такая умная, что…

Бабс. И такая богатая!!

Энни. А это для дяди самое важное.

Китти. Если вы попросите его, он не посмеет вам отказать.

Энни. Но это надо все устроить непременно сегодня. Завтра мы уезжает в Шотландию.

Бабс *(обнимает обеих).* Расстаться с вами! Никогда!

Китти. Мы только на вас и надеемся.

Энни. Пожалейте ас! Вы ведь тоже любили!

Бабс. Еще бы; и не один раз!

Китти. Так вы поймете нас.

Энни *(обнимает его).* И поможете нам, милая дорогая тетя!

Бабс. Ну как можно им отказать!

Китти. Я так и знала, что вы нам все устроите! Мы сейчас позовем мистера Спетлайга. Не забудьте, что для меня нужно расписку. *(Обе уходят направо).*

Бабс. Фу, даже в жар бросило! А право иногда очень не дурно изображать тетушку! Хорошо бы теперь выпить!

12

Баберлей, Брассэт; потом Спетлайг, Люция, Чарлэй; позже Китти и Энни, к концу Элла и Фрэнсис.

Брассэт *(входит из комнаты и накрывает на стол).*

Бабс. А, Брассэт, принесите-ка мне рюмку коньяку, да побольше. *(Видит Спетлайга).* Впрочем нет, после; вон тащится мой обожатель! *(Брассэт уходит, не слыша последних слов).*

Спетлайг *(справа).* Донна Люция, моя племянница сказала мне, что вы хотите меня видеть. *(Ставит шляпу на стол).* Наконец-то настал сладкий час. *(Подходит к Бабсу).* Ах вы моя душечка!

Брассэт *(входит с рюмкой коньяку, ставит на стол и уходит).*

Спетлайг *(видит рюмку и выпивает).*

Донна Люция *(справа).* Мистер Спетлайг, познакомьте же нас!

Спетлайг *(в сторону).* Опять помешали! *(Громко).* О, с удовольствием! Донна Люция, позвольте вам представить миссис Томсон! Донна Люция, позвольте вам представить миссис Томсон! Дон-

на Люция д'Альвадорец.

Бабс. Очень приятно! Я тетка Чарлэя из Бразилии, где водятся обезьяны.

Спетлайг *(отходит налево).*

Донна Люция. Я давно уже желала с вами познакомиться, я была очень дружна с вашим покойным мужем!

Бабс *(делает испуганное лицо и хочет уйти направо).*

Чарлэй*(входит ему навстречу).*

Донна Люция *(обращается к Спетлайгу).* Вот приятная встреча. Я очень хорошо знала дон Педро!

Чарлэй *(отводит Бабса в сторону).* Что с тобой, Бабс?

Бабс *(дрожа от страху, показывает на Люцию).* Она была очень дружна с моим покойным мужем!

Киттии Энни (входят слева и подходят к Бабсу).

Китти. Ну что же?

Бабс. Ах дети, она была дружна с моим мужем!

Джэк *(слева, быстро к Бабсу).* Ну что, все благополучно?

Бабс. Какое там! Она знала моего мужа.

Джэк. А, черт бы ее взял!

Брассэт (приносит чайный прибор, ставит его на стол и уходит).

Чарлэй. Что же нам теперь делать?

Джэк. Быть как можно хладнокровнее. Вот и чай. *(Берет Бабса под руку и подводит к столу).* Донна Люция позвольте просить вас разливать чай!

Бабс *(кокетливо).* Ах, это моя обязанность, как старшей.

Спетлайг *(слева, в сторону).* Вот тебе и свиданье!

Бабс *(в замешательстве наливает чай в шляпу Спетлайга. Люция, заметив это, делает знаки Чарлэю и Джэку, те делают замечание Бабсу; тот наливает чай в чашки).*

Китти *(передает чашку Спетлайгу).*

Донна Люция *(Бабсу).* Давно вы приехали в Англию, дана Люция?

Джэк *(тихо Бабсу).* Перемени разговор.

Бабс *(еще более смущенный).* Перемени разговор!

Джэк. Болван! *(Подсказывает ему).* Спроси, не хочет ли она сахару или сливок.

Спетлайг *(встает с чашкой в руках).* Позвольте мне сливок, донна Люция!

Бабс *(наливает сливки в шляпу Спетлайга).*

Спетлайг *(замечает это и поднимает шляпу).* Кто это сделал?

Бабс *(вырывает у него шляпу и выливает чай в полоскательницу).* Виновата!

Донна Люция *(в сторону).* И эту сумасшедшую мой племянник выдает за меня!

Спетлайг *(в сторону).* Промолчу; а то она еще пожалуй не захочет со мной потом говорить.

Донна Люция. Воображаю, как вы были огорчены смертью вашего мужа: дон Педро был такой хороший человек.

Бабс. Да! У него был чудный характер. Жаль только что он выпивал.

Спетлайг *(в сторону).* Приглашу-ка я их всех обедать. Тогда уже наверно улучу удобную минутку с ней поговорить. *(Громко).* Позвольте вам предложить, господа…

Бабс *(обрадованный кричит).* Слушайте, слушайте!

Джэк *(зажимает ему рот).*

Сэр Фрэнсис *(входит).*

Брассэт *(в дверях).* Мистер Спетлайг, ваш экипаж приехал.

Спетлайг. Это очень кстати. Итак, господа, прошу вас всех ко мне обедать. Надеюсь вы удостоите меня этой чести! *(Движение Бабса, Чарлэй и Джэк*

удерживают его).

Энни. Ах, дядя, какая дивная мысль.

Спетлайг. Донна Люция, позвольте мне довести вас в моей коляске? Заранее говорю: не приму никаких отговорок! *(Кланяется).*

Донна Люция. Но со мной еще племянница, мисс Делэй.

Бабс *(вскакивает).* Кто?

Спетлайг. Пожалуйста привозите и ее.

Бабс *(очень взволнован, громко).* Как вы сказали? Мисс Делэй?

Элла *(за сценой и появляясь в дверях).* Да, да это его голос! Это он!

Бабс *(кидается к ней).* Вот она наконец!

Элла *(удивленная, останавливается).* Нет, это мне показалось!

Бабс *(увидя, что она его не узнала, тащит вниз юбку и падает на руки Спетлайга).*

Джэк *(становится перед ним на колени и обдергивает ему юбку. Картина).*

Занавес

Действие III

Гостиная в доме Спетлайга. В задней стене арка с портьерами, ведущая в сад. Направо и налево двери. Налево пианино. Направо и налево столики и стулья. Направо диван. Горит люстра.

1

Брассэт, Мэри, потом Баберлей.

Брассэт *(прислушивается у двери направо).* Сейчас должно быть кончат обедать и придут сюда пить кофе. Его милость, лорд, кажется попривык к своему наряду. Как это он себя не выдаст!

Мэри *(слева с лампой, которую ставит на пианино).*

Брассэт *(смотрит на нее, улыбаясь).* У старика губа-то не дура — каких милашек-горничных держит! *(Подкрадывается к ней и щиплет ее за щеку).* Преапетитная штучка!

Мэри (бьет его по рукам). Ну не очень-то! Рукам воли не давать! Сейчас видно, что вы все возитесь со студентами: те тоже никому прохода не дают.

За сценой направо смех и говор, шум отодвигаемых стульев.

Брассэт. Тсс… Кушать кончили. Давайте скорей кофе! *(Мэри уходит налево).* Чему это они смеются? Наверное над лордом. Я на всякий случай захватил его фрак; вдруг вздумает переодеться. *(Идет на середину).*

Бабс*(вбегает справа, раздражен).* Нет, довольно! Брассэт, кликните мне скорей извозчика. Я еду домой!

Брассэт. Очень хорошо! *(Уходит).*

2

Баберлей, Джэк, Чарлэй; потом Люция, за сценой. Джэк и Чарлэй (слева выводят Бабса на авансцену).

Джэк. Что с тобой опять? Чего ты вдруг убежал? Твое поведение ни на что ни похоже. Разве ты дама?… Ты какая-то прачка!

Бабс. Опять упреки? Отстаньте вы от меня ради Бога! Отпустите меня домой!

Чарлэй. А твое честное слово? Ты обещал барышням похлопотать за нас.

Бабс *(не слушая их).* Хоть бы еще раз увидать

ее!

Чарлэй. Ему дело говорят, а о не слушает.

Джэк. Кого ее?

Бабс. Мисс Делэй!

Джэк. А, племянницу миссис Томсон.

Чарлэй. Зачем она тебе?

Бабс. Как зачем? Это та самая девушка, в которую я влюбился в Монте-Карло.

Джэк. А, вспомнил. У нее умер отец.

Бабс. Ну, да, а потом миссис Томсон увезла ее с собой. Теперь прощайте! *(Бежит за пианино).*

Джэк. Держи его, Чарлэй, держи!

Чарлэй *(бежит на встречу и хватает его, оба вытаскивают Бабса вперед).*

Бабс *(кричит).* Пустите меня! Я хочу домой! Мне надо переодеться.

Джэк. Бабс, будь товарищем! Выручи!

Бабс. Это вы со мной поступаете не по товарищески, делая из меня дурака!

Чарлэй. Да не кричи ты так, Боже мой!

Бабс. Хочу и кричу. Поймите: я влюблен!

Джэк. Уж будто ты так влюблен, что и потерпеть не можешь.

Бабс. Больше чем вы оба вместе. И я желаю сказать ей это, упасть к ее ногам…

Чарлэй *(идет к левой двери).* И по этому ты

кричишь как помешанный!

Джэк. В жизни не видал такого дурака!

Бабс. Я думаю! Кто бы стал вас слушаться! Я компрометирую собой всех женщин. *(Снимает платье и отходит в глубину).*

Джэк *(подходит к Чарлэю).* Теперь с ним ничего не поделаешь! Пусть его убирается.

Бабс *(подходя).* Я решил кончить эту комедию главным образом потому, что ваши барышни обнимают и целуют меня, а я влюблен в другую. *(Отходит).*

Чарлэй. Он невменяем.

Джэк. Посадим его в коляску и отправим его домой.

Бабс *(подходит).* Джэк, поклонись от меня мисс Веден и скажи, что я очень жалею, но чтобы она больше на меня не надеялась.

Джэк *(живо).* Что у тебя было с мисс Веден? Говори, чучело, скорей! *(Хватает его).*

Бабс *(освобождается).* Я ей обещал попросить позволения у опекуна выйти замуж и взять с него расписку. Понял? Эх вы, младенцы! Ничего-то вы не можете сделать сами!

Чарлэй *(прислушиваясь у правой двери).* Я слышу шаги… идут…

Джэк *(накидывает на Бабса платье и толкает*

его на диван, налево). Сиди и молчи!

Оба *(садятся рядом с ним с невинным видом).*

Донна Люция *(за сценой направо).* Я пройду в гостиную! Ты со мной, дитя мое*? (Входит с Эллой).*

3

Те же, Люция, Элла; потом Энни и Китти; Брассэт, Спетлайг за сценой.

Донна Люция *(справа).* Ну, мистер Вайкэм, как чувствует себя ваша тетушка?

Элла. Она ушла так скоро! Ей вероятно дурно? *(Берет у Люции флакончик).*

Чарлэй *(смущенно).* Да, вы правы: тете сделалось за обедом дурно. В зале было слишком жарко.

Донна Люция. Жарко? А мне показалось, что там свежо!

Джэк. Ну да, Чарлэй хотел сказать именно свежо, а донна Люция привыкла к теплому климату, живя в Бразилии.

Элла *(подает Джэку флакончик).* Это очень помогает в таких случаях. Не хотите ли понюхать?

Джэк. Благодарю вас, с удовольствием. У донны Люции бывают нервные судороги; не так ли,

Чарлэй? *(Подносит флакон к носу Бабса).*

Бабс *(гримасничает).*

Киттии Энни *(входят справа).*

Энни. Ну что, донна Люция отдохнула?

Китти. У нее очень болезненный вид.

Донна Люция и Элла *(садятся направо).*

Элла. Мистер Чеснэй думает, что это нервы.

Китти *(Джэку).* Подите скажите это мистеру Спетлайгу, он очень беспокоится. *(Берет у него флакончик).* Передайте ему, что самое лучшее теперь для донны Люции — покой.

Энни. Да, да, идите оба. Я думаю, что лучше нам, женщинам, теперь остаться здесь. *(Энни и Китти выходят на середину).*

Джэк и Чарлэй *(уходят направо).*

Бабс *(с испугом смотрит им вслед).* Опять меня оставили одного! *(Пауза. Смотрит на дам).* Интересно, о чем они теперь будут говорить. Я вообще не имею никакого понятия, о чем могут говорить женщины между собой.

Брассэт *(приносит слева кофе).*

Элла *(Люции, смотря на Бабса).* Интересно знать, кто это таинственная дама?

Донна Люция. Какая-нибудь особа, которую нашел племянник, чтобы заместить меня, когда я протелеграфировала ему, что я не буду.

Элла. Что ж? Это очень любезно с ее стороны. Поговори с ней, мне очень нравится ее голос, он мне напоминает много грустных, но в то же время и много сладких минут моего прошлого.

Брассэт *(предлагает им кофе, обе берут).*

Донна Люция. С удовольствием, мой дружок! Я сама очень заинтересована; меня только страшно возмущает, что мой племянник выдает меня за такую карикатуру. *(Направо за сценой смех).*

Брассэт *(предлагает кофе Китти и Энни; они отказываются).*

Бабс *(в сторону).* Ишь как покатываются!

Брассэт *(предлагает Бабсу кофе).*

Бабс *(берет кофе, сахар, сливки, тихо Брассэту).* Они верно там рассказывают анекдоты?

Брассэт *(наклоняется и шепчет ему улыбаясь).*

Бабс *(смеется).* Этот я знаю. Неприличный — но хорош! Жаль, что меня там нет! *(Снова смех).*

Брассэт *(уходит направо).*

Донна Люция *(барышням).* Наши кавалеры как видно без нас не скучают.

Китти. Им всегда весело, когда они одни.

Энни. Мы никогда не умеем так забавляться.

Донна Люция. А я умею. Они рассказывают анекдоты. Я их знаю массу.

Бабс *(прислушивается).*

Донна Люция. Из Бразильской жизни дона Педро.

Бабс *(в сторону).* Опять вот! Вот пытка-то! *(Громко).* Не лучше ли нам заняться музыкой? Здесь кстати и пианино.

Китти. Ах нет! Лучше будем слушать анекдоты; это гораздо веселей!

Энни. Расскажите пожалуйста, миссис Томсон! Дон Педро нас очень интересует.

Донна Люция. Отчего вы не обратитесь к донне Люции?

Бабс. Почему ко мне?

Донна Люция *(со злостью).* Потому что дон Педро д'Альвадорец был ваш муж.

Бабс. Но я никогда не выносила его пикантных историй. Я терпеть не могу фривольностей.

Элла. Разве он был такой дурной, тетя…

Донна Люция. Напротив, он был очень приятный человек, и если донна Люция мне позволит…

Китти *(подходя к Бабсу).* Ведь вы разрешите миссис Томсон рассказать про вашего супруга?

Энни. Нам так хочется про него послушать.

Бабс *(задумчиво).* Пусть будет по-вашему.

Донна Люция. И так я уже сказала: дон Педро был хороший и добрейший человек. Однажды

он застал в своем винном погребе слугу, который был так пьян, что даже не узнал его.

Бабс. Это дон Педро напился?

Донна Люция. Нет, слуга. В том-то вся и соль, что дон Педро никогда ничего не пил.

Бабс. Вот как? Ну-с дальше!

Донна Люция. Дон Педро покачал головой и говорит ему: «Что скажет дон Педро, если увидит вас в таком виде?»

Бабс. Меня?

Энни, Китти *(смеются).* Не вас, а слугу!

Донна Люция. Слуга и отвечает ему: вот что самое смешное…

Бабс. А, соль анекдота, самое смешное. *(Смеется).*

Донна Люция. Так вот слуга и отвечает: что мне за дело до вашего дона Педро, когда он сам напивается каждый день до чертиков.

Киттии Энни *(смеются и отходят).*

Бабс *(серьезно).* Что ж тут смешного? Это со всяким может случиться. Я сам третьего дня… *(Обрывается, видя, что барышни смеются).* Впрочем это смешно… *(Хохочет).* Необыкновенно смешно! *(Закашливается, пауза).* Как звали этого слугу?

Донна Люция. Вам это лучше знать. Это была

любимая история дона Педро, он ее всем рассказывал. Разве вы не помните?

Бабс. Как же, как же, помню! Только я не совсем хорошо понимаю соль этого анекдота. Я знаю анекдоты много пикантнее. *(Обрывается).* Не поиграть ли нам лучше на рояле? Мисс Китти, не сыграете ли вы нам что-нибудь?

Китти*(подходит к пианино).* Нет, не могу. Пусть лучше Энни споет!

Энни *(подходит к роялю).* Не могу, я совсем задохнулась от смеха.

Донна Люция *(Бабсу).* Что если бы вы спели нам вашим мелодичным голосом?

Бабс. Я?

Донна Люция. Какую-нибудь народную бразильскую песнь. Дон Педро так любил их.

Бабс *(в сторону).* Этот дон Педро меня погубит! *(Громко).* У меня пропал голос после кори.

Донна Люция *(Элле).* Заметь, какие она говорит глупости.

Бабс. Это было пятьдесят лет тому назад.

Донна Люция *(Элле).* Ну, я не так еще стара!

Бабс. Но я вам могу что-нибудь сыграть. *(Встает, в сторону).* Отлично придумал; если я буду играть, я могу не говорить.

Китти *(у пианино).* Это очень мило с вашей

стороны.

Энни … О да, сыграйте нам пожалуйста что-нибудь мелодичное, печальное!

Бабс. Вы хотите сказать что-нибудь возбуждающее, бравурное? Например тарарабумбию! *(Садится за рояль и играет в продолжении всей сцены).*

Спетлайг *(за сценой).* Пойдемте к дамам, послушаем музыку.

Китти *(Бабсу).* Мужчины идут сюда. Не забудьте взять расписку с моего опекуна.

Бабс *(играя).* Знаю, знаю!

Китти *(идет к Энни).* Нужно увести всех в сад, чтобы донна Люция могла поговорить с мистером Спетлайгом.

4

Те же, Брассэт, Джэк, Фрэнсис, Спетлайг и Чарлэй. Все входят справа.

Спетлайг. Брассэт, принесите сигары.

Бабс *(с жаром обрывает игру).* Сигары? Да пожалуйста; мне ужасно хочется покурить, то есть мне очень полезен дым сигар: это против судорог! Курите, господа, курите! *(Играет).*

Брассэт *(уходит налево. Все размещаются в группе).*

Спетлайг*(в сторону).* Нужно же мне наконец поговорить с ней с глазу на глаз. *(Громко).* Какой великолепный вечер!.. Может быть вам угодно покурить на воздухе? Мой сад просто райский уголок!

Китти. Пойдемте погулять! Не правда ли, Энни?

Энни. Да, да! *(Болтают с мужчинами).*

Брассэт *(приносит ящик с сигарами и зажженную свечу, ставит на столик и уходит).*

Спетлайг *(за пианино, любезничает с Бабсом).* Как я счастлив, донна Люция! *(Зовет Чарлэя).* Мистер Вайкэм, я вам завидую: у вас такая тетушка!

Чарлэй *(забывшись).* Ну уж!? *(Стонет).* Ах! *(Отходит).*

Джэк *(толкает).* Ты еще проговорись! *(Спетлайгу).* Вы вероятно очень любите музыку?

Спетлайг *(глядя умильно на Бабса).* Нет, но я надеюсь полюбить ее!

Бабс *(в сторону).* Вот скорчил рожу-то! Настоящий баран!

Джэк *(подходит к Фрэнсису и отводит его направо).* Отец, как тебе нравится моя Китти? Не правда ли, мила?

Сэр Фрэнсис. Очень и мне очень жаль, что вам придется жить очень скромно.

Джэк. Тем лучше! Китти мне сама сказала: труд делает жизнь слаще! *(Отходит).*

Сэр Фрэнсис*(подходит к Люции и Элле).*

Китти *(проходя мимо пианино).* Не забудьте расписки! *(Идет к Энни).* Идем в сад! Возьми Чарлэя! *(Подходит к Джэку и садится на диван. Энни и Чарлэй уходят в сад).*

Спетлайг*(подходит к пианино).* Если бы вы знали, что меня мучает…

Бабс. Знаю, вы еще не сдержали своего слова. Распишитесь, что вы его исполните!

Спетлайг. Расписаться? Хорошо! *(Нежно).* Но сначала поговорим с вами наедине.

Бабс *(Спетлайгу).* Пока вы не дадите мне расписки, я не хочу ни о чем с вами говорить.

Джэк *(к Китти).* Я сказал все моему отцу.

Китти. Ну и что же?

Джэк. Он в восторге от своей будущей дочки!

Китти. Значит у него такой же хороший вкус, как и у сына. Пойдем в сад! *(Оба встают).*

Донна Люция и Элла *(подходят к пианино).*

Спетлайг. Миссис Томсон, что вы думаете о прогулке по саду? *(Фрэнсису).* Не предложите ли вы даме руку, сэр Фрэнсис?

Джэк *(подходит, Спетлайг предлагает ему сигару).*

Спетлайг. Не угодно ли сигару? На воздухе так приятно курить.

Джэк *(берет сигару и отходит).*

Китти *(мимо пианино, тихо Бабсу).* Не забудьте расписки!

Бабс. Знаю! Будьте покойны.

Китти *(целует его).* Ах, какая вы чудная женщина!

Джэк *(видя это, живо).* Китти!

Китти *(бежит к нему, уходит в сад).*

Бабс. Понравилось им меня целовать!

Сэр Фрэнсис *(показывая на Джэка и Китти).* Не пойти ли и нам?

Донна Люция. Конечно пойдемте! *(Показывая на Спетлайга и Бабса).* Они ждут не дождутся остаться вдвоем. *(Оба уходят, Элла за ними).*

5

Баберлей и Спетлайг.

Бабс *(берет два громких аккорда и прячется за пианино).*

Спетлайг *(проводив всех, возвращается на се-*

редину). Слава Богу, ушли! Люция, моя милая Люция, наконец-то мы одни! *(Оборачивается к пианино, не видя никого, удивленно оглядывается).* Где же она?

Бабс *(высовывая голову).* А-у!

Спетлайг *(видит его).* Ах, плутовка! Она хочет подразнить меня! *(Хочет поймать Бабса, обходит пианино справа).*

Бабс *(слева из-за пианино).* Начнет теперь приставать с нежностями.

Спетлайг. Что вы от меня бегаете?

Бабс. Я на вас сердита.

Спетлайг. Вы разрываете мое сердце на части. Чем я провинился?

Бабс. Где же обещанная расписка?

Спетлайг. К чему нам спешить? *(Идет к нему).*

Бабс *(бежит за пианино так скоро, что Спетлайг пробегает мимо него).*

Спетлайг. Поговорим сначала о нас.

Бабс. Нет, вы от меня не отделаетесь. Вы меня совсем не знаете… Я совсем не такая женщина как другие.

Спетлайг. Выслушайте меня!

Бабс *(опять прячется).* Оставьте! Вы меня совсем не любите!

Спетлайг. Люция, Люция, разве я заслужил

это!

Бабс *(в сторону).* Выдрать бы тебя, — вот что ты заслужил! *(Громко).* Дайте расписку, а там делайте со мной, что хотите!

Спетлайг *(идет к правой двери).* И вы это говорите серьезно! Хорошо, я ловлю вас на слове — я подпишу свое согласие… но с условием, что после вы будете моей.

Бабс *(подходит к нему ближе).* Клянусь! Только советую поторопиться, а то я пожалуй раздумаю!

Спетлайг. Лечу, лечу! *(Посылает Бабсу воздушный поцелуй).* Душечка, куколка! *(Уходит направо).*

6

Бабс *(один посреди комнаты).* Вот уж не думал, что мужчины так глупы! Мы, женщины, можем вертеть ими как пешками. *(Идет налево).* Надо однако поскорее все кончить, а то я окончательно обаблюсь. Если бы мне чертовски не хотелось покурить, я бы сам сомневался, мужчина я или женщина. Здесь где-то были сигареты! А, вот они! *(Идет к столу, где стоят сигары, оглядывается).* Не увидал бы кто! *(Берет сигару, идет на середину комнаты, курить, сильно затягиваясь).* Вот

наслажденье!

7

Бабс, Люция и Элла.

Донна Люция *(показывается из сада).* Курить сигары! Этого еще не доставало! *(Кашляет).*

Бабс *(испуганный, прячет сигару в карман).*

Элла *(из сада, подходя к Люции).* Ты не озябла, тетя?

Донна Люция. Да, мой друг, принеси мне платок.

Элла. Сейчас, тетя! *(Уходит направо).*

Донна Люция *(Бабсу).* Что это вы удаляетесь от общества, донна Люция?

Бабс. У меня страшно расстроены нервы; мне нужен покой.

Донна Люция. Не находите ли вы, что здесь очень накурено?

Бабс *(нюхает).* Нет, это чад из кухни! Я сейчас посмотрю. *(Идет налево).*

Донна Люция *(останавливая его).* Погодите, мне нужно задать вам один вопрос.

Бабс*(очень любезно).* К вашим услугам. *(Идут на авансцену).*

Донна Люция. Представьте себе, когда я познакомилась с доном Педро, он сказал, что он не женат!

Бабс *(в сторону).* Опять этот дон Педро! Когда она меня оставит в покое! *(Громко).* Это очень на него похоже. Он был жестокосердый тиран, обманывавший жену и детей!

Донна Люция. Ах, у вас есть дети? Сколько их?

Бабс. Так человек пять, шесть... Я уж забыла, давно их не видела.

Донна Люция. Где же они теперь?

Бабс. Как где? Где же им и быть, как не у отца, у дона Педро!

Донна Люция. Да, ведь он умер!

Бабс. Да, совершенно верно, умер. Что же из этого. Они у другого дона Педро.

Донна Люция *(в сторону).* Вот нахалка! *(Громко).* Не заметно, чтобы вы были из Бразилии. Там, например, все женщины курят крепкие сигары.

Бабс. Напротив это моя страсть! Я только что закурила! *(Показывает сигару).*

Донна Люция. Пожалуйста не стесняйтесь, курите!

Бабс *(идет в глубину).* Не угодно ли и вам так же?

Донна Люция *(идет за ним).* Нет, благодарю

вас. Я к сожалению не бразилианка, и не привыкла к этому!

Бабс. Вы может быть хотите что-нибудь выпить. Не угодно ли коньячку?

Донна Люция. Нет не хочу! *(В сторону).* Она должно быть воспитывалась в казармах!

Элла *(приносит справа платок).*

Бабс *(отходит к пианино).*

Элла. Вот тебе, тетя, платок! *(Накидывает платок на плечи Люции).*

Донна Люция. Благодарю, дитя мое. Я пойду, меня ждет сэр Фрэнсис; а ты останься. Пожалуй еще простудишься. *(Уходит в сад).*

8

Бабс, Элла, потом Спетлайг.

Бабс *(смотрит украдкой на Эллу).*

Элла *(смотря на Бабса, тихо).* Тетя не велела выдавать ее. А все-таки эта дама мне очень нравится; в ней есть что-то подкупающее.

Бабс *(хочет уйти в сад).*

Элла *(посредине).* Что это, вы уходите?

Бабс *(останавливается, смущен).* Мне показалось, что меня зовут!

Элла. Смотрите не простудитесь. Очень свежо. Тетя меня поэтому и оставила здесь. Я недавно была очень больна…

Бабс *(взволнован).* А я этого и не знал.

Элла. Теперь я слава Богу здорова; но все-таки мне надо беречься.

Бабс *(заботливо).* Ради Бога не простудитесь. Я буду страшно огорчен, если вы опять захвораете.

Элла. О, не беспокойтесь! Тетя сегодня обо мне особенно заботится и приказала сидеть здесь. Межу нами, я ее сегодня стесняю. *(Берет Бабса под руку и подводит к дивану. Доверчиво).* Надо вам сказать, что много лет тому назад тетя и сэр Фрэнсис были влюблены друг в друга!

Бабс. Что вы говорите? *(Садится на диван).* Это очень интересно!

Элла. Вам ведь все можно рассказать? *(Становится перед ним на колени).* Видите ли: он пропустил удобный случай объясниться; потом он получил назначение в Индию; так они и расстались ни с чем. Это бывает очень часто. Встретятся, полюбят друг друга, а потом и разойдутся, не объяснившись. Вот и я тоже знала одного молодого человека. ОН был такой робкий и такой добрый, что когда папа заболел, он, чтобы утешить его, приходил к нему каждый день играть

с ним в карты. Сначала мне это очень не нравилось. Я думала, что это вредно папе, но доктор разуверил меня. *(Пауза).* И вот теперь, благодаря его проигрышу, мне после папы осталось много денег, но я непременно отдам их этому молодому человеку, как только его встречу.

Бабс. Не делайте этого, он не возьмет.

Элла. Но ведь он проиграл их только из-за моего отца. Мне бы так хотелось отблагодарить его. Только наверно мы никогда не встретимся и он не узнает *(тихо)* как я люблю его.

Бабс *(встает, украдкой вытирает глаза).* И я должен молчать!

Элла *(встала, идет налево).* Я вам не наскучила? Не знаю почему, но я полюбила вас с первого взгляда.

Спетлайг*(справа, с запечатанным письмом в руках, шепчет).* Люция!

Элла (быстро уходит в сад).

9

Баберлей, Спетлайг, Фрэнсис, Люция; потом Элла; к концу Джэк, Чарлэй, Китти,

Энни и Брассэт.

Бабс *(шепчет).* Расписка готова? *(Идет к Спетлайгу).*

Спетлайг. Вот она! Только не заставляйте меня больше страдать.

Бабс. Дайте сначала расписку, а потом я ваша!

Спетлайг *(держа письмо в поднятой руке).* Как только я вам отдам расписку, мы объявим себя женихом и невестой?

Бабс. Хорошо, хорошо, давайте скорей!

Спетлайг. Возьми, ангел мой! *(Дает расписку).*

Бабс*(прячет ее, в сторону).* Ну, теперь конец! *(Громко).* Я ваша!

Спетлайг. Люция, дорогая мой! *(Хочет обнять Бабса).*

Бабс. Нет, не теперь! Кто-то идет! До свиданья, мой ненаглядный Спетлайг! *(Идет налево).*

Спетлайг. Назови меня как-нибудь понежней!

Бабс. Прощай, мой миленький дружочек. *(Посылает ему воздушный поцелуй и убегает налево).*

Спетлайг. Жаль, что она меня не поцеловала. Зато я получу ее миллионы, а это главное.

Сэр Фрэнсис и Донна Люция *(вошли из сада).*

Спетлайг *(идет к ним навстречу с протянутыми руками).* Миссис Томсон, мистер Фрэнсис, поздравьте меня! Я счастливейший смертный! Но

где же мои девочки? Они должны порадоваться вместе со мной! *(Быстро уходит в сад).*

Сэр Фрэнсис. Чему это он так радуется?

Донна Люция. А вы не догадываетесь?

Сэр Фрэнсис. Нет.

Донна Люция. Он жених!

Сэр Фрэнсис. Чей же?

Донна Люция *(сухо).* Донны Люции д'Альвадорец.

Сэр Фрэнсис *(возбужден).* Вот не ожидал! Как можно на ней жениться?

Донна Люция *(садится на диван. Фрэнсис становится сзади нее).*

Донна Люция *(улыбаясь).* Вы так думаете? А сами разве не делали ей предложения?

Сэр Фрэнсис. Это все мой сын! К счастью…

Донна Люция. Она вам отказала. И теперь вы потеряли все ее миллионы.

Сэр Фрэнсис*(садится рядом с Люцией).* Зато я нашел вас!

Донна Люция. И вы серьезно хотите на мне жениться? Ведь у меня ничего нет

Сэр Фрэнсис *(встает).* Вы для меня дороже денег! *(Протягивает ей руку и отходит на средину).*

Элла *(входит из сада, подходит к Люции, накло-*

няясь к ней, тихо). Тетя, вы объяснились?

Донна Люция. Тсс… молчи! *(Обнимает ее. Элла садится рядом с ней).*

Спетлайг *(в сопровождении Китти, Энни, Джэка и Чарлэя).*

Брассэт *(выходит справа и убирает кофе).*

Сэр Фрэнсис *(садится направо).*

Спетлайг. Подойдите ближе, дети мои! Я должен объявить важную новость! *(Брассэту).* Где донна Люция?

Брассэт. В уборной у барышень.

Спетлайг. Тем лучше! Может быть я оскорблю ее чувство тем, что скажу вам.

Чарлэй *(Джэку).* Джэк, мне что-то страшно!

Джэк. Как можно больше хладнокровия, Чарлэй!

Спетлайг. Господа, до сих пор я был одиноким вдовцом, на плечах которого лежала обязанность заботиться *(показывая на Энни)* о моей племяннице и *(показывает на Китти)* о моей воспитаннице. Но вдруг явилась добрая фея, озарившая ярким светом мою мрачную жизнь!

Чарлэй. О ком это он говорит?

Джэк. Погоди!

Спетлайг. Под благодатным влиянием этой доброй феи я решил выдать мою племянницу

замуж за человека, которому я вполне доверяю: за мистера Чарлэя Вайкэм.

Джэк. Этим ты обязан твоей тетке!

Спетлайг. Обольщенный этими волшебными чарами, я решился соединить мою воспитанницу и мистера Джэка, единственного сына моего высокоуважаемого друга, сэра Фрэнсиса Чеснэй.

Сэр Фрэнсис *(встает, кланяется и опять садится).*

Спетлайг. Но что вы скажете о третьей помолвке?

Все *(удивленно глядят друг на друга).*

Спетлайг. Эта фея, имя которой так же известно в Южной Америке, как имя Ротшильда в Европе, эта фея делает честь быть моей женой. Ее зовут донна Люция д'Альвадорец! *(Все поражены).*

Брассэт*(державший поднос с чашками роняет его).*

Спетлайг *(Брассэту).* Несчастный человек! Что ты наделал?

Брассэт. Виноват, у меня нервные судороги.

Спетлайг. За это я вам дам меньше на джин! *(Ко всем остальным).* Вы конечно в восторге от того, что я вам сказал!

Чарлэй *(освобождается от Джэка, удерживавшего его во время всей его речи).*

Чарлэй. Молчите! Я не могу дольше выносить этого…

Спетлайг. Что это с вами, мистер Вайкэм?

Чарлэй. Будь, что будет, но я не потерплю…

Спетлайг. Так-то вы благодарите меня за то, что я отдал вам племянницу?

Чарлэй *(взволнован).* Скорей я откажусь от Энни, чем позволю себе воспользоваться этим обманом. *(Общее движение).*

Спетлайг. Как вы смеете так говорить о вашей тетке?

Чарлэй. Да это вовсе не моя тетка?

Донна Люция *(встает).*

Спетлайг. Не ваша тетка? Что вы хотите этим сказать?

Чарлэй. Хотя я и люблю Энни…

Спетлайг. Позвольте… Это совсем не относится к делу! Объяснитесь ясней!

Джэк *(выходит вперед).* Мистер Спетлайг, я один во всем виноват и за все отвечаю я!

Спетлайг. Я не желаю с вами иметь никакого дела! *(Чарлэю).* Вы должны мне дать отчет в…

Брассэт *(в сторону).* Пойти рассказать его милости. *(Уходит направо).*

Чарлэй. Мы пригласили сегодня мисс Веден и мисс Спетлайг к завтраку с тем, чтобы позна-

комить их с моей теткой… Она не приехала и, чтобы не лишиться общества барышень, мы в последнюю минуту…

Джэк. Я выдумал выдать кого-нибудь за его тетку.

Спетлайг *(вне себя).* Другая?! Не она! Я уничтожен, осрамлен! *(Отходит налево).* Устроить мне такую западню!

Джэк. Да мы вас совсем и не ждали!

Спетлайг. Жених старой бабы в парике!

Донна Люция и Элла *(отходят направо).*

Джэк. В этом мы не виноваты. Чего же вы сами смотрели?

Бабс *(в дверях справа).* Можно войти?

Спетлайг. Она! Вот ее, сию минуту вон!

10

Те же и Баберлей.

Бабс *(входит в фрачной паре).*

Все *(поражены).*

Джэк и Чарлэй *(идут ему навстречу).*

Бабс. Я не помешал?

Спетлайг. Кто же это такой?

Бабс. Я тетка Чарлэя из Бразилии, где водятся

обезьяны.

Джэк *(представляет).* Лорд Фрэнкерт Баберлей!

Элла *(Люции жалобно).* Тетя, я объяснилась ему в любви!

Спетлайг. Что это все значит?

Бабс. Это значит, что мы совершенно против воли обманывали всех, и что я беру на себя всю вину и хочу все поправить!

Чарлэй. Мистер Спетлайг, простите нас!

Джэк. Мы готовы сделать все, чтобы только вы не сердились на нас!

Спетлайг *(не слушая).* Это не слыхано! Да где расписка, которую у меня выманили обманом?

Бабс. Вот она; я ее хорошо припрятал! *(Показывает письмо).*

Китти *(выходя).* Это для меня! *(Берет письмо).*

Спетлайг. Отдай ее мне сейчас! Я тебе приказываю! *(Хочет вырвать письмо).*

Донна Люция *(между ними).* Позвольте мне взглянуть! *(Берет письмо).*

Спетлайг. Расписка не действительна, потому что особа, получившая ее, не та, кому она выдана.

Донна Люция. Это письмо адресовано донне Люции д'Альвадорец.

Спетлайг. Она не действительна, потому что она тьфу!.. то есть он подложная тетка!

Донна Люция. Да, но я настоящая!

Все *(пораженные).* Как?

Донна Люция. Я донна Люция д'Альвадорец.

Спетлайг. Она! Какой срам!! *(Падает в кресло).* Вы еще мне за это ответите перед судом!

Бабс *(Джэку).* Слушай ты, может он меня притянуть к суду?

Энни *(Чарлэю).* Чарлэй, твоя выдумка просто непростительна.

Донна Люция. Ну-ну, полно! Я найду средство успокоить вашего дядюшку. Ведь я отчасти тоже виновата; я промолчала, найдя на своем месте вашего друга и выдавала себя тоже за другое лицо. *(Протягивает руку Фрэнсису).*

Бабс. Наконец-то я понял, почему вы так хорошо знали моего покойного мужа.

Китти. Я постараюсь отучить Джэка от лжи! *(Подходит к нему).*

Джэк. Милая моя!

Донна Люция. А я как мать буду помогать вам!

Джэк *(удивлен).* Мать! Что это значит?

Сэр Фрэнсис. Ведь ты мне советовал жениться и сватал мне ее.

Донна Люция *(Бабсу).* Ну, а теперь как же

наказать вас за то, что вы выведали ее тайну? *(Показывает на Эллу).*

Бабс*(выходит с Эллой на середину).* Я раскаиваюсь от всего сердца, и в знак этого искренно прошу у вас ее руки! *(Обнимает Эллу).*

Элла. Тетя?

Донна Люция *(кивает утвердительно головой).*

Элла *(обнимает его).*

Бабс. Уф, наконец-то я чувствую себя опять мужчиной!

Спетлайг *(вскакивая с кресла, в бешенстве).* Вот я посмотрю, чем вы себя почувствуете, когда я посажу вас на скамью подсудимых, урод вы эдакий! *(Общий смех).*

Занавес.

Александр Николаевич Островский
За чем пойдешь, то и найдешь (Женитьба Бальзаминова)

Картина первая

Действующие лица

Павла Петровна Бальзаминова, вдова.
Михайло Дмитрия Бальзаминов, сын ее.
Акулина Гавриловна Красавина, сваха.
Матрена, кухарка.
Лукьян Лукьяныч Чебаков, офицер в отставке. Очень приличный господин средних лет, с усами, лысоват, сюртук застегнут на все пуговицы. Выражение лица насмешливо.

Бедная комната у Бальзаминовых.

Явление первое

Бальзаминова (пьет чай) и Матрена (стоит у двери).

Бальзаминова. Хорошо теперь, Матрена, чайку-то, после бани-то!

Матрена. Уж это на что лучше! По всем жилкам, по всем суставам пройдет.

Бальзаминова. А где же Миша? Что-то не ви-

дать его.

Матрена. Спит, умаялся.

Бальзаминова. Ну, пускай спит.

Матрена. Что ж! пущай спит. Никакие важных дел за ним нет; остановки не будет. А я соследила, куда он ходит.

Бальзаминова. Куда же?

Матрена. Тут близехонько. Только он не прямо ходит, а круг большой делает, чтобы соседям виду не показать. Таково далеко уйдет, да потом и воротится переулками: глаза отводит.

Бальзаминова. Да будет ли толк-то какой-нибудь?

Матрена. Кто ж его знает? Уж это его дело. Надо полагать, что и тут ничего себе не выиграет.

Бальзаминова. Отчего же ты так, Матрена, думаешь?

Матрена. Мало виду из себя имеет, польститься-то не на что! Ну и чином еще не вышел.

Бальзаминова *(встает).* Пей, Матрена, чай-то! А я пойду посмотрю, Миша не проснулся ли. *(Уходит.)*

Матрена садится к столу и пьет. Бальзаминова возвращается. Матрена встает.

Сиди!

Матрена садится, только оборотившись к Бальзаминовой задом.

Спитеще. *(Садится.)* А как их по фамилии-то, где он ходит?

Матрена *(оборотив голову)*. Пеженовых.

Бальзаминова. Кто ж они такие?

Матрена. Сами по себе.

Бальзаминова. Как же таки сами по себе?

Матрена. По своей части.

Бальзаминова. Экая ты бестолковая. Что же они, служащие или купцы?

Матрена. Должно, торгуют.

Бальзаминова. Кто ж у них из женского-то полу?

Матрена. Две сестры — обе девки, уж в летах. Только выходу им никакого нет; сидят наверху у себя взаперти, все одно под замком.

Бальзаминова. Отчего же?

Матрена. Такой приказ от братьев.

Бальзаминова. Зачем же такой приказ?

Матрена *(дуя в блюдечко и оборачиваясь)*. Потому страм.

Бальзаминова. Какой же страм?

Матрена. Очень на мужчин бесстыжи. Такие, говорят, завистливые, что беда. *(Накрывает чашку.)* Покорно благодарствуйте! *(Встает и уносит*

самовар.)

Бальзаминова. Говорят: за чем пойдешь, то и найдешь! Видно, не всегда так бывает. Вот Миша ходит-ходит, а все не находит ничего. Другой бы бросил давно, а мой все не унимается. Да коли правду сказать, так Миша очень справедливо рассуждает: «Ведь мне, говорит, убытку нет, что я хожу, а прибыль может быть большая; следовательно, я должен ходить. Ходить понапрасну, говорит, скучно, а бедность-то еще скучней». Что правда то правда. Нечего с ним и спорить.

Шум за сценой.

Что там у вас?

Входит Бальзаминов.

Явление второе

Бальзаминова и Бальзаминов.

Бальзаминов. Что же это такое, маменька! Помилуйте! На самом интересном месте…

Бальзаминова. Что такое?

Бальзаминов. Да Матрена меня разбудила на самом интересном месте. И очень нужно ей было там чашки убирать.

Бальзаминова. Разве ты что-нибудь во сне видел?

Бальзаминов. Да помилуйте! на самом интересном месте! Вдруг вижу я, маменька, будто иду я по саду; навстречу мне идет дама красоты необыкновенной и говорит: «Господин Бальзаминов, я вас люблю и обожаю!» Тут, как на смех, Матрена меня и разбудила. Как обидно! Что бы ей хоть немного погодить? Уж очень мне интересно, что бы у нас дальше-то было. Вы не поверите, маменька, как мне хочется доглядеть этот сон. Разве уснуть опять? Пойду усну. Да ведь, пожалуй, не приснится.

Бальзаминова. Разумеется, не приснится.

Бальзаминов. Экая досада! Мне бы теперь, по моим делам, очень нужно такой сон видеть; может быть, он мне что-нибудь и напророчил бы. Что, маменька, меня никто не спрашивал?

Бальзаминова. Это что еще за новости! Кому тебя спрашивать?

Бальзаминов. Я, маменька, новое знакомство завел. Лукьян Лукьяныч Чебаков, отличнейший человек. Он капитан в отставке.

Бальзаминова. К чему это?

Бальзаминов. Как к чему? Что вы говорите! Вы знаете, маменька, какая у нас сторона! Я уж

теперь далеко не хожу, а хожу тут поблизости.

Бальзаминова. Так что же?

Бальзаминов. Как что же? Какое необразование свирепствует в нашей стороне, страсть! Обращения не понимают, человечества нет никакого! Пройду по рынку мимо лавок лишний раз — сейчас тебе прозвище дадут, кличку какую-нибудь. Почти у всяких ворот кучера сидят, толстые, как мясники какие, только и дела что собак гладят да играют с ними; а собаки-то, маменька, как львы. Ведь по нашему делу иногда нужно раз десять мимо окон-то пройти, чтобы заметили тебя, а они разве дадут? Сейчас засвищут, да и давай собаками травить.

Бальзаминова. Как же это можно живого человека собаками травить?

Бальзаминов. Как можно? Что вы, маменька! Разве они знают учтивость? Ему бы только хохотать, дураку, благо горло широко, а там хоть человека до смерти загрызи, ему все равно.

Бальзаминова. Какое необразование!

Бальзаминов. Меня раза три травили. Во-первых, перепугают до смерти, да еще бежишь с версту, духу потом не переведешь. Да и страм! какой страм-то, маменька! Ты тут ухаживаешь, стараешься понравиться — и вдруг видят тебя

из окна, что ты летишь во все лопатки. Что за вид, со стороны-то посмотреть! Невежество в высшей степени… что уж тут! А вот теперь, как мы с Лукьян Лукьянычем вместе ходим, так меня никто не смеет тронуть. А знаете, маменька, что я задумал?

Бальзаминова. А что?

Бальзаминов. Я хочу в военную службу поступить.

Бальзаминова. Да ты проснулся ли совсем-то, или еще все бредишь?

Бальзаминов. Нет, позвольте, маменька: это дело рассудить надо.

Бальзаминова. Да что тут рассуждать-то! Много ли ты лет до офицерства-то прослужишь?

Бальзаминов. Сколько бы я ни прослужил: ведь у меня так же время-то идет, зато офицер. А теперь что я? Чин у меня маленький, притом же я человек робкий, живем мы в стороне необразованной, шутки здесь всё такие неприличные, да и насмешки… А вы только представьте, маменька: вдруг я офицер, иду по улице смело; уж тогда смело буду ходить; вдруг вижу — сидит барышня у окна, я поправляю усы…

Бальзаминова. Все вздор какой говоришь! А чем жить-то мы будем, пока ты в офицеры-то

произойдешь?

Бальзаминов. Ах, боже мой! Я и забыл про это, совсем из головы вон! Вот видите, маменька, какой я несчастный человек! Уж от военной службы для меня видимая польза, а поступить нельзя. Другому можно, а мне нельзя. Я вам, маменька, говорил, что я самый несчастный человек в мире: вот так оно и есть. В каком я месяце, маменька, родился?

Бальзаминова. В мае.

Бальзаминов. Ну вот всю жизнь и маяться. Потому, маменька, вы рассудите сами, в нашем деле без счастья ничего не сделаешь. Ничего не нужно, только будь счастье. Вот уж правду-то русская пословица говорит: «Не родись умен, не родись пригож, а родись счастлив». А все-таки я, маменька, не унываю. Этот сон… хоть я его и не весь видел, — черт возьми эту Матрену! — а все-таки я от него могу ожидать много пользы для себя. Этот сон, если рассудить, маменька, много значит, ох как много!

Бальзаминова. Да ты помнишь ли в лицо ту даму, которую видел во сне-то?

Бальзаминов. Помню, маменька; как сейчас гляжу: лицо такое, знаете, снисходительное…

Бальзаминова. Это хорошо.

Бальзаминов. Это, маменька, для нас первое дело. У кого в лице строгость, я ведь с тем человеком разговаривать не могу, маменька.

Бальзаминова. Да и я не люблю.

Бальзаминов. Другой на тебя смотрит — точно допрос тебе делает. Ну, что ж тут хорошего! Конечно, если строго разобрать, так мы имеем недостатки в себе, в образовании, ну и в платье тоже. Когда на тебя смотрят строго, что ж тут делать? Конфузиться да обдергиваться.

Бальзаминова. Разумеется. А вот ты коли ждешь кого, так оделся бы пошел; что в халате-то сидишь!

Бальзаминов. Да, маменька, я сейчас оденусь. Лукьян Лукьяныч ведь человек светский; какие у него трубки, с какими янтарями, маменька! *(Уходит.)*

Бальзаминова. Какой странный сон! Уж очень прямо; так что-то даже неловко: «Я вас люблю и обожаю»… Хорошо, как так и наяву выдет, а то ведь сны-то больше всё наоборот выходят. Если бы она ему сказала: «Господин Бальзаминов, я вас не люблю и вашего знакомства не желаю», — это было бы гораздо лучше.

Красавина входит.

Явление третье

Бальзаминова и Красавина.

Красавина. С повинной, матушка! Не вели казнить, вели речь говорить.

Бальзаминова. Есть же люди на свете, которые стыда не имеют!

Красавина. Есть, матушка, есть всякого народа.

Бальзаминова. Конечно, мы люди бедные, маленькие, но, однако же, ведь надобно, Гавриловна, немножко и совесть знать.

Красавина. Нешто я, матушка, не понимаю? У меня совесть-то чище золота, одно слово — хрусталь, да что ж ты прикажешь делать, коли такие оказии выходят? Ты рассуди, какая мне радость, что всякое дело все врозь да врозь. Первое дело — хлопоты даром пропадают, а второе дело — всему нашему званию мараль. А просто сказать: «Знать, не судьба!» Вот и все тут. Ну да уж я вам за всю свою провинность теперь заслужу.

Бальзаминова. Ну, признаться сказать, я от тебя, кроме насмешки, ничего ожидать не могу.

Красавина. Не такая душа у меня. Ежели я про-

тив кого виновата, так уж я пополам разорвусь, а за свою вину вдвое заслужу. Вот у меня какая душа! Хоша оно в нынешнем свете с такой добродетелью жить трудно, милая…

Бальзаминова. Ты лучше, Гавриловна, и не говори! я тебе в этом верить не могу. Мы люди бедные, какой тебе интерес?

Красавина. А не веришь, так я тебе вот что скажу: хороший-то который жених, ловкий, и без свахи невесту найдет, а хоть и со свахой, так с него много не возьмешь; ну а твой-то плох: ему без меня этого дела не состряпать; значит, я с него возьму что мне захочется. Знаешь русскую пословицу: «У всякого плута свой расчет»? Без расчету тоже в нынешнем свете жить нельзя.

Бальзаминова. Ты не взыщи, Гавриловна, что я тебя так приняла. Мне обидно, что моим сыном как дураком помыкают.

Красавина. Ничего, матушка; брань на вороту не виснет. Нам не привыкать стать к брани-то: наше звание такое. А сынка твоего мы обеспечим, ты не беспокойся.

Бальзаминова. Чайку не хочешь ли?

Красавина. Ну его! И без него жарко. Что такое чай? Вода! А вода, ведь она вред делает, мельницы ломает. Уж ты меня лучше ужо как следует

попотчуй, я к тебе вечерком зайду. А теперь вот что я тебе скажу. Такая у меня на примете есть краля, что, признаться сказать, согрешила — подумала про твоего сына, что, мол, не жирно ли ему это будет?

Бальзаминова. Кто ж такая?

Красавина. Ну, об этом речь впереди. Вот, видишь ты, дело какого роду: она вдова и с большим капиталом, от этого самого и скучает.

Бальзаминова. Скажите пожалуйста!

Красавина. Так точно. И как, матушка моя, овдовела, так никуда не выезжает, все и сидит дома. Ну, а дома что ж делать? известно — покушает да почивать ляжет. Богатая женщина, что ж ей делать-то больше!

Бальзаминова. Отчего же это она при таком капитале никуда не ездит и знакомства не имеет?

Красавина. Ленива. Уж сколько раз я ей говорила: «Что, мол, ты никуда не съездишь али к себе гостей не позовешь?» В гости ехать, говорит, одеваться надобно; а приедешь — разговаривать нужно.

Бальзаминова. Разве она и разговаривать не любит?

Красавина. Как не любить! Только чтобы не торопясь, с прохладой. Ну, таким-то родом, су-

дарыня ты моя, от этакой-то жизни стала она толстеть и тоску чувствовать. И даже так, я тебе скажу, тяжесть такая на нее напала, вроде как болезнь. Ну сейчас с докторами советоваться. Я была при одном докторе. Вот доктор ей и говорит: «Вам, говорит, лекарства никакого не нужно; только чтоб, говорит, развлечение и беспременно чтоб замуж шли».

Бальзаминова. А она что ж?

Красавина. Она ему сейчас в руку три целковых бумажку. Порядок этот знает.

Бальзаминова. Нет, я не про то! Я насчет того, что замуж-то идти?

Красавина. «Я, говорит, замуж не прочь; только где его найдешь, дома-то сидя?» — «А я-то, говорю, на что?» — «Ну, говорит, хлопочи!» Так вот какие дела и какие оказии бывают.

Бальзаминова. Ну, а как насчет состояния?

Красавина. Сверх границ. Одних только денег и билетов мы две считали-считали, счесть не могли, так и бросили. Да я так думаю, что не то что нам, бабам, а и мужчинам, если двух хороших взять, и то не счесть!

Бальзаминова. Как же это не счесть?

Красавина. Так вот и не счесть. Посчитают-посчитают, да и бросят. Ты думаешь, считать-то

легко? Это, матушка, всем вам кажется, у кого денег нет. А поди-ка попробуй! Нет, матушка, счет мудреное дело. И чиновники-то, которые при этом приставлены, и те, кто до сколька умеет, до столька и считает: потому у них и чины разные. Твой Михайло до сколька умеет?

Бальзаминова. Да я думаю, сколько ни дай, всё сочтет.

Красавина. Ну где ему! Тысяч до десяти сочтет, а больше не сумеет. А то вот еще какие оказии бывают, ты знаешь ли? Что-то строили, уж я не припомню, так артитехторы считали, считали, цифирю не хватило.

Бальзаминова. Может ли это быть?

Красавина. Верно тебе говорю. Так что же придумали: до которых пор сочтут, это запишут, да опять цифирь-то сначала и оборотят. Вот как! Так что ж тут мудреного, что мы денег не сочли? Ну деньги деньгами — это само по себе, а еще дом.

Бальзаминова. Большой?

Красавина. А вот какой: заведи тебя в середку, да оставь одну, так ты и заблудишься, все равно что в лесу, и выходу не найдешь, хоть караул кричи. Я один раз кричала. Мало тебе этого, так у нас еще лавки есть.

Бальзаминова. Ты уж что-то много насказала!

Я боюсь, понравится ли мой Миша такой невесте-то.

Красавина. Это уж его дело. Да что это его не видать?

Бальзаминова. Не знаю, он дома был. Миша!

Бальзаминов входит.

Явление четвертое

Те же и Бальзаминов.

Красавина. Красота ты моя писаная, разрисованная! Всё ли ты здоров? А у нас все здоровы: быки и коровы, столбы и заборы.

Бальзаминов. Я еще и говорить-то с тобой не хочу. Вот что!

Бальзаминова. Нет, Миша, ты с ней не должен таким манером обращаться; ты еще не знаешь, какую она пользу может тебе сделать.

Красавина. Не тронь его, пущай! Что это ты такой гордый стал? Аль нашел на дороге сумму какую значительную?

Бальзаминов. Она-то пользу сделает? Что вы, маменька, ей верите? Она все обманывает.

Красавина. Я обманываю? Значит, ты души моей не знаешь. Ты слыхал ли когда песню:

Никто души моей не знает
И чувств моих не могут описать.

Бальзаминов. За что она меня, маменька, обманывает? Что я ей сделал? Она сваха — она и должна сватать, а не обманывать.

Красавина. А ты ищи себе под пару, так тебя никто и не будет обманывать; а то ты всё не под масть выбираешь-то. Глаза-то у тебя больно завистливы.

Бальзаминов. А тебе какое дело? Да и совсем не от зависти я хочу жениться на богатой, а оттого что у меня благородные чувства. Разве можно с облагороженными понятиями в бедности жить? А коли я не могу никакими средствами достать себе денег, значит я должен жениться на богатой. *(Садится.)* Ах, маменька, какая это обида, что все на свете так нехорошо заведено! Богатый женится на богатой, бедный — на бедной. Есть ли в этом какая справедливость? Одно только притеснение для бедных людей. Если б я был царь, я бы издал такой закон, чтоб богатый женился на бедной, а бедный — на богатой; а кто не послушается, тому смертная казнь.

Красавина. Ну вот когда такой закон от тебя выдет, тогда мы и будем жить по-твоему; а до

тех пор, уж ты не взыщи, все будет по старому русскому заведению: «По Сеньке шапка, по Еремке кафтан». А то вот тебе еще другая пословица: «Видит собака молоко, да рыло коротко».

Бальзаминов. Вот видите, маменька, вот она опять все на смех. Зачем она пришла? Кто ее просил?

Красавина. Мне ведь как хотите! Я из-за своего добра кланяться не стану. Какая мне оказия?

Бальзаминова. Что это ты, Гавриловна? Ты видишь, он не в своем уме. Как тебе, Миша, не стыдно!

Красавина. Что ж он важность-то на себя напустил? Навязывать ему, что ли? Уж это много чести будет! Москва-то не клином сошлась: найду не хуже его.

Бальзаминова. Нет, ты этого, Гавриловна, не делай. Это тебе грех будет! Ты, Миша, еще не знаешь, какие она нам благодеяния оказывает. Вот ты поговори с ней, а я пойду: признаться сказать, после бани-то отдохнуть хочется. Я полчасика, не больше.

Красавина. Да хоть и больше, так кто ж тебе запретит?

Бальзаминова уходит.

Явление пятое

Красавина, Бальзаминов, потом Матрена.

Бальзаминов. Вот ты сердиться-то умеешь, а каково мне было тогда, как меня из дому выгнали? Вот так асаже!

Красавина. А ты еще все не забыл? Видишь, какой ты злопамятный! Ну вот за этот-то самый афронт я и хочу тебе заслужить.

Бальзаминов. Чем же ты заслужишь?

Красавина. Невесту нашла.

Бальзаминов. Ну уж не надо. Опять то же будет. Я сам нашел.

Красавина. Мудрено что-то! Где ж это?

Бальзаминов. Как же! так я и сказал тебе!

Красавина. Ничего у тебя не выдет.

Бальзаминов. А вот посмотрим.

Красавина. И смотреть нечего.

Входит Матрена и становится у двери, приложив руку к щеке.

Ты сам рассуди! Какую тебе невесту нужно?

Бальзаминов. Известно какую, обыкновенную.

Красавина. Нет, не обнаковенную. Ты человек глупый, значит…

Бальзаминов. Как же, глупый! Ишь ты, дурака нашла!

Матрена. А что, умен?

Бальзаминов. Ты молчи, не твое дело!

Красавина. Ты послушай! ты человек глупый, значит тебе…

Бальзаминов. Да что ты все: глупый да глупый! Это для тебя я, может быть, глуп, а для других совсем нет. Давай спросим у кого-нибудь.

Красавина. Давай спросим! Да нечего и спрашивать. Ты поверь мне: я человек старый, обманывать тебя не стану.

Матрена. Какой ты, Михайло Митрич, как погляжу я на тебя, спорить здоровый! Где ж тебе с ней спорить?

Бальзаминов. Как же не спорить, когда она меня дураком называет?

Матрена. Она лучше тебя знает. Коли называет, значит правда.

Бальзаминов. Да что вы ко мне пристали! Что вам от меня надо?

Красавина. Постой, погоди! Ты не шуми! Ты возьми терпение, выслушай! Ты глупый человек, значит тебе умней себя искать невесту нельзя.

Матрена. Само собой.

Красавина. Значит, тебе нужно искать глупей себя. Вот такую-то я тебе теперь…

Бальзаминов *(встает)*. Что ты ко мне пристаешь! Что ты ко мне пристаешь! Я тебе сказал, что я слушать тебя не хочу. А ты все с насмешками да с ругательством! Ты думаешь, я вам на смех дался? Нет, погоди еще у меня!

Красавина. Что же ты сделаешь?

Бальзаминов. Я знаю, что сделать! Ты меня не тронь! Я служащий, обидеть меня не смеешь! Я на тебя и суд найду!

Красавина. Суд? Что ты, в уме ли? А судиться так судиться! Ты думаешь, я испугалась! Давай судиться! Подавай на меня просьбу! Я ответ найду. В какой суд на меня жаловаться пойдешь?

Бальзаминов. Это уж мое дело.

Красавина. Да ты все ли суды знаешь-то? Чай, только магистрат и знаешь? Нам с тобой будет суд особенный! Позовут на глаза — и сейчас решение.

Бальзаминов. Для меня все равно.

Красавина. Что же станешь на суде говорить? Какие во мне пороки станешь доказывать? Ты и слов-то не найдешь; а и найдешь, так складу не подберешь! А я и то скажу, и другое скажу; да

слова-то наперед подберу одно к другому. Вот нас с тобой сейчас и решат: мне превелегию на листе напишут…

Бальзаминов. Какую привилегию?

Красавина. Против тебя превелегию, что я завсегда могу быть лучше тебя и во всем превозвышена; а тебя в лабет поставят *(здесь это выражение употреблено в смысле: поставят в конфузное положение — Прим. А. Н. Островского)*.

Бальзаминов. В какой лабет? Что ты врешь!

Красавина. А еще мужчина, еще служащий, а не знаешь, что такое лабет! Где ж тебе со мной судиться!

Матрена. У! Бесстыдник!

Бальзаминов. Так что ж это вы меня со свету сжить, что ли, хотите? Сил моих не хватит! Батюшки! Ну вас к черту! *(Быстро берет фуражку.)* От вас за сто верст убежишь. *(Бросается в дверь и сталкивается с Чебаковым.)*

Явление шестое

Те же и Чебаков.

Чебаков. Что это вы? Что это вы, господин

Бальзаминов?

Матрена. Батюшки! Он в уме повихнулся.

Бальзаминов. Ах, извините-с! Такое невежество! Вы не можете себе представить! Это ужас что такое!

Чебаков. Послушайте, Бальзаминов, что с вами такое?

Бальзаминов. Ничего-с! Очень вам благодарен! Конечно, с моей стороны неучтивость… Извините! Покорнейше прошу садиться!

Чебаков *(садясь)*. Послушайте, Бальзаминов, вы что-то не в своей тарелке.

Бальзаминов. Да помилуйте-с, Лукьян Лукьяныч, никак невозможно! Необразование, насмешки…

Чебаков. Ну, да это в сторону! Послушайте, что же, вы исполните, что обещали или нет?

Бальзаминов. Как же можно! Непременно-с.

Чебаков. То-то же! А то ведь вы, пожалуй…

Бальзаминов. Уж ежели я что, Лукьян Лукьяныч, обещал-с…

Чебаков. Ну да, разговаривайте! Знаем мы вас. Только послушайте, Бальзаминов, вам надо башмачником одеться.

Матрена. Батюшки!

Бальзаминов. Зачем же это-с?

Чебаков. А вот я вам сейчас объясню.

Красавина. Ну прощай, башмачник! Уж я к тебе больше не пойду; потому, мой друг, что хлеб за брюхом не ходит. *(Уходит, и Матрена за ней.)*

Явление седьмое

Бальзаминов и Чебаков.

Чебаков. Послушайте, это сваха, должно быть?

Бальзаминов. Так точно-с. Конечно, невежество…

Чебаков. Так вот что, Бальзаминов: нельзя иначе, надо непременно башмачником. А то как же вы к ним в дом войдете? А вы наденьте сертук похуже, да фуражку, вот хоть эту, которая у вас в руках, волосы растреплите, запачкайте лицо чем-нибудь и ступайте. Позвоните у ворот, вам отопрут, вы и скажите, что, мол, башмачник, барышням мерку снимать. Там уж знают, вас сейчас и проведут к барышням.

Бальзаминов. А потом что же-с?

Чебаков. Послушайте, Бальзаминов! Вы чудак. Как же вы спрашиваете, что делать! Вы влюблены или нет?

Бальзаминов. Влюблен-с.

Чебаков. Так ведь надо же вам объясниться. И кстати письмо отдадите. Моей отдайте вот это письмо *(отдает письмо)*, а своей откройтесь в любви, скажите, что хотите ее увезти, станьте на колени. Да вы, послушайте, не перемешайте: моя старшая, а ваша младшая; моя Анфиса, а ваша Раиса.

Бальзаминов. Помилуйте! Как можно! А вы, Лукьян Лукьяиыч, уж открылись-с?

Чебаков. Давно уж…

Бальзаминов. Мы их, Лукьян Лукьяныч, скоро увезем-с?

Чебаков. Как будут согласны, так и увезем.

Бальзаминов. Моя будет согласна-с, потому что она на меня так смотрит, когда мы мимо проходим, что даже уму непостижимо-с.

Чебаков. Послушайте, ну вот и прекрасно.

Бальзаминов. Только, Лукьян Лукьяныч, как бы нам не ошибиться насчет…

Чебаков. Насчет денег? Нет, господин Бальзаминов, я в этом никогда не ошибаюсь.

Бальзаминов. То вы, а то я-с.

Чебаков. Они сестры, у них поровну капитал от отца. Братья оттого не отдают их замуж, что денег жаль.

Бальзаминов. Ну, так я сейчас-с, только сертук

надену-с. *(Уходит.)*

Явление восьмое

Чебаков *(один)*. Экой дурачина! Вот олух-то! Воображает, что в него влюбятся. А впрочем, если смотреть на жизнь с философской точки зрения, так и такие люди полезны. Кого нынче заставишь башмачником одеться! А эта штука мне может стоить полтораста тысяч. Из-за этого куша я здесь другой год живу, нарочно поблизости квартиру нанял. Только, черт их возьми, живут очень крепко! Не то что видеться, а и письмо-то передать больших трудов и издержек стоит. Если мне этот дурак поможет ее увезти, я его, голубчика, в поминанье запишу.

Входит Бальзаминов в сюртуке.

Явление девятое

Чебаков и Бальзаминов.

Чебаков. Послушайте, вы настоящий сапожник.

Бальзаминов. Башмачник-с.

Чебаков. Только послушайте, ну, как ваше начальство узнает, что вы башмачным мастерством занимаетесь?

Бальзаминов. Да, нехорошо-с, да и от товарищей тоже-с…

Чебаков. Нет, я шучу. Помилуйте, кто же это узнает! Послушайте, я вам даже завидую. Вы будете разговаривать с любимой женщиной, а я должен страдать в одиночестве.

Бальзаминов. Да-с. А уж как я рад-с, я хоть плясать-с готов-с.

Чебаков. Именно на вашем месте плясать надобно. Послушайте, Бальзаминов, а ну как вас там высекут?

Бальзаминов. Что же это, Лукьян Лукьяныч! Я не пойду-с! Как же вы сами посылаете, а потом говорите, что высекут? На что же это похоже-с.

Чебаков. Как вы, Бальзаминов, шуток не понимаете!

Бальзаминов. Хорошо, как шутки, а ежели в самом деле-с?

Чебаков. Уж будьте покойны! Я бы вас не послал.

Бальзаминов. Покоен-то я покоен, а все-таки…

Чебаков. Послушайте, ну полноте! Пойдемте! Я за вами буду сзади следить.

Бальзаминов. Пойдемте-с. *(Подходит к двери.)* Матрена! Скажи маменьке, что я ушел.

Матрена *(за дверью)*. Сама увидит.

Уходят.

Картина вторая

Действующие лица

Домна Евстигневна Белотелова, вдова лет тридцати шести, очень полная женщина, приятного лица, говорит лениво, с расстановкой.

Анфиса Панфиловна и **Раиса Ппанфиловна Пеженовы**, девицы лет под тридцать, ни хороши ни дурны, ни худы ни толсты; одеты в простых ситцевых блузах, но в огромной величины кринолинах.

Химка (Афимка), горничная девочка Пеженовых.

Бальзаминов.

Красавина.

Сцена представляет два сада, разделенные посередине забором: направо от зрителей сад Пеженовых, а налево — Белотеловой; в садах скамейки, столики и проч.; в саду Белотеловой налево две ступеньки и дверь в беседку; у забора с обеих сторон кусты.

Явление первое

В саду на левой стороне. Белотелова и Красавина сидят на лавочке.

Белотелова. Вот мы тут посидим, потом пойдем в беседку, там закусим, посидим. Там закуска приготовлена. Да потом опять сюда придем посидим.

Красавина. Еще бы! Своя воля, что хотим, то и творим.

Белотелова. Что ж ты мне жениха, скоро?

Красавина. Скоро, красавица моя, скоро. Нельзя же вдруг! Ведь женихов у меня много, да всё не тот сорт. Для тебя я уж особенно займусь, хорошего тебе сыщу.

Белотелова. Сыщи хорошего.

Красавина. Уж ты будь покойна, это наших рук дело. Есть у меня один на примете, а рекомендовать боюсь.

Белотелова. А что же?

Красавина. Он бы и ничего, да дурашен, бог с ним.

Белотелова. Очень дурашен?

Красавина. Да таки порядочно. Да ты об этом

деле не печалься; без мужа не останешься.

Белотелова. Ну хорошо.

Красавина. Веришь ты, я для тебя всей душой! Коли есть женихи на дне моря, я и со дна моря для твоего удовольствия достану. Да уж и ты меня не обидь.

Белотелова. Я не обижу, я добрая.

Красавина. Кто ж этого не знает! Весь свет знает. А это я к тому говорю, красавица ты моя писаная, что от кого же нам и жить-то, бедным сиротам, как не от вас, богатых людей? Вам жить да нежиться, а нам для вас служить. Ты сиди только да придумывай, а я уж для тебя все, окромя разве птичьего молока.

Белотелова. Ничего не придумаешь.

Красавина. Лень тебе, красавица моя, а то как бы не придумать. Я бы на твоем месте, да с твоими деньгами, такое веселье завела, таких чудес бы натворила, что ни об чем бы, кроме меня, и не разговаривали.

Белотелова. А что ж бы ты сделала?

Красавина. Да вот тебе первое. Коли не хочешь ты никуда ездить, так у себя дома сделай: позови баб побольше, вели приготовить отличный обед, чтобы вина побольше разного, хорошего; позови музыку полковую: мы будем пить, а она чтоб

играла. Потом все в сад, а музыка чтоб впереди, да так по всем дорожкам маршем; потом опять домой да песни, а там опять маршем. Да так чтобы три дня кряду, а начинать с утра. А вороты вели запереть, чтобы не ушел никто. Вот тебе и будет весело.

Белотелова. Весело, только хлопот много.

Красавина. А ты мне прикажи, я все хлопоты на себя возьму. Я орел на эти дела.

Белотелова. Ну хорошо, как-нибудь сделаем.

Красавина. Да скорей бы! Хорошего дела никогда откладывать не должно!

Белотелова. Не пойти ли нам в беседку?

Красавина. Погоди! Посидим здесь; хорошо на воздухе-то. Поговорим об чем-нибудь для времяпровождения.

Белотелова. Я уж не знаю, об чем говорить. Нет ли по Москве разговору какого?

Красавина. Мало ли разговору, да всему верить-то нельзя. Иногда колокол льют, так нарочно пустую молву пускают, чтоб звончее был.

Белотелова. Войны не слыхать ли?

Красавина. Войны не слыхать. Тихо везде; по всей земле замирение вышло. Земля трясется местами, об этом слух есть; местах в трех трясение было.

Белотелова. Нехорошо.

Красавина. Что хорошего! Сама знаешь, писано есть об этом. Да вот еще, для всякой осторожности, надобно тебе сказать: шайка разбойников объявилась.

Белотелова. Откуда ж они?

Красавина. Из диких лесов, говорят. Днем под Каменным мостом живут, а ночью ходят по Москве, железные когти у них надеты на руки и все на ходулях; по семи аршин ходули, а атаман в турецком платье.

Белотелова. Зачем на ходулях?

Красавина. Для скорости, ну и для страху.

Белотелова. Пойдем в беседку, посидим, закусим!

Красавина. Пойдем! Какой у тебя аппетит, дай тебе бог здоровья, меня ижно завидки берут. Уж чего лучше на свете, коли аппетит хорош! Значит, весь человек здоров и душой покоен.

Уходят.

Явление второе

На правой стороне. Выходят Анфиса Панфиловна и Раиса Панфиловна.

Раиса. Тоска, Анфиса.

Анфиса. Тоска.

Раиса. Ой, батюшки, как скучно!

Молчание.

Анфиса. И нейдет и не шлет никого!

Раиса. Да кого же прислать! Ты знаешь, к нам ходу нет.

Анфиса. Он в прошлом письме писал, что придумает что-нибудь. Не послать ли Химку в лавочку: не дожидается ли он там с письмом?

Раиса. За Химкой-то уж подсматривать стали. Бабушка все ворчит на нее, должно быть, что-нибудь заметила; да старуха нянька все братцам пересказывает. Выходи, Анфиса, поскорей замуж, и я бы к тебе переехала жить: тогда своя воля; а то ведь это тоска.

Анфиса. Еще какая тоска-то! А за кого я пойду? Я лучше умру, а уж не пойду за тех женихов, что братцы сватают. Невежество-то мне и дома надоело. А мы сами немножко виноваты: тогда, как тятенька умер, уж мы много себе вольности дали.

Раиса. Вот золотое-то было времечко! Есть чем вспомнить!

Анфиса. Вот братцы-то нас и присадили. Такая

тоска в этом положении.

Раиса. Хоть волком вой! Ах, тоска, Анфиса! Ах, тоска!

Анфиса. Я думала-думала, да придумала одну штуку.

Раиса. Что же ты придумала?

Анфиса *(оглядываясь)*. Бежать с Лукьян Лукьянычем.

Раиса. Что ты, сестрица! Как это можно!

Анфиса. А что ж такое! Жалко, что ль, мне кого здесь? Взяла да и ушла. Конечно, пока мы здесь живем, так братья над нами власть имеют; а как из ворот, так и кончено. И деньги свои потребую, какие мне следовают.

Раиса. Это, я думаю, страшно, сестрица, когда увозят.

Анфиса. Ничего, Раиса, не страшно. Ведь уж меня увозили, ты помнишь?

Раиса. Помню. Только ты тогда скоро воротилась.

Анфиса. Ну, что старое вспоминать! Вот я теперь и жду от Лукьяна Лукьяныча письма об этом об самом. Только как он его передаст?

Раиса. Уж как-нибудь придумает.

Анфиса. Тогда тебя к себе жить возьму.

Раиса. Вот мы, Анфиса, заживем-то! По всем

гуляньям, по всем дачам будем ездить. Я себе тоже военного выберу.

Анфиса. А что же этот, твой-то?

Раиса. Белобрысый-то? Ну, что за крайность! Кабы ничего лучше в предмете не было, так уж так бы и быть — от скуки.

Анфиса. Разве он тебе не нравится?

Раиса. Он мне что-то, Анфиса, гнусненек кажется.

Анфиса. Зачем же ты с ним кокетничаешь?

Раиса. От тоски. Все-таки развлечение. Ах, тоска! Ах, тоска!

Анфиса. А он, пожалуй, подумает, что ты в него влюблена.

Раиса. Пускай его думает, убытку-то мне немного.

Анфиса. Знаешь, Раиса, что я тебе говорила-то, что бежать-то с Лукьян Лукьянычем? Ведь это, может быть, очень скоро будет. Я уж, что нужно на первый раз, приготовила; хоть сейчас собраться, да и была такова.

Раиса. Вот я посмотрю, как ты убежишь, да и я, может, то же сделаю. Не умирать же тут с тоски в самом деле!

Химка вбегает, дрожа от страха и запыхавшись.

Явление третье

Анфиса, Раиса и Химка.

Анфиса. Что ты, Химка?

Химка. Пришел… пришел…

Анфиса. Кто пришел?

Химка. Башмачник пришел, башмачник пришел.

Анфиса. Какой башмачник?

Химка. Не знаю какой, не знаю. Батюшки, страсти! Говорит, знакомые послали, барышням мерку снимать, мерку снимать.

Раиса. Это от Лукьян Лукьяныча, должно быть?

Анфиса. Непременно. Кто ж его пустил?

Химка. Я пустила; все спят, я пустила. Ах, страсти!

Анфиса. Где же он?

Химка. У садовой калитки дожидается. Он у калитки…

Анфиса. Веди его сюда скорей, да смотри, чтоб не увидали.

Химка. Сейчас, сейчас! Батюшки! сейчас! *(Убегает.)*

Раиса. Ишь ты какой придумщик! Башмачника прислал.

Анфиса. Благородного человека сейчас видно: у него все и поступки благородные. Ну кто придумает башмачника прислать, кроме благородного человека? Никто на свете.

Раиса. Мы этого башмачника на весь дом шить башмаки заставим, он нам и будет письма переносить.

Входят Бальзаминов и Химка.

Явление четвертое

Анфиса, Раиса, Бальзаминов и Химка.

Анфиса *(тихо)*. Да ведь это твой белобрысый.

Раиса. Вот суприз!

Анфиса. Беги, Химка, постереги у калитки: коли в доме проснутся, так ты дай знак какой-нибудь.

Химка. Сейчас! Сейчас! Вот страсти-то! *(Убегает.)*

Анфиса. Однако как вы смелы!

Бальзаминов. Любовь все преодолевает-с.

Анфиса. Лукьяна Лукьяныча давно ли видели?

Бальзаминов. Даже только сейчас-с. Я от них к вам письмо имею.

Анфиса. Так давайте!

Бальзаминов *(подает письмо)*. Извольте-с, Они ответ просили-с.

Анфиса отходит, распечатывает и читает.

Раиса. Вас зовут Михайло Дмитрич?

Бальзаминов. Точно так-с. Это я собственно для вас-с.

Раиса. Что для меня?

Бальзаминов. В таком виде-с.

Раиса. Покорно вас благодарю.

Анфиса. Раиса, поди сюда! Вы, господин Бальзаминов, извините, нам нужно поговорить. Вы посидите на лавочке, подождите.

Раиса подходит к Анфисе.

Бальзаминов *(садится на лавочку у забора)*. Оченно хорошо-с.

Анфиса *(читает)*. «У меня все готово. Докажите, что вы меня любите не на словах только, а на самом деле. Доказательств моей любви вы видели много. Для вас я бросил свет, бросил знакомство, оставил все удовольствия и развлечения и живу более года в этой дикой стороне, в которой могут жить только медведи да Бальзаминовы…»

Раиса. Ах, это правда.

Анфиса. Правда! *(Читает.)* «Кажется, этого довольно. Больше я ждать не могу. Из любви к вам я решаюсь избавить вас от неволи; теперь все зависит от вас. Если хотите, чтоб мы оба были счастливы, сегодня, когда стемнеет и ваши улягутся спать, что произойдет, вероятно, не позже девятого часа, выходите в сад. В переулке, сзади вашего сада, я буду ожидать вас с коляской. Забор вашего сада, который выходит в переулок, в одном месте плох…»

Раиса. Да, братец давно говорил об этом. На этой неделе хотят починить.

Анфиса *(читает)*. «Мы разберем несколько досок, и вы будете на свободе. Мы с вами поедем верст за пятнадцать, где меня ждут мои приятели и уже все готово, даже и музыка…»

Раиса. И музыка! Ах, как это весело! А здесь-то какая тоска!

Анфиса. Ах, Раиса! Вот что значит благородный человек! Увозит девушку, все устроил отличным манером и потом даже с музыкой! Кто, кроме благородного человека, это сделает? Никто решительно.

Раиса. Что же, Анфиса, ты поедешь?

Анфиса. Еще бы после этого да я не поехала! Это даже было бы неучтиво с моей стороны. *(Чи-*

тает.) «Впрочем, может быть, вам ваша жизнь нравится и вся ваша любовь заключается в том, чтобы писать письма и заставлять обожателей во всякую погоду ходить по пятнадцати раз мимо ваших окон? В таком случае извините, что я предложил вам бежать со мной…»

Раиса. Отчего же он об нас так низко думает?

Анфиса. Я ему докажу, что я совсем не таких понятий об жизни. *(Читает.)* «Конечно, очень похвально слушаться братцев, бабушек и тетушек…»

Раиса. Анфиса, это он в насмешку!

Анфиса. Разумеется. *(Читает.)* «Но зачем же губить свою молодость и отказывать себе в удовольствиях? С нетерпением жду вашего ответа. Если вы сегодня не решитесь, я завтра уезжаю на Кавказ. Целую ваши ручки. Весь ваш…»

Раиса *(заглядывая в письмо)*. А это что?

Анфиса. А это Люди, Червь, значит: Лукьян Чебаков. Ну, Раиса, я пойду напишу ему ответ, а ты тут посиди с Бальзаминовым. Ты мне после скажи, что он тебе будет говорить.

Раиса. А как же Бальзаминов выдет отсюда? Ведь его никто не видал, как он вошел!

Анфиса. Вот еще беда-то!

Раиса. Знаешь что, Анфиса: я его как-нибудь

спроважу через забор.

Анфиса. Ну хорошо. Ответ я с Химкой пришлю. Прощайте, господин Бальзаминов! *(Уходит.)*

Раиса *(Бальзаминову)*. Я сейчас к вам приду. *(Провожает Анфису.)*

Бальзаминов. Ведь вот теперь надо в любви открываться, а я ничего не придумал, никаких слов не прибрал. Эка голова! Что ты будешь делать! Будь тут столб или дерево покрепче, так бы взял да и разбил ее вдребезги. Сваха-то давеча правду говорила, что я дурак. Что ж в самом деле? не стоять же столбом! На счастье буду говорить, что в голову придет: может быть, и хорошо выйдет. Вот каковы приятели! Сколько раз просил, чтобы показали, как в любви объясняться — ни один не показал. Всё из зависти, всякий для себя бережет.

Раиса возвращается.

Вот идет! Вот, что мы будем делать?

Явление пятое

Бальзаминов и Раиса.

Раиса. Извините, что мы вас заставили дожидаться!

Бальзаминов. Ничего-с! Очень приятно-с!

Молчание.

Они куда же пошли-с?

Раиса. Она пошла ответ писать.

Бальзаминов. Они скоро-с?

Раиса. Нет, она очень долго пишет. Мы скоро не умеем; для этого привычка нужна, а мы, кроме писем, ничего не пишем.

Бальзаминов. Я теперича все скучаю-с.

Раиса. И мы тоже скучаем. Такая тоска, вы не поверите!

Бальзаминов. Да вы, может быть, не оттого-с.

Раиса. Оттого, что всё сидим взаперти, не видим никаких развлечений.

Бальзаминов. А я от другого-с.

Раиса. Отчего же вы?

Бальзаминов. Я даже по ночам не сплю-с.

Раиса. Может быть, днем спите?

Бальзаминов. Нет, совсем не оттого-с.

Раиса. А отчего же?

Бальзаминов. От чувств-с.

Раиса. От каких же это чувств?

Бальзаминов. Я так чувствую себя, что я самый несчастный человек в жизни.

Раиса. Довольно странно это слышать от вас.

Мужчины вообще счастливей женщин.

Бальзаминов. Но не все-с.

Раиса. У женщины несчастие заключается оттого, что она завсегда подо что-нибудь подвластна.

Бальзаминов. А у мужчины несчастие заключается от любви-с.

Раиса. Значит, надобно так полагать, что вы влюблены?

Бальзаминов. Так точно-с.

Раиса. Кто же эта женщина, которая могла вас прельстить собою?

Бальзаминов. Я не смею вам этого открыть-с.

Раиса. Отчего же?

Бальзаминов. Вам, может быть, будет противно меня слушать-с.

Раиса. Нисколько не противно: даже совсем напротив.

Бальзаминов. В таком случае-с позвольте вам выразить, что эта женщина — вы самые-с и есть-с.

Раиса. Ах, скажите! Я этого никак не ожидала.

Бальзаминов. Могу я сколько-нибудь надежду иметь-с или нет-с?

Раиса. Я еще ничего не слыхала от вас.

Бальзаминов. Для моей любви нет слов-с. Я бы

и желал выразить-с, но никак не могу-с.

Раиса. Говорите хотя то, что можете сказать!

Бальзаминов. Одно только я могу сказать-с, что сам себе тиран.

Раиса. Какое же в этом тиранство?

Бальзаминов. Самое жестокое тиранство-с. Ежели человек влюблен-с, и даже не спит ночи, и не знает слов-с…

Раиса. Вы давно в меня влюблены?

Бальзаминов. В четверг после обеда, на прошлой неделе.

Раиса. Так это недавно! Лукьян Лукьяныч любит Анфису полтора года.

Бальзаминов. И я могу-с… даже больше.

Раиса. Ну, это еще неизвестно. Может быть, вы непостоянный кавалер?

Бальзаминов. Я считаю это в мужчинах за низкость-с.

Раиса. Коли вы влюблены, отчего же вы мне письма не написали? Влюбленные всегда пишут письма.

Бальзаминов. Я не смел-с. А ежели вы так снисходительны, то я первым долгом почту написать вам даже нынче. А вы мне напишете на ответ-с?

Раиса. Отчего же не написать.

Бальзаминов. А ежели бежать-с, вы согласны

будете?

Раиса. Уж это очень скоро.

Бальзаминов *(становится на колени)*. Сделайте такое одолжение-с! Лукьян Лукьяныч тоже хотят увезти вашу сестрицу, так уж и я-с, чтобы вместе-с…

Раиса. Ну хорошо, я подумаю. Встаньте! Ну, увидит кто-нибудь? Вон Химка бежит.

Бальзаминов встает. Вбегает Химка.

Химка *(подает Бальзаминову письмо)*. Вот письмо, вот письмо! Батюшки, страсти! Проснулись, все проснулись! *(Убегает.)*

Раиса. Ах, как же быть! Куда же мне вас деть? Через двор теперь нельзя.

Бальзаминов *(оглядывается по сторонам и подпрыгивает)*. Что же я-с? Как же я-с? А-я-яй! А-я-яй!

Раиса. Разве через забор? Вы умеете?

Бальзаминов. Раз, два, три-с… раз, два, три — и там-с.

Раиса. Так ступайте скорей!

Бальзаминов. Сейчас-с! *(Бежит за куст и лезет на забор налево.)*

Раиса. Не туда, не туда! Это в чужой сад.

Бальзаминов не слушает.

Явление шестое

На левой стороне. Белотелова и Красавина выходят из беседки и останавливаются на ступенях.

Белотелова. Ты говоришь, что разбойники на ходулях ходят? Может быть, это колокол льют.

Красавина. Уж это так точно, поверь моему слову! Вот видишь — забор. Так выше этого забора у них ходули.

Бальзаминов *показывается на заборе.*

Белотелова. Ах! Вот они. *(Убегает в беседку.)*

Сваха от испуга садится на ступеньке.

Бальзаминов *(спрыгнув с забора).* А-я-яй! Ой-ой-ой!

Раиса *(за забором).* Что с вами?

Бальзаминов. В крапиву-с.

Раиса. Ну, прощайте! *(Уходит.)*

Явление седьмое

Красавина и Бальзаминов.

Красавина. Ах ты, батюшки мои, как перепугал, окаянный! Все сердце оторвалось. Чтоб тебе пусто было!

Бальзаминов *выходит из-за куста.*

Ишь тебя где луканька-то носит!

Бальзаминов. Где же это я? Вот и ты здесь!

Красавина. Я-то здесь; ты-то как попал?

Бальзаминов. Я оттуда…

Красавина. Видно, хорошо приняли, да, может, и угостили чем-нибудь? Шенпанским, что ли, чем ворота запирают? Аль собаками травили?

Бальзаминов. Ты меня выведи как-нибудь отсюда.

Красавина. Тебя-то? Скажи ты мне, варвар, что ты с нами сделал? Мы дамы тучные, долго ли до греха! Оборвется сердце — и конец. Нет, мы тебе руки свяжем да в часть теперича.

Бальзаминов. Да за что же?

Красавина. А за то, что не лазий по заборам! Разве показано по заборам: ворам дорогу указывать? Ты у меня как хозяйку-то испугал, а? Как? Так что теперь неизвестно, жива ли она там в беседке-то! Вот что, друг ты мой!

Бальзаминов. Что же это такое? Боже мой! Несчастный я человек!

Красавина. Ты полно сиротой-то прикидываться! Ты скажи, как тебя счесть? За вора?

Бальзаминов. Да какой же я вор?

Красавина. А за что за другое, так тебе же хуже будет. Она честным манером вдовеет пятый год, теперь замуж идти хочет, и вдруг через тебя такая мараль пойдет. Она по всем правам на тебя прошение за свое бесчестье подаст. Что тебе за это будет? Знаешь ли ты? А уж ты лучше, для облегчения себя, скажи, что воровать пришел. Я тебе по дружбе советую.

Бальзаминов. Ах, боже мой! Да как же это, страм какой! Акулина Гавриловна, сделай милость, выпусти как-нибудь!

Красавина. Теперь «сделай милостью», а давеча так из дому гнать! Ты теперь весь в моей власти, понимаешь ты это? Что хочу, то с тобой и сделаю. Захочу — прощу, захочу — под уголовную подведу. Засудят тебя и зашлют, куда Макар телят не гонял.

Бальзаминов. Долго ль меня напугать? я человек робкий. Уж я тебе все, что ты хочешь, только ты не пугай меня.

Красавина *(встает)*. Ну вот что: две тысячи целковых.

Бальзаминов. Где же я возьму?

Красавина. Уж это не твое дело. Будут. Только уж ты из-под моей власти ни на шаг. Что прикажу, то и делай! Как только хозяйка выдет, говори, что влюблен. *(Показывая на забор.)* Там тебе нечего взять, я ведь знаю; а здесь дело-то скорей выгорит, да и денег-то впятеро против тех.

Бальзаминов. Что же это такое? Я умру. В один день столько перемен со мной! Это с ума сойдешь! Я тебя золотом осыплю.

Красавина. Завтра приду к тебе, условие напишем; а теперь говори одно, что влюблен. *(Заглядывает в беседку.)* Домна Евстигневна! выходи, ничего!

Белотелова выходит.

Явление восьмое

Бальзаминов, Красавина и Белотелова.

Белотелова. Как я испугалась, думала, умру.

Красавина. Ты б выпила чего-нибудь покрепче! От испугу это хорошо.

Белотелова. Я выпила.

Красавина. Ну и ничего, и пройдет. Ты не бойся, это знакомый, он по ошибке. *(Берет Балъзаминова за руку и хочет подвести к Белотеловой.)*

Бальзаминов *(тихо)*. Уж оченно они полны.

Красавина. Ты еще разговаривать стал! *(Подводит.)* Вот тебе Михайло Дмитрич Бальзаминов. *(Балъзаминову.)* Целуй ручку!

Бальзаминов целует.

Белотелова. Зачем же вы?

Бальзаминов. Влюблен-с.

Красавина. Ну да, влюблен. Так точно. Это он верно говорит. Вот и потолкуйте, а я по саду погуляю. *(Уходит за кусты.)*

Белотелова. Лучше сядем.

Садятся на скамейку.

Как же это вы?

Бальзаминов. Через забор-с.

Белотелова. Отчего через забор?

Бальзаминов. От любви-с. Вы не сердитесь на меня-с?

Белотелова. Нет, я никогда не сержусь. Я добрая. Вы что делаете?

Бальзаминов. Я? ничего-с.

Белотелова. И я тоже ничего. Скучно одной-то ничего не делать, а вместе веселее.

Бальзаминов. Как же можно-с, гораздо веселее!

Белотелова *(кладет руку на плечо Бальзаминову)*. Вы хотите вместе?

Бальзаминов. Даже за счастие почту-с.

Белотелова. Я очень добрая, я всему верю; так уж вы меня не обманите.

Бальзаминов. Как же это можно-с! Я за низкость считаю обманывать.

Белотелова. Ну хорошо! Вы меня любите, и я вас буду…

Бальзаминов. Покорнейше благодарю-с. Пожалуйте ручку поцеловать!

Белотелова. Нате! *(Дает руку.)* А то подвиньтесь поближе: я вас так… *(Бальзаминов подвигается, она его целует.)*

Сваха выходит из-за кустов.

Красавина. Ну вот и прекрасно! Значит, делу конец!

Белотелова *(встает)*. Пойдемте в беседку.

Бальзаминов *(Красавиной)*. Мне бы домой-с.

Красавина. Мы лучше его отпустим. Ты ступай! Поцелуй ручку и ступай! Так прямо, из калитки в ворота, никто тебя не тронет.

Бальзаминов *(целует руку у Белотеловой)*. Прощайте-с.

Белотелова. До свидания.

Красавина. До завтра, до завтра.

Бальзаминов уходит.

А мы вот с тобой потолкуем. Ну, как тебе?

Белотелова. Он мне понравился. Ты мне его!

Красавина. Ну, его так его. Все это в наших руках. Вот у нас теперь и пированье пойдет, дым коромыслом. А там и вовсе свадьба.

Белотелова. Свадьба долго; а он чтоб и прежде каждый день… ко мне…

Красавина. Стоит об этом толковать. Что ж ему делать-то! Так же бегает. А уж теперь пущай тут с утра до ночи.

Белотелова *(смеется)*. Вот мне теперь гораздо веселей.

Красавина *(смеется)*. Ах ты, красавица моя писаная! Ишь ты, развеселилась! Вот я тебя чем утешила. Еще ты погоди, какое у нас веселье будет!

Смеются обе.

Пойдем в беседку, я тебя проздравлю как следует.

Уходят.

Картина третья

Действующие лица

Бальзаминова.
Бальзаминов.
Чебаков.
Красавина.
Матрена.

Комната у Бальзаминовых та же, что и в первой картине.

Явление первое

Бальзаминова *(одна)*. Ах, как я долго проспала! Уж смеркается. В голове так тяжело, и сны всё такие снились страшные. Все Мишу во сне видела. Уж разумеется, о чем думаешь, то и во сне видишь. Где-то он теперь? А что-нибудь либо делается с ним, либо сделается необыкновенное. Сна-то никак не распутаю; уж очень много видела-то я. Чего-чего не было! Я отроду таких снов не видала. Вот кабы умного человека найти, сейчас бы и посоветовалась, а одной не разобрать. Вот

разве как вдвоем с Матреной не разберем ли. Ум хорошо, говорят, а два лучше. Простая она женщина-то, необразованная совсем; пожалуй что в снах-то понятия-то большого не имеет. Ведь простой человек спит крепко, а если что и видит, так ему все равно, у него на это понятия нет. Матрена!

Входит Матрена.

Явление второе

Бальзаминова и Матрена.

Бальзаминова. Ты, Матрена, умеешь сны разбирать?

Матрена. Да что их разбирать-то! Мало ли что снится!

Бальзаминова. Конечно, не всякий сон к чему-нибудь; бывают сны и пустые, так, к погоде. А вот ты заметь, коли чему быть, так непременно прежде сон увидишь.

Матрена. Да чему быть-то! Быть-то нечему!

Бальзаминова. Разные перевороты могут быть с человеком: один из богатства в бедность приходит, а другой из бедности в богатство.

Матрена. Не видать что-то этих переворотов-

то: богатый богатым так и живет, а бедный, как ни переворачивай его, все бедный.

Бальзаминова. Как ты глупо рассуждаешь! Разве не бывает, что на дороге находят значительные суммы? Ну вот Миша жениться может на богатой: вот богат и будет.

Матрена. Оно точно, что говорить! Чем черт не шутит! Только уж на редкость это дело будет, как наш да на богатой женится!

Бальзаминова. Разумеется, на редкость. А все-таки может случиться; такие ли еще дела бывают.

Матрена. Что говорить! Всяко случается. На грех-то, говорят, и из палки выстрелишь.

Бальзаминова. Ну вот видишь ли! Значит, что ж мудреного, что Миша женится на богатой? Вот в этаком-то случае сон-то и много значит, когда ждешь-то чего-нибудь. Такой уж я, Матрена, сон видела, такой странный, что и не знаю, чему приписать! Вижу: будто я на гулянье, что ли, только народу, народу видимо-невидимо.

Матрена. Это к снегу, говорят.

Бальзаминова. К какому же снегу! Что ты, в уме ли! В августе-то месяце!

Матрена. Ну, так к дождю.

Бальзаминова. Да и не к дождю.

Матрена. Ну, а коли не к дождю, уж я больше не умею сказать, к чему это.

Бальзаминова. Не умеешь, так и молчи, а то ты только перебиваешь. Я уж и так половину перезабыла; уж очень много со мной во сне приключениев-то было. Только тут ли, после ли, вдруг я вижу корабль. Или нет, корабль после.

Матрена. Уплывет что-нибудь.

Бальзаминова. Погоди! Сначала я вижу мост, и на мосту сидят всё бабы с грибами и с ягодами…

Матрена. Мост — это с квартиры съезжать на другую.

Бальзаминова. Постой, не перебивай ты меня! Только за мостом — вот чудеса-то! — будто Китай. И Китай этот не земля, не город, а будто дом такой хороший, и написано на нем: «Китай». Только из этого Китая выходят не китайцы и не китайки, а выходит Миша и говорит: «Маменька, подите сюда, в Китай!» Вот будто я сбираюсь к нему идти, а народ сзади меня кричит: «Не ходи к нему, он обманывает: Китай не там, Китай на нашей стороне». Я обернулась назад, вижу, что Китай на нашей стороне, точно такой же, да еще не один. А Миша будто такой веселый, пляшет и поет: «Я поеду во Китай-город гулять!»

Матрена. Ну уж это, вот режь ты меня сейчас

на части, ни за что не пойму, к чему приписать!

Бальзаминова. Где тут понять! Да это что! Много я еще чудес-то видела, и все-то Миша в глазах, все-то Миша.

Матрена. Все сокрушаешься об нем, об его малом разуме, вот и видишь.

Бальзаминова. То он пляшет, то догоняет кого-то, то за ним кто-то гонится. То пропадет куда-то, то вдруг явится.

Матрена. Да это и наяву все так же: то пропадет, то явится. Вот давеча пропал, а теперь, гляди, явится. Хоть бы его в суде за дело за какое присадили: поменьше бы слонялся, слоны-то продавал.

Бальзаминова. Какое уж ему дело давать, по его ли разуму?

Матрена. Да вот он, на помине-то легок.

Входит Бальзаминов.

Явление третье

Те же и Бальзаминов.

Бальзаминов *(садится)*. Ну, маменька, кончено.

Бальзаминова. Значит, благополучно?

Бальзаминов. Еще как благополучно-то! Так, маменька, что я думаю, что не переживу от радости. Теперь, маменька, и дрожки беговые, и лошадь серая, и все… Ух, устал!

Бальзаминова. А какой я без тебя сон видела!

Бальзаминов. Что сон! Со мной наяву то было, что никому ни в жизнь не приснится. У своей был… и у той был, что сваха-то говорила, у Белотеловой, я фамилию на воротах прочел, как выходил оттуда; а туда через забор…

Матрена. Ишь ты, нелегкая-то тебя носит!

Бальзаминов. Молчи ты! Ты еще не знаешь, с кем ты теперь говоришь! Маменька, вот они, мечты-то мои! Ан вот правда выходит. Ух, дух не переведу!

Бальзаминова. Что, богато она живет?

Бальзаминов. Богато. Дом, лошади, сад, деньги, все…

Бальзаминова. Значит, правду сваха-то говорила, что денег счету нет?

Бальзаминов. Правду.

Бальзаминова. Ну что ж ты?

Бальзаминов. Женюсь.

Бальзаминова. На ком?

Бальзаминов. На обеих.

Матрена. Что ты татарин, что ли! Очувствуйся

хоть малость!

Бальзаминова. Что это ты, Миша, право! Обрадуешься, так уж себя не помнишь! Говоришь такие слова, что ни на что не похоже.

Бальзаминов. Погодите, постойте! А то я помешаюсь в мыслях. Этакое счастье и вдруг, в один день…

Матрена. Не было ни гроша, да вдруг алтын!

Бальзаминов. Да замолчи ты! Я, маменька, себе человека найму, камердинера; а Матрену прочь… за грубость.

Матрена. И давно бы ты нанял. *(Уходит.)*

Бальзаминова. Ну, а эта, как ее, Пеженова, что ли? У нее сколько?

Бальзаминов. Полтораста тысяч.

Бальзаминова. У этой много поменьше, чем у той.

Бальзаминов. Зато эта, маменька, помоложе, а та постарше, ну, так у ней побольше.

Бальзаминова. И согласна она за тебя замуж идти, Пеженова-то?

Бальзаминов. Обе согласны. Только одна, чтоб увезти; а другая так дома. Не отдохну никак.

Бальзаминова. Ну как же ты?

Бальзаминов. Погодите, маменька, погодите! Вот он сад-то я нынче во сне-то видел! Я в двух

садах был.

Бальзаминова. А я, Миша, Китай видела. Уж не знаю, к чему?

Бальзаминов. У Белотеловой лавка в Китай-городе, вот и весь ваш сон.

Бальзаминова. И то правда.

Бальзаминов *(быстро встает)*. Что же это такое! Боже мой! Представьте, маменька…

Бальзаминова. Да ты посиди, отдохни.

Бальзаминов. Ах, маменька, не мешайте! Представьте, маменька, я, бедный молодой человек, хожу себе по улице, и вдруг что же? И вдруг теперь поеду в коляске! И знаете, что мне в голову пришло? Может быть, за Пеженовой сад отдадут в приданое: тогда можно будет забор-то разгородить, сады-то у них рядом, и сделать один сад. Разных беседок и аллей…

Бальзаминова. Да ты, никак, в самом деле на обеих хочешь жениться?

Бальзаминов. Вот вы меня, маменька, всегда останавливаете! Никогда не дадите помечтать. Что ж такое! я этим никому вреда не делаю. Коли нельзя жениться на обеих, я бы хоть помечтал по крайней мере, а вы меня расстроили.

Бальзаминова. Ну мечтай, бог с тобой!

Бальзаминов *(задумывается. Молчание)*. Нет,

маменька, сам чувствую, что начинает все путаться в голове, так даже страшно делается. Планов-то много, а обдумать не могу. Сейчас я думал об доме, ну и представился мне в уме дом, большой, каменный, и львы на воротах; только лев будто и разевает рот, каменный-то, да и залаял, а я об этом и думать не хотел, обо льве-то. Хочу его из головы-то выкинуть, никак нейдет. А отчего это? Оттого, что я не привык думать, как богатые люди думают; все думал так, как бедные думают; вот оно теперь богатство-то в голове и не помещается. А вот привыкну, так ничего.

Бальзаминова. Что мудреного, что не помещается! Этакая пропасть! Иной раз и о пустяках думаешь, да ум за разум заходит; а тут, с такими деньгами — просто беда!

Бальзаминов *(задумавшись)*. Если башню выстроить, большую, чтобы всю Москву видно было! Можно будет там и голубей держать…

Бальзаминова. Оставь, Миша! Не думай, хуже будет!

Бальзаминов. Само думается, маменька. Правду говорят, маменька, что с состоянием-то много заботы бывает.

Бальзаминова. А ты давай-ка лучше поговорим об чем-нибудь другом! А то, сохрани господи,

долго ли до греха, пожалуй совсем свихнешься.

Бальзаминов. Извольте, маменька! Другой бы сын, получивши такое богатство-то, с матерью и говорить не захотел; а я, маменька, с вами об чем угодно, я гордости не имею против вас. Нужды нет, что я богат, а я к вам с почтением. И пусть все это знают. С другими я разговаривать не стану, а с вами завсегда. Вот я какой! *(Садится.)*

Бальзаминова. Еще бы! А которая лучше лицом-то из них?

Бальзаминов. Мне, маменька, все богатые невесты красавицами кажутся; я уж тут лица никак не разберу.

Бальзаминова. Что же ты мне не расскажешь, как у вас дело-то было?

Бальзаминов. До того ли мне, маменька, помилуйте! Вот Красавина придет, расскажет. *(Задумывается.)* У меня теперь в голове, маменька, лошади, экипажи, а главное — одежда чтобы к лицу.

Бальзаминова. Брось, Миша, брось, не думай! Право, я боюсь, что ты с ума сойдешь. Да что же это мы в потемках-то сидим! Ишь как смерклось. Пойду велю огня зажечь.

Бальзаминов. Погодите, маменька! Не нужно огня, в потемках лучше.

Бальзаминова. Ну что хорошего впотьмах сидеть?

Бальзаминов. Впотьмах, маменька, мечтать лучше. Оно можно и при огне, только надобно зажмуриться, а в потемках можно и так, с открытыми глазами. Я теперь могу себя представить как угодно. И в зале могу себя представить в отличной, и в карете, и в саду; а принесите вы свечку, я сейчас увижу, что я в самой бедной комнате, мебель скверная, ну и все пропало. Да и на себя-то взгляну — совсем не тот, какой я в мечтах-то.

Бальзаминова. Какой же ты?

Бальзаминов. В мечтах я себя представляю, маменька, что я высокого роста, полный и брюнет.

Бальзаминова. Разумеется, лучше.

Бальзаминов. Вот смотрите, маменька; вот я вам буду сказывать, что мне представляется. Вот будто я сижу в зале у окошка, в бархатном халате; вдруг подходит жена…

Бальзаминова. Ну, а потом что ж?

Бальзаминов. «Поедем, говорит, душенька, на гулянье!»

Бальзаминова. Отчего ж не ехать, коли погода хорошая?

Бальзаминов. Отличная, маменька, погода. Я

говорю: «Поди, душенька, одеваться, и я сейчас оденусь». — «Человек!» Приходит человек. «Одеваться, говорю, давай, и приготовь голубой плащ на бархатной подкладке!» Вот не нравится мне, маменька, у него улыбка-то какая противная. Как точно он смеется надо мной.

Бальзаминова. Уж с этим народом беда!

Бальзаминов. Вот и грубит. Ну, я этого прогоню, я себе другого возьму. *(Что-то шепчет про себя.)*

Бальзаминова. Что ж ты замолчал?

Бальзаминов. Это мы, маменька, с женой разговариваем и целуемся. Вот, маменька, садимся мы с женой в коляску, я взял с собой денег пятьдесят тысяч.

Бальзаминова. Зачем так много?

Бальзаминов. Как знать, может быть, понадобятся!

Бальзаминова. Ты бы лучше дома оставил.

Бальзаминов. Еще украдут, пожалуй. Вот едем мы дорогой, все нам кланяются. Приезжаем в Эрмитаж, и там все кланяются; я держу себя гордо. *(В испуге вскакивает и ходит в волнении.)* Вот гадость-то! Ведь деньги-то у меня, пятьдесят-то тысяч, которые я взял, пропали.

Бальзаминова. Как пропали?

Бальзаминов. Так и пропали. Должно быть,

вытащил кто-нибудь.

Бальзаминова. А ты не бери с собой!

Бальзаминов. В самом деле не возьму. Все равно и дома украдут. Куда ж бы их деть? В саду спрятать, в беседке под диван? Найдут. Отдать кому-нибудь на сбережение, пока мы на гулянье-то ездим? Пожалуй, зажилит, не отдаст после. Нет, лучше об деньгах не думать, а то беспокойно очень; об чем ни задумаешь, всё они мешают. Так я без денег будто гуляю.

Бальзаминова. Гораздо покойнее.

Бальзаминов. Вот, маменька, выхожу я из саду, жандарм кричит: «Коляску Бальзаминову!»

Входит Чебаков.

А я будто, маменька, генерал…

Явление четвертое

Те же и Чебаков.

Чебаков. Послушайте, Бальзаминов, это вы-то генерал?

Бальзаминова. Ах, батюшка, извините! Мы и не видали, как вы вошли.

Бальзаминов. Ах, я и не знал, что вы здесь-с. Я

так, по-домашнему, с маменькой-с… а то я при вас бы не стал таких глупостей говоритъ-с! Впрочем, что ж такое, в сумерках отчего ж и не заняться иногда, не помечтать-с?

Чебаков. Уж вы бы лучше об чем-нибудь другом, а не об генеральстве.

Бальзаминов. Нет, отчего же, в сумерках-с…

Чебаков. Да и в сумерках нельзя. Нет, вы бросьте это занятие!

Бальзаминова. Что же это мы в потемках-то сидим! Извините, батюшка! я сейчас пойду огня принесу.

Чебаков. Послушайте, не беспокойтесь, мы и так друг друга знаем.

Бальзаминова. Все-таки лучше, пристойнее. *(Уходит.)*

Явление пятое

Бальзаминов и Чебаков.

Чебаков. Послушайте, ваше превосходительство, нам надо будет отправиться.

Бальзаминов. Куда же-с?

Чебаков. Всё туда же, Нас там ждут.

Бальзаминов. Зачем же это они нас ждут-

с? Ведь я вам письмо принес; а завтра можно опять-с.

Чебаков. Вот в письме-то и написано, чтоб мы приходили сегодня.

Бальзаминов. И я-с?

Чебаков. И вы.

Бальзаминов. Что же мы там делать будем-с?

Чебаков. Вам хочется знать? Ну уж этого я вам не скажу. Вот пойдемте, так сами увидите.

Бальзаминов. А я-то что ж буду делать-с? Ведь уж я теперь в любви объяснился; уж после этого что мне делать, я не знаю-с.

Чебаков. Я вас научу.

Бальзаминов. Вот вы давеча говорили — увезти, а я вас, Лукьяи Лукьяныч, и забыл спросить: куда же это их увозят-с?

Чебаков. Куда хотите.

Бальзаминов. А на чем же я увезу-с?

Чебаков. Послушайте, я вас этому всему научу, только пойдемте.

Бальзаминов. Я сейчас-с. *(Берет фуражку.)*

Входит Бальзаминова.

Явление шестое

Те же и Бальзаминова.

Бальзаминова. Куда же это ты, Миша?

Бальзаминов. К Пеженовым-с.

Бальзаминова. Разве уж ты решился?

Бальзаминов. Нет, маменька, как можно решиться! Да вот Лукьян Лукьяныч говорит, что надо идти.

Чебаков. Послушайте, разумеется, надо.

Бальзаминов. Вот видите, маменька! А решиться я не решился-с. Потому, извольте рассудить, маменька, дело-то какое выходит: ежели я решусь жениться на одной-с, ведь я другую должен упустить. На которой ни решись — все другую должен упустить. А ведь это какая жалость-то! Отказаться от невесты с таким состоянием! Да еще самому отказаться-то.

Чебаков. Послушайте, вы скоро?

Бальзаминов. Сейчас-с.

Бальзаминова. Так зачем же ты идешь?

Бальзаминов. Ну уж, маменька, что будет то будет, а мне от своего счастья бегать нельзя. Все сделано отлично, так чтоб теперь не испортить.

Прощайте.

Уходят.

Явление седьмое

Бальзаминова и потом Матрена.

Бальзаминова. Такие мудреные дела делаются, что и не разберешь ничего! Теперь одно только и нужно: хорошую ворожею найти. Так нужно, так нужно, что, кажется, готова последнее отдать, только бы поговорить с ней. Что без ворожеи сделаешь? И будешь ходить как впотьмах. Почем мы знаем с Мишей, которую теперь невесту выбрать? Почем мы знаем, где Мишу счастье ожидает в будущем? С одной может быть счастье, а с другой — несчастье; опять же и дом: иной счастлив, а другой нет; в одном всё ко двору, а в другом ничего не держится. А какой — нам неизвестно. Как же это так наобум решиться! Солидные-то люди, которые себе добра-то желают, за всякой малостью ездят к Ивану Яковличу, в сумасшедший дом, спрашиваться; а мы такое важное дело да без совета сделаем! Уж что не порядок, так не порядок. Нет ли тут поблизости хоть какой-нибудь дешевенькой? Она хоть и не так явственно ска-

жет, как дорогая ворожея, а все-таки что-нибудь понять можно будет. Матрена!

Входит Матрена.

Нет ли у нас тут где недалеко ворожеи какой-нибудь?

Матрена. Какой ворожеи?

Бальзаминова. Гадалки какой-нибудь.

Матрена. Вам про что спрашивать-то?

Бальзаминова. Об жизни, об счастье, обо всем.

Матрена. Таких нет здесь.

Бальзаминова. А какие же есть?

Матрена. Вот тут есть одна: об пропаже гадает. Коли что пропадет у кого, так сказывает. Да и то по именам не называет, а больше всё обиняком. Спросят у нее: «Кто, мол, украл?» А она поворожит, да и скажет: «Думай, говорит, на черного или на рябого». Больше от нее и слов нет. Да и то, говорят, от старости, что ли, все врет больше.

Бальзаминова. Ну, мне такой не надо.

Матрена. А другой негде взять.

Бальзаминова. Вот какая у нас сторона! Уж самого необходимого, и то не скоро найдешь! На картах кто не гадает ли, не слыхала ль ты?

Матрена. Есть тут одна, гадает, да ее теперича увезли.

Бальзаминова. Куда увезли?

Матрена. Гадать увезли, далеко, верст за шестьдесят, говорят. Барыня какая-то нарочно за ней лошадей присылала. Лакей сказывал, который приезжал-то, что барыня эта расстроилась с барином.

Бальзаминова. С мужем?

Матрена. Нет, оно выходит, что не с мужем, а так у ней, посторонний. Так повезли гадать, когда помирятся. А больше тут никаких нет.

Бальзаминова. Ты не знаешь, а то, чай, как не быть. Такая ты незанимательная женщина: ни к чему у тебя любопытства нет.

Матрена. А на что мне? Мне ворожить не об чем: гор золотых я ниоткуда не ожидаю. И без ворожбы как-нибудь век-то проживу.

Бальзаминова. Загадаю сама, как умею. *(Достает карты и гадает.)* Вот что, Матрена: теперь, гляди, сваха зайдет, так поставь-ка закусочки какой-нибудь в шкап.

Матрена приносит закуску и уходит. Входит Бальзаминов.

Явление восьмое

Бальзаминова и Бальзаминов.

Бальзаминова. Что ты так скоро?

Бальзаминов *(садится)*. Кончено, маменька! Таким дураком меня поставили, что легче бы, кажется, сквозь землю провалиться.

Бальзаминова. Да каким же это манером? Расскажи ты мне.

Бальзаминов. Очень просто. Приходим мы с Лукьян Лукьянычем к ихнему саду, гляжу — уж и коляска тут стоит. Только Лукьян Лукьяныч и говорит мне: «Ну, господин Бальзаминов, теперь наше дело к концу подходит». Так у меня мурашки по сердцу и пошли! «Давайте, говорит, теперь за работу, забор разбирать». Так я, маменька, старался, даже вспотел! Вот мы три доски сняли, а те уж тут дожидаются. Вот он старшую, Анфису, берет за руку: «Садитесь, говорит, в коляску». Потом, маменька, начинают все целоваться: то сестры промежду себя поцелуются, то он и ту поцелует, и другую. Что мне тут делать, маменька, сами посудите? Как будто мне и неловко, и точно как завидно, и словно что за сердце сосет… уж я

не знаю, как вам сказать. Я сейчас в ревность.

Бальзаминова. Ты это нарочно?

Бальзаминов. Само собой, что нарочно. Надо же себя поддержать против них. Я, маменька, хотел показать Раисе-то, что я в нее влюблен. Я и говорю Лукьян Лукьянычу: «Какое вы имеете право целовать Раису Панфиловну?» Они как захохочут все. Я, маменька, не обращаю на это внимания и говорю Раисе Панфиловне: «Когда же, говорю, мы с вами бежать будем?» А она, маменька, вообразите, говорит мне: «С чего вы это выдумали?» А сама целуется с сестрой и плачет. Потом Лукьян Лукьяныч сели в коляску с Анфисой и уехали. А Раиса, маменька, прямехонько мне так и отпечатала: «Подите вы от меня прочь, вы мне надоели до смерти», — да, подобравши свой кринолин, бегом домой. Что ж мне делать? Я и воротился.

Бальзаминова. Это оттого, Миша, что ты все от меня скрываешь, никогда со мной не посоветуешься. Расскажи ты мне, как у вас это дело было с самого начала.

Бальзаминов. Порядок, маменька, обыкновенный. Узнал я, что в доме есть богатые невесты, и начал ходить мимо. Они смотрят да улыбаются, а я из себя влюбленного представляю. Только

один раз мы встречаемся с Лукьян Лукьянычем (я еще его не знал тогда), он и говорит: «За кем вы здесь волочитесь?» Я говорю: «Я за старшей». А и сказал-то так, наобум. «Влюбитесь, говорит, в младшую, лучше будет». Что ж, маменька, разве мне не все равно?

Бальзаминова. Разумеется!

Бальзаминов. Я и влюбился в младшую. «Я, говорит, вам помогать буду, потом мы их вместе увезем». Я на него понадеялся, а вот что вышло! Вот, маменька, какое мое счастье-то!

Бальзаминова. Как же ты, Миша, не подумал, куда ты увезешь невесту и на чем? Ведь для этого деньги нужны.

Бальзаминов. Я, маменька, на Лукьян Лукьяныча надеялся.

Бальзаминова. Очень ему нужно путаться в чужие дела! Всякий сам о себе хлопочет.

Бальзаминов. А впрочем, маменька, коли правду сказать, я точно в тумане был; мне все казалось, что коли она меня полюбит и согласится бежать со мной, вдруг сама собой явится коляска; я ее привезу в дом к нам…

Бальзаминова. На эту квартиру-то?

Бальзаминов. Вы не поверите, маменька, как, бывало, начну думать, что увожу ее, так мне и

представляется, что у нас дом свой, каменный, на Тверской.

Бальзаминова. Жаль мне тебя, Миша! Совсем еще ты дитя глупое.

Бальзаминов. Уж очень мне, маменька, разбогатеть-то хочется.

Бальзаминова. Ничего-то ты в жизни не сделаешь!

Бальзаминов. Отчего же, маменька?

Бальзаминова. Оттого что не умеешь ты ни за какое дело взяться. Все у тебя выходит не так, как у людей.

Бальзаминов. Нет, маменька, не оттого, что уменья нет, а оттого, что счастья нет мне ни в чем. Будь счастье, так все бы было, и коляска, и деньги. И с другой невестой то же будет: вот посмотрите. Придет сваха, да такую весточку скажет, что на ногах не устоишь.

Красавина входит.

Да вот она! Вот она!

Бальзаминов и Бальэаминова встают.

Явление девятое

Те же и Красавина.

Бальзаминова. Чем, матушка, обрадуете? Мы тут без вас завяли совсем.

Бальзаминов *(Красавиной)*. Погоди, не говори! я зажмурюсь, все легче будет.

Красавина. Ох, далеко я ехала, насилу доехала. *(Садится.)*

Бальзаминова. Откуда ж это, матушка?

Красавина. Отсюда не видать.

Бальзаминов. Погодите, маменька, погодите!

Красавина. Ехала селами, городами, темными лесами, частыми кустами, быстрыми реками, крутыми берегами; горлышко пересохло, язык призамялся.

Бальзаминов. Хлопочите, маменька! Хлопочите скорей!

Бальзаминова достает из шкафа водку и закуску и ставит на стол.

Вот, пей, да и говори уж что-нибудь одно.

Бальзаминова *(наливает рюмку)*. Кушайте на здоровье!

Красавина. Выпью, куда торопиться-то.

Бальзаминов. Ну, ну, поскорее! А то я умру сейчас, уж у меня под сердце начинает подступать.

Красавина. Ишь ты какой скорый! Куда нам торопиться-то! Над нами не каплет.

Бальзаминов. Что ж она не говорит! Маменька, что она не говорит? Батюшки, умираю! Чувствую, что умираю! *(Садится.)*

Красавина. Не умрешь! А и умрешь, так и опять встанешь. *(Берет рюмку.)* Ну, честь имею поздравить! *(Пьет.)*

Бальзаминова. С чем, матушка, с чем?

Красавина. Как с чем! А вот стрелец-то твой подстрелил лебедь белую.

Бальзаминова. Неужли, матушка, вправду? Слышишь, Миша?

Бальзаминов. Говорите что хотите, я умер,

Красавина. Много он маху давал, а теперь попал — под самое под правое крылышко.

Бальзаминова. В последнее-то время, знаете ли, много с нами таких несчастных оборотов было, так уж мы стали очень сумнительны.

Красавина. Да что тут сумлеваться-то! Хоть завтра же свадьба! Так он ей понравился, что говорит: «Сейчас подавай его сюда!» Ну сейчас, говорю, нехорошо, а завтра я тебе его предостав-

лю. «А чтоб он не сумлевался, так вот снеси ему, говорит, часы золотые!» Вот они! Отличные, после мужа остались. Ну, что, ожил теперь?

Бальзаминов *(вскакивает).* Ожил! Ожил! Давай их сюда! *(Берет часы.)* Что ж это, маменька, я вас спрашиваю?

Бальзаминова. Это тебе за долгое твое терпенье счастье выходит.

Красавина. А ты помнишь наш уговор? Ты на радостях-то не забудь!

Бальзаминов. Ты просила две?

Красавина. Две.

Бальзаминов. Ну, так вот ты знай же, какой я человек! Маменька, смотрите, какой я человек! Я тебе еще пятьдесят рублей прибавлю.

Красавина. Ишь ты, расщедрился! Ну, да уж нечего с тобой делать, и то деньги.

Бальзаминов. Маменька, уж вы теперь смотрите за мной, как бы со мной чего не сделалось. Батюшки мои! Батюшки мои! *(Прыгает от радости.)* Я теперь точно новый человек стал. Маменька, я теперь не Бальзаминов, а кто-нибудь другой!

Красавина. Давай пляску сочиним на радости!

Бальзаминов. Давай! А вы, маменька, говорили, что я сделать ничего не умею! А ты говорила,

что я дурак!

Красавина. Я, брат, и теперь от своих слов не отступлюсь.

Бальзаминова. А ты, Миша, не обижайся! Пословица-то говорит, что «дуракам счастье». Ну, вот нам счастье и вышло. За умом не гонись, лишь бы счастье было. С деньгами-то мы и без ума проживем.

Бальзаминов. Еще бы! На что мне теперь ум? А давеча, маменька, обидно было, как денег-то нет, да и ума-то нет, говорят, А теперь пускай говорят, что дурак: мне все одно.

Красавина. А то вот еще есть пословица. Ты долго за невестами ходил?

Бальзаминов. Долго.

Красавина. А пословица-то говорит: «За чем пойдешь, то и найдешь».

Бальзаминова. И то, матушка, правда.

Бальзаминов *(Красавиной).* Ну, давай плясать! Становись!

Сваха становится в позу.

Денис Иванович Фонвизин. Недоросль

Действующие лица

Простаков.
Г-жа Простакова, жена его.
Митрофан, сын их, недоросль.
Еремеевна, мама Митрофанова.
Правдин.
Стародум.
Софья, племянница Стародума.
Милон.
Скотинин, брат г-жи Простаковой.
Кутейкин, семинарист.
Цыфиркин, отставной сержант.
Вральман, учитель.
Тришка, портной.
Слуга Простакова.
Камердинер Стародума.

Действие в деревне Простаковых.

Действие первое
Явление I

Г-жа Простакова, Митрофан, Еремеевна.

Г-жа Простакова *(осматривая кафтан на Митрофане)*. Кафтан весь испорчен. Еремеевна, введи сюда мошенника Тришку. *(Еремеевна отходит.)* Он, вор, везде его обузил. Митрофанушка, друг мой! Я чаю, тебя жмет до смерти. Позови сюда отца.

Митрофан отходит.

Явление II

Г-жа Простакова, Еремеевна, Тришка.

Г-жа Простакова *(Тришке)*. А ты, скот, подойди поближе. Не говорила ль я тебе, воровская харя, чтоб ты кафтан пустил шире. Дитя, первое, растет; другое, дитя и без узкого кафтана деликатного сложения. Скажи, болван, чем ты оправдаешься?

Тришка. Да ведь я, сударыня, учился самоучкой. Я тогда же вам докладывал: ну, да извольте отдавать портному.

Г-жа Простакова. Так разве необходимо надобно быть портным, чтобы уметь сшить кафтан хорошенько. Экое скотское рассуждение!

Тришка. Да вить портной-то учился, сударыня, а я нет.

Г-жа Простакова. Ища он же и спорит. Портной учился у другого, другой у третьего, да первоет портной у кого же учился? Говори, скот.

Тришка. Да первоет портной, может быть, шил хуже и моего.

Митрофан *(вбегает).* Звал батюшку. Изволил сказать: тотчас.

Г-жа Простакова. Так поди же вытащи его, коли добром не дозовешься.

Митрофан. Да вот и батюшка.

Явление III

Те же и Простаков.

Г-жа Простакова. Что, что ты от меня прятаться изволишь? Вот, сударь, до чего я дожила с твоим потворством. Какова сыну обновка к дядину сговору? Каков кафтанец Тришка сшить изволил?

Простаков *(от робости запинаясь).* Ме… мешковат немного.

Г-жа Простакова. Сам ты мешковат, умная голова.

Простаков. Да я думал, матушка, что тебе так кажется.

Г-жа Простакова. А ты сам разве ослеп?

Простаков. При твоих глазах мои ничего не видят.

Г-жа Простакова. Вот каким муженьком наградил меня Господь: не смыслит сам разобрать, что широко, что узко.

Простаков. В этом я тебе, матушка, и верил и верю.

Г-жа Простакова. Так верь же и тому, что я холопям потакать не намерена. Поди, сударь, и теперь же накажи…

Явление IV

Те же и Скотинин.

Скотинин. Кого? За что? В день моего сговора! Я прошу тебя, сестрица, для такого праздника отложить наказание до завтрева; а завтра, коль изволишь, я и сам охотно помогу. Не будь я Тарас Скотинин, если у меня не всякая вина виновата. У меня в этом, сестрица, один обычай с тобою. Да

за что ж ты так прогневалась?

Г-жа Простакова. Да вот, братец, на твои глаза пошлюсь. Митрофанушка, подойди сюда. Мешковат ли этот кафтан?

Скотинин. Нет.

Простаков. Да я и сам уже вижу, матушка, что он узок.

Скотинин. Я и этого не вижу. Кафтанец, брат, сшит изряднехонько.

Г-жа Простакова *(Тришке)*. Выйди вон, скот. *(Еремеевне.)* Поди ж, Еремеевна, дай позавтракать ребенку. Вить, я чаю, скоро и учители придут.

Еремеевна. Он уже и так, матушка, пять булочек скушать изволил.

Г-жа Простакова. Так тебе жаль шестой, бестия? Вот какое усердие! Изволь смотреть.

Еремеевна. Да во здравие, матушка. Я вить сказала это для Митрофана же Терентьевича. Протосковал до самого утра.

Г-жа Простакова. Ах, Мати Божия! Что с тобою сделалось, Митрофанушка?

Митрофан. Так, матушка. Вчера после ужина схватило.

Скотинин. Да видно, брат, поужинал ты плотно.

Митрофан. А я, дядюшка, почти и вовсе не

ужинал.

Простаков. Помнится, друг мой, ты что-то скушать изволил.

Митрофан. Да что! Солонины ломтика три, да подовых, не помню, пять, не помню, шесть.

Еремеевна. Ночью то и дело испить просил. Квасу целый кувшинец выкушать изволил.

Митрофан. И теперь как шальной хожу. Ночь всю така дрянь в глаза лезла.

Г-жа Простакова. Какая же дрянь, Митрофанушка?

Митрофан. Да то ты, матушка, то батюшка.

Г-жа Простакова. Как же это?

Митрофан. Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь бить батюшку.

Простаков *(в сторону).* Ну, беда моя! Сон в руку!

Митрофан *(разнежась).* Так мне и жаль стало.

Г-жа Простакова *(с досадою).* Кого, Митрофанушка?

Митрофан. Тебя, матушка: ты так устала, колотя батюшку.

Г-жа Простакова. Обойми меня, друг мой сердечный! Вот сынок, одно мое утешение.

Скотинин. Ну, Митрофанушка, ты, я вижу, матушкин сынок, а не батюшкин!

Простаков. По крайней мере я люблю его, как надлежит родителю, то-то умное дитя, то-то разумное, забавник, затейник; иногда я от него вне себя и от радости сам истинно не верю, что он мой сын.

Скотинин. Только теперь забавник наш стоит что-то нахмурясь.

Г-жа Простакова. Уж не послать ли за доктором в город?

Митрофан. Нет, нет, матушка. Я уж лучше сам выздоровлю. Побегу-тка теперь на голубятню, так авось-либо…

Г-жа Простакова. Так авось-либо Господь милостив. Поди, порезвись, Митрофанушка.

Митрофан с Еремеевною отходят.

Явление V

Г-жа Простакова, Простаков, Скотинин.

Скотинин. Что ж я не вижу моей невесты? Где она? Ввечеру быть уже сговору, так не пора ли ей сказать, что выдают ее замуж?

Г-жа Простакова. Успеем, братец. Если ей это сказать прежде времени, то она может еще подумать, что мы ей докладываемся. Хотя по муже,

однако, я ей свойственница; а я люблю, чтоб и чужие меня слушали.

Простаков *(Скотинину)*. Правду сказать, мы поступили с Софьюшкой, как с сущею сироткой. После отца осталась она младенцем. Тому с полгода, как ее матушке, а моей сватьюшке, сделался удар…

Г-жа Простакова *(показывая, будто крестит сердце)*. С нами сила крестная.

Простаков. От которого она и на тот свет пошла. Дядюшка ее, господин Стародум, поехал в Сибирь; а как несколько уже лет не было о нем ни слуху, ни вести, то мы и считаем его покойником. Мы, видя, что она осталась одна, взяли ее в нашу деревеньку и надзираем над ее имением, как над своим.

Г-жа Простакова. Что, что ты сегодня так разоврался, мой батюшка? Ища братец может подумать, что мы для интересу ее к себе взяли.

Простаков. Ну как, матушка, ему это подумать? Ведь Софьюшкино недвижимое имение нам к себе придвинуть не можно.

Скотинин. А движимое хотя и выдвинуто, я не челобитчик. Хлопотать я не люблю, да и боюсь. Сколько меня соседи ни обижали, сколько убытку ни делали, я ни на кого не бил челом, а

всякий убыток, чем за ним ходить, сдеру с своих же крестьян, так и концы в воду.

Простаков. То правда, братец: весь околоток говорит, что ты мастерски оброк собираешь.

Г-жа Простакова. Хотя бы ты нас поучил, братец батюшка; а мы никак не умеем. С тех пор как все, что у крестьян ни было, мы отобрали, ничего уже содрать не можем. Такая беда!

Скотинин. Изволь, сестрица, поучу вас, поучу, лишь жените меня на Софьюшке.

Г-жа Простакова. Неужели тебе эта девчонка так понравилась?

Скотинин. Нет, мне нравится не девчонка.

Простаков. Так по соседству ее деревеньки?

Скотинин. И не деревеньки, а то, что в деревеньках-то ее водится и до чего моя смертная охота.

Г-жа Простакова. До чего же, братец?

Скотинин. Люблю свиней, сестрица, а у нас в околотке такие крупные свиньи, что нет из них ни одной, котора, став на задни ноги, не была бы выше каждого из нас целой головою.

Простаков. Странное дело, братец, как родня на родню походить может. Митрофанушка наш весь в дядю. И он до свиней сызмала такой же охотник, как и ты. Как был еще трех лет, так,

бывало, увидя свинку, задрожит от радости.

Скотинин. Это подлинно диковинка! Ну пусть, братец, Митрофан любит свиней для того, что он мой племянник. Тут есть какое-нибудь сходство; да отчего же я к свиньям-то так сильно пристрастился?

Простаков. И тут есть же какое-нибудь сходство, я так рассуждаю.

Явление VI

Те же и Софья.

Софья вошла, держа письмо в руке и имея веселый вид.

Г-жа Простакова *(Софье).* Что так весела, матушка? Чему обрадовалась?

Софья. Я получила сейчас радостное известие. Дядюшка, о котором столь долго мы ничего не знали, которого я люблю и почитаю, как отца моего, на сих днях в Москву приехал. Вот письмо, которое я от него теперь получила.

Г-жа Простакова *(испугавшись, с злобою).* Как! Стародум, твой дядюшка, жив! И ты изволишь затевать, что он воскрес! Вот изрядный вымысел!

Софья. Да он никогда не умирал.

Г-жа Простакова. Не умирал! А разве ему и умереть нельзя? Нет, сударыня, это твои вымыслы, чтоб дядюшкою своим нас застращать, чтоб мы дали тебе волю. Дядюшка-де человек умный; он, увидя меня в чужих руках, найдет способ меня выручить. Вот чему ты рада, сударыня; однако, пожалуй, не очень веселись: дядюшка твой, конечно, не воскресал.

Скотинин. Сестра, ну да коли он не умирал?

Простаков. Избави Боже, коли он не умирал!

Г-жа Простакова *(к мужу)*. Как не умирал! Что ты бабушку путаешь? Разве ты не знаешь, что уж несколько лет от меня его и в памятцах за упокой поминали? Неужто-таки и грешные-то мои молитвы не доходили! *(К Софье.)* Письмецо-то мне пожалуй. *(Почти вырывает.)* Я об заклад бьюсь, что оно какое-нибудь амурное. И догадываюсь от кого. Это от того офицера, который искал на тебе жениться и за которого ты сама идти хотела. Да которая бестия без моего спросу отдает тебе письма! Я доберусь. Вот до чего дожили. К деушкам письма пишут! деушки грамоте умеют!

Софья. Прочтите его сами, сударыня. Вы увидите, что ничего невиннее быть не может.

Г-жа Простакова. Прочтите его сами! Нет, сударыня, я, благодаря Бога, не так воспитана. Я

могу письма получать, а читать их всегда велю другому. *(К мужу.)* Читай.

Простаков *(долго смотря)*. Мудрено.

Г-жа Простакова. И тебя, мой батюшка, видно воспитывали, как красную девицу. Братец, прочти, потрудись.

Скотинин. Я? Я отроду ничего не читывал, сестрица! Бог меня избавил этой скуки.

Софья. Позвольте мне прочесть.

Г-жа Простакова. О матушка! Знаю, что ты мастерица, да лих не очень тебе верю. Вот, я чаю, учитель Митрофанушкин скоро придет. Ему велю…

Скотинин. А уж зачали молодца учить грамоте?

Г-жа Простакова. Ах, батюшка братец! Уж года четыре как учится. Нечего, грех сказать, чтоб мы не старались воспитывать Митрофанушку. Троим учителям денежки платим. Для грамоты ходит к нему дьячок от Покрова, Кутейкин. Арихметике учит его, батюшка, один отставной сержант, Цыфиркин. Оба они приходят сюда из города. Вить от нас и город в трех верстах, батюшка. По-французски и всем наукам обучает его немец Адам Адамыч Вральман. Этому по триста рубликов на год. Сажаем за стол с собою. Белье его наши бабы

моют. Куда надобно — лошадь. За столом стакан вина. На ночь сальная свеча, и парик направляет наш же Фомка даром. Правду сказать, и мы им довольны, батюшка братец. Он ребенка не неволит. Вить, мой батюшка, пока Митрофанушка еще в недорослях, пота его и понежить; а там лет через десяток, как войдет, избави Боже, в службу, всего натерпится. Как кому счастье на роду написано, братец. Из нашей же фамилии Простаковых, смотри-тка, на боку лежа, летят себе в чины. Чем же плоше их Митрофанушка? Ба! да вот пожаловал кстати дорогой наш постоялец.

Явление VII

Те же и Правдин.

Г-жа Простакова. Братец, друг мой! Рекомендую вам дорогого гостя нашего, господина Правдина; а вам, государь мой, рекомендую брата моего.

Правдин. Радуюсь, сделав ваше знакомство.

Скотинин. Хорошо, государь мой! А как по фамилии, я не дослышал.

Правдин. Я называюсь Правдин, чтоб вы дослышали.

Скотинин. Какой уроженец, государь мой? Где деревеньки?

Правдин. Я родился в Москве, ежели вам то знать надобно, а деревни мои в здешнем наместничестве.

Скотинин. А смею ли спросить, государь мой, — имени и отчества не знаю, — в деревеньках ваших водятся ли свинки?

Г-жа Простакова. Полно, братец, о свиньях — то начинать. Поговорим-ка лучше о нашем горе. *(К Правдину.)* Вот, батюшка! Бог велел нам взять на свои руки девицу. Она изволит получать грамотки от дядюшек. К ней с того света дядюшки пишут. Сделай милость, мой батюшка, потрудись, прочти всем нам вслух.

Правдин. Извините меня, сударыня. Я никогда не читаю писем без позволения тех, к кому они писаны.

Софья. Я вас о том прошу. Вы меня тем очень одолжите.

Правдин. Если вы приказываете. *(Читает.)* «Любезная племянница! Дела мои принудили меня жить несколько лет в разлуке с моими ближними; а дальность лишила меня удовольствия иметь о вас известии. Я теперь в Москве, прожив несколько лет в Сибири. Я могу служить приме-

ром, что трудами и честностию состояние свое сделать можно. Сими средствами, с помощию счастия, нажил я десять тысяч рублей доходу…»

Скотинин и оба Простаковы. Десять тысяч!

Правдин *(читает)*. «…которым тебя, моя любезная племянница, тебя делаю наследницею…»

Г-жа Простакова. Тебя наследницею!

Простаков. Софью наследницею!

Скотинин. Ее наследницею!

Г-жа Простакова *(бросаясь обнимать Софью)*. Поздравляю, Софьюшка! Поздравляю, душа моя! Я вне себя от радости! Теперь тебе надобен жених. Я, я лучшей невесты и Митрофанушке не желаю. То — то дядюшка! То-то отец родной! Я и сама все-таки думала, что Бог его хранит, что он еще здравствует.

Скотинин *(протянув руку)*. Ну, сестрица, скоряй же по рукам.

Г-жа Простакова *(тихо Скотинину)*. Постой, братец. Сперва надобно спросить ее, хочет ли еще она за тебя выйти?

Скотинин. Как! Что за вопрос! Неужто ты ей докладываться станешь?

Правдин. Позволите ли письмо дочитать?

Скотинин. А на что? Да хоть пять лет читай, лучше десяти тысяч не дочитаешь.

Г-жа Простакова *(к Софье)*. Софьюшка, душа моя! пойдем ко мне в спальню. Мне крайняя нужда с тобой поговорить. *(Увела Софью.)*

Скотинин. Ба! так я вижу, что сегодня сговорутo вряд и быть ли.

Явление VIII

Правдин, Простаков, Скотинин, слуга.

Слуга *(к Простакову, запыхавшись)*. Барин! барин! солдаты пришли, остановились в нашей деревне.

Простаков. Какая беда! Ну, разорят нас до конца!

Правдин. Чего вы испугались?

Простаков. Ах, отец родной! Мы уж видали виды. Я к ним и появиться не смею.

Правдин. Не бойтесь. Их, конечно, ведет офицер, который не допустит ни до какой наглости. Пойдем к нему со мной. Я уверен, что вы робеете напрасно.

Правдин, Простаков и слуга отходят.

Скотинин. Все меня одного оставили. Пойти было прогуляться на скотный двор.

Конец первого действия

Действие второе
Явление I

Правдин, Милон.

Милон. Как я рад, мой любезный друг, что нечаянно увиделся с тобою! Скажи, каким случаем…

Правдин. Как друг, открою тебе причину моего здесь пребывания. Я определен членом в здешнем наместничестве. Имею повеление объехать здешний округ; а притом, из собственного подвига сердца моего, не оставляю замечать тех злонравных невежд, которые, имея над людьми своими полную власть, употребляют ее во зло бесчеловечно. Ты знаешь образ мыслей нашего наместника. С какою ревностию помогает он страждущему человечеству! С каким усердием исполняет он тем самым человеколюбивые виды вышней власти! Мы в нашем краю сами испытали, что где наместник таков, каковым изображен наместник в Учреждении, там благосостояние обитателей верно и надежно. Я живу здесь уже три дни. Нашел помещика дурака бессчетного, а жену презлую фурию, которой адский нрав делает несчастье целого их дома. Ты что задумался,

мой друг, скажи мне, долго ль здесь останесся?

Милон. Через несколько часов иду отсюда.

Правдин. Что так скоро? Отдохни.

Милон. Не могу. Мне велено и солдат вести без промедления… да, сверх того, я сам горю нетерпением быть в Москве.

Правдин. Что причиною?

Милон. Открою тебе тайну сердца моего, любезный друг! Я влюблен и имею счастие быть любим. Больше полугода, как я в разлуке с тою, которая мне дороже всего на свете, и, что еще горестнее, ничего не слыхал я о ней во все это время. Часто, приписывая молчание ее холодности, терзался я горестию; но вдруг получил известие, которое меня поразило. Пишут ко мне, что, по смерти ее матери, какая-то дальняя родня увезла ее в свои деревни. Я не знаю: ни кто, ни куда. Может быть, она теперь в руках каких-нибудь корыстолюбцев, которые, пользуясь сиротством ее, содержат ее в тиранстве. От одной этой мысли я вне себя.

Правдин. Подобное бесчеловечие вижу и в здешнем доме. Ласкаюсь, однако, положить скоро границы злобе жены и глупости мужа. Я уведомил уже о всех здешних варварствах нашего начальника и не сумневаюсь, что унять их возьмутся меры.

Милон. Счастлив ты, мой друг, будучи в состоянии облегчать судьбу несчастных. Не знаю, что мне делать в горестном моем положении.

Правдин. Позволь мне спросить об ее имени.

Милон *(в восторге)*. А! вот она сама.

Явление II

Те же и Софья.

Софья *(в восхищении)*. Милон! тебя ли я вижу?

Правдин. Какое счастие!

Милон. Вот та, которая владеет моим сердцем. Любезная Софья! Скажи мне, каким случаем здесь нахожу тебя?

Софья. Сколько горестей терпела я со дня нашей разлуки! Бессовестные мои свойственники…

Правдин. Мой друг! Не спрашивай о том, что столько ей прискорбно… Ты узнаешь от меня, какие грубости…

Милон. Недостойные люди!

Софья. Сегодня, однако же, в первый раз здешняя хозяйка переменила со мною свой поступок. Услышав, что дядюшка мой делает меня наследницею, вдруг из грубой и бранчивой сделалась

ласковою до самой низкости, и я по всем ее обинякам вижу, что прочит меня в невесты своему сыну.

Милон *(с нетерпением)*. И ты не изъявила ей тот же час совершенного презрения?..

Софья. Нет…

Милон. И не сказала ей, что ты имеешь сердечные обязательства, что…

Софья. Нет.

Милон. А! теперь я вижу мою погибель. Соперник мой счастлив! Я не отрицаю в нем всех достоинств. Он, может быть, разумен, просвещен, любезен; но чтоб мог со мною сравниться в моей к тебе любви, чтоб…

Софья *(усмехаясь)*. Боже мой! Если б ты его увидел, ревность твоя довела б тебя до крайности!

Милон *(с негодованием)*. Я воображаю все его достоинствы.

Софья. Всех и вообразить не можешь. Он хотя и шестнадцати лет, а достиг уже до последней степени своего совершенства и дале не пойдет.

Правдин. Как дале не пойдет, сударыня? Он доучивает Часослов; а там, думать надобно, примутся и за Псалтырь.

Милон. Как! Таков-то мой соперник? А, любезная Софья, на что ты и шуткою меня терзаешь? Ты

знаешь, как легко страстный человек огорчается и малейшим подозрением.

Софья. Подумай же, как несчастно мое состояние! Я не могла и на это глупое предложение отвечать решительно. Чтоб избавиться от их грубости, чтоб иметь некоторую свободу, принуждена была я скрыть мое чувство.

Милон. Что ж ты ей отвечала?

Здесь Скотинин идет по театру, задумавшись, и никто его не видит.

Софья. Я сказала, что судьба моя зависит от воли дядюшкиной, что он сам сюда приехать обещал в письме своем, которого *(к Правдину)* не позволил вам дочитать господин Скотинин.

Милон. Скотинин!

Скотинин. Я!

Явление III

Те же и Скотинин.

Правдин. Как вы подкрались, господин Скотинин! Этого бы я от вас и не чаял.

Скотинин. Я проходил мимо вас. Услышал, что меня кличут, я и откликнулся. У меня такой обычай: кто вскрикнет — Скотинин! А я ему: я!

Что вы, братцы, и заправду? Я сам служивал в гвардии и отставлен капралом. Бывало, на съезжей в перекличке как закричат: Тарас Скотинин! А я во все горло: я!

Правдин. Мы вас теперь не кликали, и вы можете идти, куда шли.

Скотинин. Я никуда не шел, а брожу, задумавшись. У меня такой обычай, как что заберу в голову, то из нее гвоздем не выколотишь. У меня, слышь ты, что вошло в ум, тут и засело. О том вся и дума, то только и вижу во сне, как наяву, а наяву, как во сне.

Правдин. Что ж бы вас так теперь занимало?

Скотинин. Ох, братец, друг ты мой сердешный! Со мною чудеса творятся. Сестрица моя вывезла меня скоро-наскоро из моей деревни в свою, а коли так же проворно вывезет меня из своей деревни в мою, то могу пред целым светом по чистой совести сказать: ездил я ни по что, привез ничего.

Правдин. Какая жалость, господин Скотинин! Сестрица ваша играет вами, как мячиком.

Скотинин *(озлобясь).* Как мячиком? Оборони Бог! Да я и сам зашвырну ее так, что целой деревней в неделю не отыщут.

Софья. Ах, как вы рассердились!

Милон. Что с вами сделалось?

Скотинин. Сам ты, умный человек, порассуди. Привезла меня сестра сюда жениться. Теперь сама же подъехала с отводом: «Что-де тебе, братец, в жене; была бы де у тебя, братец, хорошая свинья». Нет, сестра! Я и своих поросят завести хочу. Меня не проведешь.

Правдин. Мне самому кажется, господин Скотинин, что сестрица ваша помышляет о свадьбе, только не о вашей.

Скотинин. Эка притча! Я другому не помеха. Всякий женись на своей невесте. Я чужу не трону, и мою чужой не тронь же. *(Софье.)* Ты не бось, душенька. Тебя у меня никто не перебьет.

Софья. Это что значит? Вот еще новое!

Милон *(вскричал)*. Какая дерзость!

Скотинин *(к Софье)*. Чего ж ты испугалась?

Правдин *(к Милану)*. Как ты можешь осердиться на Скотинина!

Софья *(Скотинину)*. Неужели суждено мне быть вашею женою?

Милон. Я насилу могу удержаться!

Скотинин. Суженого конем не объедешь, душенька! Тебе на свое счастье грех пенять. Ты будешь жить со мною припеваючи. Десять тысяч твоего доходу! Эко счастье привалило; да я столь-

ко родясь и не видывал; да я на них всех свиней со бела света выкуплю; да я, слышь ты, то сделаю, что все затрубят: в здешнем-де околотке и житье одним свиньям.

Правдин. Когда же у вас могут быть счастливы одни только скоты, то жене вашей от них и от вас будет худой покой.

Скотинин. Худой покой! ба! ба! ба! да разве светлиц у меня мало? Для нее одной отдам угольную с лежанкой. Друг ты мой сердешный! коли у меня теперь, ничего не видя, для каждой свинки клевок особливый, то жене найду светелку.

Милон. Какое скотское сравнение!

Правдин *(Скотинину).* Ничему не бывать, господин Скотинин! Я скажу вам, что сестрица ваша прочит ее за сынка своего.

Скотинин. Как! Племяннику перебивать у дяди! Да я его на первой встрече, как черта, изломаю. Ну, будь я свиной сын, если я не буду ее мужем или Митрофан уродом.

Явление IV

Те же, Еремеевна и Митрофан.

Еремеевна. Да поучись хоть немножечко.

Митрофан. Ну, еще слово молви, стара хрычовка! Уж я те отделаю; я опять нажалуюсь матушке, так она тебе изволит дать таску по-вчерашнему.

Скотинин. Подойди сюда, дружочек.

Еремеевна. Изволь подойди к дядюшке.

Митрофан. Здорово, дядюшка! Что ты так ощетиниться изволил?

Скотинин. Митрофан! Гляди на меня прямее.

Еремеевна. Погляди, батюшка.

Митрофан *(Еремеевне).* Да дядюшка что за невидальщина? Что на нем увидишь?

Скотинин. Еще раз: гляди на меня прямее.

Еремеевна. Да не гневи дядюшку. Вон, изволь посмотреть, батюшка, как он глазки-то вытаращил, и ты свои изволь так же вытаращить.

Скотинин и Митрофан, выпуча глаза, друг на друга смотрят.

Милон. Вот изрядное объяснение!

Правдин. Чем-то оно кончится?

Скотинин. Митрофан! Ты теперь от смерти на волоску. Скажи всю правду; если б я греха не побоялся, я бы те, не говоря еще ни слова, за ноги да об угол. Да не хочу губить души, не найдя виноватого.

Еремеевна *(задрожала).* Ах, уходит он его! Куда

моей голове деваться?

Митрофан. Что ты, дядюшка, белены объелся? Да я знать не знаю, за что ты на меня вскинуться изволил.

Скотинин. Смотри ж, не отпирайся, чтоб я в сердцах с одного разу не вышиб из тебя духу. Тут уж руки не подставишь. Мой грех. Виноват Богу и государю. Смотри, не клепли ж и на себя, чтоб напрасных побой не принять.

Еремеевна. Избави Бог напраслины!

Скотинин. Хочешь ли ты жениться?

Митрофан *(разнежась)*. Уж давно, дядюшка, берет охота…

Скотинин *(бросаясь на Митрофана)*. Ох ты чушка проклятая!..

Правдин *(не допуская Скотинина)*. Господин Скотинин! Рукам воли не давай.

Митрофан. Мамушка, заслони меня!

Еремеевна *(заслоня Митрофана, остервенясь и подняв кулаки)*. Издохну на месте, а дитя не выдам. Сунься, сударь, только изволь сунуться. Я те бельмы-то выцарапаю.

Скотинин *(задрожав и грозя, отходит)*. Я вас доеду!

Еремеевна *(задрожав, вслед)*. У меня и свои зацепы востры!

Митрофан *(вслед Скотинину)*. Убирайся, дядюшка, проваливай!

Явление V

Те же и оба Простаковы.

Г-жа Простакова *(мужу, идучи)*. Тут перевирать нечего. Весь век, сударь, ходишь, развеся уши.

Простаков. Да он сам с Правдиным из глаз у меня сгиб да пропал. Я чем виноват?

Г-жа Простакова *(к Милону)*. А, мой батюшка! Господин офицер! Я вас теперь искала по всей деревне; мужа с ног сбила, чтоб принести вам, батюшка, нижайшее благодарение за добрую команду.

Милон. За что, сударыня?

Г-жа Простакова. Как за что, мой батюшка! Солдаты такие добрые. До сих пор волоска никто не тронул. Не прогневайся, мой батюшка, что урод мой вас прозевал. Отроду никого угостить не смыслит. Уж так рохлею родился, мой батюшка.

Милон. Я нимало не пеняю, сударыня.

Г-жа Простакова. На него, мой батюшка, находит такой, по-здешнему сказать, столбняк. Ино — гда, выпуча глаза, стоит битый час как вкопан-

ный. Уж чего — то я с ним не делала; чего только он у меня не вытерпел! Ничем не проймешь. Ежели столбняк и попройдет, то занесет, мой батюшка, такую дичь, что у Бога просишь опять столбняка.

Правдин. По крайней мере, сударыня, вы не можете жаловаться на злой его нрав. Он смирен…

Г-жа Простакова. Как теленок, мой батюшка; оттого-то у нас в доме все и избаловано. Вить у него нет того смыслу, чтоб в доме была строгость, чтоб наказать путем виноватого. Все сама управляюсь, батюшка. С утра до вечера, как за язык повешена, рук не покладываю: то бранюсь, то дерусь; тем и дом держится, мой батюшка!

Правдин *(в сторону)*. Скоро будет он держаться иным образом.

Митрофан. И сегодни матушка все утро изволила провозиться с холопями.

Г-жа Простакова *(к Софье)*. Убирала покои для твоего любезного дядюшки. Умираю, хочу видеть этого почтенного старичка. Я об нем много наслышалась. И злодеи его говорят только, что он немножечко угрюм, а такой-де преразумный, да коли-де кого уж и полюбит, так прямо полюбит.

Правдин. А кого он невзлюбит, тот дурной человек. *(К Софье.)* Я и сам имею честь знать вашего

дядюшку. А, сверх того, от многих слышал об нем то, что вселило в душу мою истинное к нему почтение. Что называют в нем угрюмостью, грубостью, то есть одно действие его прямодушия. Отроду язык его не говорил *да*, когда душа его чувствовала *нет.*

Софья. Зато и счастье свое должен он был доставать трудами.

Г-жа Простакова. Милость Божия к нам, что удалось. Ничего так не желаю, как отеческой его милости к Митрофанушке. Софьюшка, душа моя! не изволишь ли посмотреть дядюшкиной комнаты?

Софья отходит.

Г-жа Простакова *(к Простакову)*. Опять зазевался, мой батюшка; да изволь, сударь, проводить ее. Ноги-то не отнялись.

Простаков *(отходя)*. Не отнялись, да подкосились.

Г-жа Простакова *(к гостям)*. Одна моя забота, одна моя отрада — Митрофанушка. Мой век проходит. Его готовлю в люди.

Здесь появляются Кутейкин с Часословом, а Цыфиркин с аспидной доскою и грифелем. Оба они знаками спрашивают Еремеевну: входить ли?

Она их манит, а Митрофан отмахивает.

Г-жа Простакова *(не видя их, продолжает).* Авось-либо Господь милостив, и счастье на роду ему написано.

Правдин. Оглянитесь, сударыня, что за вами делается?

Г-жа Простакова. А! Это, батюшка, Митрофанушкины учители, Сидорыч Кутейкин…

Еремеевна. И Пафнутьич Цыфиркин.

Митрофан *(в сторону).* Пострел их побери и с Еремеевной.

Кутейкин. Дому владыке мир и многая лета с чады и домочадцы.

Цыфиркин. Желаем вашему благородию здравствовать сто лет, да двадцать, да еще пятнадцать. Несчетны годы.

Милон. Ба! Это наш брат служивый! Откуда взялся, друг мой?

Цыфиркин. Был гарнизонный, ваше благородие! А ныне пошел в чистую.

Милон. Чем же ты питаешься?

Цыфиркин. Да кое-как, ваше благородие! Малу толику арихметике маракую, так питаюсь в городе около приказных служителей у счетных дел. Не всякому открыл Господь науку: так кто сам не смыслит, меня нанимает то счетец поверить,

то итоги подвести. Тем и питаюсь; праздно жить не люблю. На досуге ребят обучаю. Вот и у их благородия с парнем третий год над ломаными бьемся, да что-то плохо клеятся; ну, и то правда, человек на человека не приходит.

Г-жа Простакова. Что? Что ты это, Пафнутьич, врешь? Я не вслушалась.

Цыфиркин. Так. Я его благородию докладывал, что в иного пня в десять лет не вдолбишь того, что другой ловит на полете.

Правдин *(к Кутейкину).* А ты, господин Кутейкин, не из ученых ли?

Кутейкин. Из ученых, ваше высокородие! Семинарии здешния епархии. Ходил до риторики, да, Богу изволившу, назад воротился. Подавал в консисторию челобитье, в котором прописал: «Такой-то де семинарист, из церковничьих детей, убоялся бездны премудрости, просит от нея об увольнении». На что и милостивая резолюция вскоре воспоследовала, с отметкою: «Такого-то де семинариста от всякого учения уволить: писано бо есть, не мечите бисера пред свиниями, да не попрут его ногами».

Г-жа Простакова. Да где наш Адам Адамыч?

Еремеевна. Я и к нему было толкнулась, да насилу унесла ноги. Дым столбом, моя матушка!

Задушил, проклятый, табачищем. Такой греховодник.

Кутейкин. Пустое, Еремеевна! Несть греха в курении табака.

Правдин *(в сторону)*. Кутейкин еще и умничает!

Кутейкин. Во многих книгах разрешается: во Псалтире именно напечатано: «И злак на службу человеком».

Правдин. Ну, а еще где?

Кутейкин. И в другой Псалтире напечатано то же. У нашего протопопа маленька в осьмушку, и в той то же.

Правдин *(к г-же Простаковой)*. Я не хочу мешать упражнениям сына вашего; слуга покорный.

Милон. Ни я, сударыня.

Г-жа Простакова. Куда ж вы, государи мои?..

Правдин. Я поведу его в мою комнату. Друзья, давно не видавшись, о многом говорить имеют.

Г-жа Простакова. А кушать где изволите, с нами или в своей комнате? У нас за столом только что своя семья, с Софьюшкой…

Милон. С вами, с вами, сударыня.

Правдин. Мы оба эту честь иметь будем.

Явление VI

Г-жа Простакова, Еремеевна, Митрофан, Кутейкин и Цыфиркин.

Г-жа Простакова. Ну, так теперь хотя по-русски прочти зады, Митрофанушка.

Митрофан. Да, зады, как не так.

Г-жа Простакова. Век живи, век учись, друг мой сердешный! Такое дело.

Митрофан. Как не такое! Пойдет на ум ученье. Ты б еще навезла сюда дядюшек!

Г-жа Простакова. Что? Что такое?

Митрофан. Да! того и смотри, что от дядюшки таска; а там с его кулаков да за Часослов. Нет, так я, спасибо, уж один конец с собою!

Г-жа Простакова *(испугавшись).* Что, что ты хочешь делать? Опомнись, душенька!

Митрофан. Вить здесь и река близко. Нырну, так поминай как звали.

Г-жа Простакова *(вне себя).* Уморил! Уморил! Бог с тобой!

Еремеевна. Все дядюшка напугал. Чуть было в волоски ему не вцепился. А ни за что… ни про что…

Г-жа Простакова *(в злобе)*. Ну…

Еремеевна. Пристал к нему: хочешь ли жениться?..

Г-жа Простакова. Ну…

Еремеевна. Дитя не потаил, уж давно-де, дядюшка, охота берет. Как он остервенится, моя матушка, как вскинется!..

Г-жа Простакова *(дрожа)*. Ну… а ты, бестия, остолбенела, а ты не впилась братцу в харю, а ты не раздернула ему рыла по уши…

Еремеевна. Приняла было! Ох, приняла, да…

Г-жа Простакова. Да… да что… не твое дитя, бестия! По тебе робенка хоть убей до смерти.

Еремеевна. Ах, Создатель, спаси и помилуй! Да кабы братец в ту ж минуту отойти не изволил, то б я с ним поломалась. Вот что б Бог не поставил. Притупились бы эти *(указывая на ногти)*, я б и клыков беречь не стала.

Г-жа Простакова. Все вы, бестии, усердны на одних словах, а не на деле…

Еремеевна *(заплакав)*. Я не усердна вам, матушка! Уж как больше служить, не знаешь… рада бы не токмо что… живота не жалеешь… а все не угодно.

Кутейкин. Нам восвояси повелите?

Цыфиркин. Нам куда поход, ваше благородие?

Г-жа Простакова. Ты же еще, старая ведьма, и разревелась. Поди, накорми их с собою, а после обеда тотчас опять сюда. *(К Митрофану.)* Пойдем со мною, Митрофанушка. Я тебя из глаз теперь не выпущу. Как скажу я тебе нещечко, так пожить на свете слюбится. Не век тебе, моему другу, не век тебе учиться. Ты, благодаря Бога, столько уже смыслишь, что и сам взведешь деточек. *(К Еремеевне.)* С братцем переведаюсь не по-твоему. Пусть же все добрые люди увидят, что мама и что мать родная. *(Отходит с Митрофаном.)*

Кутейкин. Житье твое, Еремеевна, яко тьма кромешная. Пойдем-ка за трапезу, да с горя выпей сперва чарку…

Цыфиркин. А там другую, вот те и умноженье.

Еремеевна *(в слезах).* Нелегкая меня не приберет! Сорок лет служу, а милость все та же…

Кутейкин. А велика ль благостыня?

Еремеевна. По пяти рублей на год да по пяти пощечин на день.

Кутейкин и Цыфиркин отводят ее под руки.

Цыфиркин. Смекнем же за столом, что тебе доходу в круглый год.

Конец второго действия.

Действие третье
Явление I

Стародум и Правдин.

Правдин. Лишь только из-за стола встали, и я, подошед к окну, увидел вашу карету, то, не сказав никому, выбежал к вам навстречу обнять вас от всего сердца. Мое к вам душевное почтение…

Стародум. Оно мне драгоценно. Поверь мне.

Правдин. Ваша ко мне дружба тем лестнее, что вы не можете иметь ее к другим, кроме таких…

Стародум. Каков ты. Я говорю без чинов. Начинаются чины — перестает искренность.

Правдин. Ваше обхождение…

Стародум. Ему многие смеются. Я это знаю. Быть так. Отец мой воспитал меня по-тогдашнему, а я не нашел и нужды себя перевоспитывать. Служил он Петру Великому. Тогда один человек назывался *ты*, а не *вы*. Тогда не знали еще заражать людей столько, чтоб всякий считал себя за многих. Зато нонче многие не стоят одного. Отец мой у двора Петра Великого…

Правдин. А я слышал, что он в военной службе…

Стародум. В тогдашнем веке придворные были воины, да воины не были придворные. Воспитание дано мне было отцом моим по тому веку наилучшее. В то время к научению мало было способов, да и не умели еще чужим умом набивать пустую голову.

Правдин. Тогдашнее воспитание действительно состояло в нескольких правилах…

Стародум. В одном. Отец мой непрестанно мне твердил одно и то же: имей сердце, имей душу, и будешь человек во всякое время. На все прочее мода: на умы мода, на знания мода, как на пряжки, на пуговицы.

Правдин. Вы говорите истину. Прямое достоинство в человеке есть душа…

Стародум. Без нее просвещеннейшая умница — жалкая тварь. *(С чувством.)* Невежда без души — зверь. Самый мелкий подвиг ведет его во всякое преступление. Между тем, что он делает, и тем, для чего он делает, никаких весков у него нет. От таких-то животных пришел я свободить…

Правдин. Вашу племянницу. Я это знаю. Она здесь. Пойдем…

Стародум. Постой. Сердце мое кипит еще негодованием на недостойный поступок здешних хозяев. Побудем здесь несколько минут. У меня

правило: в первом движении ничего не начинать.

Правдин. Редкие правило ваше наблюдать умеют.

Стародум. Опыты жизни моей меня к тому приучили. О, если б я ранее умел владеть собою, я имел бы удовольствие служить долее отечеству.

Правдин. Каким же образом? Происшествии с человеком ваших качеств никому равнодушны быть не могут. Вы меня крайне одолжите, если расскажете…

Стародум. Я ни от кого их не таю для того, чтоб другие в подобном положении нашлись меня умнее. Вошед в военную службу, познакомился я с молодым графом, которого имени я и вспомнить не хочу. Он был по службе меня моложе, сын случайного отца, воспитан в большом свете и имел особливый случай научиться тому, что в наше воспитание еще и не входило. Я все силы употребил снискать его дружбу, чтоб всегдашним с ним обхождением наградить недостатки моего воспитания. В самое то время, когда взаимная наша дружба утверждалась, услышали мы нечаянно, что объявлена война. Я бросился обнимать его с радостию. «Любезный граф! вот случай нам отличить себя. Пойдем тотчас в армию и сдела-

емся достойными звания дворянина, которое нам дала порода». Вдруг мой граф сильно наморщился и, обняв меня, сухо: «Счастливый тебе путь, — сказал мне, — а я ласкаюсь, что батюшка не захочет со мною расстаться». Ни с чем нельзя сравнить презрения, которое ощутил я к нему в ту же минуту. Тут увидел я, что между людьми случайными и людьми почтенными бывает иногда неизмеримая разница, что в большом свете водятся премелкие души и что с великим просвещением можно быть великому скареду.

Правдин. Сущая истина.

Стародум. Оставя его, поехал я немедленно, куда звала меня должность. Многие случаи имел я отличать себя. Раны мои доказывают, что я их и не пропускал. Доброе мнение обо мне начальников и войска было лестною наградою службы моей, как вдруг получил я известие, что граф, прежний мой знакомец, о котором я гнушался вспоминать, произведен чином, а обойден я, я, лежавший тогда от ран в тяжкой болезни. Такое неправосудие растерзало мое сердце, и я тотчас взял отставку.

Правдин. Что ж бы иное и делать надлежало?

Стародум. Надлежало образумиться. Не умел я остеречься от первых движений раздраженно-

го моего любочестия. Горячность не допустила меня тогда рассудить, что прямо любочестивый человек ревнует к делам, а не к чинам; что чины нередко выпрашиваются, а истинное почтение необходимо заслуживается; что гораздо честнее быть без вины обойдену, нежели без заслуг пожалованну.

Правдин. Но разве дворянину не позволяется взять отставки ни в каком уже случае?

Стародум. В одном только: когда он внутренне удостоверен, что служба его отечеству прямой пользы не приносит! А! тогда поди.

Правдин. Вы даете чувствовать истинное существо должности дворянина.

Стародум. Взяв отставку, приехал я в Петербург. Тут слепой случай завел меня в такую сторону, о которой мне отроду и в голову не приходило.

Правдин. Куда же?

Стародум. Ко двору. Меня взяли ко двору. А? Как ты об этом думаешь?

Правдин. Как же вам эта сторона показалась?

Стародум. Любопытна. Первое показалось мне странно, что в этой стороне по большой прямой дороге никто почти не ездит, а все объезжают крюком, надеясь доехать поскорее.

Правдин. Хоть крюком, да просторна ли до-

рога?

Стародум. А такова-то просторна, что двое, встретясь, разойтиться не могут. Один другого сваливает, и тот, кто на ногах, не поднимает уже никогда того, кто на земи.

Правдин. Так поэтому тут самолюбие…

Стародум. Тут не самолюбие, а, так называть, себялюбие. Тут себя любят отменно; о себе одном пекутся; об одном настоящем часе суетятся. Ты не поверишь. Я видел тут множество людей, которым во все случаи их жизни ни разу на мысль не приходили ни предки, ни потомки.

Правдин. Но те достойные люди, которые у двора служат государству…

Стародум. О! те не оставляют двора для того, что они двору полезны, а прочие для того, что двор им полезен. Я не был в числе первых и не хотел быть в числе последних.

Правдин. Вас, конечно, у двора не узнали?

Стародум. Тем для меня лучше. Я успел убраться без хлопот, а то бы выжили ж меня одним из двух манеров.

Правдин. Каких?

Стародум. От двора, мой друг, выживают двумя манерами. Либо на тебя рассердятся, либо тебя рассердят. Я не стал дожидаться ни того, ни

другого. Рассудил, что лучше вести жизнь у себя дома, нежели в чужой передней.

Правдин. Итак, вы отошли от двора ни с чем? *(Открывает свою табакерку.)*

Стародум *(берет у Правдина табак)*. Как ни с чем? Табакерке цена пятьсот рублев. Пришли к купцу двое. Один, заплатя деньги, принес домой табакерку. Другой пришел домой без табакерки. И ты думаешь, что другой пришел домой ни с чем? Ошибаешься. Он принес назад свои пятьсот рублев целы. Я отошел от двора без деревень, без ленты, без чинов, да мое принес домой неповрежденно, мою душу, мою честь, мои правилы.

Правдин. С вашими правилами людей не отпускать от двора, а ко двору призывать надобно.

Стародум. Призывать? А зачем?

Правдин. Затем, зачем к больным врача призывают.

Стародум. Мой друг! Ошибаешься. Тщетно звать врача к больным неисцельно. Тут врач не пособит, разве сам заразится.

Явление II

Те же и Софья.

Софья *(к Правдину)*. Сил моих не стало от их шуму.

Стародум *(в сторону)*. Вот черты лица ее матери. Вот моя Софья.

Софья *(смотря на Стародума)*. Боже мой! Он меня назвал. Сердце мое меня не обманывает…

Стародум *(обняв ее)*. Нет. Ты дочь моей сестры, дочь сердца моего!

Софья *(бросаясь в его объятия)*. Дядюшка! Я вне себя с радости.

Стародум. Любезная Софья! Я узнал в Москве, что ты живешь здесь против воли. Мне на свете шестьдесят лет. Случалось быть часто раздраженным, ино-гда быть собой довольным. Ничто так не терзало мое сердце, как невинность в сетях коварства. Никогда не бывал я так собой доволен, как если случалось из рук вырвать добычь от порока.

Правдин. Сколь приятно быть тому и свидетелем!

Софья. Дядюшка! ваши ко мне милости…

Стародум. Ты знаешь, что я одной тобой привязан к жизни. Ты должна делать утешение моей старости, а мои попечении твое счастье. Пошед в отставку, положил я основание твоему воспитанию, но не мог иначе основать твоего состояния,

как разлучась с твоей матерью и с тобою.

Софья. Отсутствие ваше огорчало нас несказанно.

Стародум *(к Правдину)*. Чтоб оградить ее жизнь от недостатку в нужном, решился я удалиться на несколько лет в ту землю, где достают деньги, не променивая их на совесть, без подлой выслуги, не грабя отечества; где требуют денег от самой земли, которая поправосуднее людей, лицеприятия не знает, а платит одни труды верно и щедро.

Правдин. Вы могли б обогатиться, как я слышал, несравненно больше.

Стародум. А на что?

Правдин. Чтоб быть богату, как другие.

Стародум. Богату! А кто богат? Да ведаешь ли ты, что для прихотей одного человека всей Сибири мало! Друг мой! Все состоит в воображении. Последуй природе, никогда не будешь беден. Последуй людским мнениям, никогда богат не будешь.

Софья. Дядюшка! Какую правду вы говорите!

Стародум. Я нажил столько, чтоб при твоем замужестве не остановляла нас бедность жениха достойного.

Софья. Во всю жизнь мою ваша воля будет мой закон.

Правдин. Но, выдав ее, не лишнее было бы оставить и детям…

Стародум. Детям? Оставлять богатство детям? В голове нет. Умны будут — без него обойдутся; а глупому сыну не в помощь богатство. Видал я молодцов в золотых кафтанах, да с свинцовой головою. Нет, мой друг! Наличные деньги — не наличные достоинства. Золотой болван — все болван.

Правдин. Со всем тем мы видим, что деньги нередко ведут к чинам, чины обыкновенно к знатности, а знатным оказывается почтение.

Стародум. Почтение! Одно почтение должно быть лестно человеку — душевное; а душевного почтения достоин только тот, кто в чинах не по деньгам, а в знати не по чинам.

Правдин. Заключение ваше неоспоримо.

Стародум. Ба! Это что за шум!

Явление III

Те же, г-жа Простакова, Скотинин, Милон.

Милон разнимает г-жу Простакову со Скотининым.

Г-жа Простакова. Пусти! Пусти, батюшка! Дай

мне до рожи, до рожи…

Милон. Не пущу, сударыня. Не прогневайся!

Скотинин *(в запальчивости, оправляя парик)*. Отвяжись, сестра! Дойдет дело до ломки, погну, так затрещишь.

Милон *(г-же Простаковой)*. И вы забыли, что он вам брат!

Г-жа Простакова. Ах, батюшка! Сердце взяло, дай додраться!

Милон *(Скотинину)*. Разве она вам не сестра?

Скотинин. Что греха таить, одного помету, да вишь как развизжалась.

Стародум *(не могши удержаться от смеха, к Правдину)*. Я боялся рассердиться. Теперь смех меня берет.

Г-жа Простакова. Кого-то, над кем-то? Это что за выезжий?

Стародум. Не прогневайся, сударыня. Я на роду ничего смешнее не видывал.

Скотинин *(держась за шею)*. Кому смех, а мне и полсмеха нет.

Милон. Да не ушибла ль она вас?

Скотинин. Перед-от заслонял обеими, так вцепилась в зашеину…

Правдин. И больно?..

Скотинин. Загривок немного пронозила.

В следующую речь г-жи Простаковой Софья сказывает взорами Милону, что перед ним Стародум. Милон ее понимает.

Г-жа Простакова. Пронозила!.. Нет, братец, ты должен образ выменить господина офицера; а кабы не он, то б ты от меня не заслонился. За сына вступлюсь. Не спущу отцу родному. *(Стародуму.)* Это, сударь, ничего и не смешно. Не прогневайся. У меня материно сердце. Слыхано ли, чтоб сука щенят своих выдавала? Изволил пожаловать неведомо к кому, неведомо кто.

Стародум *(указывая на Софью)*. Приехал к ней, ее дядя, Стародум.

Г-жа Простакова *(обробев и иструсясь)*. Как! Это ты! Ты, батюшка! Гость наш бесценный! Ах, я дура бессчетная! Да так ли бы надобно было встретить отца родного, на которого вся надежда, который у нас один, как порох в глазе. Батюшка! Прости меня. Я дура. Образумиться не могу. Где муж? Где сын? Как в пустой дом приехал! Наказание Божие! Все обезумели. Девка! Девка! Палашка! Девка!

Скотинин *(в сторону)*. То-то, он-то, дядюшка-то!

Явление IV

Те же и Еремеевна.

Еремеевна. Чего изволишь?

Г-жа Простакова. А ты разве девка, собачья ты дочь? Разве у меня в доме, кроме твоей скверной хари, и служанок нет? Палашка где?

Еремеевна. Захворала, матушка, лежит с утра.

Г-жа Простакова. Лежит! Ах, она бестия! Лежит! Как будто благородная!

Еремеевна. Такой жар рознял, матушка, без умолку бредит…

Г-жа Простакова. Бредит, бестия! Как будто благородная! Зови же ты мужа, сына. Скажи им, что, по милости Божией, дождались мы дядюшку любезной нашей Софьюшки; что второй наш родитель к нам теперь пожаловал, по милости Божией. Ну, беги, переваливайся!

Стародум. К чему так суетиться, сударыня? По милости Божией, я ваш не родитель; по милости же Божией, я вам и незнаком.

Г-жа Простакова. Нечаянный твой приезд, батюшка, ум у меня отнял; да дай хоть обнять тебя хорошенько, благодетель наш!..

Явление V

Те же, Простаков, Митрофан и Еремеевна.

В следующую речь Стародума Простаков с сыном, вышедшие из средней двери, стали позади Стародума. Отец готов его обнять, как скоро дойдет очередь, а сын подойти к руке. Еремеевна взяла место в стороне и, сложа руки, стала как вкопанная, выпяля глаза на Стародума, с рабским подобострастием.

Стародум *(обнимая неохотно г-жу Простакову)*. Милость совсем лишняя, сударыня! Без нее мог бы я весьма легко обойтись. *(Вырвавшись из рук ее, обертывается на другую сторону, где Скотинин, стоящий уже с распростертыми руками, тотчас его схватывает.)* Это к кому я попался?

Скотинин. Это я, сестрин брат.

Стародум *(увидя еще двух, с нетерпением)*. А это кто еще?

Простаков *(обнимая)*. Я женин муж.

Митрофан *(ловя руку)*. А я матушкин сынок.

Милон *(Правдину)*. Теперь я не представлюсь.

Правдин *(Милону)*. Я найду случай представить тебя после.

Стародум *(не давая руки Митрофану).* Этот ловит целовать руку. Видно, что готовят в него большую душу.

Г-жа Простакова. Говори, Митрофанушка. Как — де, сударь, мне не целовать твоей ручки? Ты мой второй отец.

Митрофан. Как не целовать, дядюшка, твоей ручки. Ты мой отец… *(К матери.)* Который бишь?

Г-жа Простакова. Второй.

Митрофан. Второй? Второй отец, дядюшка.

Стародум. Я, сударь, тебе ни отец, ни дядюшка.

Г-жа Простакова. Батюшка, вить робенок, может быть, свое счастье прорекает: авось-либо сподобит Бог быть ему и впрямь твоим племянничком.

Скотинин. Право! А я чем не племянник? Ай, сестра!

Г-жа Простакова. Я, братец, с тобою лаяться не стану. *(К Стародуму.)* Отроду, батюшка, ни с кем не бранивалась. У меня такой нрав. Хоть разругай, век слова не скажу. Пусть же, себе на уме, Бог тому заплатит, кто меня, бедную, обижает.

Стародум. Я это приметил, как скоро ты, сударыня, из дверей показалась.

Правдин. А я уже три дни свидетелем ее доб-

ронравия.

Стародум. Этой забавы я так долго иметь не могу. Софьюшка, друг мой, завтра же поутру еду с тобой в Москву.

Г-жа Простакова. Ах, батюшка! За что такой гнев?

Простаков. За что немилость?

Г-жа Простакова. Как! Нам расстаться с Софьюшкой! С сердечным нашим другом! Я с одной тоски хлеба отстану.

Простаков. А я уже тут сгиб да пропал.

Стародум. О! Когда же вы так ее любите, то должен я вас обрадовать. Я везу ее в Москву для того, чтоб сделать ее счастье. Мне представлен в женихи ее некто молодой человек больших достоинств. За него ее и выдам.

Г-жа Простакова. Ах, уморил!

Милон. Что я слышу?

Софья кажется пораженною.

Скотинин. Вот те раз!

Простаков всплеснул руками.

Митрофан. Вот тебе на!

Еремеевна печально кивнула головою. Правдин показывает вид огорченного удивления.

Стародум *(приметя всех смятение).* Что это значит? *(К Софье.)* Софьюшка, друг мой, и ты мне кажешься в смущении? Неужель мое намерение тебя огорчило? Я заступаю место отца твоего. Поверь мне, что я знаю его права. Они нейдут далее, как отвращать несчастную склонность дочери, а выбор достойного человека зависит совершенно от ее сердца. Будь спокойна, друг мой! Твой муж, тебя достойный, кто б он ни был, будет иметь во мне истинного друга. Поди за кого хочешь.

Все принимают веселый вид.

Софья. Дядюшка! Не сумневайтесь в моем повиновении.

Милон *(в сторону).* Почтенный человек!

Г-жа Простакова *(с веселым видом).* Вот отец! Вот послушать! Поди за кого хочешь, лишь бы человек ее стоил. Так, мой батюшка, так. Тут лишь только женихов пропускать не надобно. Коль есть в глазах дворянин, малый молодой…

Скотинин. Из ребят давно уж вышел…

Г-жа Простакова. У кого достаточек, хоть и небольшой…

Скотинин. Да свиной завод не плох…

Г-жа Простакова. Так и в добрый час в архангельский.

Скотинин. Так веселым пирком, да за свадебку.

Стародум. Советы ваши беспристрастны. Я это вижу.

Скотинин. То ль еще увидишь, как опознаешь меня покороче. Вишь ты, здесь содомно. Через час место приду к тебе один. Тут дело и сладим. Скажу, не похвалясь: каков я, право, таких мало. *(Отходит.)*

Стародум. Это всего вероятнее.

Г-жа Простакова. Ты, мой батюшка, не диви на братца…

Стародум. А он ваш братец?

Г-жа Простакова. Родной, батюшка. Вить и я по отце Скотининых. Покойник батюшка женился на покойнице матушке. Она была по прозванию Приплодиных. Нас, детей, было с них восемнадцать человек; да, кроме меня с братцем, все, по власти Господней, примерли. Иных из бани мертвых вытащили. Трое, похлебав молочка из медного котлика, скончались. Двое о Святой неделе с колокольни свалились; а достальные сами не стояли, батюшка.

Стародум. Вижу, каковы были и родители ваши.

Г-жа Простакова. Старинные люди, мой отец!

Не нынешний был век. Нас ничему не учили. Бывало, добры люди приступят к батюшке, ублажают, ублажают, чтоб хоть братца отдать в школу. К статью ли, покойник-свет и руками и ногами, Царство ему Небесное! Бывало, изволит закричать: прокляну ребенка, который что-нибудь переймет у басурманов, и не будь тот Скотинин, кто чему-нибудь учиться захочет.

Правдин. Вы, однако ж, своего сынка кое-чему обучаете.

Г-жа Простакова *(к Правдину).* Да ныне век другой, батюшка! *(К Стародуму.)* Последних крох не жалеем, лишь бы сына всему выучить. Мой Митрофанушка из-за книги не встает по суткам. Материно мое сердце. Иное жаль, жаль, да подумаешь: зато будет и детина хоть куда. Вить вот уж ему, батюшка, шестнадцать лет исполнится около зимнего Николы. Жених хоть кому, а все-таки учители ходят, часа не теряет, и теперь двое в сенях дожидаются. *(Мигнула Еремеевне, чтоб их позвать.)* В Москве же: приняли иноземца на пять лет и, чтоб другие не сманили, контракт в полиции заявили. Подрядился учить, чему мы хотим, а по нас учи, чему сам умеешь. Мы весь родительский долг исполнили, немца приняли и деньги по третям наперед ему платим. Желала б я

душевно, чтоб ты сам, батюшка, полюбовался на Митрофанушку и посмотрел бы, что он выучил.

Стародум. Я худой тому судья, сударыня.

Г-жа Простакова *(увидя Кутейкина и Цыфиркина)*. Вот и учители! Митрофанушка мой ни днем, ни ночью покою не имеет. Свое дитя хвалить дурно, а куда не бессчастна будет та, которую приведет Бог быть его женою.

Правдин. Это все хорошо; не забудьте, однако ж, сударыня, что гость ваш теперь только из Москвы приехал и что ему покой гораздо нужнее похвал вашего сына.

Стародум. Признаюсь, что я рад бы отдохнуть и от дороги, и от всего того, что слышал и что видел.

Г-жа Простакова. Ах, мой батюшка! Все готово. Сама для тебя комнату убирала.

Стародум. Благодарен. Софьюшка, проводи же меня.

Г-жа Простакова. А мы-то что? Позволь, мой батюшка, проводить себя и мне, и сыну, и мужу. Мы все за твое здоровье в Киев пешком обещаемся, лишь бы дельце наше сладить.

Стародум *(к Правдину)*. Когда же мы увидимся? Отдохнув, я сюда приду.

Правдин. Так я здесь и буду иметь честь вас

видеть.

Стародум. Рад душою. *(Увидя Милона, который ему с почтением поклонился, откланивается и ему учтиво.)*

Г-жа Простакова. Так милости просим.

Кроме учителей, все отходят. Правдин с Милоном в сторону, а прочие в другую.

Явление VI

Кутейкин и Цыфиркин.

Кутейкин. Что за бесовщина! С самого утра толку не добьешься. Здесь каждое утро процветет и погибнет.

Цыфиркин. А наш брат и век так живет. Дела не делай, от дела не бегай. Вот беда нашему брату, как кормят плохо, как сегодни к здешнему обеду провианту не стало…

Кутейкин. Да кабы не умудрил и меня Владыко, шедши сюда, забрести на перепутье к нашей просвирне, взалках бы, яко пес ко вечеру.

Цыфиркин. Здешни господа добры командеры!..

Кутейкин. Слыхал ли ты, братец, каково житье — то здешним челядинцам; даром, что ты

служивый, бывал на баталиях, страх и трепет приидет на тя…

Цыфиркин. Вот на! Слыхал ли? Я сам видал здесь беглый огонь в сутки сряду часа по три. *(Вздохнув.)* Охти мне! Грусть берет.

Кутейкин *(вздохнув)*. О, горе мне, грешному!

Цыфиркин. О чем вздохнул, Сидорыч?

Кутейкин. И в тебе смятеся сердце твое, Пафнутьевич?

Цыфиркин. За неволю призадумаешься… Дал мне Бог ученичка, боярского сынка. Бьюсь с ним третий год: трех перечесть не умеет.

Кутейкин. Так у нас одна кручина. Четвертый год мучу свой живот. По сесть час, кроме задов, новой строки не разберет; да и зады мямлит, прости Господи, без складу по складам, без толку по толкам.

Цыфиркин. А кто виноват? Лишь он грифель в руки, а немец в двери. Ему шабаш из-за доски, а меня ради в толчки.

Кутейкин. Тут мой ли грех? Лишь указку в персты, басурман в глаза. Ученичка по головке, а меня по шее.

Цыфиркин *(с жаром)*. Я дал бы себе ухо отнести, лишь бы этого тунеядца прошколить по-солдатски.

Кутейкин. Меня хоть теперь шелепами, лишь бы выю грешничу путем накостылять.

Явление VII

Те же, г-жа Простакова и Митрофан.

Г-жа Простакова. Пока он отдыхает, друг мой, ты хоть для виду поучись, чтоб дошло до ушей его, как ты трудишься, Митрофанушка.

Митрофан. Ну! А там что?

Г-жа Простакова. А там и женисся.

Митрофан. Слушай, матушка. Я те потешу. Поучусь; только чтоб это был последний раз и чтоб сегодня ж быть сговору.

Г-жа Простакова. Придет час воли Божией!

Митрофан. Час моей воли пришел. Не хочу учиться, хочу жениться. Ты ж меня взманила, пеняй на себя. Вот я сел.

Цыфиркин очинивает грифель.

Г-жа Простакова. А я тут же присяду. Кошелек повяжу для тебя, друг мой! Софьюшкины денежки было б куды класть…

Митрофан. Ну! Давай доску, гарнизонна крыса! Задавай, что писать.

Цыфиркин. Ваше благородие, завсегда без дела

лаяться изволите.

Г-жа Простакова *(работая).* Ах, Господи Боже мой! Уж ребенок не смей и избранить Пафнутьича! Уж и разгневался!

Цыфиркин. За что разгневаться, ваше благородие? У нас российская пословица: собака лает, ветер носит.

Митрофан. Задавай же зады, поворачивайся.

Цыфиркин. Всё зады, ваше благородие. Вить с задами-то век назади останесся.

Г-жа Простакова. Не твое дело, Пафнутьич. Мне очень мило, что Митрофанушка вперед шагать не любит. С его умом, да залететь далеко, да и Боже избави!

Цыфиркин. Задача. Изволил ты, на приклад, идти по дороге со мною. Ну, хоть возьмем с собою Сидорыча. Нашли мы трое…

Митрофан *(пишет).* Трое.

Цыфиркин. На дороге, на приклад же, триста рублев.

Митрофан *(пишет).* Триста.

Цыфиркин. Дошло дело до дележа. Смекни-тко, по чему на брата?

Митрофан *(вычисляя, шепчет).* Единожды три — три. Единожды ноль — ноль. Единожды ноль — ноль.

Г-жа Простакова. Что, что до дележа?

Митрофан. Вишь, триста рублев, что нашли, троим разделить.

Г-жа Простакова. Врет он, друг мой сердечный! Нашел деньги, ни с кем не делись. Все себе возьми, Митрофанушка. Не учись этой дурацкой науке.

Митрофан. Слышь, Пафнутьич, задавай другую.

Цыфиркин. Пиши, ваше благородие. За ученье жалуете мне в год десять рублев.

Митрофан. Десять.

Цыфиркин. Теперь, правда, не за что, а кабы ты, барин, что-нибудь у меня перенял, не грех бы тогда было и еще прибавить десять.

Митрофан *(пишет).* Ну, ну, десять.

Цыфиркин. Сколько ж бы на год?

Митрофан *(вычисляя, шепчет).* Нуль да нуль — нуль. Один да один… *(Задумался.)*

Г-жа Простакова. Не трудись по-пустому, друг мой! Гроша не прибавлю; да и не за что. Наука не такая. Лишь тебе мученье, а все, вижу, пустота. Денег нет — что считать? Деньги есть — сочтем и без Пафнутьича хорошохонько.

Кутейкин. Шабаш, право, Пафнутьич. Две задачи решены. Вить на поверку приводить не

станут.

Митрофан. Не бось, брат. Матушка тут сама не ошибется. Ступай-ка ты теперь, Кутейкин, проучи вчерашнее.

Кутейкин *(открывает Часослов, Митрофан берет указку)*. Начнем благословясь. За мною, со вниманием. «Аз же есмь червь…»

Митрофан. «Аз же есмь червь…»

Кутейкин. Червь, сиречь животина, скот. Сиречь: аз есмь скот.

Митрофан. «Аз есмь скот».

Кутейкин *(учебным голосом)*. «А не человек».

Митрофан *(так же)*. «А не человек».

Кутейкин. «Поношение человеков».

Митрофан. «Поношение человеков».

Кутейкин. «И уни…»

Явление VIII

Те же и Вральман.

Вральман. Ай! ай! ай! ай! ай! Теперь-то я фижу! Умарит хатят репенка! Матушка ты мая! Сшалься нат сфаей утропой, катора тефять месесоф таскала, — так скасать, асмое тифа ф сфете. Тай фолю этим преклятым слатеям. Ис такой калафы толго

ль палфан? Уш диспозисион[1] уш фсё есть.

Г-жа Простакова. Правда. Правда твоя, Адам Адамыч! Митрофанушка, друг мой, коли ученье так опасно для твоей головушки, так по мне перестань.

Митрофан. А по мне и подавно.

Кутейкин *(затворяя Часослов)*. Конец и Богу слава.

Вральман. Матушка мая? Што тепе надопно? Што? Сынок, какоф ест, да тал Бог старовье, или сынок премудрый, так скасать, Аристотелис, да в могилу.

Г-жа Простакова. Ах, какая страсть, Адам Адамыч! Он же и так вчера небережно поужинал.

Вральман. Рассути ш, мать мая, напил прюхо лишне: педа. А фить калоушка-то у нефо караздо слапе прюха; напить ее лишне да и захрани поже!

Г-жа Простакова. Правда твоя, Адам Адамыч; да что ты станешь делать? Ребенок, не выучась, поезжай-ка в тот же Петербург; скажут, дурак. Умниц-то ныне завелось много. Их-то я боюсь.

Вральман. Чефо паяться, мая матушка? Расумнай шеловек никахта ефо не сатерет, никахта

---

[1] Примечания: 1
Предрасположение *(от франц. disposition)*.

з ним не саспорит; а он с умными лютьми не сфясыфайся, так и пудет плаготенствие пожие!

Г-жа Простакова. Вот как надобно тебе на свете жить, Митрофанушка!

Митрофан. Я и сам, матушка, до умниц-то не охотник. Свой брат завсегда лучше.

Вральман. Сфая кампания то ли тело!

Г-жа Простакова. Адам Адамыч! Да из кого ж ты ее выберешь?

Вральман. Не крушинься, мая матушка, не крушинься; какоф тфой тражайший сын, таких на сфете миллионы, миллионы. Как ему не фыпрать сепе кампаний?

Г-жа Простакова. То даром, что мой сын. Малый острый, проворный.

Вральман. То ли пы тело, капы не самарили ефо на ушенье! Россиска крамат! Арихметика! Ах, хоспоти поже мой, как туша ф теле остаёса! Как путто пы россиски тфорянин уш и не мог ф сфете аванзировать[2] пез россиской крамат!

Кутейкин *(в сторону)*. Под язык бы тебе труд и болезнь.

Вральман. Как путто пы до арихметики пыли люти тураки несчетные!

---

[2] Примечания: 2
Продвигаться по службе *(от франц. avancer).*

Цыфиркин *(в сторону).* Я те ребра-то пересчитаю. Попадесся ко мне.

Вральман. Ему потрепно снать, как шить ф сфете. Я снаю сфет наизусть. Я сам терта калаш.

Г-жа Простакова. Как тебе не знать большого свету, Адам Адамыч? Я чай, и в одном Петербурге ты всего нагляделся.

Вральман. Тафольно, мая матушка, тафольно. Я сафсегда ахотник пыл смотреть публик. Пыфало, о праснике съетутса в Катрингоф кареты с хоспотам. Я фсё на них сматру. Пыфало, не сойту ни на минуту с косел.

Г-жа Простакова. С каких козел?

Вральман *(в сторону).* Ай! ай! ай! ай! Што я зафрал! *(Вслух.)* Ты, матушка, снаешь, што сматреть фсегта лофче зповыши. Так я, пыфало, на снакому карету и сасел, та и сматру польшой сфет с косел.

Г-жа Простакова. Конечно, виднее. Умный человек знает, куда взлезть.

Вральман. Ваш трашайший сын также на сфете как-нипудь фсмаститца, лютей пасматреть и сепя покасать. Уталец!

Митрофан, стоя на месте, перевертывается.

Вральман. Уталец! Не постоит на месте, как

тикой конь пез усды. Ступай! Форт! [3]

Митрофан убегает.

Г-жа Простакова *(усмехаясь радостно)*. Робенок, право, хоть и жених. Пойти за ним, однако ж, чтоб он с резвости без умыслу чем-нибудь гостя не прогневал.

Вральман. Поти, мая матушка! Салётна птиса! С ним тфои гласа натопно.

Г-жа Простакова. Прощай же, Адам Адамыч! *(Отходит.)*

Явление IX

Вральман, Кутейкин и Цыфиркин.

Цыфиркин *(насмехаясь)*. Эка образина!

Кутейкин *(насмехаясь)*. Притча во языцех!

Вральман. Чему фы супы-то скалите, нефежи?

Цыфиркин *(ударив по плечу)*. А ты что брови-то нахмурил, чухонска сова?

Вральман. Ой! ой! шелесны лапы!

Кутейкин *(ударив по плечу)*. Филин треклятий! Что ты буркалами-то похлопываешь?

---

[3] Примечания: 3
Вон! *(от нем. fort)*

Врaльман *(тихо)*. Пропаль я. *(Вслух.)* Што фы истефаетесь, репята, што ли, нато мною?

Цыфиркин. Сам праздно хлеб ешь и другим ничего делать не даешь; да ты ж еще и рожи не уставишь.

Кутейкин. Уста твоя всегда глаголаша гордыню, нечестивый.

Врaльман *(оправляясь от робости)*. Как фы терсаете нефешничать перед ушоной персоной? Я накраул сакричу.

Цыфиркин. А мы те и честь отдадим. Я доскою…

Кутейкин. А я Часословом.

Врaльман. Я хоспоже на фас пошалаюсь.

Цыфиркин замахивается доскою, а Кутейкин Часословом.

Цыфиркин. Раскрою тебе рожу напятеро.

Кутейкин. Зубы грешника сокрушу.

Врaльман бежит.

Цыфиркин. Ага! Поднял, трус, ноги!

Кутейкин. Направи стопы своя, окаянный!

Врaльман *(в дверях)*. Што, фсяли, бестия? Сюта сунтесь.

Цыфиркин. Уплел! Мы бы дали тебе таску!

Вральман. Лих не паюсь теперь, не паюсь.

Кутейкин. Засел пребеззаконный! Много ль там вас, басурманов-то? Всех высылай!

Вральман. С атним не слатили! Эх, прат, фсяли!

Цыфиркин. Один десятерых уберу!

Кутейкин. Во утрие избию вся греш — ныя земли!

Конец третьего действия

Действие четвертое
Явление I

Софья.

Софья *(одна, глядя на часы).* Дядюшка скоро должен вытти. *(Садясь.)* Я его здесь подожду. *(Вынимает книжку и прочитав несколько.)* Это правда. Как не быть довольну сердцу, когда спокойна совесть! *(Прочитав опять несколько.)* Нельзя не любить правил добродетели. Они — способы к счастью. *(Прочитав еще несколько, взглянула и, увидев Стародума, к нему подбегает.)*

Явление II

Софья и Стародум.

Стародум. А! ты уже здесь, друг мой сердечный!

Софья. Я вас дожидалась, дядюшка. Читала теперь книжку.

Стародум. Какую?

Софья. Французскую. Фенелона, о воспитании девиц.

Стародум. Фенелона? Автора Телемака? Хорошо. Я не знаю твоей книжки, однако читай ее, читай. Кто написал Телемака, тот пером своим нравов развращать не станет. Я боюсь для вас нынешних мудрецов. Мне случилось читать из них все то, что переведено по-русски. Они, правда, искореняют сильно предрассудки, да воротят с корню добродетель. Сядем. *(Оба сели.)* Мое сердечное желание видеть тебя столько счастливу, сколько в свете быть возможно.

Софья. Ваши наставления, дядюшка, составят все мое благополучие. Дайте мне правила, которым я последовать должна. Руководствуйте сердцем моим. Оно готово вам повиноваться.

Стародум. Мне приятно расположение души твоей. С радостью подам тебе мои советы. Слушай меня с таким вниманием, с какою искренностию я говорить буду. Поближе.

Софья подвигает стул свой.

Софья. Дядюшка! Всякое слово ваше врезано будет в сердце мое.

Стародум *(с важным чистосердечием)*. Ты теперь в тех летах, в которых душа наслаждаться хочет всем бытием своим, разум хочет знать, а сердце чувствовать. Ты входишь теперь в свет,

где первый шаг решит часто судьбу целой жизни, где всего чаще первая встреча бывает: умы, развращенные в своих понятиях, сердца, развращенные в своих чувствиях. О мой друг! Умей различить, умей остановиться с теми, которых дружба к тебе была б надежною порукою за твой разум и сердце.

Софья. Все мое старание употреблю заслужить доброе мнение людей достойных. Да как мне избежать, чтоб те, которые увидят, как от них я удаляюсь, не стали на меня злобиться? Не можно ль, дядюшка, найти такое средство, чтоб мне никто на свете зла не пожелал?

Стародум. Дурное расположение людей, не достойных почтения, не должно быть огорчительно. Знай, что зла никогда не желают тем, кого презирают; а обыкновенно желают зла тем, кто имеет право презирать. Люди не одному богатству, не одной знатности завидуют: и добродетель также своих завистников имеет.

Софья. Возможно ль, дядюшка, чтоб были в свете такие жалкие люди, в которых дурное чувство родится точно оттого, что есть в других хорошее. Добродетельный человек сжалиться должен над такими несчастными.

Стародум. Они жалки, это правда; однако для

этого добродетельный человек не перестает идти своей дорогой. Подумай ты сама, какое было бы несчастье, ежели б солнце перестало светить для того, чтоб слабых глаз не ослепить.

Софья. Да скажите ж мне, пожалуйста, виноваты ли они? Всякий ли человек может быть добродетелен?

Стародум. Поверь мне, всякий найдет в себе довольно сил, чтоб быть добродетельну. Надобно захотеть решительно, а там всего будет легче не делать того, за что б совесть угрызала.

Софья. Кто же остережет человека, кто не допустит до того, за что после мучит его совесть?

Стародум. Кто остережет? Та же совесть. Ведай, что совесть всегда, как друг, остерегает прежде, нежели как судья наказывает.

Софья. Так поэтому надобно, чтоб всякий порочный человек был действительно презрения достоин, когда делает он дурно, знав, что делает. Надобно, чтоб душа его очень была низка, когда она не выше дурного дела.

Стародум. И надобно, чтоб разум его был не прямой разум, когда он полагает свое счастье не в том, в чем надобно.

Софья. Мне казалось, дядюшка, что все люди согласились, в чем полагать свое счастье. Знат-

ность, богатство…

Стародум. Так, мой друг! И я согласен назвать счастливым знатного и богатого. Да сперва согласимся, кто знатен и кто богат. У меня мой расчет. Степени знатности рассчитаю я по числу дел, которые большой господин сделал для отечества, а не по числу дел, которые нахватал на себя из высокомерия; не по числу людей, которые шатаются в его передней, а по числу людей, довольных его поведением и делами. Мой знатный человек, конечно, счастлив. Богач мой тоже. По моему расчету, не тот богат, который отсчитывает деньги, чтоб прятать их в сундук, а тот, который отсчитывает у себя лишнее, чтоб помочь тому, у кого нет нужного.

Софья. Как это справедливо! Как наружность нас ослепляет! Мне самой случалось видеть множество раз, как завидуют тому, кто у двора ищет и значит…

Стародум. А того не знают, что у двора всякая тварь что-нибудь да значит и чего-нибудь да ищет; того не знают, что у двора все придворные и у всех придворные. Нет, тут завидовать нечему: без знатных дел знатное состояние ничто.

Софья. Конечно, дядюшка! И такой знатный никого счастливым не сделает, кроме себя одного.

Стародум. Как! А разве тот счастлив, кто счастлив один? Знай, что, как бы он знатен ни был, душа его прямого удовольствия не вкушает. Вообрази себе человека, который бы всю свою знатность устремил на то только, чтоб ему одному было хорошо, который бы и достиг уже до того, чтоб самому ему ничего желать не оставалось. Ведь тогда вся душа его занялась бы одним чувством, одною боязнию: рано или поздно сверзиться. Скажи ж, мой друг, счастлив ли тот, кому нечего желать, а лишь есть чего бояться?

Софья. Вижу, какая разница казаться счастливым и быть действительно. Да мне это непонятно, дядюшка, как можно человеку все помнить одного себя? Неужели не рассуждают, чем один обязан другому? Где ж ум, которым так величаются?

Стародум. Чем умом величаться, друг мой! Ум, коль он только что ум, самая безделица. С пребеглыми умами видим мы худых мужей, худых отцов, худых граждан. Прямую цену уму дает благонравие. Без него умный человек — чудовище. Оно неизмеримо выше всей беглости ума. Это легко понять всякому, кто хорошенько подумает. Умов много, и много разных. Умного человека легко извинить можно, если он какого-нибудь качества ума и не имеет. Честному человеку

никак простить нельзя, ежели недостает в нем какого-нибудь качества сердца. Ему необходимо все иметь надобно. Достоинство сердца неразделимо. Честный человек должен быть совершенно честный человек.

Софья. Ваше изъяснение, дядюшка, сходно с моим внутренним чувством, которого я изъяснить не могла. Я теперь живо чувствую и достоинство честного человека и его должность.

Стародум. Должность! А, мой друг! Как это слово у всех на языке, и как мало его понимают! Всечасное употребление этого слова так нас с ним ознакомило, что, выговоря его, человек ничего уже не мыслит, ничего не чувствует, когда, если б люди понимали его важность, никто не мог бы вымолвить его без душевного почтения. Подумай, что такое должность. Это тот священный обет, которым обязаны мы всем тем, с кем живем и от кого зависим. Если б так должность исполняли, как об ней твердят, всякое состояние людей оставалось бы при своем любочестии и было б совершенно счастливо. Дворянин, например, считал бы за первое бесчестие не делать ничего, когда есть ему столько дела: есть люди, которым помогать; есть отечество, которому служить. Тогда не было б таких дворян, которых благород-

ство, можно сказать, погребено с их предками. Дворянин, недостойный быть дворянином! Подлее его ничего на свете не знаю.

Софья. Возможно ль так себя унизить?

Стародум. Друг мой! Что сказал я о дворянине, распространим теперь вообще на человека. У каждого свои должности. Посмотрим, как они исполняются, каковы, например, большею частию мужья нынешнего света, не забудем, каковы и жены. О мой сердечный друг! Теперь мне все твое внимание потребно. Возьмем в пример несчастный дом, каковых множество, где жена не имеет никакой сердечной дружбы к мужу, ни он к жене доверенности; где каждый с своей стороны своротили с пути добродетели. Вместо искреннего и снисходительного друга, жена видит в муже своем грубого и развращенного тирана. С другой стороны, вместо кротости, чистосердечия, свойств жены добродетельной, муж видит в душе своей жены одну своенравную наглость, а наглость в женщине есть вывеска порочного поведения. Оба стали друг другу в несносную тягость. Оба ни во что уже ставят доброе имя, потому что у обоих оно потеряно. Можно ль быть ужаснее их состояния? Дом брошен. Люди забывают долг повиновения, видя в

самом господине своем раба гнусных страстей его. Имение растощается: оно сделалось ничье, когда хозяин его сам не свой. Дети, несчастные их дети, при жизни отца и матери уже осиротели. Отец, не имея почтения к жене своей, едва смеет их обнять, едва смеет отдаться нежнейшим чувствованиям человеческого сердца. Невинные младенцы лишены также и горячности матери. Она, недостойная иметь детей, уклоняется их ласки, видя в них или причины беспокойств своих, или упрек своего развращения. И какого воспитания ожидать детям от матери, потерявшей добродетель? Как ей учить их благонравию, которого в ней нет? В минуты, когда мысль их обращается на их состояние, какому аду должно быть в душах и мужа и жены!

Софья. Ах, как я ужасаюсь этого примера!

Стародум. И не дивлюся: он должен привести в трепет добродетельную душу. Я еще той веры, что человек не может быть и развращен столько, чтоб мог спокойно смотреть на то, что видим.

Софья. Боже мой! Отчего такие страшные несчастии!..

Стародум. Оттого, мой друг, что при нынешних супружествах редко с сердцем советуют. Дело в том, знатен ли, богат ли жених? Хороша

ли, богата ли невеста? О благонравии вопросу нет. Никому и в голову не входит, что в глазах мыслящих людей честный человек без большого чина — презнатная особа; что добродетель все заменяет, а добродетели ничто заменить не может. Признаюсь тебе, что сердце мое тогда только будет спокойно, когда увижу тебя за мужем, достойным твоего сердца, когда взаимная любовь ваша…

Софья. Да как достойного мужа не любить дружески?

Стародум. Так. Только, пожалуй, не имей ты к мужу своему любви, которая на дружбу походила б. Имей к нему дружбу, которая на любовь бы походила. Это будет гораздо прочнее. Тогда после двадцати лет женитьбы найдете в сердцах ваших прежнюю друг к другу привязанность. Муж благоразумный! Жена добродетельная! Что почтеннее быть может! Надобно, мой друг, чтоб муж твой повиновался рассудку, а ты мужу, и будете оба совершенно благополучны.

Софья. Все, что вы ни говорите, трогает сердце мое…

Стародум *(с нежнейшею горячностию)*. И мое восхищается, видя твою чувствительность. От тебя зависит твое счастье. Бог дал тебе все прият-

ности твоего пола. Вижу в тебе сердце честного человека. Ты, мой сердечный друг, ты соединяешь в себе обоих полов совершенства. Ласкаюсь, что горячность моя меня не обманывает, что добродетель…

Софья. Ты ею наполнил все мои чувства. *(Бросаясь целовать его руки.)* Где она?..

Стародум *(целуя сам ее руки).* Она в твоей душе. Благодарю Бога, что в самой тебе нахожу твердое основание твоего счастия. Оно не будет зависеть ни от знатности, ни от богатства. Все это прийти к тебе может; однако для тебя есть счастье всего этого больше. Это то, чтоб чувствовать себя достойною всех благ, которыми ты можешь наслаждаться…

Софья. Дядюшка! Истинное мое счастье то, что ты у меня есть. Я знаю цену…

Явление III

Те же и камердинер.
Камердинер подает письмо Стародуму.

Стародум. Откуда?

Камердинер. Из Москвы, с нарочным. *(Отходит.)*

Стародум *(распечатав и смотря на подпись).* Граф Честан. А! *(Начиная читать, показывает вид, что глаза разобрать не могут.)* Софьюшка! Очки мои на столе, в книге.

Софья *(отходя).* Тотчас, дядюшка.

Явление IV

Стародум.

Стародум *(один).* Он, конечно, пишет ко мне о том же, о чем в Москве сделал предложение. Я не знаю Милона; но когда дядя его мой истинный друг, когда вся публика считает его честным и достойным человеком… Если свободно ее сердце…

Явление V

Стародум и Софья.

Софья *(подавая очки).* Нашла, дядюшка.

Стародум *(читает).* «…Я теперь только узнал… ведет в Москву свою команду… Он с вами должен встретиться… Сердечно буду рад, если он увидится с вами… Возьмите труд узнать образ мыслей его». *(В сторону.)* Конечно. Без того ее не выдам…

«Вы найдете… Ваш истинный друг…» Хорошо. Это письмо до тебя принадлежит. Я сказывал тебе, что молодой человек, похвальных свойств, представлен… Слова мои тебя смущают, друг мой сердечный. Я это и давеча приметил и теперь вижу. Доверенность твоя ко мне…

Софья. Могу ли я иметь на сердце что-нибудь от вас скрытое? Нет, дядюшка. Я чистосердечно скажу вам…

Явление VI

Те же, Правдин и Милон.

Правдин. Позвольте представить вам господина Милона, моего истинного друга.

Стародум *(в сторону)*. Милон!

Милон. Я почту за истинное счастие, если удостоюсь вашего доброго мнения, ваших ко мне милостей…

Стародум. Граф Честан не свойственник ли ваш?

Милон. Он мне дядя.

Стародум. Мне очень приятно быть знакому с человеком ваших качеств. Дядя ваш мне о вас говорил. Он отдает вам всю справедливость.

Особливые достоинствы…

Милон. Это его ко мне милость. В мои леты и в моем положении было бы непростительное высокомерие считать все то заслуженным, чем молодого человека ободряют достойные люди.

Правдин. Я наперед уверен, что друг мой приобретет вашу благосклонность, если вы его узнаете короче. Он бывал часто в доме покойной сестрицы вашей…

Стародум оглядывается на Софью.

Софья *(тихо Стародуму и в большой робости).* И матушка любила его, как сына.

Стародум *(Софье).* Мне это очень приятно. *(Милону.)* Я слышал, что вы были в армии. Неустрашимость ваша…

Милон. Я делал мою должность. Ни леты мои, ни чин, ни положение еще не позволили мне показать прямой неустрашимости, буде есть во мне она.

Стародум. Как! Будучи в сражениях и подвергая жизнь свою…

Милон. Я подвергал ее, как прочие. Тут храбрость была такое качество сердца, какое солдату велит иметь начальник, а офицеру честь. Признаюсь вам искренно, что показать прямой

неустрашимости не имел я еще никакого случая, испытать же себя сердечно желаю.

Стародум. Я крайне любопытен знать, в чем же полагаете вы прямую неустрашимость?

Милон. Если позволите мне сказать мысль мою, я полагаю истинную неустрашимость в душе, а не в сердце. У кого она в душе, у того, без всякого сомнения, и храброе сердце. В нашем военном ремесле храбр должен быть воин, неустрашим военачальник. Он с холодною кровью усматривает все степени опасности, принимает нужные меры, славу свою предпочитает жизни; но что всего более — он для пользы и славы отечества не устрашается забыть свою собственную славу. Неустрашимость его состоит, следственно, не в том, чтоб презирать жизнь свою. Он ее никогда и не отваживает. Он умеет ею жертвовать.

Стародум. Справедливо. Вы прямую неустрашимость полагаете в военачальнике. Свойственна ли же она и другим состояниям?

Милон. Она добродетель; следственно, нет состояния, которое ею не могло бы отличиться. Мне кажется, храбрость сердца доказывается в час сражения, а неустрашимость души во всех испытаниях, во всех положениях жизни. И какая разница между бесстрашием солдата, который

на приступе отваживает жизнь свою наряду с прочими, и между неустрашимостью человека государственного, который говорит правду государю, отваживаясь его прогневать. Судья, который, не убояся ни мщения, ни угроз сильного, отдал справедливость беспомощному, в моих глазах герой. Как мала душа того, кто за безделицу вызовет на дуэль, перед тем, кто вступится за отсутствующего, которого честь при нем клеветники терзают! Я понимаю неустрашимость так…

Стародум. Как понимать должно тому, у кого она в душе. Обойми меня, друг мой! Извини мое простосердечие. Я друг честных людей. Это чувство вкоренено в мое воспитание. В твоем вижу и почитаю добродетель, украшенную рассудком просвещенным.

Милон. Душа благородная!.. Нет… не могу скрывать более моего сердечного чувства… Нет. Добродетель твоя извлекает силою своею все таинство души моей. Если мое сердце добродетельно, если стоит оно быть счастливо, от тебя зависит сделать его счастье. Я полагаю его в том, чтоб иметь женою любезную племянницу вашу. Взаимная наша склонность…

Стародум *(к Софье, с радостью)*. Как! Сердце твое умело отличить того, кого я сам предлагал

тебе? Вот мой тебе жених…

Софья. И я люблю его сердечно.

Стародум. Вы оба друг друга достойны. *(В восхищении соединяя их руки.)* От всей души моей даю вам мое согласие.

Милон *(обнимая Стародума)*. Мое счастье несравненно!

Софья *(целуя руки Стародумовы)*. Кто может быть счастливее меня!

Правдин. Как искренно я рад!

Стародум. Мое удовольствие неизреченно!

Милон *(целуя руку Софьи)*. Вот минута нашего благополучия!

Софья. Сердце мое вечно любить тебя будет.

Явление VII

Те же и Скотинин.

Скотинин. И я здесь.

Стародум. Зачем пожаловал?

Скотинин. За своей нуждой.

Стародум. А чем я могу служить?

Скотинин. Двумя словами.

Стародум. Какими это?

Скотинин. Обняв меня покрепче, скажи: Со-

фьюшка твоя.

Стародум. Не пустое ль затевать изволишь? Подумай-ко хорошенько.

Скотинин. Я никогда не думаю и наперед уверен, что коли и ты думать не станешь, то Софьюшка моя.

Стародум. Это странное дело! Человек ты, как вижу, не без ума, а хочешь, чтоб я отдал мою племянницу за кого — не знаю.

Скотинин. Не знаешь, так скажу. Я Тарас Скотинин, в роде своем не последний. Род Скотининых великий и старинный. Пращура нашего ни в какой герольдии не отыщешь.

Правдин *(смеючись).* Эдак вы нас уверите, что он старее Адама.

Скотинин. А что ты думаешь? Хоть немногим…

Стародум *(смеючись).* То есть пращур твой создан хоть в шестой же день, да немного попрежде Адама.

Скотинин. Нет, право? Так ты доброго мнения о старине моего рода?

Стародум. О! такого-то доброго, что я удивляюсь, как на твоем месте можно выбирать жену из другого рода, как из Скотининых?

Скотинин. Рассуди же, какое счастье Софьюш-

ке быть за мною. Она дворянка…

Стародум. Экой человек! Да для того-то ты ей и не жених.

Скотинин. Уж я на то пошел. Пусть болтают, что Скотинин женился на дворяночке. Для меня все равно.

Стародум. Да для нее не все равно, когда скажут, что дворянка вышла за Скотинина.

Милон. Такое неравенство сделало б несчастье вас обоих.

Скотинин. Ба! Да этот что тут равняется? *(Тихо Стародуму.)* А не отбивает ли?

Стародум *(тихо Скотинину)*. Мне так кажется.

Скотинин *(тем же тоном)*. Да где черту!

Стародум *(тем же тоном)*. Тяжело.

Скотинин *(громко, указывая на Милона)*. Кто ж из нас смешон? Ха-ха-ха-ха!

Стародум *(смеется)*. Вижу, кто смешон.

Софья. Дядюшка! Как мне мило, что вы веселы.

Скотинин *(Стародуму)*. Ба! Да ты весельчак. Давеча я думал, что к тебе приступу нет. Мне слова не сказал, а теперь все со мной смеешься.

Стародум. Таков человек, мой друг! Час на час не приходит.

Скотинин. Это и видно. Вить и давеча был я тот

же Скотинин, а ты сердился.

Стародум. Была причина.

Скотинин. Я ее и знаю. Я и сам в этом таков же. Дома, когда зайду в клева да найду их не в порядке, досада и возьмет. И ты, не в пронос слово, заехав сюда, нашел сестрин дом не лучше клевов, тебе и досадно.

Стародум. Ты меня счастливее. Меня трогают люди.

Скотинин. А меня так свиньи.

Явление VIII

Те же, г-жа Простакова, Простаков, Митрофан и Еремеевна.

Г-жа Простакова *(входя).* Всё ль с тобою, друг мой?

Митрофан. Ну, да уж не заботься.

Г-жа Простакова *(Стародуму).* Хорошо ли отдохнуть изволил, батюшка? Мы все в четвертой комнате на цыпочках ходили, чтоб тебя не обеспокоить; не смели в дверь заглянуть; послышим, ан уж ты давно и сюда вытти изволил. Не взыщи, батюшка…

Стародум. О сударыня, мне очень было бы до-

садно, ежели б вы сюда пожаловали ране.

Скотинин. Ты, сестра, как на смех, все за мною по пятам. Я пришел сюда за своею нуждою.

Г-жа Простакова. А я так за своею. *(Стародуму.)* Позволь же, мой батюшка, потрудить вас теперь общею нашею просьбою. *(Мужу и сыну.)* Кланяйтесь.

Стародум. Какою, сударыня?

Г-жа Простакова. Во-первых, прошу милости всех садиться.

Все садятся, кроме Митрофана и Еремеевны.

Вот в чем дело, батюшка. За молитвы родителей наших, — нам, грешным, где б и умолить, — даровал нам Господь Митрофанушку. Мы все делали, чтоб он у нас стал таков, как изволишь его видеть. Не угодно ль, мой батюшка, взять на себя труд и посмотреть, как он у нас выучен?

Стародум. О сударыня! До моих ушей уже дошло, что он теперь только и отучиться изволил. Я слышал об его учителях и вижу наперед, какому грамотею ему быть надобно, учася у Кутейкина, и какому математику, учася у Цыфиркина. *(К Правдину.)* Любопытен бы я был послушать, чему немец-то его выучил.

Г-жа Простакова. Всем наукам, батюшка.

Простаков. Всему, мой отец.

Митрофан. Всему, чему изволишь.

Правдин *(Митрофану)*. Чему ж бы, например?

Митрофан *(подает ему книгу)*. Вот, грамматике.

Правдин *(взяв книгу)*. Вижу. Это грамматика. Что ж вы в ней знаете?

Митрофан. Много. Существительна да прилагательна…

Правдин. Дверь, например, какое имя: существительное или прилагательное?

Митрофан. Дверь, котора дверь?

Правдин. Котора дверь! Вот эта.

Митрофан. Эта? Прилагательна.

Правдин. Почему же?

Митрофан. Потому что она приложена к своему месту. Вон у чулана шеста неделя дверь стоит еще не навешена: так та покамест существительна.

Стародум. Так поэтому у тебя слово дурак прилагательное, потому что оно прилагается к глупому человеку?

Митрофан. И ведомо.

Г-жа Простакова. Что, каково, мой батюшка?

Простаков. Каково, мой отец?

Правдин. Нельзя лучше. В грамматике он силен.

Милон. Я думаю, не меньше и в истории.

Г-жа Простакова. То, мой батюшка, он еще сызмала к историям охотник.

Скотинин. Митрофан по мне. Я сам без того глаз не сведу, чтоб выборный не рассказывал мне историй. Мастер, собачий сын, откуда что берется!

Г-жа Простакова. Однако все-таки не придет против Адама Адамыча.

Правдин *(Митрофану)*. А далеко ли вы в истории?

Митрофан. Далеко ль? Какова история. В иной залетишь за тридевять земель, за тридесято царство.

Правдин. А! так этой-то истории учит вас Вральман?

Стародум. Вральман? Имя что-то знакомое.

Митрофан. Нет, наш Адам Адамыч истории не рассказывает; он, что я же, сам охотник слушать.

Г-жа Простакова. Они оба заставляют себе рассказывать истории скотницу Хавронью.

Правдин. Да не у ней ли оба вы учились и географии?

Г-жа Простакова *(сыну)*. Слышишь, друг мой сердечный? Это что за наука?

Митрофан *(тихо матери)*. А я почем знаю.

Г-жа Простакова *(тихо Митрофану)*. Не

упрямься, душенька. Теперь-то себя и показать.

Митрофан *(тихо матери)*. Да я не возьму в толк, о чем спрашивают.

Г-жа Простакова *(Правдину)*. Как, батюшка, назвал ты науку-то?

Правдин. География.

Г-жа Простакова *(Митрофану)*. Слышишь, еоргафия.

Митрофан. Да что такое! Господи Боже мой! Пристали с ножом к горлу.

Г-жа Простакова *(Правдину)*. И ведомо, батюшка. Да скажи ему, сделай милость, какая это наука-то, он ее и расскажет.

Правдин. Описание земли.

Г-жа Простакова *(Стародуму)*. А к чему бы это служило на первый случай?

Стародум. На первый случай сгодилось бы и к тому, что ежели б случилось ехать, так знаешь, куда едешь.

Г-жа Простакова. Ах, мой батюшка! Да извозчики-то на что ж? Это их дело. Это таки и наука-то не дворянская. Дворянин только скажи: повези меня туда, — свезут, куда изволишь. Мне поверь, батюшка, что, конечно, то вздор, чего не знает Митрофанушка.

Стародум. О, конечно, сударыня. В человече-

ском невежестве весьма утешительно считать все то за вздор, чего не знаешь.

Г-жа Простакова. Без наук люди живут и жили. Покойник батюшка воеводою был пятнадцать лет, а с тем и скончаться изволил, что не умел грамоте, а умел достаточек нажить и сохранить. Челобитчиков принимал всегда, бывало, сидя на железном сундуке. После всякого сундук отворит и что-нибудь положит. То-то эконом был! Жизни не жалел, чтоб из сундука ничего не вынуть. Перед другим не похвалюсь, от вас не потаю: покойник-свет, лежа на сундуке с деньгами, умер, так сказать, с голоду. А! каково это?

Стародум. Препохвально. Надобно быть Скотинину, чтоб вкусить такую блаженную кончину.

Скотинин. Да коль доказывать, что ученье вздор, так возьмем дядю Вавилу Фалелеича. О грамоте никто от него и не слыхивал, ни он ни от кого слышать не хотел; а какова была голоушка!

Правдин. Что ж такое?

Скотинин. Да с ним на роду вот что случилось. Верхом на борзом иноходце разбежался он хмельной в каменны ворота. Мужик был рослый, ворота низки, забыл наклониться. Как хватит себя лбом о притолоку, индо пригнуло дядю к похвям потылицею, и бодрый конь вынес его из

ворот к крыльцу навзничь. Я хотел бы знать, есть ли на свете ученый лоб, который бы от такого тумака не развалился; а дядя, вечная ему память, протрезвясь, спросил только, целы ли ворота?

Милон. Вы, господин Скотинин, сами признаете себя неученым человеком; однако, я думаю, в этом случае и ваш лоб был бы не крепче ученого.

Стародум *(Милону).* Об заклад не бейся. Я думаю, что Скотинины все родом крепколобы.

Г-жа Простакова. Батюшка мой! Да что за радость и выучиться? Мы это видим своими глазами в нашем краю. Кто посмышленее, того свои же братья тотчас выберут еще в какую-нибудь должность.

Стародум. А кто посмышленее, тот и не откажет быть полезным своим согражданам.

Г-жа Простакова. Бог вас знает, как вы нынче судите. У нас, бывало, всякий того и смотрит, что на покой. *(Правдину.)* Ты сам, батюшка, других посмышленее, так сколько трудисся! Вот и теперь, сюда шедши, я видела, что к тебе несут какой-то пакет.

Правдин. Ко мне пакет? И мне никто этого не скажет! *(Вставая.)* Я прошу извинить меня, что вас оставлю. Может быть, есть ко мне какие-нибудь повеления от наместника.

Стародум *(встает и все встают)*. Поди, мой друг; однако я с тобою не прощаюсь.

Правдин. Я еще увижусь с вами. Вы завтре едете поутру?

Стародум. Часов в семь.

Правдин отходит.

Милон. А я завтра же, проводя вас, поведу мою команду. Теперь пойду сделать к тому распоряжение.

Милон отходит, прощаясь с Софьею взорами.

Явление IX

Г-жа Простакова, Митрофан, Простаков, Скотинин, Еремеевна, Стародум, Софья.

Г-жа Простакова *(Стародуму)*. Ну, мой батюшка! Ты довольно видел, каков Митрофанушка?

Скотинин. Ну, мой друг сердечный? Ты видишь, каков я?

Стародум. Узнал обоих, нельзя короче.

Скотинин. Быть ли за мною Софьюшке?

Стародум. Не бывать.

Г-жа Простакова. Жених ли ей Митрофанушка?

Стародум. Не жених.

Г-жа Простакова. А что б помешало?

Скотинин. За чем дело стало?

Стародум *(сведя обоих)*. Вам одним за секрет сказать можно. Она сговорена. *(Отходит и дает знак Софье, чтоб шла за ним.)*

Г-жа Простакова. Ах, злодей!

Скотинин. Да он рехнулся.

Г-жа Простакова *(с нетерпением)*. Когда они выедут?

Скотинин. Вить ты слышала, поутру в семь часов.

Г-жа Простакова. В семь часов.

Скотинин. Завтре и я проснусь с светом вдруг. Будь он умен, как изволит, а и с Скотининым развяжешься не скоро. *(Отходит.)*

Г-жа Простакова *(бегая по театру в злобе и в мыслях)*. В семь часов!.. Мы встанем поране… Что захотела, поставлю на своем… Все ко мне.

Все подбегают.

Г-жа Простакова *(к мужу)*. Завтре в шесть часов, чтоб карета подвезена была к заднему крыльцу. Слышишь ли ты? Не прозевай.

Простаков. Слушаю, мать моя.

Г-жа Простакова *(к Еремеевне)*. Ты во всю ночь не смей вздремать у Софьиных дверей. Лишь она

проснется, беги ко мне.

Еремеевна. Не промигну, моя матушка.

Г-жа Простакова *(сыну)*. Ты, мой друг сердечный, сам в шесть часов будь совсем готов и поставь троих слуг в Софьиной предспальней, да двоих в сенях на подмогу.

Митрофан. Все будет сделано.

Г-жа Простакова. Подите ж с Богом. *(Все отходят.)* А я уж знаю, что делать. Где гнев, тут и милость. Старик погневается да простит и за неволю. А мы свое возьмем.

Конец четвертого действия

Действие пятое
Явление I

Стародум и Правдин.

Правдин. Это был тот пакет, о котором при вас сама здешняя хозяйка вчера меня уведомила.

Стародум. Итак, ты имеешь теперь способ прекратить бесчеловечие злой помещицы?

Правдин. Мне поручено взять под опеку дом и деревни при первом бешенстве, от которого могли бы пострадать подвластные ей люди.

Стародум. Благодарение Богу, что человечество найти защиту может! Поверь мне, друг мой, где государь мыслит, где знает он, в чем его истинная слава, там человечеству не могут не возвращаться его права. Там все скоро ощутят, что каждый должен искать своего счастья и выгод в том одном, что законно… и что угнетать рабством себе подобных беззаконно.

Правдин. Я в этом согласен с вами; да как мудрено истреблять закоренелые предрассудки, в которых низкие души находят свои выгоды!

Стародум. Слушай, друг мой! Великий государь есть государь премудрый. Его дело показать лю-

дям прямое их благо. Слава премудрости его та, чтоб править людьми, потому что управляться с истуканами нет премудрости. Крестьянин, который плоше всех в деревне, выбирается обыкновенно пасти стадо, потому что немного надобно ума пасти скотину. Достойный престола государь стремится возвысить души своих подданных. Мы это видим своими глазами.

Правдин. Удовольствие, которым государи наслаждаются, владея свободными душами, должно быть столь велико, что я не понимаю, какие побуждения могли бы отвлекать…

Стародум. А! Сколь великой душе надобно быть в государе, чтоб стать на стезю истины и никогда с нее не совращаться! Сколько сетей расставлено к уловлению души человека, имеющего в руках своих судьбу себе подобных! И во-первых, толпа скаредных льстецов…

Правдин. Без душевного презрения нельзя себе вообразить, что такое льстец.

Стародум. Льстец есть тварь, которая не только о других, ниже о себе хорошего мнения не имеет. Все его стремление к тому, чтоб сперва ослепить ум у человека, а потом делать из него, что ему надобно. Он ночной вор, который сперва свечу погасит, а потом красть станет.

Правдин. Несчастиям людским, конечно, причиною собственное их развращение; но способы сделать людей добрыми…

Стародум. Они в руках государя. Как скоро все видят, что без благонравия никто не может выйти в люди; что ни подлой выслугой и ни за какие деньги нельзя купить того, чем награждается заслуга; что люди выбираются для мест, а не места похищаются людьми, — тогда всякий находит свою выгоду быть благонравным и всякий хорош становится.

Правдин. Справедливо. Великий государь дает…

Стародум. Милость и дружбу тем, кому изволит; места и чины тем, кто достоин.

Правдин. Чтоб в достойных людях не было недостатку, прилагается ныне особливое старание о воспитании…

Стародум. Оно и должно быть залогом благосостояния государства. Мы видим все несчастные следствия дурного воспитания. Ну, что для отечества может выйти из Митрофанушки, за которого невежды-родители платят еще и деньги невеждам-учителям? Сколько дворян-отцов, которые нравственное воспитание сынка своего поручают своему рабу крепостному! Лет через пятнадцать и

выходят вместо одного раба двое, старый дядька да молодой барин.

Правдин. Но особы высшего состояния просвещают детей своих…

Стародум. Так, мой друг; да я ждал бы, чтобы при всех науках не забывалась главная цель всех знаний человеческих, благонравие. Верь мне, что наука в развращенном человеке есть лютое оружие делать зло. Просвещение возвышает одну добродетельную душу. Я хотел бы, например, чтоб при воспитании сына знатного господина наставник его всякий день разогнул ему Историю и указал ему в ней два места: в одном, как великие люди способствовали благу своего отечества; в другом, как вельможа недостойный, употребивший во зло свою доверенность и силу, с высоты пышной своей знатности низвергся в бездну презрения и поношения.

Правдин. Надобно действительно, чтоб всякое состояние людей имело приличное себе воспитание; тогда можно быть уверену… Что за шум?

Стародум. Что такое сделалось?

Явление II

Те же, Милон, Софья, Еремеевна.

Милон *(отталкивая от Софьи Еремеевну, которая за нее было уцепилась, кричит к людям, имея в руке обнаженную шпагу).* Не смей никто подойти ко мне!

Софья *(бросаясь к Стародуму).* Ах, дядюшка! Защити меня!

Стародум. Друг мой! Что такое?

Правдин. Какое злодеяние!

Софья. Сердце мое трепещет!

Еремеевна. Пропала моя головушка!

Милон. Злодеи! Идучи сюда, вижу множество людей, которые, подхватя ее под руки, несмотря на сопротивление и крик, сводят уже с крыльца к карете.

Софья. Вот мой избавитель!

Стародум *(к Милону).* Друг мой!

Правдин *(Еремеевне).* Сейчас скажи, куда везти хотели, или как с злодейкой…

Еремеевна. Венчаться, мой батюшка, венчаться!

Г-жа Простакова *(за кулисами).* Плуты! Воры!

Мошенники! Всех прибить велю до смерти!

Явление III

Те же, г-жа Простакова, Простаков, Митрофан.

Г-жа Простакова. Какая я госпожа в доме! *(Указывая на Милона.)* Чужой погрозит, приказ мой ни во что.

Простаков. Я ли виноват?

Митрофан. За людей приниматься?

Г-жа Простакова. Жива быть не хочу.

Правдин. Злодеяние, которому я сам свидетель, дает право вам как дяде, а вам как жениху…

Г-жа Простакова. Жениху!

Простаков. Хороши мы!

Митрофан. Всё к черту!

Правдин.…требовать от правительства, чтоб сделанная ей обида наказана была всею строгостью законов. Сейчас представлю ее перед суд как нарушительницу гражданского спокойства.

Г-жа Простакова *(бросаясь на колени).* Батюшка, виновата!

Правдин. Муж и сын не могли не иметь участия в злодеянии…

Простаков. Без вины виноват!

Митрофан. Виноват, дядюшка!

Г-жа Простакова. Ах я, собачья дочь! Что я наделала!

Явление IV

Те же и Скотинин.

Скотинин. Ну, сестра, хорошу было шутку… Ба! Что это? Все наши на коленях!

Г-жа Простакова *(стоя на коленях)*. Ах, мои батюшки, повинную голову меч не сечет. Мой грех! Не губите меня. *(К Софье.)* Мать ты моя родная, прости меня. Умилосердись надо мною *(указывая на мужа и сына)* и над бедными сиротами.

Скотинин. Сестра! О своем ли ты уме?

Правдин. Молчи, Скотинин.

Г-жа Простакова. Бог даст тебе благополучие и с дорогим женихом твоим, что тебе в голове моей?

Софья *(Стародуму)*. Дядюшка! Я мое оскорбление забываю.

Г-жа Простакова *(подняв руки к Стародуму)*. Батюшка! Прости и ты меня, грешную. Вить я человек, не ангел.

Стародум. Знаю, знаю, что человеку нельзя быть ангелом. Да и не надобно быть и чертом.

Милон. И преступление и раскаяние в ней презрения достойны.

Правдин *(Стародуму)*. Ваша малейшая жалоба, ваше одно слово пред правительством… и уж спасти ее нельзя.

Стародум. Не хочу ничьей погибели. Я ее прощаю.

Все вскочили с коленей.

Г-жа Простакова. Простил! Ах, батюшка!.. Ну! Теперь-то дам я зорю канальям своим людям. Теперь-то я всех переберу поодиночке. Теперь-то допытаюсь, кто из рук ее выпустил. Нет, мошенники! Нет, воры! Век не прощу, не прощу этой насмешки.

Правдин. А за что вы хотите наказывать людей ваших?

Г-жа Простакова. Ах, батюшка, это что за вопрос? Разве я не властна и в своих людях?

Правдин. А вы считаете себя вправе драться тогда, когда вам вздумается?

Скотинин. Да разве дворянин не волен поколотить слугу, когда захочет?

Правдин. Когда захочет! Да что за охота? Пря-

мой ты Скотинин. Нет, сударыня, тиранствовать никто не волен.

Г-жа Простакова. Не волен! Дворянин, когда захочет, и слуги высечь не волен; да на что ж дан нам указ-от о вольности дворянства?

Стародум. Мастерица толковать указы!

Г-жа Простакова. Извольте насмехаться, а я теперь же всех с головы на голову… *(Порывается идти.)*

Правдин *(останавливая ее).* Поостановитесь, сударыня. *(Вынув бумагу и важным голосом Простакову.)* Именем правительства вам приказываю сей же час собрать людей и крестьян ваших для объявления им указа, что за бесчеловечие жены вашей, до которого попустило ее ваше крайнее слабомыслие, повелевает мне правительство принять в опеку дом ваш и деревни.

Простаков. А! До чего мы дожили!

Г-жа Простакова. Как! Новая беда! За что? За что, батюшка? Что я в своем доме госпожа…

Правдин. Госпожа бесчеловечная, которой злонравие в благоучрежденном государстве терпимо быть не может. *(Простакову.)* Подите.

Простаков *(отходит, всплеснув руками).* От кого это, матушка?

Г-жа Простакова *(тоскуя).* О, горе взяло! О,

грустно!

Скотинин. Ба! ба! ба! Да эдак и до меня доберутся. Да эдак и всякий Скотинин может попасть под опеку… Уберусь же я отсюда подобру-поздорову.

Г-жа Простакова. Все теряю! Совсем погибаю!

Скотинин *(Стародуму).* Я шел было к тебе добиться толку. Жених…

Стародум *(указывая на Милона).* Вот он.

Скотинин. Ага! так мне и делать здесь нечего. Кибитку впрячь, да и…

Правдин. Да и ступай к своим свиньям. Не забудь, однако ж, повестить всем Скотининым, чему они подвержены.

Скотинин. Как друзей не остеречь! Повещу им, чтоб они людей…

Правдин. Побольше любили или б по крайней мере…

Скотинин. Ну?..

Правдин. Хоть не трогали.

Скотинин *(отходя).* Хоть не трогали.

Явление V

Г-жа Простакова, Стародум, Правдин, Митрофан, Софья, Еремеевна.

Г-жа Простакова *(Правдину).* Батюшка, не погуби ты меня, что тебе прибыли? Не возможно ль как-нибудь указ поотменить? Все ли указы исполняются?

Правдин. Я от должности никак не отступлю.

Г-жа Простакова. Дай мне сроку хотя на три дни. *(В сторону.)* Я дала бы себя знать…

Правдин. Ни на три часа.

Стародум. Да, друг мой! Она и в три часа напроказить может столько, что веком не пособишь.

Г-жа Простакова. Да как вам, батюшка, самому входить в мелочи?

Правдин. Это мое дело. Чужое возвращено будет хозяевам, а…

Г-жа Простакова. А с долгами-то разделаться?.. Недоплачено учителям…

Правдин. Учителям? *(Еремеевне.)* Здесь ли они? Введи их сюда.

Еремеевна. Чай, что прибрели. А немца-то, мой батюшка?..

Правдин. Всех позови.

Еремеевна отходит.

Правдин. Не заботься ни о чем, сударыня, я всех удовольствую.

Стародум *(видя в тоске г-жу Простакову).* Суда-

рыня! Ты сама себя почувствуешь лучше, потеряв силу делать другим дурно.

Г-жа Простакова. Благодарна за милость! Куда я гожусь, когда в моем доме моим же рукам и воли нет!

Явление VI

Те же, Еремеевна, Вральман, Кутейкин и Цыфиркин.

Еремеевна *(введя учителей, к Правдину).* Вот тебе и вся наша сволочь, мой батюшка.

Вральман *(к Правдину).* Фаше фысоко-и-плахоротие. Исфольили меня к сепе прасить?:.

Кутейкин *(к Правдину).* Зван бых и приидох.

Цыфиркин *(к Правдину).* Что приказу будет, ваше благородие?

Стародум *(с приходу Вральмана в него вглядывается).* Ба! Это ты, Вральман?

Вральман *(узнав Стародума).* Ай! ай! ай! ай! ай! Это ты, мой милостифый хосподин! *(Целуя полу Стародума.)* Старофенька ли, мой отес, пошифать исфолишь?

Правдин. Как? Он вам знаком?

Стародум. Как не знаком? Он три года у меня

был кучером.

Все показывают удивление.

Правдин. Изрядный учитель!

Стародум. А ты здесь в учителях? Вральман! Я думал, право, что ты человек добрый и не за свое не возьмешься.

Вральман. Та што телать, мой патюшка? Не я перфый, не я послетний. Три месеса ф Москфе шатался пез мест, кутшер нихте не ната. Пришло мне липо с голот мереть, липо ушитель…

Правдин *(к учителям).* По воле правительства став опекуном над здешним домом, я вас отпускаю.

Цыфиркин. Лучше не надо.

Кутейкин. Отпускать благоволите? Да прежде разочтемся…

Правдин. А что тебе надобно?

Кутейкин. Нет, милостивый господин, мой счетец зело не мал. За полгода за ученье, за обувь, что истаскал в три года, за простой, что сюда прибредешь, бывало, по-пустому, за…

Г-жа Простакова. Ненасытная душа! Кутейкин! За что это?

Правдин. Не мешайтесь, сударыня, я вас прошу.

Г-жа Простакова. Да коль пошло на правду, чему ты выучил Митрофанушку?

Кутейкин. Это его дело. Не мое.

Правдин *(Кутейкину).* Хорошо, хорошо. *(Цыфиркину.)* Тебе много ль заплатить?

Цыфиркин. Мне? Ничего.

Г-жа Простакова. Ему, батюшка, за один год дано десять рублей, а еще за год ни полушки не заплачено.

Цыфиркин. Так: на те десять рублей я износил сапогов в два года. Мы и квиты.

Правдин. А за ученье?

Цыфиркин. Ничего.

Стародум. Как ничего?

Цыфиркин. Не возьму ничего. Он ничего не перенял.

Стародум. Да тем не меньше тебе заплатить надобно.

Цыфиркин. Не за что. Я государю служил с лишком двадцать лет. За службу деньги брал, по-пустому не бирал и не возьму.

Стародум. Вот прямо добрый человек!

Стародум и Милон вынимают из кошельков деньги.

Правдин. Тебе не стыдно, Кутейкин?

Кутейкин *(потупя голову)*. Посрамихся, окаянный.

Стародум *(Цыфиркину)*. Вот тебе, друг мой, за добрую душу.

Цыфиркин. Спасибо, ваше высокородие. Благодарен. Дарить меня ты волен. Сам, не заслужа, век не потребую.

Милон *(давая ему деньги)*. Вот еще тебе, друг мой!

Цыфиркин. И еще спасибо.

Правдин дает также ему деньги.

Цыфиркин. Да за что, ваше благородие, жалуете?

Правдин. За то, что ты не походишь на Кутейкина.

Цыфиркин. И! Ваше благородие. Я солдат.

Правдин *(Цыфиркину)*. Поди ж, мой друг, с Богом.

Цыфиркин отходит.

Правдин. А ты, Кутейкин, пожалуй-ка сюда завтре да потрудись расчесться с самой госпожою.

Кутейкин *(выбегая)*. С самою! Ото всего отступаюсь.

Вральман *(Стародуму)*. Старофа слуха не остафте, фаше фысокоротие. Фосмите меня апять

к сепе.

Стародум. Да ты, Вральман, я чаю, отстал и от лошадей?

Вральман. Эй, нет, мой патюшка! Шиучи с стешним хоспотам, касалось мне, што я фсе с лошатками.

Явление VII

Те же и камердинер.

Камердинер *(Стародуму).* Карета ваша готова.

Вральман. Прикашишь мне дофести сепя?

Стародум. Поди садись на козлы.

Вральман отходит.

Явление последнее

Г-жа Простакова, Стародум, Милон, Софья, Правдин, Митрофан, Еремеевна.

Стародум *(к Правдину, держа руки Софьи и Милона).* Ну, мой друг! Мы едем. Пожелай нам…

Правдин. Всего счастья, на которое имеют право честные сердца.

Г-жа Простакова *(бросаясь обнимать сына).*

Один ты остался у меня, мой сердечный друг, Митрофанушка!

Митрофан. Да отвяжись, матушка, как навязалась.

Г-жа Простакова. И ты! И ты меня бросаешь! А! неблагодарный! *(Упала в обморок.)*

Софья *(подбежав к ней)*. Боже мой! Она без памяти.

Стародум *(Софье)*. Помоги ей, помоги.

Софья и Еремеевна помогают.

Правдин *(Митрофану)*. Негодница! Тебе ли грубить матери? К тебе ее безумная любовь и довела ее всего больше до несчастья.

Митрофан. Да она как будто неведомо…

Правдин. Грубиян!

Стародум *(Еремеевне)*. Что она теперь? Что?

Еремеевна *(посмотрев пристально на г-жу Простакову и всплеснув руками)*. Очнется, мой батюшка, очнется.

Правдин *(Митрофану)*. С тобой, дружок, знаю что делать. Пошел-ко служить…

Митрофан *(махнув рукою)*. По мне, куда велят.

Г-жа Простакова *(очнувшись в отчаянии)*. Погибла я совсем! Отнята у меня власть! От стыда никуды глаз показать нельзя! Нет у меня сына!

Стародум *(указав на г-жу Простакову)*. Вот злонравия достойные плоды!

Конец комедии.

Николай Васильевич Гоголь. Ревизор

На зеркало неча пенять, коли рожа крива.

Народная пословица

Комедия в пяти действиях

Действующие лица

Антон Антонович Сквозник-Дмухановский, городничий.

Анна Андреевна, жена его.

Марья Антоновна, дочь его.

Лука Лукич Хлопов, смотритель училищ.

Жена его.

Аммос Федорович Ляпкин-Тяпкин, судья.

Артемий Филиппович Земляника, попечитель богоугодных заведений.

Иван Кузьмич Шпекин, почтмейстер.

Петр Иванович Добчинский, городской помещик.

Петр Иванович Бобчинский, городской помещик.

Иван Александрович Хлестаков, чиновник из Петербурга.

Осип, слуга его.

Христиан Иванович Гибнер, уездный лекарь.

Федор Иванович Люлюков, отставной чиновник, почетное лицо в городе.

Иван Лазаревич Растаковский, отставной чиновник, почетное лицо в городе.

Степан Иванович Коробкин, отставной чиновник, почетное лицо в городе.

Степан Ильич Уховертов, частный пристав.

Свистунов, полицейский

Пуговицын, полицейский

Держиморда, полицейский

Абдулин, купец.

Февронья Петровна Пошлепкина, слесарша.

Жена унтер-офицера.

Мишка, слуга городничего.

Слуга трактирный.

Гости и гостьи, купцы, мещане, просители.

Характеры и костюмы

Замечания для господ актеров

Городничий, уже постаревший на службе и очень неглупый по-своему человек. Хотя и взяточник, но ведет себя очень солидно; довольно сурьезен; несколько даже резонер; говорит ни громко, ни тихо, ни много, ни мало. Его каждое слово значительно. Черты лица его грубы и жестки, как у всякого начавшего службу с низших чинов. Переход от страха к радости, от грубости к высокомерию довольно быстр, как у человека с грубо развитыми склонностями души. Он одет, по обыкновению, в своем мундире с петлицами и в ботфортах со шпорами. Волоса на нем стриженые, с проседью.

Анна Андреевна, жена его, провинциальная кокетка, еще не совсем пожилых лет, воспитанная вполовину на романах и альбомах, вполовину на хлопотах в своей кладовой и девичьей. Очень любопытна и при случае выказывает тщеславие. Берет иногда власть над мужем потому только, что тот не находится, что отвечать ей; но власть эта распространяется только на мелочи и состоит

только в выговорах и насмешках. Она четыре раза переодевается в разные платья в продолжение пьесы.

Хлестаков, молодой человек лет двадцати трех, тоненький, худенький; несколько приглуповат и, как говорят, без царя в голове, — один из тех людей которых в канцеляриях называют пустейшими. Говорит и действует без всякого соображения. Он не в состоянии остановить постоянного внимания на какой-нибудь мысли. Речь его отрывиста, и слова вылетают из уст его совершенно неожиданно. Чем более исполняющий эту роль покажет чистосердечия и простоты, тем более он выиграет. Одет по моде.

Осип, слуга, таков, как обыкновенно бывают слуги несколько пожилых лет. Говорит сурьезно, смотрит несколько вниз, резонер и любит себе самому читать нравоучения для своего барина. Голос его всегда почти ровен, в разговоре с барином принимает суровое, отрывистое и несколько даже грубое выражение. Он умнее своего барина и потому скорее догадывается, но не любит много говорить и молча плут. Костюм его — серый или поношенный сюртук.

Бобчинский и **Добчинский**, оба низенькие, коротенькие, очень любопытные; чрезвычайно

похожи друг на друга; оба с небольшими брюшками; оба говорят скороговоркою и чрезвычайно много помогают жестами и руками. Добчинский немножко выше и сурьезнее Бобчинского, но Бобчинский развязнее и живее Добчинского.

Ляпкин-Тяпкин, судья, человек, прочитавший пять или шесть книг и потому несколько вольнодумен. Охотник большой на догадки, и потому каждому слову своему дает вес. Представляющий его должен всегда сохранять в лице своем значительную мину. Говорит басом с продолговатой растяжкой, хрипом и сапом — как старинные часы, которые прежде шипят, а потом уже бьют.

Земляника, попечитель богоугодных заведений, очень толстый, неповоротливый и неуклюжий человек, но при всем том проныра и плут. Очень услужлив и суетлив.

Почтмейстер, простодушный до наивности человек.

Прочие роли не требуют особых изъяснений. Оригиналы их всегда почти находятся перед глазами.

Господа актеры особенно должны обратить внимание на последнюю сцену. Последнее произнесенное слово должно произвесть электрическое потрясение на всех разом, вдруг. Вся

группа должна переменить положение в один миг ока. Звук изумления должен вырваться у всех женщин разом, как будто из одной груди. От несоблюдения сих замечаний может исчезнуть весь эффект.

Действие первое

Комната в доме городничего

Явление I

Городничий, попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, судья, частный пристав, лекарь, два квартальных.

Городничий. Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор.

Аммос Федорович. Как ревизор?

Артемий Филиппович. Как ревизор?

Городничий. Ревизор из Петербурга, инкогнито. И еще с секретным предписаньем.

Аммос Федорович. Вот те на!

Артемий Филиппович. Вот не было заботы, так подай!

Лука Лукич. Господи боже! еще и с секретным предписаньем!

Городничий. Я как будто предчувствовал: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Право, этаких я никогда

не видывал: черные, неестественной величины! пришли, понюхали — и пошли прочь. Вот я вам прочту письмо, которое получил я от Андрея Ивановича Чмыхова, которого вы, Артемий Филиппович, знаете. Вот что он пишет: «Любезный друг, кум и благодетель *(бормочет вполголоса, пробегая скоро глазами)*... и уведомить тебя». А! Вот: «Спешу, между прочим, уведомить тебя, что приехал чиновник с предписанием осмотреть всю губернию и особенно наш уезд *(значительно поднимает палец вверх)*. Я узнал это от самых достоверных людей, хотя он представляет себя частным лицом. Так как я знаю, что за тобою, как за всяким, водятся грешки, потому что ты человек умный и не любишь пропускать того, что плывет в руки...» *(остановясь)*, ну, здесь свои... «то советую тебе взять предосторожность, ибо он может приехать во всякий час, если только уже не приехал и не живет где-нибудь инкогнито... Вчерашнего дня я...» Ну, тут уж пошли дела семейные: «...сестра Анна Кирилловна приехала к нам со своим мужем; Иван Кириллович очень потолстел и все играет на скрыпке...» — и прочее, и прочее. Так вот какое обстоятельство!

Аммос Федорович. Да, обстоятельство такое... необыкновенно, просто необыкновенно. Что-ни-

будь недаром.

Лука Лукич. Зачем же, Антон Антонович, отчего это? Зачем к нам ревизор?

Городничий. Зачем! Так уж, видно, судьба! *(Вздохнув.)* До сих пор, благодарение богу, подбирались к другим городам; теперь пришла очередь к нашему.

Аммос Федорович. Я думаю, Антон Антонович, что здесь тонкая и больше политическая причина. Это значит вот что: Россия… да… хочет вести войну, и министерия-то, вот видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нет ли где измены.

Городничий. Эк куда хватили! Еще умный человек! В уездном городе измена! Что он, пограничный, что ли? Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь.

Аммос Федорович. Нет, я вам скажу, вы не того… вы не… Начальство имеет тонкие виды: даром что далеко, а оно себе мотает на ус.

Городничий. Мотает или не мотает, а я вас, господа, предуведомил. Смотрите, по своей части я кое-какие распоряженья сделал, советую и вам. Особенно вам, Артемий Филиппович! Без сомнения, проезжающий чиновник захочет прежде всего осмотреть подведомственные вам богоугодные заведения — и потому вы сделайте

так, чтобы все было прилично: колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецов, как обыкновенно они ходят по-домашнему.

Артемий Филиппович. Ну, это еще ничего. Колпаки, пожалуй, можно надеть и чистые.

Городничий. Да, и тоже над каждой кроватью надписать по латыни или на другом языке… Это уже по вашей части, Христиан Иванович, — всякую болезнь: когда кто заболел, которого дня и числа… Нехорошо, что у вас больные такой крепкий табак курят, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, если б их было меньше: тотчас отнесут к дурному смотрению или неискусству врача.

Артемий Филиппович. О! насчет врачеванья мы с Христианом Ивановичем взяли свои меры: чем ближе к натуре, тем лучше, — лекарств дорогих мы не употребляем. Человек простой: если умрет, то и так умрет; если выздоровеет, то и так выздоровеет. Да и Христиану Ивановичу затруднительно было б с ними изъясняться: он по-русски ни слова не знает.

Христиан Иванович издает звук, отчасти похожий на букву и и несколько на е.

Городничий. Вам тоже посоветовал бы, Аммос

Федорович, обратить внимание на присутственные места. У вас там в передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашних гусей с маленькими гусенками, которые так и шныряют под ногами. Оно, конечно, домашним хозяйством заводиться всякому похвально, и почему ж сторожу и не завесть его? только, знаете, в таком месте неприлично… Я и прежде хотел вам это заметить, но все как-то позабывал.

Аммос Федорович. А вот я их сегодня же велю всех забрать на кухню. Хотите, приходите обедать.

Городничий. Кроме того, дурно, что у вас высушивается в самом присутствии всякая дрянь и над самым шкапом с бумагами охотничий арапник. Я знаю, вы любите охоту, но все на время лучше его принять, а там, как проедет ревизор, пожалуй, опять его можете повесить. Также заседатель ваш… он, конечно, человек сведущий, но от него такой запах, как будто бы он сейчас вышел из винокуренного завода, — это тоже нехорошо. Я хотел давно об этом сказать вам, но был, не помню, чем-то развлечен. Есть против этого средства, если уже это действительно, как он говорит, у него природный запах: можно посоветовать ему

есть лук, или чеснок, или что-нибудь другое. В этом случае может помочь разными медикаментами Христиан Иванович.

Христиан Иванович издает тот же звук.

Аммос Федорович. Нет, этого уже невозможно выгнать: он говорит, что в детстве мамка его ушибла, и с тех пор от него отдает немного водкою.

Городничий. Да я только так заметил вам. Насчет же внутреннего распоряжения и того, что называет в письме Андрей Иванович грешками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить: нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так самим богом устроено, и волтерианцы напрасно против этого говорят.

Аммос Федорович. Что ж вы полагаете, Антон Антонович, грешками? Грешки грешкам — рознь. Я говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? Борзыми щенками. Это совсем иное дело.

Городничий. Ну, щенками, или чем другим — все взятки.

Аммос Федорович. Ну нет, Антон Антонович. А вот, например, если у кого-нибудь шуба стоит пятьсот рублей, да супруге шаль…

Городничий. Ну, а что из того, что вы берете взятки борзыми щенками? Зато вы в бога не веруете; вы в церковь никогда не ходите; а я, по крайней мере, в вере тверд и каждое воскресенье бываю в церкви. А вы… О, я знаю вас: вы если начнете говорить о сотворении мира, просто волосы дыбом поднимаются.

Аммос Федорович. Да ведь сам собою дошел, собственным умом.

Городничий. Ну, в ином случае много ума хуже, чем бы его совсем не было. Впрочем, я так только упомянул о уездном суде; а по правде сказать, вряд ли кто когда-нибудь заглянет туда; это уж такое завидное место, сам бог ему покровительствует. А вот вам, Лука Лукич, как смотрителю учебных заведений, нужно позаботиться особенно насчет учителей. Они люди, конечно, ученые и воспитывались в разных коллегиях, но имеют очень странные поступки, натурально неразлучные с ученым званием. Один из них, например, вот этот, что имеет толстое лицо… Не вспомню его фамилию, никак не может обойтись без того, чтобы взошедши на кафедру, не сделать гримасу, вот этак *(делает гримасу)*, и потом начнет рукою из-под галстука утюжить свою бороду. Конечно, если ученику сделает такую рожу, то оно еще

ничего: может быть, оно там и нужно так, об этом я не могу судить; но вы посудите сами, если он сделает это посетителю, — это может быть очень худо: господин ревизор или другой кто может принять это на свой счет. Из этого черт знает что может произойти.

Лука Лукич. Что ж мне, право, с ним делать? Я уж несколько раз ему говорил. Вот еще на днях, когда зашел было в класс наш предводитель, он скроил такую рожу, какой я никогда еще не видывал. Он-то ее сделал от доброго сердца, а мне выговор: зачем вольнодумные мысли внушаются юношеству.

Городничий. То же я должен вам заметить и об учителе по исторической части. Он ученая голова — это видно, и сведений нахватал тьму, но только объясняет с таким жаром, что не помнит себя. Я раз слушал его: ну покамест говорил об ассириянах и вавилонянах — еще ничего, а как добрался до Александра Македонского, то я не могу вам сказать, что с ним сделалось. Я думал, что пожар, ей-богу! Сбежал с кафедры и что есть силы хвать стулом об пол. Оно конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать? от этого убыток казне.

Лука Лукич. Да, он горяч! Я ему это несколько

раз уже замечал… Говорит: «Как хотите, для науки я жизни не пощажу».

Городничий. Да, таков уже неизъяснимый закон судеб: умный человек либо пьяница, или рожу такую состроит, что хоть святых выноси.

Лука Лукич. Не приведи господь служить по ученой части! Всего боишься: всякий мешается, всякому хочется показать, что он тоже умный человек.

Городничий. Это бы еще ничего, — инкогнито проклятое! Вдруг заглянет: «А, вы здесь, голубчики! А кто, скажет, здесь судья?» — «Ляпкин-Тяпкин». — «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодных заведений?» — «Земляника». «А подать сюда Землянику!» Вот что худо!

Явление II

Те же и почтмейстер.

Почтмейстер. Объясните, господа, что, какой чиновник едет?

Городничий. А вы разве не слышали?

Почтмейстер. Слышал от Петра Ивановича Бобчинского. Он только что был у меня в почтовой конторе.

Городничий. Ну, что? Как вы думаете об этом?

Почтмейстер. А что думаю? война с турками будет.

Аммос Федорович. В одно слово! я сам то же думал.

Городничий. Да, оба пальцем в небо попали!

Почтмейстер. Право, война с турками. Это все француз гадит.

Городничий. Какая война с турками! Просто нам плохо будет, а не туркам. Это уже известно: у меня письмо.

Почтмейстер. А если так, то не будет войны с турками.

Городничий. Ну что же вы, как вы, Иван Кузьмич?

Почтмейстер. Да что я? Как вы, Антон Антонович?

Городничий. Да что я? Страху-то нет, а так, немножко… Купечество да гражданство меня смущает. Говорят, что я им солоно пришелся, а я, вот ей-богу, если и взял с иного, то, право, без всякой ненависти. Я даже думаю *(берет его под руку и отводит в сторону)*, я даже думаю, не было ли на меня какого-нибудь доноса. Зачем же в самом деле к нам ревизор? Послушайте, Иван Кузьмич, нельзя ли вам, для общей нашей

пользы, всякое письмо, которое прибывает к вам в почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этак немножко распечатать и прочитать: не содержится ли в нем какого-нибудь донесения или просто переписки. Если же нет, то можно опять запечатать; впрочем, можно даже и так отдать письмо, распечатанное.

Почтмейстер. Знаю, знаю… Этому не учите, это я делаю не то чтоб из предосторожности, а больше из любопытства: смерть люблю узнать, что есть нового на свете. Я вам скажу, что это преинтересное чтение. Иное письмо с наслажденьем прочтешь — так описываются разные пассажи… а назидательность какая… лучше, чем в «Московских ведомостях»!

Городничий. Ну что ж, скажите, ничего не начитывали о каком-нибудь чиновнике из Петербурга?

Почтмейстер. Нет, о петербургском ничего нет, а о костромских и саратовских много говорится. Жаль, однако ж, что вы не читаете писем: есть прекрасные места. Вот недавно один поручик пишет к приятелю и описал бал в самом игривом… очень, очень хорошо: «Жизнь моя, милый друг, течет, говорит в эмпиреях: барышень много, музыка играет, штандарт скачет…» — с большим,

с большим чувством описал. Я нарочно оставил его у себя. Хотите, прочту?

Городничий. Ну, теперь не до того. Так сделайте милость, Иван Кузьмич: если на случай попадется жалоба или донесение, то без всяких рассуждений задерживайте.

Почтмейстер. С большим удовольствием.

Аммос Федорович. Смотрите, достанется вам когда-нибудь за это.

Почтмейстер. Ах, батюшки!

Городничий. Ничего, ничего. Другое дело, если бы вы из этого публичное что-нибудь сделали, но ведь это дело семейственное.

Аммос Федорович. Да, нехорошее дело заварилось! А я, признаюсь, шел было к вам, Антон Антонович, с тем чтобы попотчевать вас собачонкою. Родная сестра тому кобелю, которого вы знаете. Ведь вы слышали, что Чептович с Варховинским затеяли тяжбу, и теперь мне роскошь: травлю зайцев на землях и у того и другого.

Городничий. Батюшки, не милы мне теперь ваши зайцы: у меня инкогнито проклятое сидит в голове. Так и ждешь, что вот отворится дверь и — шасть…

Явление III

Те же, Бобчинский и Добчинский, оба входят, запыхавшись.

Бобчинский. Чрезвычайное происшествие!

Добчинский. Неожиданное известие!

Все. Что, что такое?

Добчинский. Непредвиденное дело: приходим в гостиницу…

Бобчинский*(перебивая)*. Приходим с Петром Ивановичем в гостиницу …

Добчинский*(перебивая)*. Э, позвольте, Петр Иванович, я расскажу.

Бобчинский. Э, нет, позвольте уж я… позвольте, позвольте… вы уж и слога такого не имеете…

Добчинский. А вы собьетесь и не припомните всего.

Бобчинский. Припомню, ей-богу, припомню. Уж не мешайте, пусть я расскажу, не мешайте! Скажите, господа, сделайте милость, чтоб Петр Иванович не мешал.

Городничий. Да говорите, ради бога, что такое? У меня сердце не на месте. Садитесь, господа! Возьмите стулья! Петр Иванович, вот вам стул.

Все усаживаются вокруг обоих Петров Ивановичей.

Ну, что, что такое?

Бобчинский. Позвольте, позвольте: я все по порядку. Как только имел удовольствие выйти от вас после того, как вы изволили смутиться полученным письмом, да-с, — так я тогда же забежал… уж, пожалуйста, не перебивайте, Петр Иванович! Уж все, все, все знаю-с. Так я, изволите видеть, забежал к Коробкину. А не заставши Коробкина-то дома, заворотил к Растаковскому, а не заставши Растаковского, зашел вот к Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да, идучи оттуда, встретился с Петром Ивановичем…

Добчинский*(перебивая)*. Возле будки, где продаются пироги.

Бобчинский. Возле будки, где продаются пироги. Да, встретившись с Петром Ивановичем, и говорю ему: «Слышали ли вы о новости-та, которую получил Антон Антонович из достоверного письма?» А Петр Иванович уж услыхали об этом от ключницы вашей Авдотьи, которая, не знаю, за чем-то была послана к Филиппу Антоновичу Почечуеву.

Добчинский*(перебивая)*. За бочонком для фран-

цузской водки.

Бобчинский*(отводя его руки)*. За бочонком для французской водки. Вот мы пошли с Петром-то Ивановичем к Почечуеву… Уж вы, Петр Иванович… энтого… не перебивайте, пожалуйста, не перебивайте!.. Пошли к Почечуеву, да на дороге Петр Иванович говорит: «Зайдем, говорит, в трактир. В Желудке-то у меня… с утра я ничего не ел, так желудочное трясение…» — да-с, в желудке-то у Петра Ивановича… «А в трактир, говорит, привезли теперь свежей семги, так мы закусим». Только что мы в гостиницу, как вдруг молодой человек…

Добчинский*(перебивая)*. Недурной наружности, в партикулярном платье…

Бобчинский. Недурной наружности, в партикулярном платье, ходит этак по комнате, и в лице этакое рассуждение… физиономия… поступки, и здесь *(вертит рукою около лба)* много, много всего. Я будто предчувствовал и говорю Петру Ивановичу: «Здесь что-нибудь неспроста-с». Да. А Петр-то Иванович уж мигнул пальцем и подозвали трактирщика-с, трактирщика Власа: у него жена три недели назад тому родила, и такой пребойкий мальчик, будет так же, как и отец, содержать трактир. Подозвавши Власа,

Петр Иванович и спроси его потихоньку: «Кто, говорит, этот молодой человек?» — а Влас и отвечает на это: «Это», — говорит… Э, не перебивайте, Петр Иванович, пожалуйста, не перебивайте; вы не расскажете, ей-богу не расскажете: вы пришепетываете; у вас, я знаю, один зуб во рту со свистом… «Это, говорит, молодой человек, чиновник, — да-с, — едущий из Петербурга, а по фамилии, говорит, Иван Александрович Хлестаков-с, а едет, говорит, в Саратовскую губернию и, говорит, престранно себя аттестует: другую уж неделю живет, из трактира не едет, забирает все на счет и не копейки не хочет платить». Как сказал он мне это, а меня так вот свыше и вразумило. «Э!» — говорю я Петру Ивановичу…

Добчинский. Нет, Петр Иванович, это я сказал: «э!»

Бобчинский. Сначала вы сказали, а потом и я сказал. «Э! — сказали мы с Петром Ивановичем. — А с какой стати сидеть ему здесь, когда дорога ему лежит в Саратовскую губернию?» Да-с. А вот он-то и есть этот чиновник.

Городничий. Кто, какой чиновник?

Бобчинский. Чиновник-та, о котором изволили получили нотицию, — ревизор.

Городничий*(в страхе)*. Что вы, господь с вами!

это не он.

Добчинский. Он! и денег не платит и не едет. Кому же б быть, как не ему? И подорожная прописана в Саратов.

Бобчинский. Он, он, ей-богу он… Такой наблюдательный: все обсмотрел. Увидел, что мы с Петром-то Ивановичем ели семгу, — больше потому, что Петр Иванович насчет своего желудка… да, так он и в тарелки к нам заглянул. Меня так и проняло страхом.

Городничий. Господи, помилуй нас, грешных! Где же он там живет?

Добчинский. В пятом номере, под лестницей.

Бобчинский. В том самом номере, где прошлого года подрались приезжие офицеры.

Городничий. И давно он здесь?

Добчинский. А недели две уж. Приехал на Василья Египтянина.

Городничий. Две недели! *(В сторону.)* Батюшки, сватушки! Выносите, святые угодники! В эти две недели высечена унтер-офицерская жена! Арестантам не выдавали провизии! На улицах кабак, нечистота! Позор! поношенье! *(Хватается за голову.)*

Артемий Филиппович. Что ж, Антон Антонович? — ехать парадом в гостиницу.

Аммос Федорович. Нет, нет! Вперед пустить голову, духовенство, купечество; вот и в книге «Деяния Иоанна Масона»…

Городничий. Нет, нет; позвольте уж мне самому. Бывали трудные случаи в жизни, сходили, еще даже и спасибо получал. Авось бог вынесет и теперь. *(Обращаясь к Бобчинскому.)* Вы говорите, он молодой человек?

Бобчинский. Молодой, лет двадцати трех или четырех с небольшим.

Городничий. Тем лучше: молодого скорее пронюхаешь. Беда, если старый черт, а молодой весь наверху. Вы, господа, приготовляйтесь по своей части, а я отправлюсь сам или вот хоть с Петром Ивановичем, приватно, для прогулки, наведаться, не терпят ли проезжающие неприятностей. Эй, Свистунов!

Свистунов. Что угодно?

Городничий. Ступай сейчас за частным приставом; или нет, ты мне нужен. Скажи там кому-нибудь, чтобы как можно поскорее ко мне частного пристава, и приходи сюда.

Квартальный бежит впопыхах.

Артемий Филиппович. Идем, идем, Аммос Федорович! В самом деле может случиться беда.

Аммос Федорович. Да вам чего бояться? Колпаки чистые надел на больных, да и концы в воду.

Артемий Филиппович. Какое колпаки! Больным велено габерсуп давать, а у меня по всем коридорам несет такая капуста, что береги только нос.

Аммос Федорович. А я на этот счет покоен. В самом деле, кто зайдет в уездный суд? А если и заглянет в какую-нибудь бумагу, так он жизни не будет рад. Я вот уж пятнадцать лет сижу на судейском стуле, а как загляну в докладную записку — а! только рукой махну. Сам Соломон не разрешит, что в ней правда и что неправда.

Судья, попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ и почтмейстер уходят и в дверях сталкиваются с возвращающимся квартальным.

Явление IV

Городничий, Бобчинский, Добчинский и квартальный.

Городничий. Что, дрожки там стоят?

Квартальный. Стоят.

Городничий. Ступай на улицу… или нет, по-

стой! Ступай принеси… Да другие-то где? неужели ты только один? Ведь я приказывал, чтобы и Прохоров был здесь. Где Прохоров?

Квартальный. Прохоров в частном доме, да только к делу не может быть употреблен.

Городничий. Как так?

Квартальный. Да так: привезли его поутру мертвецки. Вот уже два ушата воды вылили, до сих пор не протрезвился.

Городничий*(хватаясь за голову)*. Ах, боже мой, боже мой! Ступай скорее на улицу, или нет — беги прежде в комнату, слышь! и принеси оттуда шпагу и новую шляпу. Ну, Петр Иванович, поедем!

Бобчинский. И я, и я… позвольте и мне, Антон Антонович!

Городничий. Нет, нет, Петр Иванович, нельзя, нельзя! Неловко, да и на дрожках не поместимся.

Бобчинский. Ничего, ничего, я так: петушком, петушком побегу за дрожками. Мне бы только немножко в щелочку-та, в дверь этак посмотреть, как у него эти поступки…

Городничий*(принимая шпагу, к квартальному)*. Беги сейчас возьми десятских, да пусть каждый из них возьмет… Эк шпага как исцарапалась! Проклятый купчишка Абдулин — видит, что у городничего старая шпага, не прислал

новой. О, лукавый народ! А так, мошенники, я думаю, там уж просьбы из-под полы и готовят. Пусть каждый возьмет в руки по улице… черт возьми, по улице — по метле! и вымели бы всю улицу, что идет к трактиру, и вымели бы чисто… Слышишь! Да смотри: ты! ты! я знаю тебя: ты там кумаешься да крадешь в ботфорты серебряные ложечки, — смотри, у меня ухо востро!.. Что ты сделал с купцом Черняевым — а? Он тебе на мундир дал два аршина сукна, а ты стянул всю штуку. Смотри! не по чину берешь! Ступай!

Явление V

Те же и частный пристав.

Городничий. А, Степан Ильич! Скажите, ради бога: куда вы запропастились? На что это похоже?

Частный пристав. Я был тут сейчас за воротами.

Городничий. Ну, слушайте же, Степан Ильич. Чиновник-то из Петербурга приехал. Как вы там распорядились?

Частный пристав. Да так, как вы приказывали. Квартального Пуговицына я послал с десятскими

подчищать тротуар.

Городничий. А Держиморда где?

Частный пристав. Держиморда поехал на пожарной трубе.

Городничий. А Прохоров пьян?

Частный пристав. Пьян.

Городничий. Как же вы это допустили?

Частный пристав. Да бог его знает. Вчерашнего дня случилась за городом драка, — поехал туда для порядка, а возвратился пьян.

Городничий. Послушайте ж, вы сделайте вот что: квартальный Пуговицын… он высокого роста, так пусть стоит для благоустройства на мосту. Да разметать наскоро старый забор, что возле сапожника, и поставить соломенную веху, чтоб было похоже на планирование. Оно чем больше ломки, тем больше означает деятельности градоправителя. Ах, боже мой! я и позабыл, что возле того забора навалено на сорок телег всякого сору. Что это за скверный город! только где-нибудь поставь какой-нибудь памятник или просто забор — черт их знает откудова и нанесут всякой дряни! *(Вздыхает.)* Да если приезжий чиновник будет спрашивать службу: довольны ли? — чтобы говорили: «Всем довольны, ваше благородие»; а который будет недоволен, то ему

после дам такого неудовольствия… О, ох, хо, хо, х! грешен, во многом грешен. *(Берет вместо шляпы футляр.)* Дай только, боже, чтобы сошло с рук поскорее, а там-то я поставлю уж такую свечу, какой еще никто не ставил: на каждую бестию купца наложу доставить по три пуда воску. О боже мой, боже мой! Едем, Петр Иванович! *(Вместо шляпы хочет надеть бумажный футляр.)*

Частный пристав. Антон Антонович, это коробка, а не шляпа.

Городничий*(бросая коробку)*. Коробка так коробка. Черт с ней! Да если спросят, отчего не выстроена церковь при богоугодном заведении, на которую год назад была ассигнована сумма, то не позабыть сказать, что начала строиться, но сгорела. Я об этом и рапорт представлял. А то, пожалуй, кто-нибудь, позабывшись, сдуру скажет, что она и не начиналась. Да сказать Держиморде, чтобы не слишком давал воли кулакам своим; он, для порядка, всем ставит фонари под глазами — и правому, и виноватому. Едем, едем, Петр Иванович! *(Уходит и возвращается.)* Да не выпускать солдат на улицу безо всего: эта дрянная гарниза наденет только сверх рубашки мундир, а внизу ничего нет.

Все уходят.

Явление VI

Анна Андреевна и Марья Антоновна вбегают на сцену.

Анна Андреевна. Где ж, где ж они? Ах, боже мой!.. *(Отворяя дверь.)* Муж! Антоша! Антон! *(Говорит скоро.)* А все ты, а все за тобой. И пошла копаться: «Я булавочку, я косынку». *(Подбегает к окну и кричит.)* Антон, куда, куда? Что, приехал? ревизор? с усами! с какими усами?

Голос городничего. После, после, матушка!

Анна Андреевна. После? Вот новости — после! Я не хочу после… Мне только одно слово: что он, полковник? А? *(С пренебрежением.)* Уехал! Я тебе вспомню это! А все эта: «Маменька, маменька, погодите, зашпилю сзади косынку; я сейчас». Вот тебе и сейчас! Вот тебе ничего и не узнали! А все проклятое кокетство; услышала, что почтмейстер здесь, и давай пред зеркалом жеманиться: и с той стороны, и с этой стороны подойдет. Воображает, что он за ней волочится, а он просто тебе делает гримасу, когда ты отвернешься.

Марья Антоновна. Да что ж делать, маменька? Все равно чрез два часа мы все узнаем.

Анна Андреевна. Чрез два часа! покорнейше благодарю. Вот одолжила ответом! Как ты не догадалась сказать, что чрез месяц еще лучше можно узнать! *(Свешивается в окно.)* Эй, Авдотья! А? Что, Авдотья, ты слышала, там приехал кто-то?.. Не слышала? Глупая какая! Машет руками? Пусть машет, а ты бы все-таки его расспросила. Не могла этого узнать! В голове чепуха, все женихи сидят. А? Скоро уехали! да ты бы побежала за дрожками. Ступай, ступай сейчас! Слышишь, побеги расспроси, куда поехали; да расспроси хорошенько, что за приезжий, каков он, — слышишь? Подсмотри в щелку и узнай все, и глаза какие: черные или нет, и сию же минуту возвращайся назад, слышишь? Скорее, скорее, скорее, скорее! *(Кричит до тех пор, пока не опускается занавес. Так занавес и закрывает их обеих, стоящих у окна.)*

Действие второе

Маленькая комната в гостинице. Постель, стол, чемодан, пустая бутылка, сапоги, платяная щетка и прочее.

Явление I

Осип лежит на барской постели.

Черт побери, есть так хочется и в животе трескотня такая, как будто бы целый полк затрубил в трубы. Вот не доедем, да и только, домой! Что ты прикажешь делать? Второй месяц пошел, как уже из Питера! Профинтил дорогой денежки, голубчик, теперь сидит и хвост подвернул и не горячится. А стало бы, и очень бы стало на прогоны; нет, вишь ты, нужно в каждом городе показать себя! *(Дразнит его.)* «Эй, Осип, ступай посмотри комнату, лучшую, да обед спроси самый лучший: я не могу есть дурного обеда, мне нужен лучший обед». Добро бы было в самом деле что-нибудь путное, а то ведь елистратишка простой! С проезжающим знакомится, а потом в картишки — вот тебе и доигрался! Эх, надоела такая жизнь! Право,

на деревне лучше: оно хоть нет публичности, да и заботности меньше; возьмешь себе бабу, да и лежи весь век на полатях да ешь пироги. Ну, кто ж спорит: конечно, если пойдет на правду, так житье в Питере лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная: кеятры, собаки тебе танцуют, и все что хочешь. Разговаривает все на тонкой деликатности, что разве только дворянству уступит; пойдешь на Щукин — купцы тебе кричат: «Почтенный!»; на перевозе в лодке с чиновником сядешь; компании захотел — ступай в лавочку: там тебе кавалер расскажет про лагери и объявит, что всякая звезда значит на небе, так вот как на ладони все видишь. Старуха офицерша забредет; горничная иной раз заглянет такая… фу, фу, фу! *(Усмехается и трясет головою.)* Галантерейное, черт возьми, обхождение! Невежливого слова никогда не услышишь, всякой говорит тебе «вы». Наскучило идти — берешь себе извозчика и сидишь себе как барин, а не захочешь заплатить ему — изволь: у каждого дома есть сквозные ворота, и ты так шмыгнешь, что тебя никакой дьявол не сыщет. Одно плохо: иной раз славно наешься, а в другой чуть не лопнешь с голоду, как теперь, например. А все он виноват. Что с ним сделаешь? Батюшка пришлет денежки, чем бы их

попридержать — и куды!.. пошел кутить: ездит на извозчике, каждый день ты доставай в кеятр билет, а там через неделю, глядь — и посылает на толкучий продавать новый фрак. Иной раз все до последней рубашки спустит, так что на нем всего останется сертучишка да шинелишка… Ей-богу, правда! И сукно такое важное, аглицкое! рублев полтораста ему один фрак станет, а на рынке спустит рублей за двадцать; а о брюках и говорить нечего — нипочем идут. А отчего? — оттого, что делом не занимается: вместо того чтобы в должность, а он идет гулять по прешпекту, в картишки играет. Эх, если б узнал это старый барин! Он не посмотрел бы на то, что ты чиновник, а, поднявши рубашонку, таких бы засыпал тебе, что б дня четыре ты почесывался. Коли служить, так служи. Вот теперь трактирщик сказал, что не дам вам есть, пока не заплатите за прежнее; ну, а коли не заплатим? *(Со вздохом.)* Ах, боже ты мой, хоть бы какие-нибудь щи! Кажись, так бы теперь весь свет съел. Стучится; верно, это он идет. *(Поспешно схватывается с постели.)*

Явление II

Осип и Хлестаков.

Хлестаков. На, прими это. *(Отдает фуражку и тросточку.)* А, опять валялся на кровати?

Осип. Да зачем же бы мне валяться? Не видал я разве кровати, что ли?

Хлестаков. Врешь, валялся; видишь, вся склочена.

Осип. Да на что мне она? Не знаю я разве, что такое кровать? У меня есть ноги; я и постою. Зачем мне ваша кровать?

Хлестаков*(ходит по комнате)*. Посмотри, там в картузе табаку нет?

Осип. Да где ж ему быть, табаку? Вы четвертого дня последнее выкурили.

Хлестаков*(ходит и разнообразно сжимает свои губы; наконец говорит громким и решительным голосом)*. Послушай… эй, Осип!

Осип. Чего изволите?

Хлестаков*(громким, но не столь решительным голосом)*. Ты ступай туда.

Осип. Куда?

Хлестаков*(голосом вовсе не решительным и*

не громким, очень близким к просьбе). Вниз, в буфет… Там скажи… чтобы мне дали пообедать.

Осип. Да нет, я и ходить не хочу.

Хлестаков. Как ты смеешь, дурак!

Осип. Да так; все равно, хоть и пойду, ничего из этого не будет. Хозяин сказал, что больше не даст обедать.

Хлестаков. Как он смеет не дать? Вот еще вздор!

Осип. «Еще, говорит, и к городничему пойду; третью неделю барин денег не плотит. Вы-де с барином, говорит, мошенники, и барин твой — плут. Мы-де, говорят, этаких шерамыжников и подлецов видали».

Хлестаков. А ты уж и рад, скотина, сейчас пересказывать мне все это.

Осип. Говорит: «Этак всякий придет, обживется, задолжается, после и выгнать нельзя. Я, говорит, шутить не буду, я прямо с жалобой, чтоб на съезжую да в тюрьму».

Хлестаков. Ну, ну, дурак, полно! Ступай, ступай скажи ему. Такое грубое животное!

Осип. Да лучше я самого хозяина позову к вам.

Хлестаков. На что ж хозяина? Ты поди сам скажи.

Осип. Да, право, сударь…

Хлестаков. Ну, ступай, черт с тобой! позови хозяина.

Осип уходит.

Явление III

Хлестаков один.

Ужасно как хочется есть! Так немножко прошелся, думал, не пройдет ли аппетит, — нет, черт возьми, не проходит. Да, если б в Пензе я не покутил, стало бы денег доехать домой. Пехотный капитан сильно поддел меня: штосы удивительно, бестия, срезывает. Всего каких-нибудь четверть часа посидел — и все обобрал. А при всем том страх хотелось бы с ним еще раз сразиться. Случай только не привел. Какой скверный городишко! В овошенных лавках ничего не дают в долг. Это уж просто подло. *(Насвистывает сначала из «Роберта», потом «Не шей ты мне матушка», а наконец ни се ни то.)* Никто не хочет идти.

Явление IV

Хлестаков, Осип и трактирный слуга.

Слуга. Хозяин приказал спросить, что вам угодно?

Хлестаков. Здравствуй, братец! Ну, что ты, здоров?

Слуга. Слава богу.

Хлестаков. Ну, что, как у вас в гостинице? хорошо ли все идет?

Слуга. Да, слава богу, все хорошо.

Хлестаков. Много проезжающих?

Слуга. Да, достаточно.

Хлестаков. Послушай, любезный, там мне до сих пор обеда не приносят, так, пожалуйста, поторопи, чтоб поскорее, — видишь мне сейчас после обеда нужно кое-чем заняться.

Слуга. Да хозяин сказал, что не будет больше отпускать. Он, никак, хотел идти сегодня жаловаться городничему.

Хлестаков. Да что ж жаловаться? Посуди сам, любезный, как же? ведь мне нужно есть. Этак я могу совсем отощать. Мне очень есть хочется; я не шутя это говорю.

Слуга. Так-с. Он говорил: «Я ему обедать не дам, покамест он не заплатит мне за прежнее». Таков уж ответ его был.

Хлестаков. Да ты урезонь, уговори его.

Слуга. Да что ж ему такое говорить?

Хлестаков. Ты растолкуй ему сурьезно, что мне нужно есть. Деньги сами собою… Он, думает, что, как ему, мужику, ничего, если не поесть день, так и другим тоже. Вот новости!

Слуга. Пожалуй, я скажу.

Явление V

Хлестаков один.

Это скверно, однако ж, если он совсем ничего не даст есть. Так хочется, как еще никогда не хотелось. Разве из платья что-нибудь пустить в оборот? Штаны, что ли, продать? Нет, уж лучше поголодать, да приехать домой в петербургском костюме. Жаль, что Иохим не дал напрокат кареты, а хорошо бы, черт побери, приехать домой в карете, подкатить этаким чертом к какому-нибудь соседу-помещику под крыльцо, с фонарями, а Осипа сзади, одеть в ливрею. Как бы, я воображаю, все переполошились: «Кто такой, что

такое?» А лакей входит *(вытягивается и представляя лакея)*: «Иван Александрович Хлестаков из Петербурга, прикажете принять?» Они, пентюхи, и не знают, что такое значит «прикажете принять». К ним если приедет какой-нибудь гусь помещик, так и валит, медведь, прямо в гостиную. К дочечке какой-нибудь хорошенькой подойдешь: «Сударыня, как я ...» *(Потирает руки и подшаркивает ножкой.)* Тьфу! *(плюет)* даже тошнит, так есть хочется.

Явление VI

Хлестаков, Осип, потом слуга.

Хлестаков. А что?

Осип. Несут обед.

Хлестаков*(прихлопывает в ладоши и слегка подпрыгивает на стуле)*. Несут! несут! несут!

Слуга*(с тарелками и салфеткой)*. Хозяин в последний раз уж дает.

Хлестаков. Ну, хозяин, хозяин... Я плевать на твоего хозяина! Что там такое?

Слуга. Суп и жаркое.

Хлестаков. Как, только два блюда?

Слуга. Только-с.

Хлестаков. Вот вздор какой! я этого не принимаю. Ты скажи ему: что это, в самом деле, такое!.. Этого мало.

Слуга. Нет, хозяин говорит, что еще много.

Хлестаков. А соуса почем нет?

Слуга. Соуса нет.

Хлестаков. Отчего же нет? Я видел сам, проходя мимо кухни, там много готовилось. И в столовой сегодня поутру два каких-то коротеньких человека ели семгу и еще много кой-чего.

Слуга. Да оно-то есть, пожалуй, да нет.

Хлестаков. Как нет?

Слуга. Да уж нет.

Хлестаков. А семга, а рыба, а котлеты?

Слуга. Да это для тех, которые почище-с.

Хлестаков. Ах ты, дурак!

Слуга. Да-с.

Хлестаков. Поросенок ты скверный… Как же они едят, а я не ем? Отчего же я, черт возьми, не могу так же? Разве они не такие же проезжающие, как и я?

Слуга. Да уж известно, что не такие.

Хлестаков. Какие же?

Слуга. Обнакновенно какие! они уж известно: они деньги платят.

Хлестаков. Я с тобою, дурак, не хочу рассуж-

дать. *(Наливает суп и ест.)* Что это за суп? Ты просто воды налил в чашку: никакого вкусу нет, только воняет. Я не хочу этого супу, дай мне другого.

Слуга. Мы примем-с. Хозяин сказал: коли не хотите, то и не нужно.

Хлестаков*(защищая рукой кушанье)*. Ну, ну, ну… оставь, дурак! Ты привык там обращаться с другими: я, брат, не такого рода! со мной не советую… *(Ест.)* Боже мой, какой суп! *(Продолжает есть.)* Я думаю, еще ни один человек в мире не едал такого супу: какие-то перья плавают вместо масла. *(Режет курицу.)* Ай, ай, ай, какая курица! Дай жаркое! Там супу немного осталось, Осип, возьми себе. *(Режет жаркое.)* Что это за жаркое? Это не жаркое.

Слуга. Да что ж такое?

Хлестаков. Черт его знает, что это такое, только не жаркое. Это топор, зажаренный вместо говядины. *(Ест.)* Мошенники, канальи, чем они кормят! И челюсти заболят, если съешь один такой кусок. *(Ковыряет пальцем в зубах.)* Подлецы! Совершенно как деревянная кора, ничем вытащить нельзя; и зубы почернеют после этих блюд. Мошенники! *(Вытирает рот салфеткой.)* Больше ничего нет?

Слуга. Нет.

Хлестаков. Каналья! подлецы! и даже хотя бы какой-нибудь соус или пирожное. Бездельники! дерут только с проезжающих.

***Слуга** убирает и уносит тарелки вместе с Осипом.*

Явление VII

Хлестаков, потом Осип.

Хлестаков. Право, как будто бы и не ел; только что разохотился. Если бы мелочь, послать бы на рынок и купить хоть бы сайку.

Осип *(входит)*. Там зачем-то городничий приехал, осведомляется и спрашивает о вас.

Хлестаков*(испугавшись)*. Вот тебе на! Экая бестия трактирщик, успел уже пожаловаться! Что, если он в самом деле потащит меня в тюрьму? Что ж если благородным образом, я, пожалуй… нет, нет, не хочу! Там в городе таскаются офицеры и народ, а я, как нарочно, задал тону и перемигнулся с одной купеческой дочкой… Нет, не хочу… Да что он, как он смеет в самом деле? Что я ему, разве купец или ремесленник? *(Бодрится и выпрямливается.)* Да я ему прямо скажу: «Как вы смеете, как вы…» *(У дверей вертится ручка;*

Хлестаков бледнеет и съеживается.)

Явление VIII

Хлестаков, городничий и Добчинский. Городничий, вошед, останавливается. Оба в испуге смотрят несколько минут один на другого, выпучив глаза.

Городничий*(немного оправившись и протянув руки по швам)*. Желаю здравствовать!

Хлестаков*(кланяется)*. Мое почтение…

Городничий. Извините.

Хлестаков. Ничего…

Городничий. Обязанность моя, как градоначальника здешнего города, заботиться о том, чтобы проезжающим и всем благородным людям никаких притеснений…

Хлестаков*(сначала немного заикается, но к концу речи говорит громко)*. Да что ж делать? Я не виноват… Я, право, заплачу… Мне пришлют из деревни.

Бобчинский выглядывает из дверей.

Он больше виноват: говядину мне подает такую твердую, как бревно; а суп — он черт знает

чего плеснул туда, я должен был выбросить его за окно. Он меня морит голодом по целым дням… Чай такой странный, воняет рыбой, а не чаем. За что ж я… Вот новость!

Городничий*(робея)*. Извините, я, право, не виноват. На рынке у меня говядина всегда хорошая. Привозят холмогорские купцы, люди трезвые и поведения хорошего. Я уж не знаю, откуда он берет такую. А если что не так, то… Позвольте мне предложить вам переехать со мною на другую квартиру.

Хлестаков. Нет, не хочу! Я знаю, что значит на другую квартиру: то есть в тюрьму. Да какое вы имеете право? Да как вы смеете?.. Да вот я… Я служу в Петербурге. *(Бодрится.)* Я, я, я…

Городничий*(в сторону)*. О господи ты боже, какой сердитый! Все узнал, все рассказали проклятые купцы!

Хлестаков*(храбрясь)*. Да вот вы хоть тут со всей своей командой — не пойду! Я прямо к министру! *(Стучит кулаком по столу.)* Что вы? Что вы?

Городничий*(вытянувшись и дрожа всем телом)*. Помилуйте, не погубите! Жена, дети маленькие… не сделайте несчастным человека.

Хлестаков. Нет, я не хочу! Вот еще? мне какое дело? Оттого, что у вас жена и дети, я должен

идти в тюрьму, вот прекрасно!

Бобчинский выглядывает в дверь и в испуге прячется.

Нет, благодарю покорно, не хочу.

Городничий*(дрожа).* По неопытности, ей-богу по неопытности. Недостаточность состояния… Сами извольте посудить: казенного жалованья не хватает даже на чай и сахар. Если ж и были какие взятки, то самая малость: к столу что-нибудь да на пару платья. Что же до унтер-офицерской вдовы, занимающейся купечеством, которую я будто бы высек, то это клевета, ей-богу клевета. Это выдумали злодеи мои; это такой народ, что на жизнь мою готовы покуситься.

Хлестаков. Да что? мне нет никакого дела до них. *(В размышлении.)* Я не знаю, однако ж, зачем вы говорите о злодеях или о какой-то унтер-офицерской вдове… Унтер-офицерская жена совсем другое, а меня вы не смеете высечь, до этого вам далеко… Вот еще! смотри ты какой!.. Я заплачу, заплачу деньги, но у меня теперь нет. Я потому и сижу здесь, что у меня нет ни копейки.

Городничий*(в сторону).* О, тонкая штука! Эк куда метнул! какого туману напустил! разбери кто хочет! Не знаешь, с какой стороны и приняться.

Ну да уж попробовать не куды пошло! Что будет, то будет, попробовать на авось. *(Вслух.)* Если вы точно имеет нужду в деньгах или в чем другом, то я готов служить свою минуту. Моя обязанность помогать проезжающим.

Хлестаков. Дайте, дайте мне взаймы! Я сейчас же расплачусь с трактирщиком. Мне бы только рублей двести или хоть даже и меньше.

Городничий*(поднося бумажки)*. Ровно двести рублей, хоть и не трудитесь считать.

Хлестаков*(принимая деньги)*. Покорнейше благодарю. Я вам тотчас пришлю их из деревни… у меня это вдруг… Я вижу, вы благородный человек. Теперь другое дело.

Городничий*(в сторону)*. Ну, слава богу! деньги взял. Дело, кажется, пойдет теперь на лад. Я таки ему вместо двухсот четыреста ввернул.

Хлестаков. Эй, Осип!

***Осип** входит.*

Позови сюда трактирного слугу! *(К городничему и Добчинскому.)* А что же вы стоите? Сделайте милость, садитесь. *(Добчинскому.)* Садитесь, прошу покорнейше.

Городничий. Ничего, мы и так постоим.

Хлестаков. Сделайте милость, садитесь. Я те-

перь вижу совершенно откровенность вашего нрава и радушие, а то, признаюсь, я уж думал, что вы пришли с тем, чтобы меня… *(Добчинскому.)* Садитесь.

Городничий и Добчинский садятся. Бобчинский выглядывает в дверь и прислушивается.

Городничий*(в сторону)*. Нужно быть посмелее. Он хочет, чтобы считали его инкогнитом. Хорошо, подпустим и мы турусы; прикинемся, как будто совсем и не знаем, что он за человек. *(Вслух.)* Мы, прохаживаясь по делам должности, вот с Петром Ивановичем Добчинским, здешним помещиком, зашли нарочно в гостиницу, чтобы осведомиться, хорошо ли содержатся проезжающие, потому что я не так, как иной городничий, которому ни до чего дела нет; но я, кроме должности, еще и по христианскому человеколюбию хочу, чтобы всякому смертному оказывался хороший прием, — и вот, как будто в награду, случай доставил такое приятное знакомство.

Хлестаков. Я тоже сам очень рад. Без вас я, признаюсь, долго бы просидел здесь: совсем не знал, чем заплатить.

Городничий*(в сторону)*. Да, рассказывай, не знал, чем заплатить? *(Вслух.)* Осмелюсь ли спро-

сить: куда и в какие места ехать изволите?

Хлестаков. Я еду в Саратовскую губернию, в собственную деревню.

Городничий*(в сторону, с лицом, принимающим ироническое выражение)*. В Саратовскую губернию! А? и не покраснеет! О, да с ним нужно ухо востро. *(Вслух.)* Благое дело изволили предпринять. Ведь вот относительно дороги: говорят, с одной стороны, неприятности насчет задержки лошадей, а ведь, с другой стороны, развлеченье для ума. Ведь вы, чай, больше для собственного удовольствия едете?

Хлестаков. Нет, батюшка меня требует. Рассердился старик, что до сих пор ничего не выслужил в Петербурге. Он думает, что так вот приехал да сейчас тебе Владимира в петлицу и дадут. Нет, я бы послал его самого потолкаться в канцелярию.

Городничий*(в сторону)*. Прошу посмотреть, какие пули отливает! и старика отца приплел! *(Вслух.)* И на долгое время изволите ехать?

Хлестаков. Право, не знаю. Ведь мой отец упрям и глуп, старый хрен, как бревно. Я ему прямо скажу: как хотите, я не могу жить без Петербурга. За что ж, в самом деле, я должен погубить жизнь с мужиками? Теперь не те потребности, душа моя жаждет просвещения.

Городничий*(в сторону)*. Славно завязал узелок! Врет, врет — и нигде не оборвется! А ведь какой невзрачный, низенький, кажется, ногтем бы придавил его. Ну, да, постой, ты у меня проговоришься. Я тебя уж заставлю побольше рассказать! *(Вслух.)* Справедливо изволили заметить. Что можно сделать в глуши? Ведь вот хоть бы здесь: ночь не спишь, стараешься для отечества, не жалеешь ничего, а награда неизвестно еще когда будет. *(Окидывает глазами комнату.)* Кажется, эта комната несколько сыра?

Хлестаков. Скверная комната, и клопы такие, каких я нигде не видывал: как собаки кусают.

Городничий. Скажите! такой просвещенный гость, и терпит — от кого же? — от каких-нибудь негодных клопов, которым бы и на свет не следовало родиться. Никак, даже темно в этой комнате?

Хлестаков. Да, совсем темно. Хозяин завел обыкновение не отпускать свечей. Иногда что-нибудь хочется сделать, почитать или придет фантазия сочинить что-нибудь, — не могу: темно, темно.

Городничий. Осмелюсь ли просить вас… но нет, я недостоин.

Хлестаков. А что?

Городничий. Нет, нет, недостоин, недостоин!

Хлестаков. Да что ж такое?

Городничий. Я бы дерзнул… У меня в доме есть прекрасная для вас комната, светлая, покойная… Но нет, чувствую сам, это уж слишком большая честь… Не рассердитесь — ей-богу, от простоты души предложил.

Хлестаков. Напротив, извольте, я с удовольствием. Мне гораздо приятнее в приватном доме, чем в этом кабаке.

Городничий. А уж я так буду рад! А уж как жена обрадуется! У меня уже такой нрав: гостеприимство с самого детства, особливо если гость просвещенный человек. Не подумайте, чтобы я говорил это из лести; нет, не имею этого порока, от полноты души выражаюсь.

Хлестаков. Покорно благодарю. Я сам тоже — я не люблю людей двуличных. Мне очень нравятся ваша откровенность и радушие, и я бы, признаюсь, больше бы ничего и не требовал, как только оказывай мне преданность и уваженье, уваженье и преданность.

Явление IX

Те же и трактирный слуга, сопровождаемый Осипом. Бобчинский выглядывает в дверь.

Слуга. Изволили спрашивать?

Хлестаков. Да; подай счет.

Слуга. Я уж давича подал вам другой счет.

Хлестаков. Я уж не помню твоих глупых счетов. Говори, сколько там?

Слуга. Вы изволили в первый день спросить обед, а на другой день только закусили семги и потом пошли все в долг брать.

Хлестаков. Дурак! еще начал высчитывать. Всего сколько следует?

Городничий. Да вы не извольте беспокоиться, он подождет. *(Слуге.)* Пошел вон, тебе пришлют.

Хлестаков. В самом деле, и то правда. *(Прячет деньги.)*

Слуга уходит. В дверь выглядывает Бобчинский.

Явление X

Городничий, Хлестаков, Добчинский.

Городничий. Не угодно ли будет вам осмотреть теперь некоторые заведения в нашем городе, как-то — богоугодные и другие?

Хлестаков. А что там такое?

Городничий. А так, посмотрите, какое у нас течение дел… порядок какой…

Хлестаков. С большим удовольствием, я готов.

Бобчинский выставляет голову в дверь.

Городничий. Также, если будет ваше желание, оттуда в уездное училище, осмотреть порядок, в каком преподаются у нас науки.

Хлестаков. Извольте, извольте.

Городничий. Потом, если пожелаете посетить острог и городские тюрьмы — рассмотрите, как у нас содержатся преступники.

Хлестаков. Да зачем же тюрьмы? Уж лучше мы обсмотрим богоугодные заведения.

Городничий. Как вам угодно. Как вы намерены: в своем экипаже или вместе со мною на дрожках?

Хлестаков. Да, я лучше с вами на дрожках поеду.

Городничий*(Добчинскому)*. Ну, Петр Иванович, вам теперь нет места.

Добчинский. Ничего, я так.

Городничий*(тихо, Добчинскому)*. Слушайте: вы побегите, да бегом, во все лопатки и снесите две записки: одну в богоугодное заведение Землянике, а другую жене. *(Хлестакову)* Осмелюсь ли я попросить позволения написать в вашем присутствии одну строчку жене, чтоб она приготовилась к принятию почтенного гостя?

Хлестаков. Да зачем же?.. А впрочем, тут и чернила, только бумаги — не знаю… Разве на этом счете?

Городничий. Я здесь напишу. *(Пишет и в то же время говорит про себя.)* А вот посмотрим, как пойдет дело после фриштика да бутылки толстобрюшки! Да есть у нас губернская мадера: неказиста на вид, а слона повалит с ног. Только бы мне узнать, что он такое и в какой мере нужно его опасаться. *(Написавши, отдает Добчинскому, который подходит к двери, но в это время дверь обрывается, и подслушивавший с другой стороны Бобчинский летит вместе с ней на сцену. Все издают восклицания. Бобчинский подымается.)*

Хлестаков. Что? Не ушиблись ли вы где-нибудь?

Бобчинский. Ничего, ничего-с, без всякого-с помешательства, только сверх носа небольшая нашлепка! Я забегу к Христиану Ивановичу: у него-с есть пластырь такой, так вот оно и пройдет.

Городничий*(делая Бобчинскому укорительный знак, Хлестакову)*. Это-с ничего. Прошу покорнейше, пожалуйте! А слуге вашему я скажу, чтобы перенес чемодан. *(Осипу.)* Любезнейший, ты перенеси все ко мне, к городничему, — тебе всякий покажет. Прошу покорнейше! *(Пропускает вперед Хлестакова и следует за ним, но оборотившись, говорит с укоризной Бобчинскому.)* Уж и вы! не нашли другого места упасть! И растянулся, как черт знает что такое. *(Уходит; за ним Бобчинский.)*

Занавес опускается.

Действие третье

Комната первого действия

Явление I

Анна Андреевна и Марья Антоновна стоят у окна в тех же самых положениях.

Анна Андреевна. Ну вот, уж целый час дожидаемся, а все ты со своим глупым жеманством: совершенно оделась, нет, еще нужно копаться… Было бы не слушать ее вовсе. Экая досада! как нарочно, ни души! как будто бы вымерло все.

Марья Антоновна. Да, право, маменька, чрез минуты две все узнаем. Уж скоро Авдотья должна прийти. *(Всматривается в окно и вскрикивает.)* Ах, маменька, маменька! кто-то идет, вон в конце улицы.

Анна Андреевна. Где идет? У тебя вечно какие-нибудь фантазии. Ну да, идет. Кто же это идет? Небольшого роста… во фраке… Кто ж это? а? Это, однако ж, досадно! Кто ж бы это такой был?

Марья Антоновна. Это Добчинский, маменька.

Анна Андреевна. Какой Добчинский? Тебе

всегда вдруг вообразится этакое... Совсем не Добчинский. *(Машет платком.)* Эй вы, ступайте сюда! скорее!

Марья Антоновна. Право, маменька, Добчинский.

Анна Андреевна. Ну вот, нарочно, чтобы только поспорить. Говорят тебе — не Добчинский.

Марья Антоновна. А что? а что, маменька? Видите, что Добчинский.

Анна Андреевна. Ну да, Добчинский, теперь я вижу, — из чего же ты споришь? *(Кричит в окно.)* Скорей, скорей! вы тихо идете. Ну что, где они? А? Да говорите же оттуда — все равно. Что? очень строгий? А? А муж, муж? *(Немного отступя от окна, с досадою.)* Такой глупый: до тех пор, пока не войдет в комнату, ничего не расскажет!

Явление II

Те же и Добчинский.

Анна Андреевна. Ну, скажите, пожалуйста: ну, не совестно ли вам? Я на вас одних полагалась, как на порядочного человека: все вдруг выбежали, и вы туда ж за ними! и я вот ни от кого до сих пор толку не доберусь. Не стыдно ли вам? Я у вас

крестила вашего Ванечку и Лизаньку, а вы вот как со мною поступили!

Добчинский. Ей-богу, кумушка, так бежал засвидетельствовать почтение, что не могу духу перевесть. Мое почтение, Марья Антоновна!

Марья Антоновна. Здравствуйте, Петр Иванович!

Анна Андреевна. Ну что? Ну рассказывайте: что и как там?

Добчинский. Антон Антонович прислал вам записочку.

Анна Андреевна. Ну, да кто он такой? генерал?

Добчинский. Нет, не генерал, а не уступит генералу: такое образование и важные поступки-с.

Анна Андреевна. А! так это тот самый, о котором было писано мужу.

Добчинский. Настоящий. Я это первый открыл вместе с Петром Ивановичем.

Анна Андреевна. Ну, расскажите: что и как?

Добчинский. Да, слава богу, все благополучно. Сначала он принял было Антона Антоновича немного сурово, да-с; сердился и говорил, что и в гостинице все нехорошо, и к нему не поедет, и что он не хочет сидеть за него в тюрьме; но потом, как узнал невинность Антона Антоновича и как покороче разговорился с ним, тотчас переменил

мысли, и, слава богу, все пошло хорошо. Они теперь поехали осматривать богоугодные заведения… А то, признаюсь, уже Антон Антонович думали, не было ли тайного доноса; я сам тоже перетрухнул немножко.

Анна Андреевна. Да вам-то чего бояться? ведь вы не служите.

Добчинский. Да так, знаете, когда вельможа говорит, чувствуешь страх.

Анна Андреевна. Ну, что ж… это все, однако, вздор. Расскажите, каков он собою? что, стар или молод?

Добчинский. Молодой, молодой человек; лет двадцати трех: а говорит совсем так, как старик: «Извольте, говорит, я поеду и туда, и туда…» *(размахивает руками)* так это все славно. «Я, говорит, и написать, и почитать люблю, но, мешает, что в комнате, говорит, немножко темно.»

Анна Андреевна. А собой каков он: брюнет или блондин?

Добчинский. Нет, больше шантрет, и глаза такие быстрые, как зверки, так в смущенье даже приводят.

Анна Андреевна. Что тут пишет он мне в записке? *(Читает.)* «Спешу тебя уведомить, душенька, что состояние мое было весьма печальное, но,

уповая на милосердие божие, за два соленых огурца особенно и за полпорции икры рубль двадцать пять копеек…» *(Останавливается.)* Я ничего не понимаю, к чему же тут соленые огурцы и икра?

Добчинский. А, это Антон Антонович писали на черновой бумаге по скорости: так какой-то счет был написан.

Анна Андреевна. А, да, точно. *(Продолжает читать.)* «Но, уповая на милосердие божие, кажется, все будет к хорошему концу. Приготовь поскорее комнату для важного гостя, ту, что выклеена желтыми бумажками; к обеду прибавлять не трудись, потому что закусим в богоугодном заведении у Артемия Филипповича, а вину вели побольше; скажи купцу Абдулину, чтобы прислал самого лучшего, а не то я перерою весь его погреб. Целуя, душенька, твою ручку, остаюсь твой: Антон Сквозник-Дмухановский…» Ах, боже мой! Это, однако ж, нужно поскорей! Эй, кто там? Мишка!

Добчинский*(бежит и кричит в дверь)*. Мишка! Мишка! Мишка!

Мишка *входит.*

Анна Андреевна. Послушай: беги к купцу Абдулину… постой, я дам тебе записочку *(садится*

к столу, пишет записку и между тем говорит): эту записку ты отдай кучеру Сидору, чтоб он побежал с нею к купцу Абдулину и принес оттуда вина. А сам поди сейчас прибери хорошенько эту комнату для гостя. Там поставить кровать, рукомойник и прочее.

Добчинский. Ну, Анна Андреевна, я побегу теперь поскорее посмотреть, как там он обозревает.

Анна Андреевна. Ступайте, ступайте! я не держу вас.

Явление III

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ну, Машенька, нам нужно теперь заняться туалетом. Он столичная штучка: боже сохрани, чтобы чего-нибудь не осмеял. Тебе приличнее всего надеть твое голубое платье с мелкими оборками.

Марья Антоновна. Фи, маменька, голубое! Мне совсем не нравится: и Ляпкина-Тяпкина ходит в голубом, и дочь Земляники в голубом. Нет, лучше я надену цветное.

Анна Андреевна. Цветное!.. Право, говоришь

— лишь бы только наперекор. Оно тебе будет гораздо лучше, потому что я хочу надеть палевое; я очень люблю палевое.

Марья Антоновна. Ах, маменька, вам нейдет палевое!

Анна Андреевна. Мне палевое нейдет?

Марья Антоновна. Нейдет, я что угодно даю, нейдет: для этого нужно, чтобы глаза были совсем темные.

Анна Андреевна. Вот хорошо! а у меня глаза разве не темные? самые темные. Какой вздор говорит! Как же не темные, когда я и гадаю про себя всегда на трефовую даму?

Марья Антоновна. Ах, маменька! вы больше червонная дама.

Анна Андреевна. Пустяки, совершенные пустяки! Я никогда не была червонная дама. *(Поспешно уходит вместе с Марьей Антоновной и говорит за сценою.)* Этакое вдруг вообразится! червонная дама! Бог знает что такое!

По уходе их отворяются двери, и Мишка выбрасывает из них сор. Из других дверей выходит Осип с чемоданом на голове.

Явление IV

Мишка и Осип.

Осип. Куда тут?

Мишка. Сюда, дядюшка, сюда.

Осип. Постой, прежде дай отдохнуть. Ах ты, горемычное житье! На пустое брюхо всякая ноша кажется тяжела.

Мишка. Что, дядюшка, скажите: скоро будет генерал?

Осип. Какой генерал?

Мишка. Да барин ваш.

Осип. Барин? Да какой он генерал?

Мишка. А разве не генерал?

Осип. Генерал, да только с другой стороны.

Мишка. Что ж, это больше или меньше настоящего генерала?

Осип. Больше.

Мишка. Вишь ты, как! то-то у нас сумятицу подняли.

Осип. Послушай, малый: ты, я вижу, проворный парень; приготовь-ка там что-нибудь поесть.

Мишка. Да для вас, дядюшка, еще ничего не готово. Простова блюда вы не будете кушать, а

вот как барин ваш сядет за стол, так и вам того же кушанья отпустят.

Осип. Ну, а простова-то что у вас есть?

Мишка. Щи, каша и пироги.

Осип. Давай их, щи, кашу и пироги! Ничего, все будем есть. Ну, понесем чемодан! Что, там другой выход есть?

Мишка. Есть.

Оба несут чемодан в боковую комнату.

Явление V

Квартальные отворяют обе половинки дверей. Входит Хлестаков: за ним городничий, далее попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, Добчинский и Бобчинский с пластырем на носу. Городничий указывает квартальным на полу бумажку — они бегут и снимают ее, толкая друг друга впопыхах.

Хлестаков. Хорошие заведения. Мне нравится, что у вас показывают проезжающим все в городе. В других городах мне ничего не показывали.

Городничий. В других городах, осмелюсь вам доложить, градоправители и чиновники больше заботятся о своей, то есть, пользе. А здесь, можно

сказать, нет другого помышления, кроме того, чтобы благочинием и бдительностью заслужить внимание начальства.

Хлестаков. Завтрак был очень хорош; я совсем объелся. Что, у вас каждый день бывает такой?

Городничий. Нарочно для приятного гостя.

Хлестаков. Я люблю поесть. Ведь на то живешь, чтобы срывать цветы удовольствия. Как называлась эта рыба?

Артемий Филиппович *(подбегая)*. Лабардан-с.

Хлестаков. Очень вкусная. Где это мы завтракали? в больнице, что ли?

Артемий Филиппович. Так точно-с, в богоугодном заведении.

Хлестаков. Помню, помню, там стояли кровати. А больные выздоровели? там их, кажется, немного.

Артемий Филиппович. Человек десять осталось, не больше; а прочие все выздоровели. Это уж так устроено, такой порядок. С тех пор, как я принял начальство, — может быть, вам покажется даже невероятным, — все как мухи выздоравливают. Больной не успеет войти в лазарет, как уже здоров; и не столько медикаментами, сколько честностью и порядком.

Городничий. Уж на что, осмелюсь доложить

вам, головоломна обязанность градоначальника! Столько лежит всяких дел, относительно одной чистоты, починки, поправки… словом, наиумнейший человек пришел бы в затруднение, но, благодарение богу, все идет благополучно. Иной городничий, конечно, радел бы о своих выгодах; но, верите ли, что, даже когда ложишься спать, все думаешь: «Господи боже ты мой, как бы так устроить, чтобы начальство увидело мою ревность и было довольно?..» Наградит ли оно или нет — конечно, в его воле; по крайней мере, я буду спокоен в сердце. Когда в городе во всем порядок, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяниц мало… то чего ж мне больше? Ей-ей, и почестей никаких не хочу. Оно, конечно, заманчиво, но пред добродетелью все прах и суета.

Артемий Филиппович *(в сторону)*. Эка, бездельник, как расписывает! Дал же бог такой дар!

Хлестаков. Это правда. Я, признаюсь, сам люблю иногда заумствоваться: иной раз прозой, а в другой раз и стишки выкинутся.

Бобчинский*(Добчинскому)*. Справедливо, все справедливо, Петр Иванович! Замечания такие… видно, что наукам учился.

Хлестаков. Скажите, пожалуйста, нет ли у вас каких-нибудь развлечений, обществ, где бы мож-

но было, например, поиграть в карты?

Городничий*(в сторону).* Эге, знаем, голубчик, в чей огород камешки бросают! *(Вслух.)* Боже сохрани! здесь и слуху нет о таких обществах. Я карт и в руки никогда не брал; даже не знаю, как играть в эти карты. Смотреть никогда не мог на них равнодушно; и если случится увидеть этак какого-нибудь бубнового короля или что-нибудь другое, то такое омерзение нападет, что просто плюнешь. Раз как-то случилось, забавляя детей, выстроил будку из карт, да после того всю ночь снились, проклятые. Бог с ними! Как можно, чтобы такое драгоценное время убивать на них?

Лука Лукич*(в сторону).* А у меня, подлец, выпонтировал вчера сто рублей.

Городничий. Лучше ж я употреблю это время на пользу государственную.

Хлестаков. Ну, нет, вы напрасно, однако же… Все зависит от той стороны, с которой кто смотрит на вещь. Если, например, забастуешь тогда, как нужно гнуть от трех углов… ну, тогда конечно… Нет, не говорите, иногда очень заманчиво поиграть.

Явление VI

Те же, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничий. Осмелюсь представить семейство мое: жена и дочь.

Хлестаков*(раскланиваясь).* Как я счастлив, сударыня, что имею в своем роде удовольствие вас видеть.

Анна Андреевна. Нам еще более приятно видеть такую особу.

Хлестаков*(рисуясь).* Помилуйте, сударыня, совершенно напротив: мне еще приятнее.

Анна Андреевна. Как можно-с! Вы это так изволите говорить, для комплимента. Прошу покорно садиться.

Хлестаков. Возле вас стоять уже есть счастие; впрочем, если вы так уже непременно хотите, я сяду. Как я счастлив, что наконец сижу возле вас.

Анна Андреевна. Помилуйте, я никак не смею принять на свой счет… Я думаю, после столицы вояжировка вам показалась очень неприятною.

Хлестаков. Чрезвычайно неприятна. Привыкши жить, comprenez vous, в свете, и вдруг очутиться в дороге: грязные трактиры, мрак

невежества… Если б, признаюсь, не такой случай, который меня… *(посматривает на Анну Андреевну и рисуется перед ней)* так вознаградил за все…

Анна Андреевна. В самом деле, как вам должно быть неприятно.

Хлестаков. Впрочем, сударыня, в эту минуту мне очень приятно.

Анна Андреевна. Как можно-с! Вы делаете много чести. Я этого не заслуживаю.

Хлестаков. Отчего же не заслуживаете?

Анна Андреевна. Я живу в деревне…

Хлестаков. Да деревня, впрочем, тоже имеет свои пригорки, ручейки… Ну, конечно, кто же сравнит с Петербургом! Эх, Петербург! что за жизнь, право! Вы, может быть, думаете, что я только переписываю; нет, начальник отделения со мной на дружеской ноге. Этак ударит по плечу: «Приходи, братец, обедать!» Я только на две минуты захожу в департамент, с тем только, чтобы сказать: «Это вот так, это вот так!» А там уж чиновник для письма, этакая крыса, пером только — тр, тр… пошел писать. Хотели было даже меня коллежским асессором сделать, да, думаю, зачем. И сторож летит еще на лестнице за мною со щеткою: «Позвольте, Иван Александрович, я вам, говорит, сапоги почищу». *(Городничему.)* Что

вы, господа, стоите? Пожалуйста, садитесь!

Все вместе.

Городничий. Чин такой, что еще можно постоять.

Артемий Филиппович. Мы постоим.

Лука Лукич. Не извольте беспокоиться.

Хлестаков. Без чинов, прошу садиться.

Городничий и все садятся.

Хлестаков. Я не люблю церемонии. Напротив, я даже всегда стараюсь проскользнуть незаметно. Но никак нельзя скрыться, никак нельзя! Только выйду куда-нибудь, уж и говорят: «Вон, говорят, Иван Александрович идет!» А один раз меня даже приняли за главнокомандующего: солдаты выскочили из гауптвахты и сделали ружьем. После уже офицер, который мне очень знаком, говорит мне: «Ну, братец, мы тебя совершенно приняли за главнокомандующего».

Анна Андреевна. Скажите как!

Хлестаков. С хорошенькими актрисами знаком. Я ведь тоже разные водевильчики… Литераторов часто вижу. С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: «Ну что, брат Пушкин?» — «Да так, брат, — отвечает, бывало, — так как-то все…» Большой оригинал.

Анна Андреевна. Так вы и пишете? Как это должно быть приятно сочинителю! Вы, верно, и в журналы помещаете?

Хлестаков. Да, и в журналы помещаю. Моих, впрочем, много есть сочинений: «Женитьба Фигаро», «Роберт-Дьявол», «Норма». Уж и названий даже не помню. И все случаем: я не хотел писать, но театральная дирекция говорит: «Пожалуйста, братец, напиши что-нибудь». Думаю себе: «Пожалуй, изволь братец!» И тут же в один вечер, кажется, все написал, всех изумил. У меня легкость необыкновенная в мыслях. Все это, что было под именем барона Брамбеуса, «Фрегат Надежды» и «Московский телеграф»... все это я написал.

Анна Андреевна. Скажите, так это вы были Брамбеус?

Хлестаков. Как же, я им всем поправляю статьи. Мне Смирдин дает за это сорок тысяч.

Анна Андреевна. Так, верно, и «Юрий Милославский» ваше сочинение?

Хлестаков. Да, это мое сочинение.

Марья Антоновна. Ах, маменька, там написано, что это господина Загоскина сочинение.

Анна Андреевна. Ну вот: я и знала, что даже здесь будешь спорить.

Хлестаков. Ах да, это правда, это точно Загоскина; а вот есть другой «Юрий Милославский», так тот уж мой.

Анна Андреевна. Ну, это, верно, я ваш читала. Как хорошо написано!

Хлестаков. Я, признаюсь, литературой существую. У меня дом первый в Петербурге. Так уж и известен: дом Ивана Александровича. *(Обращаясь ко всем.)* Сделайте милость, господа, если будете в Петербурге, прошу, прошу ко мне. Я ведь тоже балы даю.

Анна Андреевна. Я думаю, с каким там вкусом и великолепием дают балы!

Хлестаков. Просто не говорите. На столе, например, арбуз — в семьсот рублей арбуз. Суп в кастрюльке прямо на пароходе приехал из Парижа; откроют крышку — пар, которому подобного нельзя отыскать в природе. Я всякий день на балах. Там у нас и вист свой составился: министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я. И уж так уморишься, играя, что просто ни на что не похоже. Как взбежишь по лестнице к себе на четвертый этаж — скажешь только кухарке: «На, Маврушка, шинель…» Что ж я вру — я и позабыл, что живу в бельэтаже. У меня одна лестница

сто'ит… А любопытно взглянуть ко мне в переднюю, когда я еще не проснулся: графы и князья толкутся и жужжат там, как шмели, только и слышно: ж… ж… ж… Иной раз и министр…

Городничий и прочие с робостью встают со своих стульев.

Мне даже на пакетах пишут: «ваше превосходительство». Один раз я даже управлял департаментом. И странно: директор уехал, — куда уехал, неизвестно. Ну, натурально, пошли толки: как, что, кому занять место? Многие из генералов находились охотники и брались, но подойдут, бывало, — нет, мудрено. Кажется, и легко на вид, а рассмотришь — просто черт возьми! После видят, нечего делать, — ко мне. И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры, курьеры… можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров! Каково положение? — я спрашиваю. «Иван Александрович ступайте департаментом управлять!» Я, признаюсь, немного смутился, вышел в халате: хотел отказаться, но думаю: дойдет до государя, ну да и послужной список тоже… «Извольте, господа, я принимаю должность, я принимаю, говорю, так и быть, говорю, я принимаю, только уж у меня: ни, ни, ни!.. Уж у меня

ухо востро! уж я…» И точно: бывало, как прохожу через департамент, — просто землетрясенье, все дрожит и трясется как лист.

Городничий и прочие трясутся от страха. Хлестаков горячится еще сильнее.

О! я шутить не люблю. Я им всем задал острастку. Меня сам государственный совет боится. Да что в самом деле? Я такой! я не посмотрю ни на кого… я говорю всем: «Я сам себя знаю, сам.» Я везде, везде. Во дворец всякий день езжу. Меня завтра же произведут сейчас в фельдмарш… *(Поскальзывается и чуть-чуть не шлепается на пол, но с почтением поддерживается чиновниками.)*

Городничий*(подходя и трясясь всем телом, силится выговорить)*. А ва-ва-ва… ва…

Хлестаков*(быстрым, отрывистым голосом)*. Что такое?

Городничий. А ва-ва-ва… ва…

Хлестаков*(таким же голосом)*. Не разберу ничего, все вздор.

Городничий. Ва-ва-ва… шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть?.. вот и комната, и все что нужно.

Хлестаков. Вздор — отдохнуть. Извольте, я готов отдохнуть. Завтрак у вас, господа, хорош…

Я доволен, я доволен. *(С декламацией.)* Лабардан! лабардан! *(Входит в боковую комнату, за ним городничий.)*

Явление VII

Те же, кроме Хлестакова и городничего.

Бобчинский*(Добчинскому).* Вот это, Петр Иванович, человек-то! Вот оно, что значит человек! В жисть не был в присутствии столь важной персоны, чуть не умер со страху. Как вы думаете, Петр Иванович, кто он такой в рассуждении чина?

Добчинский. Я думаю, чуть ли не генерал.

Бобчинский. А я так думаю, что генерал-то ему и в подметки не станет! а когда генерал, то уж разве сам генералиссимус. Слышали: государственный-то совет как прижал? Пойдем расскажем поскорее Аммосу Федоровичу и Коробкину. Прощайте, Анна Андреевна!

Добчинский. Прощайте, кумушка!

Оба уходят.

Артемий Филиппович *(Луке Лукичу).* Страшно просто. А отчего, и сам не знаешь. А мы даже и не в мундирах. Ну что, как проспится да в Петер-

бург махнет донесение? *(Уходит в задумчивости вместе со смотрителем училищ, произнеся:)* Прощайте, сударыня!

Явление VIII

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ах, какой приятный!

Марья Антоновна. Ах, какой милашка!

Анна Андреевна. Но только какое тонкое обращение! сейчас можно увидеть столичную штучку. Приемы и все это такое… Ах, как хорошо! Я страх люблю таких молодых людей! я просто без памяти. Я, однако ж, ему очень понравилась: я заметила — все на меня поглядывал.

Марья Антоновна. Ах, маменька, он на меня глядел!

Анна Андреевна. Пожалуйста, со своим вздором подальше! Это здесь вовсе не уместно.

Марья Антоновна. Нет, маменька, право!

Анна Андреевна. Ну вот! Боже сохрани, чтобы не поспорить! нельзя, да и полно! Где ему смотреть на тебя? И с какой стати ему смотреть на тебя?

Марья Антоновна. Право, маменька, все смот-

рел. И как начал говорить о литературе, то взглянул на меня, и потом, когда рассказывал, как играл в вист с посланниками, и тогда посмотрел на меня.

Анна Андреевна. Ну, может быть, один какой-нибудь раз, да и то так уж, лишь бы только. «А, — говорит себе, — дай уж посмотрю на нее!»

Явление IX

Те же и городничий.

Городничий*(входит на цыпочках)*. Чш… ш…

Анна Андреевна. Что?

Городничий. И не рад, что напоил. Ну что, если хоть одна половина из того, что он говорил, правда? *(Задумывается.)* Да как же и не быть правде? Подгулявши, человек все несет наружу: что на сердце, то и на языке. Конечно, прилгнул немного; да ведь не прилгнувши не говорится никакая речь. С министрами играет и во дворец ездит… Так вот, право, чем больше думаешь… черт его знает, не знаешь, что и делается в голове; просто как будто или стоишь на какой-нибудь колокольне, или тебя хотят повесить.

Анна Андреевна. А я никакой совершенно не

ощутила робости; я видела в нем образованного, светского, высшего тона человека, а о чинах его мне и нужды нет.

Городничий. Ну, уж вы — женщины! Все кончено, одного этого слова достаточно! Вам все — финтирлюшки! Вдруг брякнут ни из того ни из другого словцо. Вас посекут, да и только, а мужа и поминай как звали. Ты, душа моя, обращалась с ним так свободно, будто с каким-нибудь Добчинским.

Анна Андреевна. Об этом уж я советую вам не беспокоиться. Мы кой-что знаем такое… *(Посматривает на дочь.)*

Городничий*(один)*. Ну, уж с вами говорить!.. Эка в самом деле оказия! До сих пор не могу очнуться от страха. *(Отворяет дверь и говорит в дверь.)* Мишка, позови квартальных Свистунова и Держиморду: они тут недалеко где-нибудь за воротами. *(После небольшого молчания.)* Чудно все завелось теперь на свете: хоть бы народ-то уж был видный, а то худенький, тоненький — как его узнаешь, кто он? Еще военный все-таки кажет из себя, а как наденет фрачишку — ну точно муха с подрезанными крыльями. А ведь долго крепился давеча к трактире, заламливал такие аллегории и екивоки, что, кажись, век бы не добился толку.

А вот наконец и подался. Да еще наговорил больше, чем нужно. Видно, что человек молодой.

Явление X

Тежеи Осип. *Все бегут к нему навстречу, кивая пальцами.*

Анна Андреевна. Подойди сюда, любезный!

Городничий. Чш!.. что? что? спит?

Осип. Нет еще, немножко потягивается.

Анна Андреевна. Послушай, как тебя зовут?

Осип. Осип, сударыня.

Городничий*(жене и дочери)*. Полно, полно вам! *(Осипу.)* Ну что, друг, тебя накормили хорошо?

Осип. Накормили, покорнейше благодарю; хорошо накормили.

Анна Андреевна. Ну что, скажи: к твоему барину слишком, я думаю, много ездит графов и князей?

Осип*(в сторону)*. А что говорить? Коли теперь накормили хорошо, значит, после еще лучше накормят. *(Вслух.)* Да, бывают и графы.

Марья Антоновна. Душенька Осип, какой твой барин хорошенький!

Анна Андреевна. А что, скажи, пожалуйста,

Осип, как он…

Городничий. Да перестаньте, пожалуйста! Вы этакими пустыми речами только мне мешаете! Ну что, друг?..

Анна Андреевна. А чин какой на твоем барине?

Осип. Чин обыкновенно какой.

Городничий. Ах, боже мой, вы все с своими глупыми расспросами! не дадите ни слова поговорить о деле. Ну что, друг, как твой барин?.. строг? любит этак распекать или нет?

Осип. Да, порядок любит. Уж ему чтоб все было в исправности.

Городничий. А мне очень нравится твое лицо. Друг, ты должен быть хороший человек. Ну что…

Анна Андреевна. Послушай, Осип, а как барин твой там, в мундире ходит, или …

Городничий. Полно вам, право, трещотки какие! Здесь нужная вещь: дело идет о жизни человека… *(К Осипу.)* Ну что, друг, право, мне ты очень нравишься. В дороге не мешает, знаешь, чайку выпить лишний стаканчик, — оно теперь холодновато. Так вот тебе пара целковиков на чай.

Осип*(принимая деньги.)* А покорнейше благодарю, сударь. Дай бог вам всякого здоровья! бедный

человек, помогли ему.

Городничий. Хорошо, хорошо, я и сам рад. А что, друг…

Анна Андреевна. Послушай, Осип, а какие глаза больше всего нравятся твоему барину?

Марья Антоновна. Осип, душенька, какой миленький носик у твоего барина!..

Городничий. Да постойте, дайте мне!.. *(К Осипу.)* А что, друг, скажи, пожалуйста: на что больше барин твой обращает внимание, то есть что ему в дороге больше нравится?

Осип. Любит он, по рассмотрению, что как придется. Больше всего любит, чтобы его приняли хорошо, угощение чтоб было хорошее.

Городничий. Хорошее?

Осип. Да, хорошее. Вот уж на что я крепостной человек, но и то смотрит, чтобы и мне было хорошо. Ей-богу! Бывало, заедем куда-нибудь: «Что, Осип, хорошо тебя угостили?» — «Плохо, ваше высокоблагородие!» — «Э, говорит, это Осип, нехороший хозяин. Ты, говорит, напомни мне, как приеду». — «А, — думаю себе *(махнув рукою)*, — бог с ним! я человек простой».

Городничий. Хорошо, хорошо, и дело ты говоришь. Там я тебе дал на чай, так вот еще сверх того на баранки.

Осип. За что жалуете, ваше высокоблагородие? *(Прячет деньги.)* Разве уж выпью за ваше здоровье.

Анна Андреевна. Приходи, Осип, ко мне, тоже получишь.

Марья Антоновна. Осип, душенька, поцелуй своего барина!

Слышен из другой комнаты небольшой кашель Хлестакова.

Городничий. Чш! *(Поднимается на цыпочки; вся сцена вполголоса)*. Боже вас сохрани шуметь! Идите себе! полно уж вам…

Анна Андреевна. Пойдем, Машенька! я тебе скажу, что я заметила у гостя такое, что нам вдвоем только можно сказать.

Городничий. О, уж там наговорят! Я думаю, поди только да послушай — и уши потом заткнешь. *(Обращаясь к Осипу.)* Ну, друг…

Явление X

Те же, Держиморда и Свистунов.

Городничий. Чш! экие косолапые медведи — стучат сапогами! Так и валится, как будто сорок

пуд сбрасывает кто-нибудь с телеги! Где вас черт таскает?

Держиморда. Был по приказанию…

Городничий. Чш! *(Закрывает ему рот.)* Эк как каркнула ворона! *(Дразнит его.)* Был по приказанию! Как из бочки, так рычит. *(К Осипу.)* Ну, друг, ты ступай приготовляй там, что нужно для барина. Все, что ни есть в доме, требуй.

***Осип** уходит.*

Городничий. А вы — стоять на крыльце, и ни с места! И никого не пускать в дом стороннего, особенно купцов! Если хоть одного из них впустите, то… Только увидите, что идет кто-нибудь с просьбою, а хоть и не с просьбою, да похож на такого человека, что хочет подать на меня просьбу, взашей так прямо и толкайте! так его! хорошенько! *(Показывает ногою.)* Слышите? Чш… чш… *(Уходит на цыпочках вслед за квартальными.)*

Действие четвертое

Та же комната в доме городничего

Явление I

Входят осторожно, почти на цыпочках: Аммос Федорович, Артемий Филиппович, почтмейстер, Лука Лукич, Добчинский и Бобчинский, в полном параде и мундирах.

Вся сцена происходит вполголоса.

Аммос Федорович *(строит всех полукружием)*. Ради бога, господа, скорее в кружок, да побольше порядку! Бог с ним: и во дворец ездит, и государственный совет распекает! Стройтесь на военную ногу, непременно на военную ногу! Вы, Петр Иванович, забегите с этой стороны, а вы, Петр Иванович, станьте вот тут.

Оба Петра Ивановича забегают на цыпочках.

Артемий Филиппович. Воля ваша, Аммос Федорович, нам нужно бы кое-что предпринять.

Аммос Федорович. А что именно?

Артемий Филиппович. Ну, известно что.

Аммос Федорович. Подсунуть?

Артемий Филиппович. Ну да, хоть и подсунуть.

Аммос Федорович. Опасно, черт возьми! раскричится: государственный человек. А разве в виде приношенья со стороны дворянства на какой-нибудь памятник?

Почтмейстер. Или же: «вот, мол, пришли по почте деньги, неизвестно кому принадлежащие».

Артемий Филиппович. Смотрите, чтобы он вас по почте не отправил куды-нибудь подальше. Слушайте: эти дела так не делаются в благоустроенном государстве. Зачем нас здесь целый эскадрон? Представиться нужно поодиночке, да между четырех глаз и того… как там следует — чтобы и уши не слыхали. Вот как в обществе благоустроенном делается! Ну, вот вы, Аммос Федорович, первый и начните.

Аммос Федорович. Так лучше ж вы: в вашем заведении высокий посетитель вкусил хлеба.

Артемий Филиппович. Так уж лучше Луке Лукичу, как просветителю юношества.

Лука Лукич. Не могу, не могу, господа. Я, признаюсь, так воспитан, что, заговори со мною одним чином кто-нибудь повыше, у меня просто

и души нет и язык как в грязь завязнул. Нет, господа, увольте, право увольте!

Артемий Филиппович. Да, Аммос Федорович, кроме вас, некому. У вас что ни слово, то Цицерон с языка слетел.

Аммос Федорович. Что вы! что вы: Цицерон! Смотрите, что выдумали! Что иной раз увлечешься, говоря о домашней своре или гончей ищейке…

Все*(пристают к нему.)* Нет, вы не только о собаках, вы и о столпотворении… Нет, Аммос Федорович, не оставляйте нас, будьте отцом нашим!.. Нет, Аммос Федорович!

Аммос Федорович. Отвяжитесь, господа!

В это время слышны шаги и откашливание в комнате Хлестакова. Все спешат наперерыв к дверям, толпятся и стараются выйти, что происходит не без того, чтобы не притиснули кое-кого.

Раздаются вполголоса восклицания:

Голос Бобчинского. Ой, Петр Иванович, Петр Иванович! наступили на ногу!

Голос Земляники. Отпустите, господа, хоть душу на покаяние — совсем прижали!

Выхватываются несколько восклицаний: «Ай! ай!» — наконец все выпираются, и комната остается пуста.

Явление II

Хлестаков один, выходит с заспанными глазами.

Я, кажется, всхрапнул порядком. Откуда они набрали таких тюфяков и перин? даже вспотел. Кажется, они вчера мне подсунули чего-то за завтраком: в голове до сих пор стучит. Здесь, как я вижу, можно с приятностию проводить время. Я люблю радушие, и мне, признаюсь, больше нравится, если мне угождают от чистого сердца, а не то чтобы из интереса. А дочка городничего очень недурна, да и матушка такая, что еще можно бы… Нет, я не знаю, а мне, право, нравится, такая жизнь.

Явление III

Хлестаков и Аммос Федорович.

Аммос Федорович *(входя и останавливаясь, про*

себя.) Боже, боже! вынеси благополучно; так вот коленки и ломает. *(Вслух, вытянувшись и придерживая рукой шпагу.)* Имею честь представиться: судья здешнего уездного суда, коллежский асессор Ляпкин-Тяпкин.

Хлестаков. Прошу садиться. Так вы здесь судья?

Аммос Федорович. С восемьсот шестнадцатого был избран на трехлетие по воле дворянства и продолжал должность до сего времени.

Хлестаков. А выгодно, однако же, быть судьею?

Аммос Федорович. За три трехлетия представлен к Владимиру четвертой степени с одобрения со стороны начальства. *(В сторону.)* А деньги в кулаке, да кулак-то весь в огне.

Хлестаков. А мне нравится Владимир. Вот Анна третьей степени уже не так.

Аммос Федорович *(высовывая понемногу вперед сжатый кулак. В сторону.)* Господи боже! не знаю, где сижу. Точно горячие угли под тобою.

Хлестаков. Что это у вас в руке?

Аммос Федорович *(потерявшись и роняя на пол ассигнации.)* Ничего-с.

Хлестаков. Как ничего? Я вижу, деньги упали.

Аммос Федорович *(дрожа всем телом.)* Никак

нет-с. *(В сторону.)* О боже, вот я уже и под судом! и тележку подвезли схватить меня!

Хлестаков*(подымая.)* Да, это деньги.

Аммос Федорович *(в сторону.)* Ну, все кончено — пропал! пропал!

Хлестаков. Знаете ли что? дайте их мне взаймы.

Аммос Федорович *(поспешно.)* Как же-с, как же-с… с большим удовольствием. *(В сторону.)* Ну, смелее, смелее! Вывози, пресвятая матерь!

Хлестаков. Я, знаете, в дороге издержался: то да се… Впрочем, я вам из деревни сейчас их пришлю.

Аммос Федорович. Помилуйте, как можно! и без этого такая честь… Конечно, слабыми моими силами, рвением и усердием к начальству… постараюсь заслужить… *(Приподымается со стула, вытянувшись и руки по швам.)* Не смею более беспокоить своим присутствием. Не будет ли какого приказанья?

Хлестаков. Какого приказанья?

Аммос Федорович. Я разумею, не дадите ли какого приказанья здешнему уездному суду?

Хлестаков. Зачем же? Ведь мне никакой нет теперь в нем надобности.

Аммос Федорович *(раскланиваясь и уходя, в*

сторону.) Ну, город наш!

Хлестаков*(по уходе его.)* Судья — хороший человек.

Явление IV

Хлестаков и почтмейстер, входит вытянувшись, в мундире, придерживая шпагу.

Почтмейстер. Имею честь представиться: почтмейстер, надворный советник Шпекин.

Хлестаков. А, милости просим. Я очень люблю приятное общество. Садитесь. Вы ведь здесь всегда живете?

Почтмейстер. Так точно-с.

Хлестаков. А мне нравится здешний городок. Конечно, не так многолюдно — ну что ж? Ведь это не столица. Не правда ли, ведь это не столица?

Почтмейстер. Совершенная правда.

Хлестаков. Ведь это только в столице бонтон и нет провинциальных гусей. Как ваше мнение, не так ли?

Почтмейстер. Так точно-с. *(В сторону.)* А он, однако ж, ничуть не горд; обо всем расспрашивает.

Хлестаков. А ведь, однако ж, признайтесь, ведь и в маленьком городке можно прожить

счастливо?

Почтмейстер. Так точно-с.

Хлестаков. По моему мнению, что нужно? Нужно только, чтобы тебя уважали, любили искренне, — не так ли?

Почтмейстер. Совершенно справедливо.

Хлестаков. Я, признаюсь, рад, что вы одного мнения со мною. Меня, конечно, назовут странным, но уж у меня такой характер. *(Глядя в глаза ему, говорит про себя.)* А попрошу-ка я у этого почтмейстера взаймы! *(Вслух.)* Какой странный со мною случай: в дороге совершенно поиздержался. Не можете ли вы мне дать триста рублей взаймы?

Почтмейстер. Почему же? почту за величайшее счастие. Вот-с, извольте. От души готов служить.

Хлестаков. Очень благодарен. А я, признаться, смерть не люблю отказывать себе в дороге, да и к чему? Не так ли?

Почтмейстер. Так точно-с. *(Встает, вытягивается и придерживает шпагу.)* Не смея долее беспокоить своим присутствием… Не будет ли какого замечания по части почтового управления?

Хлестаков. Нет, ничего.

Почтмейстер раскланивается и уходит.

(Раскуривая сигарку.) Почтмейстер, мне кажется, тоже очень хороший человек. По крайней мере, услужлив. Я люблю таких людей.

Явление V

Хлестаков и Лука Лукич, который почти выталкивается из дверей. Сзади его слышен голос почти вслух: «Чего робеешь?»

Лука Лукич*(вытягиваясь не без трепета.)* Имею честь представиться: смотритель училищ, титулярный советник Хлопов.

Хлестаков. А, милости просим! Садитесь, садитесь. Не хотите ли сигарку? *(Подает ему сигару.)*

Лука Лукич*(про себя, в нерешимости.)* Вот тебе раз! Уж этого никак не предполагал. Брать или не брать?

Хлестаков. Возьмите, возьмите; это порядочная сигарка. Конечно, не то, что в Петербурге. Там, батюшка, я куривал сигарочки по двадцати пяти рублей сотенка, просто ручки потом себе поцелуешь, как выкуришь. Вот огонь, закурите. *(Подает ему свечу.)*

Лука Лукич пробует закурить и весь дрожит.

Да не с того конца!

Лука Лукич*(от испуга выронил сигару, плюнул и, махнув рукою, про себя.)* Черт побери все! сгубила проклятая робость!

Хлестаков. Вы, как я вижу, не охотник до сигарок. А я признаюсь: это моя слабость. Вот еще насчет женского полу, никак не могу быть равнодушен. Как вы? Какие вам больше нравятся — брюнетки или блондинки?

Лука Лукич находится в совершенном недоумении, что сказать.

Нет, скажите откровенно: брюнетки или блондинки?

Лука Лукич. Не смею знать.

Хлестаков. Нет, нет, не отговаривайтесь! Мне хочется узнать непременно ваш вкус.

Лука Лукич. Осмелюсь доложить… *(В сторону.)* Ну, и сам не знаю, что говорю.

Хлестаков. А! а! не хотите сказать. Верно, уж какая-нибудь брюнетка сделала вам маленькую загвоздочку. Признайтесь, сделала?

Лука Лукич молчит.

А! а! покраснели! Видите! видите! Отчего ж вы не говорите?

Лука Лукич. Оробел, ваше бла… преос… сият… *(В сторону.)* Продал проклятый язык, продал!

Хлестаков. Оробели? А в моих глазах точно есть что-то такое, что внушает робость. По крайней мере, я знаю, что ни одна женщина не может их выдержать, не так ли?

Лука Лукич. Так точно-с.

Хлестаков. Вот со мной престранный случай: в дороге совсем издержался. Не можете ли вы мне дать триста рублей взаймы?

Лука Лукич*(хватаясь за карманы, про себя).* Вот те штука, если нет! Есть, есть! *(Вынимает и, подает, дрожа, ассигнации.)*

Хлестаков. Покорнейше благодарю.

Лука Лукич*(вытягиваясь и придерживая шпагу.)* Не смею долее беспокоить присутствием.

Хлестаков. Прощайте.

Лука Лукич*(летит вон почти бегом и говорит в сторону.)* Ну, слава богу! авось не заглянет в классы!

Явление VI

Хлестаков и Артемий Филиппович, вытянувшись и придерживая шпагу.

Артемий Филиппович. Имею честь представиться: попечитель богоугодных заведений, надворный советник Земляника.

Хлестаков. Здравствуйте, прошу покорно садиться.

Артемий Филиппович. Имел честь сопровождать вас и принимать лично во вверенных моему смотрению богоугодных заведениях.

Хлестаков. А, да! помню. Вы очень хорошо угостили завтраком.

Артемий Филиппович. Рад стараться на службу отечеству.

Хлестаков. Я — признаюсь, это моя слабость, — люблю хорошую кухню. Скажите, пожалуйста, мне кажется, как будто бы вчера вы были немножко ниже ростом, не правда ли?

Артемий Филиппович. Очень может быть. *(Помолчав.)* Могу сказать, что не жалею ничего и ревностно исполняю службу. *(Придвигается ближе с своим стулом и говорит вполголоса.)* Вот здешний почтмейстер совершенно ничего не делает: все дела в большом запущении, посылки задерживаются… извольте сами нарочно разыскать. Судья тоже, который только что был перед моим приходом, ездит только за зайцами, в присутственных местах держит собак и пове-

дения, если признаться пред вами, — конечно, для пользы отечества я должен это сделать, хотя он мне родня и приятель, — поведения самого предосудительного. Здесь есть один помещик, Добчинский, которого вы изволили видеть; и как только этот Добчинский куда-нибудь выйдет из дому, то он там уж и сидит у жены его, я присягнуть готов… И нарочно посмотрите на детей: ни одно из них не похоже на Добчинского, но все, даже девочка маленькая, как вылитый судья.

Хлестаков. Скажите пожалуйста! а я никак этого не думал.

Артемий Филиппович. Вот и смотритель здешнего училища… Я не знаю, как могло начальство поверить ему такую должность: он хуже, чем якобинец, и такие внушает юношеству неблагонамеренные правила, что даже выразить трудно. Не прикажете ли, я все это изложу лучше на бумаге?

Хлестаков. Хорошо, хоть на бумаге. Мне очень будет приятно. Я, знаете, этак люблю в скучное время прочесть что-нибудь забавное… Как ваша фамилия? я все позабываю.

Артемий Филиппович. Земляника.

Хлестаков. А, да! Земляника. И что ж, скажите, пожалуйста, есть ли у вас детки?

Артемий Филиппович. Как же-с, пятеро; двое уже взрослых.

Хлестаков. Скажите, взрослых! А как они… как они того?..

Артемий Филиппович. То есть не изволите ли вы спрашивать, как их зовут?

Хлестаков. Да, как их зовут?

Артемий Филиппович. Николай, Иван, Елизавета, Марья и Перепетуя.

Хлестаков. Это хорошо.

Артемий Филиппович. Не смея беспокоить своим присутствием, отнимать время, определенного на священные обязанности… *(Раскланивается с тем, чтобы уйти.)*

Хлестаков*(провожая.)* Нет, ничего. Это все очень смешно, что вы говорили. Пожалуйста, и в другое тоже время… Я это очень люблю. *(Возвращается и, отворивши дверь, кричит вслед ему.)* Эй, вы! как вас? я все позабываю, как ваше имя и отчество.

Артемий Филиппович. Артемий Филиппович.

Хлестаков. Сделайте милость, Артемий Филиппович, со мной странный случай: в дороге совершенно поиздержался. Нет ли у вас взаймы денег — рублей четыреста?

Артемий Филиппович. Есть.

Хлестаков. Скажите, как кстати. Покорнейше вас благодарю.

Явление VII

Хлестаков, Бобчинский и Добчинский.

Бобчинский. Имею честь представиться: житель здешнего города, Петр Иванов сын Бобчинский.

Добчинский. Помещик Петр Иванов сын Добчинский.

Хлестаков. А, да я уж вас видел. Вы, кажется, тогда упали? Что, как ваш нос?

Бобчинский. Слава богу! не извольте беспокоиться: присох, теперь совсем присох.

Хлестаков. Хорошо, что присох. Я рад… *(Вдруг и отрывисто.)* Денег нет у вас?

Бобчинский. Денег? как денег?

Хлестаков*(громко и скоро)*. Взаймы рублей тысячу.

Бобчинский. Такой суммы, ей-богу, нет. А нет ли у вас, Петр Иванович?

Добчинский. При мне-с не имеется, потому что деньги мои, если изволите знать, положены в приказ общественного призрения.

Хлестаков. Да, ну если тысячи нет, так рублей сто.

Бобчинский*(шаря в карманах)*. У вас, Петр Иванович, нет ста рублей? У меня всего сорок ассигнациями.

Добчинский. *(смотря в бумажник.)* Двадцать пять рублей всего.

Бобчинский. Да вы поищите-то получше, Петр Иванович! У вас там, я знаю, в кармане-то с правой стороны прореха, так в прореху-то, верно, как-нибудь запали.

Добчинский. Нет, право, и в прорехе нет.

Хлестаков. Ну, все равно. Я ведь только так. Хорошо, пусть будет шестьдесят пять рублей. Это все равно. *(Принимает деньги.)*

Добчинский. Я осмеливаюсь попросить вас относительно одного очень тонкого обстоятельства.

Хлестаков. А что это?

Добчинский. Дело очень тонкого свойства-с: старший-то сын мой, изволите видеть, рожден мною еще до брака.

Хлестаков. Да?

Добчинский. То есть оно только так говорится, а он рожден мною так совершенно, как бы и в браке, и все это, как следует, я завершил потом

законными-с узами супружества-с. Так я, изволите видеть, хочу, чтоб он теперь уже был совсем, то есть, законным моим сыном-с и назывался бы так, как я: Добчинский-с.

Хлестаков. Хорошо, пусть называется! Это можно.

Добчинский. Я бы и не беспокоил вас, да жаль насчет способностей. Мальчишка-то этакой… большие надежды подает: наизусть стихи расскажет и, если где попадется ножик, сейчас сделает маленькие дрожечки так искусно, как фокусник-с. Вот и Петр Иванович знает.

Бобчинский. Да, большие способности имеет.

Хлестаков. Хорошо, хорошо! Я об этом постараюсь, я буду говорить… я надеюсь… все это будет сделано, да, да… *(Обращаясь к Бобчинскому.)* Не имеете ли и вы чего-нибудь сказать мне?

Бобчинский. Как же, имею очень нижайшую просьбу.

Хлестаков. А что, о чем?

Бобчинский. Я прошу вас покорнейше, как поедете в Петербург, скажите всем там вельможам разным: сенаторам и адмиралам, что вот, ваше сиятельство, живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский. Так и скажите: живет Петр Иванович Бобчинский.

Хлестаков. Очень хорошо.

Бобчинский. Да если этак и государю придется, то скажите и государю, что вот, мол, ваше императорское величество, в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский.

Хлестаков. Очень хорошо.

Добчинский. Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Бобчинский. Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Хлестаков. Ничего, ничего! Мне очень приятно. *(Выпроваживает их.)*

Явление VIII

Хлестаков один.

Здесь много чиновников. Мне кажется, однако ж, что они меня принимают за государственного человека. Верно, я вчера им подпустил пыли. Экое дурачье! Напишу-ку я обо всем в Петербург к Тряпичкину: он пописывает статейки — пусть-ка он их общелкает хорошенько. Эй, Осип, подай мне бумагу и чернила!

Осип выглянул из дверей, произнесши: «Сейчас».

А уж Тряпичкину, точно, если кто попадет на зубок, — берегись: отца родного не пощадит для словца, и деньгу тоже любит. Впрочем, чиновники эти добрые люди; это с их стороны хорошая черта, что они мне дали взаймы. Пересмотрю нарочно, сколько у меня денег. Это от судьи триста; это от почтмейстера триста, шестьсот, семьсот, восемьсот… Какая замасленная бумажка! Восемьсот, девятьсот… Ого! За тысячу перевалило… Ну-ка, теперь, капитан, ну-ка, попадись-ка ты мне теперь! Посмотрим, кто кого!

Явление IX

Хлестаков и Осип с чернилами и бумагою.

Хлестаков. Ну что, видишь, дурак, как меня угощают и принимают? *(Начинает писать.)*

Осип. Да, слава богу! Только знаете что, Иван Александрович?

Хлестаков*(пишет)*. А что?

Осип. Уезжайте отсюда. Ей-богу, уже пора.

Хлестаков*(пишет)*. Вот вздор! Зачем?

Осип. Да так. Бог с ними со всеми! Погуляли здесь два денька — ну и довольно. Что с ними долго связываться? Плюньте на них! не ровен

час, какой-нибудь другой наедет… ей-богу, Иван Александрович! А лошади тут славные — так бы закатили!..

Хлестаков*(пишет).* Нет, мне еще хочется пожить здесь. Пусть завтра.

Осип. Да что завтра! Ей-богу, поедем, Иван Александрович! Оно хоть и большая честь вам, да все, знаете, лучше уехать скорее: ведь вас, право, за кого-то другого приняли… И батюшка будет гневаться, что так замешкались. Так бы, право, закатили славно! А лошадей бы важных здесь дали.

Хлестаков*(пишет).* Ну, хорошо. Отнеси только наперед это письмо; пожалуй, вместе и подорожную возьми. Да зато, смотри, чтоб лошади хорошие были! Ямщикам скажи, что я буду давать по целковому; чтобы так, как фельдъегеря, катили и песни бы пели!.. *(Продолжает писать.)* Воображаю, Тряпичкин умрет со смеху…

Осип. Я, сударь, отправлю его с человеком здешним, а сам лучше буду укладываться, чтоб не прошло понапрасну время.

Хлестаков*(пишет).* Хорошо. Принеси только свечу.

Осип*(выходит и говорит за сценой.)* Эй, послушай, брат! Отнесешь письмо на почту, и скажи

почтмейстеру, чтоб он принял без денег; да скажи, чтоб сейчас привели к барину самую лучшую тройку, курьерскую; а прогону, скажи, барин не плотит: прогон, мол, скажи, казенный. Да чтоб все живее, а не то, мол, барин сердится. Стой, еще письмо не готово.

Хлестаков*(продолжает писать).* Любопытно знать, где он теперь живет — в Почтамтской или Гороховой? Он ведь тоже любит часто переезжать с квартиры на квартиру и недоплачивать. Напишу наудалую в Почтамтскую. *(Свертывает и надписывает.)*

Осип приносит свечу. Хлестаков печатает. В это время слышен голос Держиморды: «Куда лезешь, борода? Говорят тебе, никого не велено пускать».

(Дает Осипу письмо.) На, отнеси.

Голоса купцов. Допустите, батюшка! Вы не можете не допустить: мы за делом пришли.

Голос Держиморды. Пошел, пошел! Не принимает, спит.

Шум увеличивается.

Что там такое, Осип? Посмотри, что за шум.

Осип*(глядя в окно.)* Купцы какие-то хотят

войти, да не допускает квартальный. Машут бумагами: верно, вас хотят видеть.

Хлестаков*(подходя к окну.)* А что вы, любезные?

Голоса купцов. К твоей милости, прибегаем. Прикажи, государь, просьбу принять.

Хлестаков. Впустите их, впустите! пусть идут. Осип, скажи им: пусть идут.

***Осип** уходит.*

(Принимает из окна просьбы, развертывает одну из них и читает:) «Его высокоблагородному светлости господину финансову от купца Абдулина…» Черт знает что: и чина такого нет!

Явление X

Хлестаков и купцы с кузовом вина и сахарными головами.

Хлестаков. А что вы, любезные?

Купцы. Челом бьем вашей милости!

Хлестаков. А что вам угодно?

Купцы. Не погуби, государь! Обижательство терпим совсем понапрасну.

Хлестаков. От кого?

Один из купцов. Да все от городничего здешнего. Такого городничего никогда еще, государь, не было. Такие обиды чинит, что описать нельзя. Постоем совсем заморил, хоть в петлю полезай. Не по поступкам поступает. Схватит за бороду, говорит: «Ах ты, татарин!» Ей-богу! Если бы, то есть, чем-нибудь не уважили его, а то мы уж порядок всегда исполняем: что следует на платья супружнице его и дочке — мы против этого не стоим. Нет, вишь ты, ему всего этого мало — ей-ей! Придет в лавку и, что ни попадет, все берет. Сукна увидит штуку, говорит: «Э, милый, это хорошее суконце: снеси-ка его ко мне». Ну и несешь, а в штуке-то будет без мала аршин пятьдесят.

Хлестаков. Неужели? Ах, какой же он мошенник!

Купцы. Ей-богу! такого никто не запомнит городничего. Так все и припрятываешь в лавке, когда его завидишь. То есть, не то уж говоря, чтоб какую деликатность, всякую дрянь берет: чернослив такой, что лет уже по семи лежит в бочке, что у меня сиделец не будет есть, а он целую горсть туда запустит. Именины его бывают на Антона, и уж, кажись, всего нанесешь, ни в чем не нуждается; нет, ему еще подавай: говорит, и на Онуфрия его именины.

Хлестаков. Да это просто разбойник!

Купцы. Ей-ей! А попробуй прекословить, наведет к тебе в дом целый полк на постой. А если что, велит запереть двери. «Я тебя, говорит, не буду, говорит, подвергать телесному наказанию или пыткой пытать — это, говорит, запрещено законом, а вот ты у меня, любезный, поешь селедки!»

Хлестаков. Ах, какой мошенник! Да за это просто в Сибирь.

Купцы. Да уж куда милость твоя не запровадит его, все будет хорошо, лишь бы, то есть, от нас подальше. Не побрезгай, отец наш, хлебом и солью: кланяемся тебе сахарком и кузовком вина.

Хлестаков. Нет, вы этого не думайте: я не беру совсем никаких взяток. Вот если бы вы, например, предложили мне взаймы рублей триста — ну, тогда совсем дело другое: взаймы я могу взять.

Купцы. Изволь, отец наш! *(Вынимают деньги.)* Да что триста! Уж лучше пятьсот возьми, помоги только.

Хлестаков. Извольте: взаймы — я ни слова, я возьму.

Купцы*(подносят ему на серебряном подносе деньги.)* Уж, пожалуйста, и подносик вместе возьмите.

Хлестаков. Ну, и подносик можно.

Купцы*(кланяясь)*. Так уж возьмите за одним разом и сахарцу.

Хлестаков. О нет, я взяток никаких…

Осип. Ваше высокоблагородие! зачем вы не берете? Возьмите! в дороге все пригодится. Давай сюда головы и кулек! Подавай все! все пойдет впрок. Что там? веревочка? Давай и веревочку, — и веревочка в дороге пригодится: тележка обломается или что другое, подвязать можно.

Купцы. Так уж сделайте такую милость, ваше сиятельство. Если уже вы, то есть, не поможете в нашей просьбе, то уж не знаем, как и быть: просто хоть в петлю полезай.

Хлестаков. Непременно, непременно! Я постараюсь.

Купцы *уходят. Слышен голос женщины: «Нет, ты не смеешь не допустить меня! Я на тебя нажалуюсь ему самому. Ты не толкайся так больно!»*

Кто там? *(Подходит к окну.)* А, что ты, матушка?

Голоса двух женщин. Милости твоей, отец, прошу! Повели, государь, выслушать!

Хлестаков*(в окно)*. Пропустить ее.

Явление XI

Хлестаков, слесарша и унтер-офицерша.

Слесарша *(кланяясь в ноги)*. Милости прошу…

Унтер-офицерша. Милости прошу…

Хлестаков. Да что вы за женщины?

Унтер-офицерша. Унтер-офицерская жена Иванова.

Слесарша. Слесарша, здешняя мещанка, Февронья Петрова Пошлепкина, отец мой…

Хлестаков. Стой, говори прежде одна. Что тебе нужно?

Слесарша. Милости прошу: на городничего челом бью! Пошли ему бог всякое зло! Что ни детям его, ни ему, мошеннику, ни дядьям, ни теткам его ни в чем никакого прибытку не было!

Хлестаков. А что?

Слесарша. Да мужу-то моему приказал забрить лоб в солдаты, и очередь-то на нас не припадала, мошенник такой! да и по закону нельзя: он женатый.

Хлестаков. Как же он мог это сделать?

Слесарша. Сделал мошенник, сделал — побей бог его на том и на этом свете! Чтобы ему, если и

тетка есть, то и тетке всякая пакость, и отец если жив у него, то чтоб и он, каналья, околел или поперхнулся навеки, мошенник такой! Следовало взять сына портного, он же и пьянюшка был, да родители богатый подарок дали, так он и присыкнулся к сыну купчихи Пантелеевой, а Пантелеева тоже подослала к супруге полотна три штуки; так он ко мне. «На что, говорит, тебе муж? он уж тебе не годится». Да я-то знаю — годится или не годится; это мое дело, мошенник такой! «Он, говорит, вор; хоть он теперь и не украл, да все равно, говорит, он украдет, его и без того на следующий год возьмут в рекруты». Да мне-то каково без мужа, мошенник такой! Я слабый человек, подлец ты такой! Чтоб всей родне твоей не довелось видеть света божьего! А если есть теща, то чтоб и теще…

Хлестаков. Хорошо, хорошо. Ну, а ты? *(Выпроваживает старуху.)*

Слесарша *(уходя.)* Не позабудь, отец наш! будь милостив!

Унтер-офицерша. На городничего, батюшка, пришла…

Хлестаков. Ну, да что, зачем? говори в коротких словах.

Унтер-офицерша. Высек, батюшка!

Хлестаков. Как?

Унтер-офицерша. По ошибке, отец мой! Бабы-то наши задрались на рынке, а полиция не подоспела да схвати меня. Да так отрапортовали: два дни сидеть не могла.

Хлестаков. Так что ж теперь делать?

Унтер-офицерша. Да делать-то, конечно, нечего. А за ошибку-то повели ему заплатить штрафт. Мне от своего счастья неча отказываться, а деньги бы мне теперь очень пригодились.

Хлестаков. Хорошо, хорошо. Ступайте, ступайте! я распоряжусь.

В окно высовываются руки с просьбами.

Да кто там еще? *(Подходит к окну.)* Не хочу, не хочу! Не нужно, не нужно! *(Отходя.)* Надоели, черт возьми! Не впускай, Осип!

Осип *(кричит в окно)*. Пошли, пошли! Не время, завтра приходите!

Дверь отворяется, и выставляется какая-то фигура во фризовой шинели, с небритою бородою, раздутою губою и перевязанной щекою; за нею в перспективе показывается несколько других.

Пошел, пошел! чего лезешь? *(Упирается первому руками в брюхо и выпирается вместе с ним в прихожую, захлопнув за собою дверь.)*

Явление XII

Хлестаков и Марья Антоновна.

Марья Антоновна. Ах!

Хлестаков. Отчего вы так испугались, сударыня?

Марья Антоновна. Нет, я не испугалась.

Хлестаков*(рисуется.)* Помилуйте, сударыня, мне очень приятно, что вы меня приняли за такого человека, который… Осмелюсь ли спросить вас: куда вы намерены были идти?

Марья Антоновна. Право, я никуда не шла.

Хлестаков. Отчего же, например, вы никуда не шли?

Марья Антоновна. Я думала, не здесь ли маменька…

Хлестаков. Нет, мне хотелось бы знать, отчего вы никуда не шли?

Марья Антоновна. Я вам помешала. Вы занимались важными делами.

Хлестаков*(рисуется.)* А ваши глаза лучше, нежели важные дела… Вы никак не можете мне помешать, никаким образом не можете; напротив того, вы можете принести удовольствие.

Марья Антоновна. Вы говорите по-столичному.

Хлестаков. Для такой прекрасной особы, как вы. Осмелюсь ли быть так счастлив, чтобы предложить вам стул? но нет, вам должно не стул, а трон.

Марья Антоновна. Право, я не знаю… мне так нужно было идти. *(Села.)*

Хлестаков. Какой у вас прекрасный платочек!

Марья Антоновна. Вы насмешники, лишь бы только посмеяться над провинциальными.

Хлестаков. Как бы я желал, сударыня, быть вашим платочком, чтобы обнимать вашу лилейную шейку.

Марья Антоновна. Я совсем не понимаю, о чем вы говорите: какой-то платочек… Сегодня какая странная погода!

Хлестаков. А ваши губки, сударыня, лучше, нежели всякая погода.

Марья Антоновна. Вы все эдакое говорите… Я бы вас попросила, чтоб вы мне написали лучше на память какие-нибудь стишки в альбом. Вы, верно, их знаете много.

Хлестаков. Для вас, сударыня, все что хотите. Требуйте, какие стихи вам?

Марья Антоновна. Какие-нибудь эдакие — хо-

рошие, новые.

Хлестаков. Да что стихи! я много их знаю.

Марья Антоновна. Ну, скажите же, какие же вы мне напишете?

Хлестаков. Да к чему же говорить? я и без того их знаю.

Марья Антоновна. Я очень люблю их…

Хлестаков. Да у меня много их всяких. Ну, пожалуй, я вам хоть это: «О ты, что в горести напрасно на бога ропщешь, человек!..» Ну и другие… теперь не могу припомнить; впрочем, это все ничего. Я вам лучше вместо этого представлю мою любовь, которая от вашего взгляда… *(Придвигая стул.)*

Марья Антоновна. Любовь! Я не понимаю любовь… я никогда и не знала, что за любовь… *(Отодвигая стул.)*

Хлестаков*(придвигая стул)*. Отчего ж вы отдвигаете свой стул? Нам лучше будет сидеть близко друг к другу.

Марья Антоновна *(отдвигаясь)*. Для чего ж близко? все равно и далеко.

Хлестаков*(придвигаясь)*. Отчего ж далеко? все равно и близко

Марья Антоновна *(отдвигается)*. Да к чему ж это?

Хлестаков*(придвигаясь)*. Да ведь вам только

кажется, что близко; а вы вообразите себе, что далеко. Как бы я был счастлив, сударыня, если б мог прижать вас в свои объятия.

Марья Антоновна *(смотрит в окно)*. Что это там как будто бы полетело? Сорока или какая другая птица?

Хлестаков*(целует ее в плечо и смотрит в окно.)* Это сорока.

Марья Антоновна *(встает в негодовании.)* Нет, это уж слишком… Наглость такая!..

Хлестаков*(удерживая ее)*. Простите, сударыня, я это сделал от любви, точно от любви.

Марья Антоновна. Вы почитаете меня за такую провинциалку… *(Силится уйти.)*

Хлестаков*(продолжая удерживать ее.)* Из любви, право, из любви. Я так только, пошутил, Марья Антоновна, не сердитесь! Я готов на коленках просить у вас прощения. *(Падает на колени.)* Простите же, простите! Вы видите, я на коленях.

Явление XIII

Те же и Анна Андреевна.

Анна Андреевна *(увидев Хлестакова на коленях)*. Ах, какой пассаж!

Хлестаков*(вставая)* А, черт возьми!

Анна Андреевна *(дочери)*. Это что значит, сударыня! Это что за поступки такие?

Марья Антоновна. Я, маменька…

Анна Андреевна. Поди прочь отсюда! слышишь: прочь, прочь! И не смей показываться на глаза.

Марья Антоновна уходит в слезах.

Анна Андреевна. Извините, я, признаюсь, приведена в такое изумление…

Хлестаков*(в сторону)*. А она тоже очень аппетитна, очень недурна. *(Бросается на колени.)* Сударыня, вы видите, я сгораю от любви.

Анна Андреевна. Как, вы на коленях? Ах, встаньте, встаньте! здесь пол совсем нечист.

Хлестаков Нет, на коленях, непременно на коленях! Я хочу знать, что такое мне суждено: жизнь или смерть.

Анна Андреевна. Но позвольте, я еще не понимаю вполне значения слов. Если не ошибаюсь, вы делаете декларацию насчет моей дочери?

Хлестаков Нет, я влюблен в вас. Жизнь моя на волоске. Если вы не увенчаете постоянную любовь мою, то я недостоин земного существования. С пламенем в груди прошу руки вашей.

Анна Андреевна. Но позвольте заметить: я в некотором роде… я замужем.

Хлестаков Это ничего! Для любви нет различия; и Карамзин сказал: «Законы осуждают». Мы удалимся под сень струй… Руки вашей, руки прошу!

Явление XIV

Те же и Марья Антоновна, вдруг вбегает.

Марья Антоновна. Маменька, папенька сказал, чтобы вы… *(Увидя Хлестакова на коленях, вскрикивает.)* Ах, какой пассаж!

Анна Андреевна. Ну что ты? к чему? зачем? Что за ветреность такая! Вдруг вбежала, как угорелая кошка. Ну что ты нашла такого удивительного? Ну что тебе вздумалось? Право, как дитя какое-нибудь трехлетнее. Не похоже, не похоже, совершенно не похоже на то, чтобы ей было восемнадцать лет. Я не знаю, когда ты будешь благоразумнее, когда ты будешь вести себя, как прилично благовоспитанной девице; когда ты будешь знать, что такое хорошие правила и солидность в поступках.

Марья Антоновна *(сквозь слезы)*. Я, право, ма-

менька, не знала…

Анна Андреевна. У тебя вечно какой-то сквозной ветер разгуливает в голове; ты берешь пример с дочерей Ляпкина-Тяпкина. Что тебе глядеть на них? не нужно тебе глядеть на них. Тебе есть примеры другие — перед тобою мать твоя. Вот каким примерам ты должна следовать.

Хлестаков*(схватывая за руку дочь)*. Анна Андреевна, не противьтесь нашему благополучию, благословите постоянную любовь!

Анна Андреевна *(с изумлением)*. Так вы в нее?..

Хлестаков. Решите: жизнь или смерть?

Анна Андреевна. Ну вот видишь, дура, ну вот видишь: из-за тебя, этакой дряни, гость изволил стоять на коленях; а ты вдруг вбежала как сумасшедшая. Ну вот, право, стоит, чтобы я нарочно отказала: ты недостойна такого счастия.

Марья Антоновна. Не буду, маменька. Право, вперед не буду.

Явление XV

Те же и городничий впопыхах.

Городничий. Ваше превосходительство! не

погубите! не погубите!

Хлестаков. Что с вами?

Городничий. Там купцы жаловались вашему превосходительству. Честью уверяю, и наполовину нет того, что они говорят. Они сами обманывают и обмеривают народ. Унтер-офицерша налгала вам, будто бы я ее высек; она врет, ей-богу, врет. Она сама себя высекла.

Хлестаков. Провались унтер-офицерша — мне не до нее!

Городничий. Не верьте, не верьте! Это такие лгуны… им вот эдакой ребенок не поверит. Они уж и всему городу известны за лгунов. А насчет мошенничества, осмелюсь доложить: это такие мошенники, каких свет не производил.

Анна Андреевна. Знаешь ли ты, какой чести удостоивает нас Иван Александрович? Он просит руки нашей дочери.

Городничий. Куда! куда!.. Рехнулась, матушка! Не извольте гневаться, ваше превосходительство: она немного с придурью, такова же была и мать ее.

Хлестаков. Да, я точно прошу руки. Я влюблен.

Городничий. Не могу верить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Да когда говорят тебе?

Хлестаков. Я не шутя вам говорю… Я могу от любви свихнуть с ума.

Городничий. Не смею верить, не достоин такой чести.

Хлестаков. Да, если вы не согласитесь отдать руки Марьи Антоновны, то я черт знает что готов…

Городничий. Не могу верить: изволите шутить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Ах, какой чурбан в самом деле! Ну, когда тебе толкуют?

Городничий. Не могу верить.

Хлестаков. Отдайте, отдайте! Я отчаянный человек, я решусь на все: когда застрелюсь, вас под суд отдадут.

Городничий. Ах, боже мой! Я, ей-ей, не виноват ни душою, ни телом. Не извольте гневаться! Извольте поступать так, как вашей милости угодно! У меня, право, в голове теперь… я и сам не знаю, что делается. Такой дурак теперь сделался, каким еще никогда не бывал.

Анна Андреевна. Ну, благословляй!

Хлестаков подходит с Марьей Антоновной.

Городничий. Да благословит вас бог, а я не виноват.

Хлестаков целуется с Марьей Антоновной. Городничий смотрит на них.

Что за черт! в самом деле! *(Протирает глаза.)* Целуются! Ах, батюшки, целуются! Точный жених! *(Вскрикивает, подпрыгивая от радости.)* Ай, Антон! Ай, Антон! Ай, городничий! Вона, как дело-то пошло!

Явление XVI

Те же и Осип.

Осип. Лошади готовы.

Хлестаков. А, хорошо… я сейчас.

Городничий. Как-с? Изволите ехать?

Хлестаков. Да, еду.

Городничий. А когда же, то есть… вы изволили сами намекнуть насчет, кажется, свадьбы?

Хлестаков. А это… На одну минуту только… на один день к дяде — богатый старик; а завтра же и назад.

Городничий. Не смеем никак удерживать, в надежде благополучного возвращения.

Хлестаков. Как же, как же, я вдруг. Прощайте, любовь моя… нет, просто не могу выразить! Прощайте, душенька! *(Целует ее ручку.)*

Городничий. Да не нужно ли вам в дорогу чего-нибудь? Вы изволили, кажется, нуждаться в деньгах?

Хлестаков. О нет, к чему это? *(Немного подумав.)* А впрочем, пожалуй.

Городничий. Сколько угодно вам?

Хлестаков. Да вот тогда вы дали двести, то есть не двести, а четыреста, — я не хочу воспользоваться вашею ошибкою, — так, пожалуй, и теперь столько же, чтобы уже ровно было восемьсот.

Городничий. Сейчас! *(Вынимает из бумажника.)* Еще, как нарочно, самыми новенькими бумажками.

Хлестаков. А, да! *(Берет и рассматривает ассигнации.)* Это хорошо. Ведь это, говорят, новое счастье, когда новенькими бумажками.

Городничий. Так точно-с.

Хлестаков. Прощайте, Антон Антонович! Очень обязан за ваше гостеприимство. Я признаюсь от всего сердца: мне нигде не было такого хорошего приема. Прощайте, Анна Андреевна! Прощайте, моя душенька Марья Антоновна!

Выходят.

За сценой:

Голос Хлестакова. Прощайте, ангел души моей

Марья Антоновна!

Голос городничего. Как же это вы? прямо так на перекладной и едете?

Голос Хлестакова. Да, я привык уж так. У меня голова болит от рессор.

Голос ямщика. Тпр…

Голос городничего. Так, по крайней мере, чем-нибудь застлать, хотя бы ковриком. Не прикажете ли, я велю подать коврик?

Голос Хлестакова. Нет, зачем? это пустое; а впрочем, пожалуй, пусть дают коврик.

Голос городничего. Эй, Авдотья! ступай в кладовую, вынь ковер самый лучший — что по голубому полю, персидский. Скорей!

Голос ямщика. Тпр…

Голос городничего. Когда же прикажете ожидать вас?

Голос Хлестакова. Завтра или послезавтра.

Голоса Осипа. А, это ковер? давай его сюда, клади вот так! Теперь давай-ка с этой стороны сена.

Голос ямщика. Тпр…

Голоса Осипа. Вот с этой стороны! сюда! еще! хорошо. Славно будет. *(Бьет рукою по ковру.)* Теперь садитесь, ваше благородие!

Голос Хлестакова. Прощайте, Антон Антонович!

Голос городничего. Прощайте, ваше превосходительство!

Женские голоса. Прощайте, Иван Александрович!

Голос Хлестакова. Прощайте, маменька!

Голос ямщика. Эй вы, залетные!

Колокольчик звенит. Занавес опускается.

Действие пятое

Та же комната

Явление I

Городничий, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничий. Что, Анна Андреевна? а? Думала ли ты что-нибудь об этом? Этой богатый приз, канальство! Ну, признайся откровенно: тебе и во сне не виделось — просто из какой-нибудь городничихи и вдруг… фу ты, канальство!.. с каким дьяволом породнилась!

Анна Андреевна. Совсем нет; я давно это знала. Это тебе в диковинку, потому что ты простой человек, никогда не видел порядочных людей.

Городничий. Я сам, матушка, порядочный человек. Однако ж, право, как подумаешь, Анна Андреевна, какие мы с тобой теперь птицы сделались! а, Анна Андреевна? Высокого полета, черт побери! Постой же, теперь я задам перцу все этим охотникам подавать просьбы и доносы. Эй, кто там?

Входит ***квартальный.***

А, это ты, Иван Карпович! Призови-ка сюда, брат, купцов! Вот я их, каналий! Так жаловаться на меня? Вишь ты, проклятый иудейский народ! Постойте ж, голубчики! Прежде я вас кормил до усов только, а теперь накормлю до бороды. Запиши всех, кто только ходил бить челом на меня, и вот этих больше всего писак, писак, которые закручивали им просьбы. Да объяви всем, чтоб знали: что вот, дискать, какую честь бог послал городничему, — что выдает дочь свою не то чтобы за какого-нибудь простого человека, а за такого, что и на свете еще не было, что может все сделать, все, все, все! Всем объяви, чтобы все знали. Кричи во весь народ, валяй в колокола, черт возьми! Уж когда торжество, так торжество!

Квартальный *уходит.*

Так вот как, Анна Андреевна, а? Как же мы теперь, где будем жить? здесь или в Питере?

Анна Андреевна. Натурально, в Петербурге. Как можно здесь оставаться!

Городничий. Ну, в Питере так в Питере; а оно хорошо бы и здесь. Что, ведь, я думаю, уже городничество тогда к черту, а, Анна Андреевна?

Анна Андреевна. Натурально, что за городни-

чество!

Городничий. Ведь оно, как ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большой чин зашибить, потому что он запанибрата со всеми министрами и во дворец ездит, так поэтому может такое производство сделать, что со временем и в генералы влезешь. Как ты думаешь, Анна Андреевна: можно влезть в генералы?

Анна Андреевна. Еще бы! конечно, можно.

Городничий. А, черт возьми, славно быть генералом! Кавалерию повесят тебе через плечо. А какую кавалерию лучше, Анна Андреевна: красную или голубую?

Анна Андреевна. Уж конечно, голубую лучше.

Городничий. Э? вишь, чего захотела! хорошо и красную. Ведь почему хочется быть генералом? — потому что, случится, поедешь куда-нибудь — фельдъегеря и адъютанты поскачут везде вперед: «Лошадей!» И там на станциях никому не дадут, все дожидается: все эти титулярные, капитаны, городничие, а ты себе и в ус не дуешь. Обедаешь где-нибудь у губернатора, а там — стой, городничий! Хе, хе, хе! *(Заливается и помирает со смеху.)* Вот что, канальство, заманчиво!

Анна Андреевна. Тебе все такое грубое нравится. Ты должен помнить, что жизнь нужно совсем

переменить, что твои знакомые будут не то что какой-нибудь судья-собачник, с которым ты ездишь травить зайцев, или Земляника; напротив, знакомые твои будут с самым тонким обращением: графы и все светские… Только я, право, боюсь за тебя: ты иногда вымолвишь такое словцо, какого в хорошем обществе никогда не услышишь.

Городничий. Что ж? ведь слово не вредит.

Анна Андреевна. Да хорошо, когда ты был городничим. А там ведь жизнь совсем другая.

Городничий. Да, там, говорят есть две рыбицы: ряпушка и корюшка, такие, что только слюнка потечет, как начнешь есть.

Анна Андреевна. Ему все бы только рыбки! Я не иначе хочу, чтоб наш дом был первый в столице и чтоб у меня в комнате такое было амбре, чтоб нельзя было войти и нужно было только этак зажмурить глаза. *(Зажмуривает глаза и нюхает.)* Ах, как хорошо!

Явление II

Те же и купцы.

Городничий. А! Здорово, соколики!

Купцы*(кланяясь)*. Здравия желаем, батюшка!

Городничий. Что, голубчики, как поживаете? как товар идет ваш? Что, самоварники, аршинники, жаловаться? Архиплуты, протобестии, надувалы мирские! жаловаться? Что, много взяли? Вот, думают, так в тюрьму его и засадят!.. Знаете ли вы, семь чертей и одна ведьма вам в зубы, что…

Анна Андреевна. Ах, боже мой, какие ты, Антоша, слова отпускаешь!

Городничий*(с неудовольствием)*. А, не до слов теперь! Знаете ли, что тот самый чиновник, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери? Что? а? что теперь скажете? Теперь я вас… у!.. обманываете народ… Сделаешь подряд с казною, на сто тысяч надуешь ее, поставивши гнилого сукна, да потом пожертвуешь двадцать аршин, да и давай тебе еще награду за это? Да если б знали, так бы тебе… И брюхо сует вперед: он купец, его не тронь. «Мы, говорит, и дворянам не уступим». Да дворянин… ах ты, рожа! — дворянин учится наукам: его хоть и секут в школе, да за дело, чтоб он знал полезное. А ты что? — начинаешь плутнями, тебя хозяин бьет за то, что не умеешь обманывать. Еще мальчишка, «Отче наша» не знаешь, а уж обмериваешь; а как разопрет тебе брюхо да набьешь себе карман, так

и заважничал! Фу ты, какая невидаль! Оттого, что ты шестнадцать самоваров выдуешь в день, так оттого и важничаешь? Да я плевать на твою голову и на твою важность!

Купцы*(кланяясь)*. Виноваты, Антон Антонович!

Городничий. Жаловаться? А кто тебе помог сплутовать, когда ты строил мост и написал дерева на двадцать тысяч, тогда как его и на сто рублей не было? Я помог тебе, козлиная борода! Ты позабыл это? Я, показавши это на тебя, мог бы тебя также спровадить в Сибирь. Что скажешь? а?

Купцы. Богу виноваты, Антон Антонович! Лукавый попутал. И закаемся вперед жаловаться. Уж какое хошь удовлетворение, не гневись только!

Городничий. Не гневись! Вот ты теперь валяешься у ног моих. Отчего? — оттого, что мое взяло; а будь хоть немножко на твоей стороне, так ты бы меня, каналья, втоптал по самую грязь, еще бы и бревном сверху навалил.

Купцы*(кланяются в ноги)*. Не погуби, Антон Антонович!

Городничий. Не погуби! Теперь: не погуби! а прежде что? Я бы вас… *(Махнув рукой.)* Ну, да бог простит! полно! Я не памятозлобен; только

теперь смотри держи ухо востро! Я выдаю дочку не за какого-нибудь простого дворянина: чтоб поздравление было… понимаешь? не то чтоб отбояриться каким-нибудь балычком или головою сахару… Ну, ступай с богом!

Купцы уходят.

Явление III

Те же, Аммос Федорович, Артемий Филиппович, потом Растаковский.

Аммос Федорович *(еще в дверях.)* Верить ли слухам, Антон Антонович? к вам привалило необыкновенное счастие?

Артемий Филиппович. Имею честь поздравить с необыкновенным счастием. Я душевно обрадовался, когда услышал. *(Подходит к ручке Анны Андреевны.)* Анна Андреевна! *(Подходя к ручке Марьи Антоновны.)* Марья Антоновна!

Растаковский *(входит)*. Антона Антоновича поздравляю. Да продлит бог жизнь вашу и новой четы и даст вам потомство многочисленное внучат и правнучат! Анна Андреевна! *(Подходит к ручке Анны Андреевны.)* Марья Антоновна! *(Подходит к ручке Марьи Антоновны.)*

Явление IV

Те же, Коробкин с женою, Люлюков.

Коробкин. Имею честь поздравить Антона Антоновича! Анна Андреевна! *(Подходит к ручке Анны Андреевны.)* Марья Антоновна! *(Подходит к ее ручке.)*

Жена Коробкина. Душевно поздравляю вас, Анна Андреевна, с новым счастием.

Люлюков. Имею честь поздравить, Анна Андреевна! *(Подходит к ручке и потом, обратившись к зрителям, щелкает языком с видом удальства.)* Марья Антоновна! Имею честь поздравить. *(Подходит к ее ручке и обращается к зрителям с тем же удальством.)*

Явление V

Множество гостей в сюртуках и фраках подходят сначала к ручке Анны Андреевны, говоря: «Анна Андреевна!» — потом к Марье Антоновне, говоря: «Марья Антоновна!». Бобчинский и Добчинский проталкиваются.

Бобчинский. Имею честь поздравить!

Добчинский. Антон Антонович! имею честь поздравить!

Бобчинский. С благополучным происшествием!

Добчинский. Анна Андреевна!

Бобчинский. Анна Андреевна!

Оба подходят в одно и то же время и сталкиваются лбами.

Добчинский. Марья Антоновна! *(Подходит к ручке.)* Честь имею поздравить. Вы будете в большом, большом счастии, в золотом платье и ходить и деликатные разные супы кушать; очень забавно будете проводить время.

Бобчинский*(перебивая)*. Марья Антоновна, имею честь поздравить! Да бог вам всякого богатства, червонцев и сынка-с этакого маленького, вон энтакого-с *(показывает рукою)*, что можно было на ладонку посадить, да-с! Все будет мальчишка кричать: уа! уа! уа!..

Явление VI

Еще несколько гостей, подходящих к ручкам. Лука Лукич с женою.

Лука Лукич. Имею честь…

Жена Луки Лукича *(бежит вперед).* Поздравляю вас, Анна Андреевна!

Целуются.

А я так, право, обрадовалась. Говорят мне: «Анна Андреевна выдает дочку». «Ах, боже мой!» — думаю себе, и так обрадовалась, что говорю мужу: «Послушай, Луканчик, вот так счастие Анне Андреевне!» «Ну, — думаю себе, — слава богу!» И говорю ему: «Я так восхищена, что сгораю нетерпением изъявить лично Анне Андреевне…» «Ах, боже мой! — думаю себе, — Анна Андреевна именно ожидала хорошей партии для своей дочери, а вот теперь такая судьба: именно так сделалось, как она хотела», — и так, право, обрадовалась, что не могла говорить. Плачу, плачу, просто рыдаю. Уже Лука Лукич говорит: «отчего ты, Настенька, рыдаешь?» — «Луканчик, говорю, я и сама не знаю, слезы так вот рекой и льются».

Городничий. Покорнейше прошу садиться, господа! Эй, Мишка, принеси сюда побольше стульев.

Гости садятся.

Явление VII

Те же, частный пристав и квартальные.

Частный пристав. Имею честь поздравить вас, ваше высокоблагородие и поделать вам благоденствия на многие лета!

Городничий. Спасибо, спасибо! Прошу садиться, господа!

Гости усаживаются.

Аммос Федорович. Но скажите, пожалуйста, Антон Антонович, каким образом все это началось, постепенный ход всего, то есть, дела.

Городничий. Ход дела чрезвычайный: изволил собственнолично сделать предложение.

Анна Андреевна. Очень почтительным и самым тонким образом. Все чрезвычайно хорошо говорил. Говорит: «Я, Анна Андреевна, из одного только уважения к вашим достоинствам...» И такой прекрасный, воспитанный человек, самых благороднейших правил! «Мне, верите ли, Анна Андреевна, мне жизнь — копейка; я только потому, что уважаю ваши редкие качества».

Марья Антоновна. Ах, маменька! ведь это он

мне говорил.

Анна Андреевна. Перестань, ты ничего не знаешь и не в свое дело не мешайся! «Я, Анна Андреевна, изумляюсь…» В таких лестных рассыпался словах… И когда я хотела сказать: «Мы никак не смеем надеяться на такую честь», — он вдруг упал на колени и таким самым благороднейшим образом: «Анна Андреевна, не сделайте меня несчастнейшим! согласитесь отвечать моим чувствам, не то я смертью окончу жизнь свою».

Марья Антоновна. Право, маменька, он обо мне это говорил.

Анна Андреевна. Да, конечно… и об тебе было, я ничего этого не отвергаю.

Городничий. И так даже напугал: говорил, что застрелится. «Застрелюсь, застрелюсь!» — говорит.

Многие из гостей. Скажите пожалуйста!

Аммос Федорович. Экая штука!

Лука Лукич. Вот подлинно, судьба уж так вела.

Артемий Филиппович. Не судьба, батюшка, судьба — индейка: заслуги привели к тому. *(В сторону.)* Этакой свинье лезет в рот всегда счастье!

Аммос Федорович. Я, пожалуй, Антон Антонович, продам вам того кобелька, которого

торговали.

Городничий. Нет, мне теперь не до кобельков.

Аммос Федорович. Ну, не хотите, на другой собаке сойдемся.

Жена Коробкина. Ах, как, Анна Андреевна, я рада вашему счастью! вы не можете себе представить.

Коробкин. Где ж теперь, позвольте узнать, находится именитый гость? Я слышал, что он уехал зачем-то.

Городничий. Да, он отправился на один день по весьма важному делу.

Анна Андреевна. К своему дяде, чтобы испросить благословения.

Городничий. Испросить благословения; но завтра же… *(Чихает.)*

Поздравления сливаются в один гул.

Много благодарен! Но завтра же и назад… *(Чихает.)*

Поздравительный гул; слышнее других голоса:

Частного пристава. Здравия желаем, ваше высокоблагородие!

Голос Бобчинского. Сто лет и куль червонцев!

Голос Добчинского. Продли бог на сорок со-

роков!

Артемия Филипповича. Чтоб ты пропал!

Жены Коробкина. Черт тебя побери!

Городничий. Покорнейше благодарю! И вам того ж желаю.

Анна Андреевна. Мы теперь в Петербурге намерены жить. А здесь, признаюсь, такой воздух… деревенский уж слишком!.. признаюсь, большая неприятность… Вот и муж мой… он там получит генеральский чин.

Городничий. Да, признаюсь, господа, я, черт возьми, очень хочу быть генералом.

Лука Лукич. И дай бог получить!

Растаковский. От человека невозможно, а от бога все возможно.

Аммос Федорович. Большому кораблю — большое плаванье.

Артемий Филиппович. По заслугам и честь.

Аммос Федорович *(в сторону)*. Вот выкинет штуку, когда в самом деле сделается генералом! Вот уж кому пристало генеральство, как корове седло! Ну, брат, до этого еще далека песня. Тут и почище тебя есть, а до сих пор еще не генералы.

Артемий Филиппович *(в сторону)*. Эка черт возьми, уж и в генералы лезет! Чего доброго, может, и будет генералом. Ведь у него важности,

лукавый не взял бы его, довольно. *(Обращаясь к нему.)* Тогда, Антон Антонович, и нас не позабудьте.

Аммос Федорович. И если что случится, например какая-нибудь надобность по делам, не оставьте покровительством!

Коробкин. В следующем году повезу сынка в столицу на пользу государства, так сделайте милость, окажите ему вашу протекцию, место отца заступите сиротке.

Городничий. Я готов со своей стороны, готов стараться.

Анна Андреевна. Ты, Антоша, всегда готов обещать. Во-первых, тебе не будет времени думать об этом. И как можно и с какой стати себя обременять этакими обещаниями?

Городничий. Почему ж, душа моя? иногда можно.

Анна Андреевна. Можно, конечно, да ведь не всякой же мелюзге оказывать покровительство.

Жена Коробкина. Вы слышали, как она трактует нас?

Гостья. Да, она такова всегда была; я ее знаю: посади ее за стол, она и ноги свои…

Явление VIII

Те же и почтмейстер впопыхах, с распечатанным письмом в руке.

Почтмейстер. Удивительное дело, господа! Чиновник, которого мы приняли за ревизора, был не ревизор.

Все. Как не ревизор?

Почтмейстер. Совсем не ревизор, — я узнал это из письма…

Городничий. Что вы? что вы? из какого письма?

Почтмейстер. Да из собственного его письма. Приносят ко мне на почту письмо. Взглянул на адрес — вижу: «в Почтамтскую улицу». Я так и обомлел. «Ну, — думаю себе, — верно, нашел беспорядки по почтовой части и уведомляет начальство». Взял да и распечатал.

Городничий. Как же вы?..

Почтмейстер. Сам не знаю, неестественная сила побудила. Призвал было уже курьера, с тем чтобы отправить его с эштафетой, — но любопытство такое одолело, какого еще никогда не чувствовал. Не могу, не могу! слышу, что не

могу! тянет, так вот и тянет! В одном ухе так вот и слышу: «Эй, не распечатывай! пропадешь, как курица»; а в другом словно бес какой шепчет: «Распечатай, распечатай, распечатай!» И как придавил сургуч — по жилам огонь, а распечатал — мороз, ей-богу мороз. И руки дрожат, и все помутилось.

Городничий. Да как же вы осмелились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

Почтмейстер. В том-то и штука, что он не уполномоченный и не особа!

Городничий. Что ж он, по-вашему, такое?

Почтмейстер. Ни се ни то; черт знает что такое!

Городничий*(запальчиво).* как не се ни то? Как вы смеете назвать его ни тем ни сем, да еще и черт знает чем? Я вас под арест…

Почтмейстер. Кто? Вы?

Городничий. Да, я!

Почтмейстер. Коротки руки!

Городничий. Знаете ли, что он женится на моей дочери, что я сам буду вельможа, что я в самую Сибирь законопачу?

Почтмейстер. Эх, Антон Антонович! что Сибирь? далеко Сибирь. Вот лучше я вам прочту. Господа! позвольте прочитать письмо!

Все. Читайте, читайте!

Почтмейстер *(читает).* «Спешу уведомить тебя, душа моя Тряпичкин, какие со мной чудеса. На дороге обчистил меня кругом пехотный капитан, так что трактирщик хотел уже было посадить в тюрьму; как вдруг, по моей петербургской физиономии и по костюму, весь город принял меня за генерал-губернатора. И я теперь живу у городничего, жуирую, волочусь напропалую за его женой и дочкой; не решился только, с которой начать, — думаю, прежде с матушки, потому что, кажется, готова сейчас на все услуги. Помнишь, как мы с тобой бедствовали, обедали нашерамыжку и как один раз было кондитер схватил меня за воротник по поводу съеденных пирожков на счет доходов аглицкого короля? Теперь совсем другой оборот. Все мне дают взаймы сколько угодно. Оригиналы страшные. От смеху ты бы умер. Ты, я знаю, пишешь статейки: помести их в свою литературу. Во-первых, городничий — глуп, как сивый мерин…»

Городничий. Не может быть этого! Там нет этого.

Почтмейстер *(показывает письмо).* Читайте сами.

Городничий*(читает).* «Как сивый мерин». Не

может быть! вы это сами написали.

Почтмейстер. Как же бы я стал писать?

Артемий Филиппович. Читайте!

Лука Лукич. Читайте!

Почтмейстер *(продолжая читать).* «Городничий — глуп, как сивый мерин…»

Городничий. О, черт возьми! нужно еще повторять! как будто оно там и без того не стоит.

Почтмейстер *(продолжая читать).* Хм… хм… хм… хм… «сивый мерин. Почтмейстер тоже добрый человек…» *(Оставляя читать.)* Ну, тут обо мне тоже он неприлично выразился.

Городничий. Нет, читайте!

Почтмейстер. Да к чему ж?..

Городничий. Нет, черт возьми, когда уж читать, так читать! Читайте все!

Артемий Филиппович. Позвольте, я прочитаю. *(Надевает очки и читает.)* «Почтмейстер точь-в-точь наш департаментский сторож Михеев; должно быть, также, подлец пьет горькую».

Почтмейстер *(к зрителям.)* Ну, скверный мальчишка, которого надо высечь; больше ничего!

Артемий Филиппович *(продолжая читать).* «Надзиратель над богоугодным заведе…и…и…и… *(Заикается.)*

Коробкин. А что ж вы остановились?

Артемий Филиппович. Да нечеткое перо… впрочем, видно, что негодяй.

Коробкин. Дайте мне! Вот у меня, я думаю, получше глаза. *(Берет письмо.)*

Артемий Филиппович *(не давая письмо)*. Нет, это место можно пропустить, а там дальше разборчиво.

Коробкин. Да позвольте, уж я знаю.

Артемий Филиппович. Прочитать я и сам прочитаю; далее, право, все разборчиво.

Почтмейстер. Нет, все читайте! ведь прежде все читано.

Все. Отдайте, Артемий Филиппович, отдайте письмо! *(Коробкину.)* Читайте!

Артемий Филиппович. Сейчас. *(Отдает письмо.)* Вот, позвольте… *(Закрывает пальцем.)* Вот отсюда читайте.

Все приступают к нему.

Почтмейстер. Читайте, читайте! вздор, все читайте!

Коробкин *(читая)*. «Надзиратель над богоугодным заведением Земляника — совершенная свинья в ермолке».

Артемий Филиппович *(к зрителям)*. И неостроумно! Свинья в ермолке! где ж свинья бывает

в ермолке?

Коробкин *(продолжая читать)*. «Смотритель училищ протухнул насквозь луком».

Лука Лукич*(к зрителям)*. Ей-богу, и в рот никогда не брал луку.

Аммос Федорович *(в сторону)*. Слава богу, хоть, по крайней мере, обо мне нет!

Коробкин *(читает)*. «Судья…»

Аммос Федорович. Вот тебе на! *(Вслух.)* Господа, я думаю, что письмо длинно. Да и черт ли в нем: дрянь этакую читать.

Лука Лукич. Нет!

Почтмейстер. Нет, читайте!

Артемий Филиппович. Нет уж, читайте!

Коробкин *(продолжает)*. «Судья Ляпкин-Тяпкин в сильнейшей степени моветон…» *(Останавливается.)* Должно быть, французское слово.

Аммос Федорович. А черт его знает, что оно значит! Еще хорошо, если только мошенник, а может быть, и того еще хуже.

Коробкин *(продолжая читать)*. «А впрочем, народ гостеприимный и добродушный. Прощай, душа Тряпичкин. Я сам, по примеру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, брат, так жить; хочешь, наконец, пищи для души. Вижу: точно нужно чем-нибудь высоким заняться. Пиши ко

мне в Саратовскую губернию, а оттуда в деревню Подкатиловку. *(Переворачивает письмо и читает адрес.)* Его благородию, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, в Почтамтскую улицу, в доме под нумером девяносто седьмым, поворотя на двор, в третьем этаже направо».

Однаиздам. Какой реприманта неожиданный!

Городничий. Вот когда зарезал, так зарезал! Убит, убит, совсем убит! Ничего не вижу. Вижу какие-то свиные рыла вместо лиц, а больше ничего… Воротить, воротить его! *(Машет рукою.)* Куды воротить! Я, как нарочно, приказал смотрителю дать самую лучшую тройку; черт угораздил дать и вперед предписание.

Жена Коробкина. Вот уж точно, беспримерная конфузия!

Аммос Федорович. Однако ж, черт возьми, господа! он у меня взял триста рублей взаймы.

Артемий Филиппович. У меня тоже триста рублей.

Почтмейстер *(вздыхает)*. Ох! и у меня триста рублей.

Бобчинский. У нас с Петром Ивановичем шестьдесят пять-с на ассигнации-с, да-с.

Аммос Федорович *(в недоумении расставляет руки)*. Как же это, господа? Как это, в самом деле,

мы так оплошали?

Городничий*(бьет себя по лбу)*. Как я — нет, как я, старый дурак? Выжил, глупый баран, из ума!.. Тридцать лет живу на службе; ни один купец, ни подрядчик не мог провести; мошенников над мошенниками обманывал, пройдох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уду! Трех губернаторов обманул!.. Что губернаторов! *(махнул рукой)* нечего и говорить про губернаторов…

Анна Андреевна. Но этого не может быть, Антоша: он обручился с Машенькой…

Городничий*(в сердцах)*. Обручился! Кукиш с маслом — вот тебе обручился! Лезет мне в глаза с обрученьем!.. *(В исступлении.)* Вот смотрите, смотрите, весь мир, все христианство, все смотрите, как одурачен городничий! Дурака ему, дурака, старому подлецу! *(Грозит самому себе кулаком.)* Эх ты, толстоносый! Сосульку, тряпку принял за важного человека! Вон он теперь по всей дороге заливает колокольчиком! Разнесет по всему свету историю. Мало того что пойдешь в посмешище — найдется щелкопер, бумагомарака, в комедию тебя вставит. Вот что’ обидно! Чина, звания не пощадит, и будут все скалить зубы и бить в ладоши. Чему смеетесь? — Над собою

смеетесь!.. Эх вы!.. *(Стучит со злости ногами об пол.)* Я бы всех этих бумагомарак! У, щелкоперы, либералы проклятые! чертово семя! Узлом бы вас всех завязал, в муку бы стер вас всех да черту в подкладку! в шапку туды ему!.. *(Сует кулаком и бьет каблуком в пол. После некоторого молчания.)* До сих пор не могу прийти в себя. Вот, подлинно, если бог хочет наказать, то отнимет прежде разум. Ну что было в этом вертопрахе похожего на ревизора? Ничего не было! Вот просто на полмизинца не было похожего — и вдруг все: ревизор! ревизор! Ну кто первый выпустил, что он ревизор? Отвечайте!

Артемий Филиппович *(расставляя руки)*. Уж как это случилось, хоть убей, не могу объяснить. Точно туман какой-то ошеломил, черт попутал.

Аммос Федорович. Да кто выпустил — вот кто выпустил: эти молодцы! *(Показывает на Добчинского и Бобчинского.)*

Бобчинский. Ей-ей, не я! и не думал…

Добчинский. Я ничего, совсем ничего…

Артемий Филиппович. Конечно, вы.

Лука Лукич. Разумеется. Прибежали как сумасшедшие из трактира: «Приехал, приехал и денег не плотит…» Нашли важную птицу!

Городничий. Натурально, вы! сплетники го-

родские, лгуны проклятые!

Артемий Филиппович. Чтоб вас черт побрал с вашим ревизором и рассказами!

Городничий. Только рыскает по городу и смущаете всех, трещотки проклятые! Сплетни сеете, сороки короткохвостые!

Аммос Федорович. Пачкуны проклятые!

Лука Лукич. Колпаки!

Артемий Филиппович. Сморчки короткобрюхие!

Все обступают их.

Бобчинский. Ей-богу, это не я, это Петр Иванович.

Добчинский. Э, нет, Петр Иванович, вы ведь первые того…

Бобчинский. А вот и нет; первые то были вы.

Явление последнее

Те же и жандарм.

Жандарм. Приехавший по именному повелению из Петербурга чиновник требует вас сей же час к себе. Он остановился в гостинице.

Произнесенные слова поражают как громом

всех. Звук изумления единодушно взлетает из дамских уст; вся группа, вдруг переменивши положение, остается в окаменении.

Немая сцена

Городничий посередине в виде столба, с распростертыми руками и запрокинутой назад головою. По правую руку его жена и дочь с устремившимся к нему движеньем всего тела; за ними почтмейстер, превратившийся в вопросительный знак, обращенный к зрителям; за ним Лука Лукич, потерявшийся самым невинным образом; за ним, у самого края сцены, три дамы, гостьи, прислонившиеся одна к другой с самым сатирическим выражением лица, относящимся прямо к семейству городничего. По левую сторону городничего: Земляника, наклонивший голову несколько набок, как будто к чему-то прислушивающийся; за ним судья с растопыренными руками, присевший почти до земли и сделавший движенье губами, как бы хотел посвистать или произнесть: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» За ним Коробкин, обратившийся ко зрителям с прищуренным глазом и едким намеком на городничего; за ним, у самого края сцены, Бобчинский и Добчинский с устремившимися движеньями рук друг к другу, разинутыми ртами и выпученными

друг на друга глазами. Прочие гости остаются просто столбами. Почти полторы минуты окаменевшая группа сохраняет такое положение. Занавес опускается.

Уильям Шекспир. Виндзорские насмешницы

Действующие лица

Сэр Джон Фальстаф.

Фэнтон, молодой джентльмен.

Шеллоу[4], мировой судья.

Слендер[5], племянник судьи Шеллоу.

Форд, **Пэйдж** — виндзорские жители.

Уильям Пэйдж, сын Пэйджа.

Сэр Хьюго Эванс, священник, уроженец Уэльса.

Доктор Каюс, врач, француз.

Хозяин таверны «Подвязка».

Бардольф, **Пистоль**, **Ним** — спутники Фальстафа.

Робин, паж Фальстафа.

Симпль[6], слуга Слендера.

---

[4] Примечания: 4
Шеллоу — от англ. «shallow» — мелкий, неглубокий, поверхностный.

[5] Примечания: 5
Слендер — от англ. «slender» — худой, скудный, незначительный.

[6] Примечания: 6
Симпль — от англ. «simple» — простой, незамысловатый.

Рэгби, слуга доктора Каюса.
Миссис Форд.
Миссис Пэйдж.
Мисс Анна Пэйдж, ее дочь.
Миссис Квикли[7], служанка доктора Каюса.[8]
Слуги Пэйджа, **Форда** и **других**.

Место действия — Виндзор и его окрестности.

---

[7] Примечания: 7

Квикли — от англ. «quick» — быстрая, проворная.

[8] Примечания: 8

Каюс — такую фамилию носил знаменитый врач времени Елизаветы I, основатель «Каюс-Колледжа».

Действие I
Сцена первая

Виндзор. *Перед домом Пэйджа. Входят* ***судья Шеллоу***, ***Слендер*** *и* ***сэр Хьюго Эванс***

Шеллоу. И не просите меня, сэр[9] Хьюго: я подам жалобу в Звездную Палату[10]! Будь он хоть двадцать раз сэром Джоном Фальстафом, ему не удастся безнаказанно оскорблять Роберта Шеллоу, эсквайра.

Слендер. В графстве Глостерском — мирового судью и coram[11].

Шеллоу. Да, кузен Слендер, и — cust-alorum[12].

Слендер. И сверх того, еще ratulorum[13], потом-

---

[9] Примечания: 9

Обращение «сэр» относилось к духовным лицам и рыцарям. В беседе с представителем низшего духовенства к слову «сэр» прибавляли имя, данное при крещении.

[10] Примечания: 10

Звездная Палата — верховный королевский совет, учрежденный в XVI веке, решения которого не подлежали апелляции. Назывался так потому, что на потолке зала, в котором заседал суд, были изображены звезды.

[11] Примечания: 11

В присутствии *(лат.)*.

[12] Примечания: 12

Хранитель актов *(лат.)*.

[13] Примечания: 13
Актов *(лат., искаж.)*.

ственного дворянина, ваше преподобие, который подписывается «armigero»[14]; на каждом приказе, предписании, расписке или обязательстве — «armigero».

Шеллоу. Да, подписываюсь и подписывался день в день вот уже триста лет.

Слендер. Все потомки, скончавшиеся прежде него, поступали так, и все его предки, которые народятся после него, будут поступать точно так же. Они носили и будут носить на своей рыцарской мантии двенадцать белых ковшей[15].

Шеллоу. Это — старая мантия.

Эванс. Двенадцать белых вшей очень идут к старой мантии. Это — тварь, привычная человеку, и обозначает она любовь.

Шеллоу. Из ковшей пьют воду, а для вшей вода не нужна.

Слендер. Могу ли я, дядюшка, взять и себе четверть этой мантии?

Шеллоу. Можешь, сочетавшись браком.

Эванс *(Шеллоу).* Он и взаправду превратит ее в брак, если это случится!

---

[14] Примечания: 14

Имеющий герб *(лат., искаж.).*

[15] Примечания: 15

«...двенадцать белых ковшей». — В оригинале непереводимая игра слов, основанная на созвучии слов «luces» — «щуки» и «louses» — «вши».

Шеллоу. Нисколько!

Эванс. Непременно! Если он возьмет четверть вашей мантии, по моему простому расчету, у вас останется всего три четверти. Но это все равно. Если сэр Джон Фальстаф неприлично поступил с вами, то я как служитель церкви за удовольствие сочту приложить усилия к тому, дабы учинить между вами соглашение и взаимное расположение.

Шеллоу. Государственный Совет узнает об этом. Это бунт.

Эванс. Не приличествует Совету узнавать о бунте: в бунте нет страха Божия. Совет, видите ли, желает слушать о страхе Божием, а не о бунте. Примите сие в соображение.

Шеллоу. Эх, боже мой! Будь я молод опять, меч разрешил бы это дело.

Эванс. Лучше, чтоб мечом служили друзья и чтобы они разрешили это дело. И притом в разуме моем возникает еще иная выдумка, которая, быть может, принесет добрые последствия. Насчет Анны Пэйдж. Она — дочь мистера Томаса Пэйджа, и она прекраснейшая из девственниц.

Слендер. Мисс Анна Пэйдж? У нее темные волосы, и она говорит тонко, как женщина.

Эванс. Она самая на всем свете. И семьсот

фунтов денег, и золото, и серебро дает ей дед на смертном одре — пошли ему Бог радостное воскресение из мертвых! — когда она окажется в состоянии преодолеть семнадцать лет. Было бы хорошо нам оставить ссоры и раздоры и пожелать брака между мистером Авраамом и мисс Анной Пэйдж.

Шеллоу. Так дед завещал ей семьсот фунтов?

Эванс. Да. А отец оставит и получше сумму.

Слендер. Я знаю эту девицу: у нее хорошие качества.

Эванс. Семьсот фунтов и виды на будущую прибавку — хорошие качества.

Шеллоу. Ну, отправимся. А Фальстаф там?

Эванс. Могу ли я солгать? Я презираю обманщика, как презираю того, кто лжив, или как презираю того, кто не правдив. Рыцарь сэр Джон там, но я умоляю вас следовать советам ваших доброжелателей. Сейчас постучусь в дверь мистера Пэйджа. *(Стучит.)* Э! О! Благослови Господь дом ваш!

Пэйдж *(за сценой).* Кто там?

Входит ***Пэйдж****.*

Эванс. Вот Божье благословение и ваш друг судья Шеллоу; а вот молодой мистер Слендер,

который, может быть, расскажет вам другую историю, если все придется вам по вкусу.

Пэйдж. Очень рад видеть вас, господа, в добром здравии. Мистер Шеллоу, благодарю вас за дичь.

Шеллоу. Мистер Пэйдж, мне очень приятно видеть вас. Кушайте ее на здоровье. Я хотел бы, чтобы ваша дичь была лучше: эта плохо была убита. Как поживает добрейшая миссис Пэйдж? Я предан вам всей душой, видит Бог, всей душой.

Пэйдж. Покорнейше благодарю.

Шеллоу. Это я вас благодарю; право же, я благодарю.

Пэйдж. Добрейший мистер Слендер, мне весьма приятно видеть вас.

Слендер. Как поживает ваша рыжая борзая? Сказывали мне, что в Котсоле ее обогнали[16].

Пэйдж. Дело это осталось нерешенным.

Слендер. Вы не хотите признаться, не хотите признаться.

Шеллоу. Конечно, не хочет. Это не ваша вина, не ваша вина: собака хорошая.

Пэйдж. Дрянь собака!

Шеллоу. Нет, хорошая собака и видная собака.

---

[16] Примечания: 16

«...в Котсоле ее обогнали». — В Котсоле проводились ежегодные празднества и игры, которые были учреждены в начале царствования Якова I и назывались «Олимпийскими играми Роберта Дувра».

Можно ли сказать больше того? Хорошая и видная. Сэр Джон Фальстаф у вас?

Пэйдж. У меня, сэр, и мне бы очень хотелось уладить вашу ссору.

Эванс. Сказано, как и подобает христианину.

Шеллоу.

Он оскорбил меня, мистер Пэйдж.

Пэйдж. Сэр, он отчасти сам сознается в этом.

Шеллоу. Сознаться — еще не значит расквитаться, не так ли, мистер Пэйдж? Он оскорбил меня, как есть оскорбил, одним словом оскорбил. Поверьте: Роберт Шеллоу, эсквайр, говорит вам, что он оскорблен.

Пэйдж. Вот и сэр Джон.

Входят ***Фальстаф***, ***Бардольф***, ***Ним*** *и* ***Пистоль***.

Фальстаф. Так что ж, мистер Шеллоу, вы пожалуетесь на меня королю?

Шеллоу. Сэр, вы избили мою прислугу, застрелили моего оленя и выломали дверь в моем охотничьем домике.

Фальстаф. Но не целовал дочери вашего лесничего.

Шеллоу. Ну да что там! Вы за это ответите!

Фальстаф. Отвечу хоть сейчас. Да, все это я

сделал. Вот и ответил.

Шеллоу. Совет узнает об этом.

Фальстаф. Вам же хуже, если об этом узнают в Совете: вас высмеют.

Эванс. Pauca verba[17], сэр Джон. Говорите лучше немного слов!

Фальстаф. Ослов-то добрых немного! Слендер, я, кажется, проломил вам голову… Что вы имеете против меня?

Слендер. Право, сэр, у меня в голове кое-что осталось против вас и ваших дружков-негодяев — Бардольфа, Нима и Пистоля, которые затащили меня в таверну, опоили и обчистили мои карманы.

Бардольф. Ах ты, бенберийский сыр[18]! *(Обнажает меч.)*

Слендер. Хорошо, хорошо, ругайся!

Пистоль. В чем дело, Мефистофель[19]?

Слендер. Хорошо, хорошо, ругайся!

---

[17] Примечания: 17

Поменьше слов *(лат., искаж.)*.

[18] Примечания: 18

«Ах ты, бенберийский сыр!» — Бенбери — город в Оксфордшире, славившийся производством тощих сыров. Здесь — намек на худобу Слендера.

[19] Примечания: 19

Мефистофель. — Во времена Шекспира этим прозвищем награждали худых и костлявых особ.

Ним. Руби его, говорят вам! Pauca, pauca! Руби его, палка! Вот мой нрав!

Слендер. Где мой слуга Симпль? Не знаете ли, дядюшка?

Эванс. Покорнейше прошу вас успокоиться. В этом деле — три посредника, сколько я понимаю: мистер Пэйдж — fidelicet[20] мистер Пэйдж; затем я сам — fidelicet я сам, и третий — последний и окончательный — хозяин таверны «Подвязка».

Пэйдж. Нас трое, чтобы выслушать дело и покончить его мировой.

Эванс. Очень хорошо. Я занесу это к себе в записную книжку, и вслед за сим приступим к разбирательству дела со всевозможным беспристрастием.

Фальстаф. Пистоль!

Пистоль. Он весь превратился в слух.

Эванс. Что за чертовщина такая — «он весь превратился в слух»? Да это манерничанье!

Фальстаф. Пистоль, ты обчистил кошелек мистера Слендера?

Слендер. Обчистил, клянусь этими перчатка-

---

[20] Примечания: 20
Ну, конечно *(лат.)*.

ми[21], не войди я никогда в свой собственный парадный зал! Семь гротов он стащил у меня, — семь гротов шестипенсовой монетой да еще два эдуардовских шиллинга, которые я купил у Эди Миллера по два шиллинга за каждый, клянусь этими перчатками!

Фальстаф. Это правда, Пистоль?

Эванс. Нет. Как можно называть правдой воровство? Это не правда, а обман.

Пистоль.

Ах ты, пришлец с гор! Сэр Джон, мой вождь!

Я призываю хвастуна к ответу!

Гнев возраженья в нос тебе кидаю,

Гнев возраженья, пена, грязь! Ты лжешь!

Слендер *(указывая на Нима).* Тогда вот этот сделал, клянусь моими перчатками!

Ним. Поосторожнее, сэр, и укротите ваш нрав! Коли вы натравите на меня ваши глупые остроты, так ведь я сострю так, что вам не снилось. Зарубите на носу!

---

[21] Примечания: 21

«...клянусь этими перчатками...» — Перчатки считались признаком большого щегольства. Таким образом Слендер стремится подчеркнуть, что следит за модой.

Слендер. Ну так это сделала вон та красная рожа, клянусь моей шляпой. *(Указывает на Бардольфа.)* Я хоть и не точно помню, что со мной происходило, когда вы напоили меня пьяным, но все-таки не совсем же я осел.

Фальстаф. Что скажешь ты на это, Джон Румяный[22]?

Бардольф. Да что сказать? Скажу, что сей джентльмен упился в это время так, что лишился своих пяти чувствий.

Эванс. Правильнее сказать — пяти чувств. Фу, какое невежество!

Бардольф. А нарезавшись, он, что называется, спекся. И выводы превзошли возможности.

Слендер. Да, вы и тогда говорили по-латыни. Но не в этом дело. После такой штуки я никогда в жизни не напьюсь иначе, как в честной, благовоспитанной и приличной компании. Напьюсь пьян только с теми, в ком страх Божий, а не с пьяными негодяями.

Эванс. Добродетельное намерение, суди меня Бог!

Фальстаф. Вы слышали, господа: все показания

---

[22] Примечания: 22

Джон Румяный — один из товарищей легендарного английского разбойника Робина Гуда. Фальстаф намекает на красный цвет лица Бардольфа.

опровергнуты? Вы это слышали?

Входят ***миссис Форд****,* ***миссис Пэйдж*** *и* ***Анна Пэйдж****, которая несет кубок с вином.*

Пэйдж. Нет, дочка, неси вино в комнаты: мы будем пить там.

Анна *уходит.*

Слендер. О небо! Это — мисс Анна Пэйдж!

Пэйдж. Как ваше самочувствие, миссис Форд?

Фальстаф. Миссис Форд, честное слово, мне весьма приятно вас видеть. С вашего позволения, почтенная миссис! *(Целует ее.)*

Пэйдж. Жена, проси джентльменов отобедать с нами. Пожалуйте; у нас на обед будет горячий паштет из дичи. Прошу, господа. Надеюсь, что мы утопим в вине все неприятности.

Уходят ***все****, кроме* ***Шеллоу****,* ***Слендера*** *и* ***Эванса****.*

Слендер. Я отдал бы сорок шиллингов, лишь бы здесь был мой сборник сонетов и любовных песен[23].

---

[23] Примечания: 23

«Сборник сонетов и любовных песен» — книга лорда Генри Говарда «Книга с песнями и сонетами».

Входит ***Симпль****.*

Наконец-то! Где это ты пропадал? Что же, я сам себе должен прислуживать? Где моя книга? При тебе, что ли?

Симпль. «Книга загадок»[24]? Да вы ведь сами изволили одолжить ее Алисе Шорткейк в праздник Всех Святых, за две недели до Михайлова дня.

Шеллоу. Пойдем, пойдем, племянник. Мы ждем тебя. Только вот еще одно слово, племянник: вот что, братец, знаешь, сэр Хьюго сделал мне издалека, обиняком нечто вроде предложения. Понимаешь ты меня?

Слендер. Да, сэр, увидите, я буду благоразумен. Раз так нужно, я буду поступать благоразумно.

Шеллоу. Да ты прежде пойми меня!

Слендер. Я это и делаю.

Эванс. Внемлите его внушениям, мистер Слендер. Я составлю вам обозрение этого дела, если вы способны вникнуть в оное.

Слендер. Нет, я поступлю, как скажет дядюшка Шеллоу, уж вы меня простите: он — мировой судья у себя в округе, как бы прост я ни был.

---

[24] Примечания: 24

«Книга загадок» — популярный среди простого народа сборник «Книга веселых загадок».

Эванс. Но совсем не в этом дело: дело в вашей женитьбе.

Шеллоу. Да, об этом и речь, сэр.

Эванс. Право, об этом самая и речь; на мисс Анне Пэйдж.

Слендер. Что ж, если это так, я готов жениться на ней по любому разумному предложению.

Эванс. Но можете ли вы питать привязанность к сей девице? Позвольте нам услыхать об этом из ваших уст или из ваших губ, ибо некоторые философы утверждают, что губы суть частица уст. Итак, объясните с точностью, можете ли перенести свое благорасположение на сию девицу?

Шеллоу. Племянник Слендер, можешь ты любить ее?

Слендер. Надеюсь, сэр, что поступаю, как полагается благоразумному человеку.

Эванс. Нет, клянусь всеми святителями и святительницами Божьими! Говорите положительно: можете ли внушить ей ваши желания к ней?

Шеллоу. Да, ты должен отвечать положительно. Хочешь жениться на ней и взять хорошее приданое?

Слендер. Я сделаю и больше этого, дядюшка, если вы того потребуете.

Шеллоу. Нет, ты пойми, пойми меня, любезный

племянник: я ведь делаю все для твоего удовольствия. Можешь ты любить эту девицу?

Слендер. Я женюсь на ней, если вы того желаете. Вначале любовь, может быть, будет и не очень велика, но потом, когда мы ближе познакомимся, женимся и покороче узнаем друг друга, она, с Божьей помощью, может, и уменьшится. Надеюсь, что по мере сближения будет увеличиваться и взаимное нерасположение. Но если вы скажете: «Женись на ней» — я женюсь. На это я решился добровольно и необдуманно.

Эванс. Весьма разумный ответ, за исключением слова «необдуманно», ибо, по нашему мнению, нужно сказать: «Обдуманно». Но намеренье прекрасное.

Шеллоу. Да, я полагаю, у него есть намеренье.

Слендер. Да, а не то пусть меня повесят — и все тут!

Входит ***Анна Пэйдж****.*

Шеллоу. Вот и наша красавица, мисс Анна! Видя вас, мисс Анна, я жалею, что не могу вернуть свои юные годы.

Анна. Обед подан. Батюшка просит вас пожаловать.

Шеллоу. Я иду к нему, прекрасная мисс Анна!

Эванс. Господи, помилуй! Я не должен пропустить предобеденную молитву.

Шеллоу *и* ***Эванс*** *уходят.*

Анна. Не угодно ли и вам пожаловать?

Слендер. Нет, благодарю вас, поверьте честному слову, от всего сердца благодарю. Мне очень хорошо.

Анна. Обед ждет вас, сэр.

Слендер. Я не голоден. Благодарю вас, честное слово. *(Симплю.)* Ты, как мой слуга, ступай прислуживать моему дядюшке Шеллоу.

Симпль *уходит.*

И мировой судья может быть иногда благодарен другу за слугу. Теперь, пока еще моя мать жива, я держу только трех лакеев да одного мальчика. Но что ж такое? Я все-таки живу, как бедный, но родовитый дворянин.

Анна. Я не могу вернуться без вас: пока вы не придете, гости не сядут за стол.

Слендер. Ей-богу, мне решительно не хочется есть. Благодарю вас точно так же, как будто я уже поел.

Анна. Пожалуйста, пойдемте. Прошу вас, сэр.

Слендер. Право, благодарю вас. Я лучше здесь

похожу. На днях я ушиб себе колено, фехтуя на шпагах и кинжалах с учителем фехтования; три удара за блюдо вареного чернослива, и, клянусь вам честью, с тех пор я не могу выносить запах горячего кушанья. Чего это ваши собаки так заходятся? Разве в город привели медведей?

Анна. Кажется, да, сэр. Я слыхала: толкуют про них.

Слендер. Очень мне нравится это увеселение, и никто в Англии не держит пари при этом так горячо, как я. А вы, я думаю, пугаетесь, когда медведя спускают с цепи?

Анна. Разумеется, сэр.

Слендер. А меня вот хлебом не корми, дай полюбоваться этим зрелищем. Я раз двадцать видел спущенного Секерсона[25] и даже брал его за цепь. Но уверяю вас: женщины так кричали и визжали при этом, что приходилось отпускать его. Впрочем, действительно, для женщин медведи невыносимы: это — такие грубые, неблаговоспитанные животные.

Входит ***Пэйдж****.*

Пэйдж. Пожалуйте, любезнейший мистер

---

[25] Примечания: 25

Секерсон — кличка медведя, которого часто показывали в общественном Парижском саду недалеко от театра «Глобус».

Слендер, пожалуйте: мы все вас ждем.

Слендер. Мне решительно не хочется есть. Покорнейше вас благодарю.

Пэйдж. Клянусь петухом и пирогом[26], вам выбора нет, сэр.

Слендер. Нет, пожалуйста, ступайте.

Пэйдж. Пожалуйте, сэр.

Слендер. Мисс Анна, вам следует идти первой.

Анна. Нет, пожалуйста, проходите вы.

Слендер. Право, я не пойду первым. Право — и все тут! Я не буду так неучтив.

Анна. Пожалуйста, сэр.

Слендер. Нечего делать; я буду лучше невежлив, чем надоедлив. Вы сами к себе неучтивы, ей-богу, — и все тут.

Уходят.

Сцена вторая

Там же.

Входят сэр Хьюго Эванс и Симпль.

Эванс. Ступай и узнай, как пройти к дому док-

---

[26] Примечания: 26

«Клянусь петухом и пирогом...» — простонародная божба, часто встречающаяся во многих старых английских драмах.

тора Каюса. Там живет миссис Квикли. Она у доктора вроде няньки или сиделки: не то стряпает, не то стирает, не то выжимает.

Симпль. Слушаю-с.

Эванс. Вот что еще: отдай ей это письмо, потому что эта женщина давно знакома с мисс Анной Пэйдж. А в письме ее просят содействовать твоему господину в сватовстве его к мисс Анне Пэйдж. Ступай же поскорее, а я пойду завершать обед: остались еще яблоки и сыр.

Уходят.

Сцена третья

Комната в таверне «Подвязка». Входят ***Фальстаф****,* ***хозяин*** *таверны,* ***Бардольф****,* ***Ним****,* ***Пистоль*** *и* ***Робин****.*

Фальстаф. Почтеннейший хозяин «Подвязки»!

Хозяин. Что скажет мой плут-вояка? Говори учено и умно.

Фальстаф. Вот что, мой хозяин: я должен отпустить кое-кого из моей свиты.

Хозяин. Увольняй, буйный Геркулес, спроваживай. Пусть проваливают рысцой, рысцой!

Фальстаф. Я трачу по десять фунтов в неделю.

Хозяин. Ты — император, цезарь, кесарь и фесарь! Бардольфа я возьму к себе: он будет цедить и разливать вино. Хорошо сказано, буйный Гектор?

Фальстаф. Сделай это, мой добрый хозяин.

Хозяин. Сказал — так и кончено. Вели ему следовать за мной. *(Бардольфу.)* Посмотрим, как ты умеешь напускать пену и подмешивать. Я слова своего не меняю. Ступай за мной.

(Уходит.)

Фальстаф. Бардольф, иди за ним. Быть подносчиком — хорошее ремесло. Из старого плаща выходит новый камзол, из поношенного слуги — свежий подносчик. Иди. Прощай!

Бардольф. Этой жизни я всегда желал. Теперь мои дела пойдут отлично! *(Уходит вслед за хозяином.)*

Пистоль. Изгой и отщепенец! Ужель ты будешь править краном?!

Ним. Он был зачат в хмелю и рожден в похмелье. Чем плоха острота?

Фальстаф. Я рад, что отделался от этого ящика с адской смесью. Он воровал слишком открыто. Он мошенничал, и, точно неискусный актер, не мог выдержать паузу.

Ним. Настоящее искусство состоит в том, чтобы успеть украсть в паузу.

Пистоль. «Добыть», — мудрец сказал бы. «Красть»! Фу! Слово гадкое!

Фальстаф. Да, судари мои, я остался почти без сапог.

Пистоль. Так можно отморозить ноги.

Фальстаф. Тут уж ничего не поделаешь: придется исхитриться, придумать разные штуки.

Пистоль. Должны же молодые воронята кушать.

Фальстаф. Кто из вас знает здесь, в городе, Форда?

Пистоль. Мужлана знаю: естеством изряден.

Фальстаф. Честные друзья мои, я хочу сказать вам, что теперь во мне…

Пистоль. Два ярда, если не поболе.

Фальстаф. Полно! Сейчас не до острот, Пистоль! Правда, во мне два ярда в обхвате, но речь сейчас не об обхвате, но о захвате. Словом, я собираюсь ухлестнуть за женой Форда. Она любезничает со мной, заигрывает, строит глазки. Я уразумеваю смысл этого интимного послания: в нем даже самая неблагоприятная для меня фраза означает в переводе на чистый английский язык: «Я вся принадлежу сэру Джону Фальстафу».

Пистоль. Он изучил ее мысли и перевел их с языка непорочности на английский.

Ним. Якорь брошен глубоко. Хороша острота?

Фальстаф. Люди толкуют, что мужнин кошелек в ее руках, а в нем — целый легион серебряных ангелов[27].

Пистоль. В подмогу столько же чертей — и в путь!

Ним. Шутки все яснее. Хорошо. Теперь состри насчет ангелов.

Фальстаф. Я написал к ней вот это письмо; а вот и другое — к жене Пэйджа, которая тоже несколько часов назад строила мне глазки и основательно осматривала всю мою персону. Луч ее взглядов золотил то мою ногу, то мое величественное брюхо.

Пистоль. Так солнце на навоз светило!

Ним. Спасибо за удачное сравненье.

Фальстаф. О, ее взгляд скользил по моим могучим формам с таким жадным вниманием, что вожделение ее взора опаляло меня, точно зажигательное стекло. Вот письмо и к ней. Она тоже управляет кошельком своего мужа; она — Гви-

---

[27] Примечания: 27

«...легион серебряных ангелов». — «Ангел» — расхожее название монеты с изображением ангела.

ана, вся полная золота и щедрости[28]. Я стану казначеем для них обеих, а они — казначействами для меня. Они будут моими Ост-Индией и Вест-Индией. И я начну вести торговлю с обеими. Так вот ты отнеси это письмо к миссис Пэйдж, а ты — к миссис Форд. Расцветем мы, дети мои, расцветем!

Пистоль

Я Пандаром троянским должен стать
И меч носить? Пусть Люцифер вас всех возьмет!

Ним. Я не паду так низко. Возьмите это норовистое письмо. Я буду придерживаться пристойного поведения.

Фальстаф *(Робину)*

Неси же, мальчик, письма со вниманьем,
Лети, как парусник, к златым брегам.
А вы, мерзавцы, прочь! Себе ищите
Пристанище другое. К черту! Вон!
Брысь! Убирайтесь! Вам я не хозяин.

---

[28] Примечания: 28

«...она — Гвиана, вся полная золота и щедрости» — намек на описания сэра Уолтера Рли, посетившего в 1596 году Южную Америку.

Фальстаф дух времени усвоил преотлично:

Расчетливость и бережливость – вот мой щит.

Пусть спутником моим останется лишь паж.

Без вас двоих мы, право, обойдемся.

(Уходит с Робином.)

Пистоль.

Пусть коршун рвет тебе кишки! Обманет

Судьба богатого и бедняка.

Еще ты будешь нищ, а я – богат,

Фригийский турок!

Ним. У меня возник план мести.

Пистоль. Ты хочешь мстить?

Ним. Клянусь луной и небом!

Пистоль. Умом? Мечом?

Ним. Мне оба равно любы. Я раскрою Пэйджу затею этой любви.

Пистоль

Я Форду расскажу сполна,

Что хочет жирный гусь

Голубку взять, и брюхо золотом набить,

И ложе брачное их запятнать.

Ним. Мой пыл не остынет. Я доведу Пэйджа до крайности, до безумия, чтоб он пустил в ход яд. Я вгоню его в желтуху, ибо в гневе я страшен. Вот какой у меня характер!

Пистоль. Ты — Марс всех недовольных. Я — второй после тебя. Так в путь!

Уходят.

Сцена четвертая

Комната в доме ***доктора Каюса****. Входят* ***миссис Квикли****,* ***Симпль*** *и* ***Рэгби****.*

Миссис Квикли.

Вот что, Джон Рэгби: ты ступай, пожалуйста, к окну и смотри, не идет ли домой мой хозяин, доктор Каюс, а то, если он вернется и застанет у себя в доме кого-нибудь, опять начнет пытать Господнее долготерпение и английский язык.

Рэгби. Пойду покараулю.

Миссис Квикли. Да, иди; а за труды я вскипячу для тебя молочка на последнем огне.

Рэгби *уходит.*

Честный, услужливый, добрый малый; лучший слуга, какого только можно принять в дом. И притом, уверяю вас, — совсем не сплетник и не задира. Самый большой недостаток его, что он очень богобоязнен и на этот счет довольно упрям. Впрочем, у каждого есть свои недостатки. Но довольно об этом. Вы говорите, вас зовут Питер Симпль?

Симпль. Да, за неимением лучшего.

Миссис Квикли. И вы слуга мистера Слендера?

Симпль. Совершенно так.

Миссис Квикли. Это который с большой круглой бородой вроде сапожного ножа?

Симпль. Совершенно не так: у него крохотное лицо с маленькой, желтой бородкой, вроде Каиновой[29].

Миссис Квикли. Человек он, кажется, смирный, спокойный?

Симпль. Совершенно так. Но чуть что, так же ловок с кулаком. Как-то раз он подрался с полевым сторожем…

Миссис Квикли. Что вы говорите? О, теперь я

---

[29] Примечания: 29

«…с маленькой желтой бородкой вроде Каиновой». — Каин и Иуда на старинных картинах и тканях для обивки стен изображались с рыжими бородами.

припоминаю! Ведь это — тот самый, что носит, так сказать, голову вверх и ходит фертом?

Симпль. Да, да, он самый и есть.

Миссис Квикли. Ну, в таком случае, дай Бог Анне Пэйдж не найти худшей партии! Скажите господину пастору Эвансу, что я сделаю все, что могу, для вашего хозяина. Анна — девушка хорошая, а я желаю…

***Рэгби** возвращается.*

Рэгби. Горе нам! Спасайтесь: хозяин идет!

Миссис Квикли. Не миновать нам всем беды! *(Симплю.)* Спрячьтесь, добрейший молодой человек! Полезайте в этот шкаф. *(Вталкивает Симпля в шкаф.)* Хозяин скоро уйдет. *(Кричит.)* Эй, Джон Рэгби! Джон! Да поди же сюда, Джон, говорят тебе!

*Входит **доктор Каюс**.*

(Притворяется, что не видит его.) Ступай, узнай, не приключилось ли чего с нашим господином. Уж не случилось ли чего с ним, что его так долго нет? *(Напевает.)*

Там, внизу, внизу, низехонько…

Каюс *(смотрит на нее с подозрением).* О чем ты

распелясь? Не люблю такой пюстяк. Принёсь из шкаф une мон boite verte[30] — ящьик, зельоный корьобка. Понимаешь, што я сказаль? Зельоный корьобка!

Миссис Квикли. Конечно, понимаю. Сейчас принесу. *(В сторону.)* Я очень рада, что он не пошел туда сам. Застань он там молодого человека, начал бы прямо бодаться, как бешеный бык.

Каюс. Фу, фу, фу, фу! Ma foi, il fait fort chaud. Je m'en vais la cour — la grande affaire[31].

Миссис Квикли. Этот ящик?

Каюс. Oui, mete la au mon[32] карман; dépêche[33], проворней. Да где этот каналья Рэгби?

Миссис Квикли *(кричит).* Эй, Джон Рэгби! Джо-о-н!

Входит ***Рэгби.***

Рэгби. Здесь я, сэр!

Каюс. Ты — Жак Рэгби, ты — и дурак Рэгби. Бери

---

[30] Примечания: 30
Зеленый ящик *(фр.)*.

[31] Примечания: 31
Какая жара! А мне нужно ходить на королевский двор лечить одну важную персону *(фр.)*.

[32] Примечания: 32
Да, положи в мой *(фр.)*.

[33] Примечания: 33
Поторапливайся *(фр.)*.

скорей свою рапир и стюпай за мной по пятам.

Рэгби. Рапира готова, сэр, и стоит в сенях.

Каюс. О дьябль, я ужасно опоздаль! Qu'ai je oublié?[34] Там в шькаф лекарств, надо браль его с собой на корлевськи двор.

Миссис Квикли. Ах, беда! Он найдет там молодого человека и взбеленится.

Каюс. О, diable, diable![35] Кто это в мон шькаф? Бездельньик, мошенньик, ворь! *(Вытаскивает Симпля.)* Рэгби, мон рапир!

Миссис Квикли. Милый хозяин, успокойтесь.

Каюс. По какой причина я могу быть спокойник?

Миссис Квикли. Этот юноша — честный человек.

Каюс. Честны чельовек что будет делаль в мон шькаф? Нет честны чельовек, чтоб сидель в мон шькаф.

Миссис Квикли. Умоляю вас: не будьте таким флегматиком и выслушайте, в чем дело. Он прислан мне преподобным Эвансом...

Каюс. Ви-ви, да-да.

Симпль. Клянусь вам, сударь, это так... Чтобы

---

[34] Примечания: 34
Не забыл ли я чего-нибудь? *(фр.)*

[35] Примечания: 35
Ах, черт, черт! *(фр.)*

просить эту даму…

Миссис Квикли. Молчите! Заклинаю вас!

Каюс. Ты сам мольчи! А он пусть говориль!

Симпль. Чтобы просить эту почтенную даму, вашу служанку, замолвить мисс Анне Пэйдж доброе слово за моего хозяина насчет замужества.

Миссис Квикли. Ну да! Вот и все! Но я ни за что не полезу на рожон, да и нет мне в этом никакой нужды.

Каюс. Тебя послаль сэр Гьюго? Се бьен. Рэгби, baillez[36] мне бумагу. А ты жди минутку. *(Садится за стол и торопливо пишет.)*

Миссис Квикли *(тихо Симплю).* Я так рада, он сегодня на удивление спокоен. Если бы он вспылил, наслышались бы вы его криков от его милохолии. Но как бы там ни было, молодой человек, я сделаю для вашего хозяина все, что смогу. Вся штука в том, что француз-доктор — мой господин… Я могу назвать его моим господином, потому что веду его хозяйство, стираю, глажу, варю, пеку, чищу, стряпаю, стелю постель, и все сама, сама…

Симпль *(тихо ей).* Для одного человека многовато.

---

[36] Примечания: 36
Дай *(фр.).*

Миссис Квикли *(тихо ему).* Чувствуете? Дел невпроворот: вставай рано да ложись поздно. И все-таки — скажу вам на ухо, чтобы об этом не болтали, — мой господин сам влюблен в мисс Анну Пэйдж. Но, несмотря на это, я знаю, о чем мечтает Анна. Ничего у моего хозяина не выйдет.

Каюс *(встает и протягивает Симплю письмо).* Эй, олюх, несешь этот письмо месье Эванс. Я визиваль его дуэль, дьябль побери! Я перерезай ему горло! Я показывай этот паскудны олюх, как вмешать чужое дело! Можешь проваливаться. Нечего тебе делать мой шькаф. Diable! У него, чьорт побери, нечего будет даже собаке бросить нос и уши!

Симпль уходит.

Миссис Квикли. Бедный! Ведь он хлопочет только о своем друге.

Каюс. Мне это все равно. Ты сам мне обещаль, сказаль, что Анна Пэйдж моя. О, чьорт побери, я хочу убьить этот больван-пастор! Секундант я выбраль хозяин jarrettiere[37]. Анна Пэйдж должен быть мой, чьорт побери!

Миссис Квикли. Сэр, девушка любит вас, и все

---

[37] Примечания: 37
Подвязка *(фр.).*

у вас с ней сладится. *(Затворяет дверь.)* Пусть себе народ болтает, сколько хочет. Экая беда! Я одна знаю, о чем мечтает Анна. Никто в Виндзоре, кроме меня, не властен над ее поступками.

Каюс. Рэгби, провождай меня. Чьорт побери, если Анна Пэйдж не будет мой, я тебя отучу даже нос просовать мне в дверь. Рэгби, следуй по мой пятам! *(Быстро уходит.)*

***Рэгби** спешит за ним.*

Миссис Квикли *(закрывая дверь).* Ослиные уши останутся тебе — вот что! Нет, я знаю, что думает Анна на этот счет; ни одна женщина в Виндзоре лучше меня не знает, что думает Анна.

Фэнтон *(за сценой).* Эй, есть тут кто-нибудь?

Миссис Квикли. Кто там? Входите, сударь!

*Входит **Фэнтон**.*

Фэнтон. Ну как, милая моя? Как поживаешь?

Миссис Квикли. Очень хорошо, уже оттого, что ваша милость изволите спрашивать об этом.

Фэнтон. Что нового? Как здоровье прекрасной мисс Анны?

Миссис Квикли. Вы правы, сэр: она и прекрасна, и добродетельна, и мила, и — уж кстати сказать — к вам расположена, за что я благодарю

Бога.

Фэнтон. Так ты полагаешь, что это дело мне удастся? Что труды мои не пропадут даром?

Миссис Квикли. Все в воле Божьей, сэр. Но я все-таки готова поклясться на Евангелии, что она любит вас. Ведь у вашей милости есть бородавка над глазом?

Фэнтон. Есть. Что же из этого?

Миссис Квикли. Да с этой бородавкой целая история. Сказать правду, причудливая она девушка; но, клянусь Богом, честнее всякой, кто только хлеб ест. Целый час мы с ней толковали об этой бородавке. Ни с кем не смеюсь я столько, сколько с этой девушкой. Правда, она уж слишком склонна к милохолии и мечтательности; но что касается вас — одно скажу: не робейте.

Фэнтон. Хорошо. Я повидаюсь с ней сегодня. Вот тебе деньги. Поговори в мою пользу. Если увидишь ее прежде меня, похлопочи в моем деле.

Миссис Квикли. Еще бы не похлопотать! Конечно, похлопочем; а в следующий раз, как увидимся, я вам побольше расскажу о бородавке, да, кстати, и о других женихах.

Фэнтон. Хорошо. Прощай: теперь я очень спешу.

Миссис Квикли. Доброго здоровья вашей ми-

лости.

Фэнтон *уходит.*

Очень хороший джентльмен, но Анна не любит его. Уж я-то лучше всякого знаю, что думает Анна. Ах ты, Господи, как же это я забыла!

Уходит.

Действие II
Сцена первая

Перед домом ***Пэйджа****. Входит* ***миссис Пэйдж*** *с письмом.*

Миссис Пэйдж. Каково! В праздничные дни моей красоты я была лишена любовных писем, а теперь сделалась предметом их! Посмотрим. *(Читает.)*

«Не спрашивай, почему я люблю тебя: если любовь и принимает разум в лекари, то никогда не допускает его советником. Ты уже не молода, я — тоже. Вот тебе и повод для симпатии. Ты весела, я — тоже. Ха, ха, ха! Вот еще один повод. Ты любишь херес, я — тоже. Какой же еще симпатии надобно? Удовлетворись, миссис Пэйдж, — если только любовь солдата может удовлетворить тебя — тем, что я тебя люблю. Я не прошу: «Пожалей меня» — такие выражения неприличны солдату, я говорю только: «Полюби меня!».

Я рыцарь твой
Во тьме ночной,
А также и дневной порой.

С отвагой злой и
Мощною своей рукой
Готовый в бой.
Джон Фальстаф»

Экий Ирод-то Иудейский[38]! О, испорченный, испорченный свет! Ведь вот человек: в клочья сношен от старости, а корчит из себя молодого любезника. Неужели я так необдуманно вела себя, что этот фламандский пьяница[39] — во имя самого черта! — принял это за повод так откровенно приставать ко мне? Ведь он и трех раз не встречался со мной! Что я такое могла сказать ему? Я всячески сдерживала свою веселость, прости мне Господи! Решительно, внесу в парламент билль об упразднении мужчин. Но как отомстить ему? А что я отомщу, это так же верно, как то, что его кишки забиты жирным пудингом.

Входит ***миссис Форд****.*

Миссис Форд. Ах, миссис Пэйдж! А я вот, право,

---

[38] Примечания: 38

«Экий Ирод-то Иудейский!» — намек на похотливость библейского царя Ирода.

[39] Примечания: 39

«...этот фламандский пьяница...» — Во времена Шекспира фламандцы считались большими пьяницами.

шла к вам.

Миссис Пэйдж. А я вот, право, к вам! У вас скверный вид.

Миссис Форд. А по-моему, я выгляжу отлично.

Миссис Пэйдж. Право, на мой взгляд, так…

Миссис Форд. Ну будь по-вашему, хотя я все-таки могу доказать противное. О миссис Пэйдж! Посоветуйте мне…

Миссис Пэйдж. В чем дело, голубушка?

Миссис Форд. О, голубушка! Не бойся я сущего пустяка, какой бы чести я могла бы удостоиться!

Миссис Пэйдж. Плюньте на этот пустяк, голубушка, и берите честь! В чем же дело? Бросьте пустяки и скажите, в чем дело.

Миссис Форд. Стоит мне отправиться в ад на одно-два вечные мгновения — и я получу рыцарское звание.

Миссис Пэйдж. Не может быть! Вы бредите! Сэр Алиса Форд![40] Такое рыцарство долго не протянет! По-моему, лучше вам не менять своего дворянского звания.

Миссис Форд. Мы тратим время на пустые пререкания. *(Достает письмо.)* Вот, лучше прочтите: тогда узнаете, каким образом я могла бы сделать-

---

[40] Примечания: 40

«Сэр Алиса Форд!» — У англичан до настоящего времени жена носит имя и сословное звание своего мужа.

ся рыцаршей. Сколько мои глаза будут различать мужскую внешность, о толстяках я буду думать хуже всего, а ведь он не ругался, превозносил женскую скромность и так рассудительно и поучительно осуждал всякое неприличие, что я готова была присягнуть, что у него совершенно одно на уме и на языке. И вот оказывается: его слова и мысли точно так же идут друг к другу, как сотый псалом к песне о зеленых рукавичках[41]. И какая только буря выкинула на виндзорский берег этого кита, из брюха которого можно вытопить столько бочек сала? Как мне отомстить ему? Лучше всего, наверно, было бы тешить его надеждой до тех пор, покуда поганый огонь похоти не затопит его в собственном жиру. Слыхали ль вы что-нибудь подобное?

Миссис Пэйдж *(сравнивая оба письма).* Слово в слово. Только и разницы, что имена — Пэйдж и Форд. Чтобы утешить вас в тайне этой дурной репутации, вот близнец вашего письма. Но пусть наследством воспользуется ваше письмо, потому что мое — заявляю вам — этим не воспользуется. Наверно, у него тысяча таких писем с пробелами

---

[41] Примечания: 41

«…точно так же идут друг к другу, как сотый псалом и песня о зеленых рукавичках» — комический контраст между священным текстом и популярной народной песенкой времен Елизаветы.

для имен. А может, и того больше. Наши — уже второе издание. Он, конечно, тиснет их в печати: ему ведь все равно, что тискать, раз уж ему удается притиснуть нас обеих. Мне лучше быть гигантшей и лежать под горой Пелионом[42]! Легче найти двадцать распутных голубок, чем одного целомудренного мужчину.

Миссис Форд *(читая письмо к миссис Пейдж).* Да, в самом деле, одно и то же: тот же почерк, те же слова. Какого же он мнения о нас?

Миссис Пэйдж. Ну уж не знаю. Я готова ссориться с собственной честностью. Я готова смотреть на себя как на человека, которого совершенно не знаю. Ведь не открой он во мне какой-нибудь слабости, которой я сама не знаю, как бы он решился бы на такой бешеный абордаж?

Миссис Форд. Вы называете это абордажем? Ну, к себе на палубу я его не допущу.

Миссис Пэйдж. И я тоже. Если ему удастся пробраться ко мне в люки, я больше в море не выйду. Отомстим ему: назначим свидание, подадим какую-нибудь надежду на успех и будем ловко приманивать его оттяжками, пока он не заложит

---

[42] Примечания: 42

«Мне лучше быть гигантшей и лежать под горой Пелионом!» — Согласно античному мифу, восставшие против богов гиганты пытались взобраться на Олимп, «громоздя Оссу на Пелион».

своей последней клячи хозяину «Подвязки».

Миссис Форд. Я готова сделать ему любую пакость, лишь бы она не испачкала чистоты нашей добродетели. О, если бы мой муж увидел это письмо, оно дало бы его ревности вечную пищу!

Миссис Пэйдж. Да вот, кстати, и он. Мой добряк тоже с ним. Ну да мой так же далек от ревности, как я от всего, что могло бы возбудить ее; а это — неизмеримое расстояние.

Миссис Форд. Вы счастливее меня.

Миссис Пэйдж.

Посоветуемся, чем отплатить этому рыцарю сала. Отойдем сюда.

(Отходят в сторону.)

Входят ***Форд*** *с* ***Пистолем*** *и* ***Пэйдж*** *с* ***Нимом****.*

Форд. Ну полно, я надеюсь, что это не так.

Пистоль. В иных делах надежда — пес бесхвостый. Сэр Джон похотливо влюблен в твою жену!

Форд. Помилуйте, моя жена уже не молода.

Пистоль.

Он лезет к знатным и простым, к богатым
И бедным, старым, молодым – ко всяким:

Он любит винегрет. Форд, берегись!

Форд. Любить мою жену?!
Пистоль.

Горящей печенью. Опомнись – или,

Как Актеон, пойдешь, гонимый псами.[43]

О, слово мерзкое!

Форд. Какое слово?
Пистоль.

Рога – вот что. Прощай.

Внимание, не спи: ведь воры ходят ночью.

Пошли, капрал сэр Ним!

Верь, Пэйдж: он дело говорит.

(Уходит.)

Форд *(в сторону).* Я терпеливо выслежу, в чем суть.

Ним *(Пэйджу).* Это — правда: я не люблю повадок лжеца. Он оскорбил меня в высших прин-

---

[43] Примечания: 43

«Как Актеон пойдешь, гонимый псами». — Греческий юноша Актеон во время охоты случайно увидел в лесу купающуюся Диану. За это разгневанная богиня превратила его в оленя, которого растерзали собственные собаки Актеона.

ципах: потребовал, чтобы я отнес письмо вашей жене. Но у меня есть меч, который кусается в случае необходимости. Он любит вашу жену — вот вам и все дело. Меня зовут капрал Ним. Я говорю и утверждаю. Это верно: Фальстаф любит вашу жену. Так же верно, как и то, что меня зовут Ним. Прощайте. Мне не по нраву такими делишками пробавляться. Не в моем это характере. *(Уходит.)*

***Пейдж** и **Форд** стоят в задумчивости.*

Пэйдж. «Нрав, принцип и характер», — так говорил он. Да от этого парня английский язык от страха одуреет!

Форд. Я выведу Фальстафа на чистую воду!

Пэйдж. В жизни не встречал такого болтливого и манерного бездельника!

Форд. А если это правда?

Пэйдж. А я не поверю этому мошеннику, хотя бы сам епископ рекомендовал его как честного человека.

Форд. Пистоль мне кажется добрым и благоразумным малым. Хорошо!

***Миссис Пэйдж** и **миссис Форд** подходят к ним.*

Пэйдж. Что скажешь, Мэг?

Миссис Пэйдж. Куда это ты направляешься, Джордж? Послушай-ка…

О чем-то перешептываются в стороне.

Миссис Форд. Что это, милый Франк? Почему ты грустен?

Форд. Грустен? Я не грустный. Ступайка домой, ступай! *(Отворачивается от жены.)*

Миссис Форд. Нет, тебя тревожат какие-то причуды. Пойдемте, миссис Пэйдж.

Миссис Пэйдж. Сейчас же! *(Мужу.)* Ты придешь к обеду, Джордж? *(Тихо миссис Форд.)* Смотрите, кто идет сюда: она будет нашей посланницей к этому сальному рыцарю.

Миссис Форд *(тоже тихо).* Я только что о ней подумала. Она вполне годится.

Входит ***миссис Квикли****.*

Миссис Пэйдж. Вы идете к моей дочери Анне?

Миссис Квикли. Вот именно. Как здоровье добрейшей мисс Анны?

Миссис Пэйдж. Пойдемте с нами, сами увидите. Нам нужно кое о чем поговорить с вами.

Миссис Пэйдж*,* ***миссис Форд*** *и* ***миссис Квикли*** *уходят.*

Пэйдж. Ну, что скажете, Форд?

Форд. Вы слышали, что этот бездельник мне наплел?

Пэйдж. Да. А вы слышали, что другой мне сказал?

Форд. Как вы полагаете, они правду говорят?

Пэйдж. Повесить бы их, мерзавцев! Не думаю, чтобы рыцарь решился на это: в кознях против наших жен его обвиняют его же собственные люди, которых он прогнал. Теперь, когда они без места, это — форменные прощелыги.

Форд. Так они прежде служили у него?

Пэйдж. Ну да.

Форд. От этого дело не проясняется. Ведь он живет в таверне «Подвязка»?

Пэйдж. Ну да. Если он действительно затеет наступление на мою жену, я ее науськаю на него, а если он добьется от нее чего-либо, кроме брани, принимаю это на себя.

Форд. И я не сомневаюсь в верности своей жены, но вовсе не хочу сводить их. Мужья иногда чересчур доверчивы. Я ничего не хочу принимать на себя. На этом я не успокоюсь.

Пэйдж. Вот идет хозяин «Подвязки». Как он дерет горло! Уж коли он так весел, значит, у него или хмель в голове, или деньги в кошельке.

Входит ***хозяин таверны****.*

Как поживаете, милейший?

Хозяин. А ты как? *(Кричит куда-то за сцену.)* Ты ведь — джентльмен, cabaliero[44] судья! Где же ты?

Шеллоу *(входит запыхавшись).* Иду, хозяин, иду. Двадцать раз здравствуйте, добрейший мистер Пэйдж! Угодно вам пойти с нами, мистер Пэйдж? У нас — развлечение.

Хозяин. Скажи ему, cabaliero судья, скажи ему, забияка, в чем дело.

Шеллоу. Приветствую вас, сэр Пэйдж. Идемте с нами. Нас ждет сегодня веселое развлечение: поединок между сэром Хьюго,

Форд. На одно слово, добрейший хозяин «Подвязки».

Хозяин. Что скажешь, забияка?

Отходят и тихо беседуют.

Шеллоу *(Пэйджу).* Идемте посмотрим. Наш веселый хозяин будет им секундантом. Он уже назначил им место встречи, правда, в разных местах. Знаете, пастор — не любитель шуток. Вот

---

[44] Примечания: 44

Кабальеро *(португ.).* валлийским священником, и Каюсом, французским доктором.

послушайте, в чем будет наша потеха.

Отходят в сторону и тихо разговаривают.

Хозяин *(Форду).* Уж не собираешься ли ты пощипать моего толстого постояльца, благородного рыцаря?

Форд. Ну что ты! Никогда! Я дам тебе кувшин горячего хереса, если ты сведешь меня с ним и скажешь, что мое имя не Форд, а Брук[45]. Это так, для шутки.

Хозяин. Вот тебе моя рука, забияка! Я отворю тебе и вход и выход — хорошо сказано? — и твое имя будет Брук. Мой постоялец тоже не прочь пошутить! Ну что, пошли?

Шеллоу. За вами вслед.

Пэйдж. Говорят, этот француз очень искусен в бое на рапирах.

Шеллоу. Эх, в былое время я и не то мог бы показать вам! Теперь вы разговариваете о расстоянии, и пассах, и стокадах, и невесть о чем. Все дело в храбром сердце, мистер Пэйдж, — вот в чем, вот в чем. Было время, когда палашом я мог разогнать, как крыс, четырех дюжих парней.

---

[45] Примечания: 45

«...скажешь, что мое имя не Форд, а Брук». — В оригинале в устах Форда этот псевдоним звучит как синоним: «ford» означает «брод», а «brook» — «поток».

Хозяин *(нетерпеливо зовет).* В дорогу, ребята, в дорогу, в дорогу! Долго нам трепаться?

Пэйдж. И я с вами, хотя с большей охотой присутствовал бы при их перебранке, чем при дуэли.

***Пэйдж**, **Шеллоу** и **хозяин таверны** уходят.*

Форд. Пэйдж — доверчивый болван. Он слепо доверяет своей жене; но я не могу так легко изменить свое мнение. Она виделась с ним в доме Пэйджа, а что они там делали — не знаю. Но я допытаюсь правды! Я подберусь к этому Фальстафу и прощупаю, что у него на уме. Если моя жена окажется невинною, труд мой пропадет даром; случится иначе — значит, труд не пропал зря.

Уходит.

Сцена вторая

*Комната в таверне «Подвязка». Входят **Фальстаф** и **Пистоль**.*

Фальстаф. Ни гроша не дам тебе.

Пистоль.

Как устрицу, я мир

Мечом тогда открою.

Фальстаф. Ни гроша. Я позволял вам, сударь, пускать в ход мое имя; я выпросил три отсрочки у моих добрых друзей для вас и вашего собутыльника Нима, а не то глядели бы вы из-за решетки, как пара бабуинов. Я обрек себя на ад за то, что клялся моим друзьям-джентльменам, что вы — хорошие солдаты и славные малые; а когда у миссис Бриджет пропала ручка от веера, я поручился честью, что ручка не у тебя.

Пистоль. А ты что, не был в доле? А пятнадцать пенсов?

Фальстаф. Правильно, негодяй, правильно! А что мне, по-твоему, задаром рисковать душой? Словом, нечего виснуть на мне: я для тебя — не виселица. Проваливай! Карманный ножик да толпа — вот что тебе нужно.[46] Проваливай в свой родовой притон. Негодяй! Не хотел снести письма! Он, видишь ли, дорожит своей честью! Ах ты, бездонная низость! Да ведь даже я едва-едва могу удерживаться в границах своей чести! Я, я, я сам иногда принужден покидать страх Божий и, прикрывая честь необходимостью, вынужден

[46] Примечания: 46

«Карманный ножик да толпа — вот что тебе нужно». — Во времена Шекспира кошельки носили у пояса, и мошенники обычно срезали их в толпе специальными короткими ножами.

хитрить, изворачиваться, надувать. А ты, негодяй, хочешь спрятать под прикрытием чести свои лохмотья, свои кошачьи повадки, свои кабацкие выражения, свои площадные ругательства!.. И из-за этого отказываешь мне!

Пистоль. Я каюсь. Что еще доступно людям?

Входит ***Робин****.*

Робин. Сэр, какая-то женщина хочет говорить с вами.

Фальстаф. Пусть приблизится.

Входит ***миссис Квикли****.*

Миссис Квикли. Доброго здоровья вашей милости.

Фальстаф. Доброго здоровья, добрая женщина.

Миссис Квикли. Не совсем так, с позволения вашей милости.

Фальстаф. Ну, значит, девушка.

Миссис Квикли.

Ей-богу, как мать, в тот час,
Когда я родилась.

Фальстаф. Верю такой клятве. Чего ж тебе надо от меня?

Миссис Квикли. Угодно будет вашей милости

выслушать от меня два-три слова?

Фальстаф. Хоть две тысячи, моя красавица. А от меня ты получишь аудиенцию.

Миссис Квикли. Есть на свете, сэр, некая миссис Форд… Отойдемте, пожалуйста, немного подальше… А я живу у доктора Каюса.

Фальстаф. Хорошо, дальше. Итак, миссис Форд?

Миссис Квикли. Совершенно верно изволили сказать… Пожалуйста, ваша милость, отойдемте немного подальше.

Фальстаф. Не беспокойся, никто нас не услышит: тут — все мои люди… Что же с ней?

Миссис Квикли. Ах, сэр, она — добрейшее созданье. Господи, господи! Какой вы ветреник, ваша милость! Да простит Бог вам и всем нам — вот моя молитва.

Фальстаф (*Миссис Форд*). Итак, миссис Форд?

Миссис Квикли. Вот, словом, все дело. Вы до того взбудоражили ее, что просто удивительно. Лучшему из придворных, когда двор приезжал в Виндзор, не удавалось так сильно взбудоражить ее. А ведь тут были и рыцари, и лорды, и джентльмены в собственных каретах. Верите ли: карета — за каретой, письмо — за письмом, подарок — за подарком; пахло так сладко, все мускусом, и

шелестело, право, шелком и золотом, и такие галантерейные речи, и вина, и сахар, самые лучшие и сладкие, — ни одна женщина не устоит. И вот, право, даже взгляда от нее не могли добиться. Вот мне самой еще сегодня утром давали двадцать ангелов; но я принимаю ангелов этого рода, как говорится, только за честное дело… А ее, честное слово, не могли склонить даже на то, чтоб она хоть губы обмакнула в бокал самого знатного из них. А тут бывали и графы и, больше того, пенсионеры[47]. Но для нее, верьте слову, — все одно.

Фальстаф. Но что она мне передала? Будь краткой, о мой добрый Меркурий женского рода.

Миссис Квикли. Да вот что: получила она ваше письмо и тысячу раз за него благодарит и хочет, чтобы вы знали, что ее мужа не будет дома между десятью и одиннадцатью часами.

Фальстаф. Десятью и одиннадцатью?

Миссис Квикли. Совершенно так. Вот в это-то время вы можете прийти посмотреть на картину, о которой, говорит она, вы знаете. Мистера Форда, ее мужа, не будет дома. Ах, не весело жить с ним моей голубушке!.. Он страсть какой ревнивый.

---

[47] Примечания: 47

Пенсионеры — 50 человек, составлявших свиту короля и отличавшихся щегольством и богатством одежды. Из-за богатого наряда Квикли считает их важными вельможами.

Ей, сердечной, с ним не житье, а каторга.

Фальстаф. Между десятью и одиннадцатью. Женщина, кланяйся ей от меня. Не премину явиться.

Миссис Квикли. Прекрасно сказано. Но у меня есть еще одно поручение к вашей милости: миссис Пэйдж тоже посылает вам сердечный поклон. Позвольте шепнуть вам на ушко: она — добродетельная, примерная и скромная жена, и уж она, поверьте, не пропустит ни утренней, ни вечерней церковной службы, не как иные в Виндзоре, кто бы это там ни был. Она приказала мне передать вашей милости, что ее муж редко отлучается из дому; но она надеется, что когда-нибудь это случится. Никогда не видала, чтобы женщина так была помешана на мужчине. У вас, наверно, есть талисман или какое приворотное зелье — и все тут, ну да, не спорьте.

Фальстаф. Уверяю тебя, что, кроме привлекательности моих достоинств, у меня нет никаких других чар.

Миссис Квикли. Благослови Господь ваше сердце за это!

Фальстаф. Но скажи мне вот что: жена Форда и жена Пэйджа рассказывали друг дружке, как любят меня?

Миссис Квикли. Вот это было бы здорово! Не так уж они, надеюсь, глупы. Да, штука это была бы. Да, миссис Пэйдж просит в знак внимания прислать ей вашего маленького пажа: ее супруг прямо до страсти привязан к маленьким пажам, а мистер Пэйдж, верьте слову, — прекрасный человек. Ни одна женщина в Виндзоре не живет лучше, чем она: делает все, что ей угодно, говорит все, что ей угодно, имеет все, платит за все, ложится спать, когда ей вздумается, встает, когда захочет. Все делается, когда она хочет, и, верьте слову, она вполне стоит того: коли есть в Виндзоре милая женщина, так уж это, конечно, она. Вы должны послать к ней вашего пажа: тут уж ничего не поделаешь.

Фальстаф. Что ж, я пошлю.

Миссис Квикли. Да, пошлите, пожалуйста. Притом, извольте согласиться, он может стать посредником. А на всякий случай придумайте какое-нибудь секретное словцо, чтобы знать мысли, мысли друг друга, а чтобы мальчик ничего не понимал: детям не след знать дурное, а люди в летах, как вы изволите знать, имеют, как говорится, скромность и знают свет.

Фальстаф. Прощай. Кланяйся обеим. Вот тебе мой кошелек. Мальчик, ступай за этой женщи-

ной.

***Миссис Квикли** и **Робин** уходят.*

Эта новость вскружила мне голову.

Пистоль.

(с восхищением смотрит вслед миссис Квикли)

Ладья сия из флота Купидона;

Ставь паруса! В погоню! В бой готовься!

Пали! Она моя – иль все идет ко дну.

(Уходит.)

Фальстаф. Что ты на это окажешь, старина Джон? Смелей! Я из твоего старого тела выжму побольше, чем когда-либо в молодости. Все еще заглядываются на тебя? Стало быть, после того как ты тратил столько денег, ты теперь начнешь получать барыши? Спасибо тебе, мое доброе тело. Пусть говорят, что я топорной работы: это мне все равно, коли сработано хорошо!..

*Входит **Бардольф** с кубком хереса.*

Бардольф. Сэр Джон, там внизу вас ожидает какой-то мистер Брук. Он очень желает познакомиться с вами. И он прислал вашей милости

малость хересу, чтоб утром горло промочить.

Фальстаф. Его зовут Брук?

Бардольф. Точно так.

Фальстаф.

Зови его сюда.

Бардольф *уходит.*

Мне по сердцу потоки, которые изобилуют такой жидкостью!.. *(Поднимает кубок.)* Ага, миссис Пэйдж и миссис Форд! Попались в мою западню? Вперед! *(Пьет.)*

Входит ***Бардольф****, за ним идет переодетый* ***Форд****, держа в руках мешочек с монетами.*

Форд. Доброго здоровья, сэр.

Фальстаф. И вам, сэр. Вам угодно поговорить со мною?

Форд. С моей стороны неделикатно беспокоить вас так бесцеремонно.

Фальстаф. Милости просим. Что вам угодно? *(Бардольфу.)* Оставь нас, подносчик.

Бардольф *уходит.*

Форд. Сэр, я джентльмен, истративший на своем веку немало денег; мое имя — Брук.

Фальстаф. Добрейший мистер Брук, мне будет

приятно ближе познакомиться с вами.

Форд. Добрейший сэр Джон, я тоже ищу вашего знакомства, но не для того чтобы быть вам в тягость. Надо вам сказать, я больше, чем вы, имею возможность давать взаймы. Это-то и дало мне отчасти смелость так бесцеремонно явиться к вам: ведь, говорят, что, когда деньги идут впереди, все дороги открыты.

Фальстаф. Деньги — храбрый солдат, сэр, и всегда идут впереди.

Форд. Совершенно верно, и вот у меня мешочек с деньгами, который обременяет меня. Если хотите облегчить мне эту ношу, сэр Джон, возьмите все или хотя бы половину.

Фальстаф. Сэр, я не знаю, чем мог заслужить честь быть вашим носильщиком.

Форд. Это я объясню вам, если вам угодно выслушать меня.

Фальстаф. Говорите, добрейший мистер Брук. Мне будет очень приятно услужить вам.

Форд. Я слышал, сэр, что вы — человек ученый. Постараюсь объясняться покороче. Давно уже вы известны мне, хотя до сих пор я не был так хорошо обеспечен, чтобы иметь случай познакомиться с вами. Теперь я открою вам кое-что, что полностью вам обнаружит мои собственные

недостатки. Но, добрейший сэр Джон, в то время как вы одним глазом будете смотреть на мои слабости, в то время как я буду вам раскрывать их, смотрите другим вашим глазом на список ваших собственных слабостей: так мне легче будет избегнуть осуждения. Ведь вы сами знаете, как легко провиниться таким образом.

Фальстаф. Очень хорошо, сэр. Продолжайте.

Форд. В вашем городе живет одна госпожа; фамилия ее мужа — Форд.

Фальстаф. Хорошо, сэр.

Форд. Я долго любил ее и, даю вам честное слово, истратил на нее много денег. Я следовал за нею со страстной настойчивостью, пользовался всевозможными случаями встречаться с нею, жадно ловил каждую минуту, когда мог хотя бы взглянуть на нее; не только покупал множество подарков собственно для нее, но и щедро платил другим, чтоб узнать, какой подарок был бы для нее приятнее. Словом, я преследовал ее так же, как любовь преследовала меня, — то есть на крыльях всевозможных случаев. Но чего бы я ни заслужил — чувствами ли, действиями ли, — воздаяния я, право, не получил никакого, разве, что опыт — драгоценность, которую я приобрел непомерной ценой. И это меня научило говорить так:

Любовь бежит, как тень, когда нужна судьбе:

Преследуй – побежит, беги – пойдет к тебе.

Фальстаф. И вы никогда не получили от нее никакого утешительного обещания?

Форд. Никогда.

Фальстаф. Но вы добивались от нее какого-нибудь утешительного знака внимания?

Форд. Никогда.

Фальстаф. Так какого же сорта была ваша любовь?

Форд. Точно прекрасный дом, выстроенный на чужой земле. Таким образом, я лишился здания, потому что ошибся местом, на котором строил.

Фальстаф. С какой целью вы мне все это открыли?

Форд. Объяснив вам эту цель, я объясню вам все. Ходит слух, что, хотя мне она являлась крепостью добродетели, с другими доводила свою веселость до того, что о ней отзывались довольно ехидно. Вот тут-то, сэр Джон, — самое сердце моего замысла. Вы — джентльмен, прекрасно воспитанный, удивительно красноречивый, у вас огромный круг знакомых, вы пользуетесь

общим уважением по положению и личным достоинствам, и все знают вас как опытнейшего воина, царедворца и ученого.

Фальстаф. О, сэр!

Форд. Можете мне поверить, потому что сами знаете, что я прав… *(Кладет мешочек с монетами на стол.)* Вот вам деньги. Тратьте, тратьте их; тратьте больше, тратьте все, что у меня есть, но взамен уделите мне столько вашего времени, сколько понадобится на любовную осаду добродетелей жены этого Форда. Пустите в ход все ваше искусство ухаживания, заставьте ее уступить вам. Если это возможно, то, конечно, вам скорее, чем кому-либо.

Фальстаф. Но будет ли приятно для пылкой вашей страсти, если я добуду то, чем вы столько лет хотите обладать? По-моему, вы прописываете себе неосмотрительное лекарство.

Форд. Вникните в мой план! Она так надежно опирается на превосходство своей добродетели, что безумие души моей не смеет явиться; она слишком ярко светит, чтоб можно было прямо смотреть на нее. Но если бы я мог явиться к ней с каким-нибудь разоблачением, у моих желаний оказались бы в подмогу свидетельства и доказательства, я смог бы выбить ее из этой области

беспорочности, доброй репутации, супружеской верности и тысячи других укреплений, которые теперь так мощно сооружены против меня. Что скажете на это, сэр Джон?

Фальстаф. Мистер Брук, сперва я без церемонии возьму ваши деньги; затем пожму вашу руку и, наконец, дам слово джентльмена, что жена Форда будет вашей, если вы того желаете.

Форд. О, добрейший сэр!

Фальстаф. Повторяю: она будет вашей.

Форд. Не скупитесь на деньги, сэр Джон: у вас будет их, сколько захотите.

Фальстаф. Не скупитесь на миссис Форд, мистер Брук: у вас будет ее столько, сколько захотите. Могу сказать вам, что у меня с ней состоится свидание, которое она сама мне назначила. Только вы явились, как от меня ушла ее помощница, или, попросту, сводня. Я увижусь с нею между десятью и одиннадцатью, потому что в это время ее мужа, ревнивого и подлого прохвоста, не будет дома. Приходите ко мне сегодня вечером, узнаете, насколько я преуспел.

Форд. Знакомство с вами, сэр, для меня сущее благословение. А вы знакомы с этим Фордом?

Фальстаф. А что мне в этом бедном рогатом прохвосте! Я-то его не знаю. Но напрасно называю

его бедным, говорят, у этого ревнивого, бессмысленного прохвоста груды золота. Из-за этого-то и его жена так приглянулась мне. Она будет для меня ключом к сундуку этой рогатой канальи — и тут-то я начну пожинать плоды.

Форд. Было бы хорошо, если бы вы знали Форда, сэр, чтобы избегать его, если встретите.

Фальстаф. Пропади он, бездельник на соленом масле! Я заставлю его помешаться от моих взглядов, я уничтожу его моей дубинкой; она будет носиться, как метеор, над рогами рогоносца. Знайте, мистер Брук: я одержу верх над этим мужланом, и вы разделите ложе с его женой! Приходите ко мне сегодня вечером пораньше. Форд — олух, и я хочу умножить его титулы: вы скоро узнаете, мистер Брук, что он и олух, и рогоносец. Приходите ко мне пораньше вечером.

Уходит.

Форд. Проклятый, гнусный эпикуреец! Сердце мое готово лопнуть от злости. Кто теперь скажет, что моя ревность безосновательна! Моя жена посылала к нему; час назначен; сделка заключена. Мог ли кто-нибудь подумать это? Какой ад иметь изменницу жену! Мое ложе будет запятнано, мои деньги расхищены, моя репутация поруга-

на; а я не только потерплю гнусную обиду, но меня еще окрестит отвратительными именами тот самый, кто мне нанес эту обиду. Клички! Амаймон — звучит хорошо; Люцифер — хорошо; Барбасон — хорошо; а ведь это — все прозвища дьяволов, имена нечистых[48]. Но рогоносец! Бессмысленный рогоносец! О, у самого черта нет такого имени! Пэйдж — осел, самоуверенный осел. Он полагается на свою жену, он не ревнив. Да я скорее доверю мое масло фламандцу, мой сыр — пастору Хьюго, мой штоф с элем — ирландцу, мою лошадь — вору, чем мою жену — ей же самой! Тут-то она и интригует, тут-то она и замышляет, тут-то она и придумывает разные штуки; а уж коли женщина решила в сердце сделать что-нибудь, так она сердце разобьет, а сделает. Благодарение Богу за то, что я ревнив! Значит, в одиннадцать часов. Но я предупрежу его, разохочу, отомщу Фальстафу и посмеюсь над Пэйджем… Поспешу туда: лучше прийти тремя часами раньше, чем одной минутой позже. Тьфу! Тьфу! Тьфу! Рогоносец! Рогоносец! Рогоносец!

---

[48] Примечания: 48

Амаймон, Люцифер, Барбасон — имена демонов из популярной в те времена книги Реджинальда Скотта «Инвентарь имен, образов, сил, управления и действий демонов и духов, их различных чинов и достоинств».

Уходит.

Сцена третья

Поле близ Виндзора. Входят ***Каюс*** *и* ***Рэгби****.*

Каюс. Жак Рэгби!

Рэгби. Что прикажете, сэр?

Каюс. Который час?

Рэгби. Уже час минул с той минуты, как вы должны были убить сэра Хьюго.

Каюс. Дьябль! Он спасти свою душу, что не пришель. Он сильно намолиться по своей Пиблии, что не пришель, дьябль, черт побери, Жак Рэгби; он быль бы мертвым, если бы пришель.

Рэгби. Он хитер, сэр; он знал, что ваша милость убили бы его, если бы он явился.

Каюс. Дьябль! Селедка не так мертва, как будет он мертв, когда я убью его! Взять свой рапир, Жак: я буду показать тебя, как я убью его.

Рэгби. Ай, ай! Сэр, я не умею фехтовать!

Каюс. Брать свой рапир, ты, плют!

Они *фехтуют.*

Рэгби. Сэр, пощадите! Сюда идут!

Подходят ***хозяин таверны***, ***Шеллоу***, ***Слендер***

*и **Пэйдж**.*

Хозяин. Да благословит тебя Господь, забияка-доктор!

Шеллоу. Доброго здоровья, доктор Каюс!

Слендер. Мое почтение, сэр.

Каюс. Зачем вы все — один, два, три, четыре — пришель сюда?

Хозяин. Видеть, как ты будешь биться, видеть, как ты будешь нападать, видеть, как ты будешь пронзать; видеть тебя здесь, видеть тебя там, видеть, как ты нанесешь пуанты, эстокаду, реверс, дистанс, монтант. Мертв он, мой эфиоп? Мертв он, мой Франциско? А, забияка? Что говорит мой эскулап? Мой Гален? Моя сердцевина бузины? Мертв он, подержанный забияка? Мертв он? Убит?

Каюс. Дьбль побери, он — самий трус поп на белий свете: он и глязом не показаль сюда!

Хозяин. Ты — царственный Мочевик Кастильон[49], король Уринал! Гектор Греции, дитя мое!

Каюс. Прошу быть вас свидетель: я ждаль его шесть, семь, два, три часа и что он все-таки не

---

[49] Примечания: 49

Мочевик Кастильон — презрительное простонародное прозвище испанцев.

пришель.

Шеллоу. Он — благоразумный человек, доктор, он — целитель душ, а вы — целитель тел. Если вы станете драться, то пойдете прямо против ваших профессий. Так ведь, мистер Пэйдж?

Пэйдж. Мистер Шеллоу, вы сами, хотя теперь и мирный человек, прежде слыли большим забиякой.

Шеллоу. О, черт возьми, мистер Пэйдж! Хоть я уж стар и тих, но если вижу обнаженный меч, руки так и чешутся, чтобы вмешаться. Хотя мы и судьи, и доктора, и служители церкви, в нас остается соль молодости; мы — сыновья женщин, мистер Пэйдж.

Пэйдж. Ваша правда, мистер Шеллоу.

Шеллоу. Так оно и должно быть, мистер Пэйдж. Доктор Каюс, я пришел сюда для того, чтобы отвести вас домой. Я — мировой судья. Вы выказали себя мудрым врачом, а сэр Хьюго выказал себя мудрым и терпеливым служителем церкви. Вы должны идти со мной, доктор.

Хозяин. Виноват, драгоценный судья. Позвольте на одно слово, monsieur[50] Мокрый Навоз!

Каюс. Мокри Навос! Это что значит?

---

[50] Примечания: 50
Господин *(фр.)*.

Хозяин. «Мокрый Навоз» на нашем, английском, языке означает доблесть храбреца.

Каюс. О чьорт побери, во мне столько же мокри навоз, сколько во всяком другом англичанин! Прокльятый поп! Мерзкий собака! Я обрублю тебе уши, чьорт побери!

Хозяин. Накостыляет он тебе по шее, черт французский.

Каюс. Накостыляет — это что еще?

Хозяин. Значит, что он даст тебе удовлетворение.

Каюс. О, в такьом случае, чьорт, я постараться, чтоб он меня накостыляль. Да, да, чьорт побери, я хотеть этого!

Хозяин. А я заставлю его сделать это: иначе пропади он к черту!

Каюс. О, отшень вас благодарю.

Хозяин. Не стоит так благодарить... *(Тихо другим.)* А вы, мистер судья, и вы, мистер Пэйдж, и вы, мистер Слендер, отправляйтесь через город в Фрогмор, ну, знаете, на Лягушечье болото.

Пэйдж *(тихо).* Что, сэр Хьюго там?

Хозяин. Там. Узнайте, как он чувствует себя. А я проведу туда доктора полями. Согласны, джентльмены?

Шеллоу. Хорошо.

Пэйдж, Шеллоу и Слендер. Прощайте, добрейший доктор!

(Уходят.)

Каюс. Чьорт побери, я убить попа за то, что он хотель свадьба мадемуазель Анна Пэйдж за этот обезьян.

Хозяин. Да будет так: пусть он умрет! А пока вложи в ножны свое нетерпение, остуди холодной водой свой гнев и пойдем со мной полями к Лягушечьему болоту. В Фрогморе нынче сельский праздник, где ждет тебя Анна Пэйдж. Там ты и поухаживаешь за нею. Я попал в цель? Правильно говорю?

Каюс. Спасибо, дьябль побери! Я нравлюсь вам, чьорт побери! Я доставляй вам короши посетитель — граф, лорд, жентльмен — все мон пациент.

Хозяин. А за это я пособлю тебе расстроить твою женитьбу на Анне Пэйдж. Я правильно сказал?

Каюс. Правиль, чьорт побери, правиль!

Хозяин. Ну, так вперед!

Каюс. Следуй по моим пятам, Жак Рэгби!

Уходят.

Действие III
Сцена первая

Поле близ ***Фрогмора****. Входят* ***сэр Хьюго Эванс*** *и* ***Симпль****.*

Эванс. Прошу вас, слуга доброго мистера Слендера, друг мой, Симпль по имени, скажите, с которой стороны высматривали вы мистера Каюса, титулующего себя доктором медицины?

Симпль. Право, сэр, и со стороны поля, и со стороны парка, и по всем дорогам: по старой виндзорской дороге и по другим, кроме дороги к городу.

Эванс. Наинастоятельнейше прошу вас посмотреть и с этой стороны.

Симпль. Слушаю-с, сэр. *(Уходит.)*

Эванс. Господи, помилуй! Как преисполнена душа моя гнева, как мятежен дух мой! Я был бы рад, если б он обманул меня! Какая меланхолия овладела мною! Я перебью об его негодную голову все его горшки с мочой, как только представится удобный случай. Господи, помилуй!

(Поет.)

У ручеечков, про чьи скалы[51]
Слагают птички мадригалы,
Себе из роз устроим ложе,
И сто совьем букетов тоже.
У ручеечков…

Господи, помилуй! Я ощущаю великое желание плакать!

(Поет.)

Слагают птички мадригалы,
Когда у вавилонских вод
И сто совьем букетов роз.
У ручеечков…
Симпль возвращается.

Симпль. Вот он идет, с этой стороны, сэр Хью-го.

Эванс. Милости просим.

(Поет.)

У ручеечков, про чьи скалы…

Да защитит небо правое дело!.. Какое оружие

---

[51] Примечания: 51

«У ручеечков, про чьи скалы…» — Песенка Эванса состоит из отрывков разных произведений — стихотворения современного Шекспиру автора Марло, стиха 137 псалма Давида и популярной английской народной баллады.

несет он?

Симпль. Никакого, сэр. Идет мой хозяин, мистер Шеллоу и еще какой-то джентльмен из Фрогмора, — через склон, сюда.

Эванс. Пожалуйста, подай мне платье или, лучше, подержи его у себя на руках.

*Входят **Пэйдж**, **Шеллоу** и **Слендер**.*

Шеллоу. А, господин пастырь! Доброго утра, почтеннейший сэр Хьюго! Увидеть игрока не за костями, а хорошего ученого не за книгами — удивительное дело.

Слендер *(в сторону).* Ах, милая Анна Пэйдж!

Пэйдж. Здравствуйте, добрейший сэр Хьюго!

Эванс. Да пребудет благословение Божье с вами всеми!

Шеллоу. Как! Меч и слово вместе? Так вы владеете и тем, и другим, господин пастырь?

Пэйдж. И какой моложавый! В жилете и коротких штанах в такую сырую, простудную погоду!

Эванс. Этому существуют причины и поводы.

Пэйдж. Мы пришли к вам, господин пастырь, чтобы сделать доброе дело.

Эванс. Очень хорошо. Какое же?

Пэйдж. Один весьма почтенный джентльмен считает себя оскорбленным кем-то и до такой

степени ссорится со своею солидностью и терпением, что и представить себе нельзя.

Эванс. Кто же это?

Пэйдж. Вы, я думаю, его знаете: это — доктор Каюс, известный французский доктор.

Эванс. Господи, спаси и помилуй! Уж лучше бы вы стали говорить мне о горшке с кашей.

Пэйдж. Отчего же?

Эванс. Он не больше знает о Гиппократе и Галене, чем этот горшок, и, кроме того, он — прохвост, самый трусливый прохвост, какого только носит земля.

Пэйдж *(Шеллоу).* Ручаюсь вам, это он должен был драться с доктором.

Слендер *(в сторону).* Ах, милая Анна Пэйдж!

Шеллоу *(Пэйджу).* Да, судя по его оружию, вы правы. Не допускайте их друг к другу. Вот идет доктор Каюс.

Подходят ***хозяин таверны***, ***Каюс*** *и* ***Рэгби****.*

Пэйдж. Вложите в ножны вашу шпагу, добрейший пастырь.

Шеллоу. И вы сделайте то же, добрейший доктор.

Хозяин. Обезоружим их и заставим объясниться; пусть они сохранят невредимыми свои члены

и рубят наш английский язык.

У противников отнимают оружие.

Каюс *(тихо, Эвансу).* Давай ты мне сказаль секрет: зачем ты не пришель мне на дуэль?

Эванс *(тихо).* Пожалуйста, потерпите: всему свое время.

Каюс. Чьорт! Ты — трюс, собак и обезьян!

Эванс *(тихо Каюсу).* Пожалуйста, не выставляйте нас посмешищем для присутствующих здесь господ. Я желаю мира с вами и обещаю, что так или иначе дам вам удовлетворение. *(Вслух.)* Я перебью ваши горшки с мочой на вашей фатовской маковке за то, что вы не явились на свидание по условию.

Каюс. Diable! Жак Рэгби и вы, хозяин jarrettiere, скажи: я ждаль его, чтобы убиль? На свой времья и мьесто ждаль, скажи!

Эванс. Вот это место было назначено, пусть подтвердит уважаемый хозяин «Подвязки».

Хозяин. Молчать, говорят вам, Галлия и Валлия, французский пластырь и валлийский пастырь, целитель брюха и целитель духа.

Каюс. Себьен, ошень хорошо! Леликолеп!

Хозяин. Да уймитесь вы наконец. Слушайте, что скажет хозяин «Подвязки». Политик я или

нет? Хитрый я человек или нет? Макиавелли я или нет?[52] Захочу я потерять моего доктора? Отвечаю: нет, потому что он дает мне промывательное, полоскательное, травы и отравы. Захочу я потерять моего пастыря, моего священника, моего сэра Хьюго? Отвечаю: нет, потому что он дает мне поучения, нравоучения, наставляет и обставляет. Дай же мне твою руку, муж земной! Вот так. Дай же мне твою руку, муж небесный! Вот так. Питомцы науки, я обманул обоих вас: я каждого направил не на то место. Ваши сердца мощны, ваши кожи целы, и пусть горячий херес венчает развязку этой ссоры. Возьмите в залог их мечи!.. Следуйте за мной, о люди мира! Следуйте за мной! Следуйте за мной!

Шеллоу. Совсем сумасшедший человек, честное слово! Следуйте за ним, джентльмены! Следуйте!

Слендер *(в сторону).* Ах, милая Анна Пэйдж!

***Все** уходят, кроме **Каюса** и **Эванса**.*

---

[52] Примечания: 52

«Макиавелли я или нет?» — Имя автора политического трактата «Государь» (начало XVI в.) итальянца Никколо Макиавелли в Англии было нарицательным для обозначения человека, любыми средствами добивающегося поставленной цели.

Каюс. А! Я понимаю! Он сделаль нас des sots[53]. Се бьен!

Эванс. А! Он сделал нас своими игрушками, выставил на посмещище! Прошу вашей дружбы. Соединим наши мозги, чтобы придумать мщение этому мерзкому, паршивому, гнусному прощелыге — хозяину «Подвязки».

Каюс. От мон души готов, дьябль побери! Он обещаль меня, где Анна Пэйдж; но обмануль, надуль, дьябль побери!

Эванс. Да я раздроблю ему череп. Прошу вас следовать за мной.

Уходят.

Сцена вторая

Улица в Виндзоре. Входит ***миссис Пэйдж*** *и* ***Робин****.*

Миссис Пэйдж. Нет, ступай впереди, маленький франт; ты привык следовать, но теперь

---

[53] Примечания: 53
Дурак *(фр.)*.

должен вести[54]. Что тебе нравится больше: руководить моими глазами или смотреть на пятки своего хозяина?

Робин. Конечно, мне приятнее идти впереди вас, как человек, чем следовать за ним, как карлик.

Миссис Пэйдж. О, ты изрядный льстец; видно, из тебя выйдет придворный.

Входит ***Форд****.*

Форд. Доброго здоровья, миссис Пэйдж. Куда вы направляетесь?

Миссис Пэйдж. В гости к вашей жене. Она дома?

Форд. Дома, и ничего не делает, потому что ей не с кем заняться. Думаю, если бы ваши мужья умерли, вы обе вышли бы замуж.

Миссис Пэйдж. Уж, конечно, — за двух других.

Форд. Где вы взяли этот хорошенький флюгер?

Миссис Пэйдж. Право, забыла даже, как зовут господина, у которого мой муж получил его. *(Робину.)* Как, бишь, зовут твоего господина?

---

[54] Примечания: 54

«Нет, ступай впереди, маленький франт, ты привык следовать, но теперь должен вести». — По моде того времени знатные и богатые дамы, отправляясь на прогулку, брали с собой нарядных пажей, шествовавших впереди своих хозяек; паж, сопровождавший мужчин, шел позади.

Робин. Сэр Джон Фальстаф.

Форд. Сэр Джон Фальстаф?!

Миссис Пэйдж. Да, так, так. Я никак не могу запомнить это имя… Он такой близкий приятель моего мужа… Так ваша жена в самом деле дома?

Форд. В самом деле.

Миссис Пэйдж. С вашего позволения, сэр… Я просто больна, когда не вижу ее. *(Уходит с Робином.)*

Форд. Что это у Пэйджа — мозгов нет? глаз нет? соображения нет? Наверное, все это спит, и он этим не пользуется. Этот мальчишка снесет письмо за двадцать миль так же легко, как пушка попадет в цель на двести пятьдесят шагов. Пэйдж потворствует всем прихотям жены, дает ей свободу исполнять все ее дурачества, и вот теперь она идет к моей жене, да еще с пажем Фальстафа. Каждый услышит, как в этом ветре свищет гроза. С пажем Фальстафа! Недурной заговор, и уже подстроен, и наши взбунтовавшиеся жены вместе предают себя черту. Хорошо! Я поймаю его, проучу мою жену, сорву с лицемерной миссис Пэйдж ее заемное покрывало скромности, докажу Пэйджу, что он — самоуверенный и добровольный Актеон, и все мои соседи будут приветствовать гром моей бури!

Бой часов.

Часы подают мне сигнал, и уверенность приказывает отправляться на поиски. И найду там Фальстафа. Этим я заслужу скорее похвалы, чем насмешки. А что Фальстаф там, это верно, как то, что земля не движется. Иду.

Входят ***Пэйдж***, ***Шеллоу***, ***Слендер***, *хозяин таверны,* ***Эванс***, ***Каюс*** *и* ***Рэгби***.

Все. Доброго здоровья, мистер Форд!

Форд. Славная компания, честное слово! У меня сегодня вкусный обед, и я прошу всех пожаловать ко мне.

Шеллоу. Я прошу у вас извинения, мистер Форд.

Слендер. Я тоже. Мы обещали отобедать с мисс Анной, и я не хотел бы изменить ей ни за какие деньги на свете.

Шеллоу. Мы устраиваем брак Анны Пэйдж с моим племянником Слендером и сегодня должны получить ответ.

Слендер. Надеюсь, у меня есть ваше согласие, батюшка Пэйдж?

Пэйдж. Есть, мистер Слендер. Я целиком за вас, но моя жена всецело за вас, доктор.

Каюс. Да, чьорт побери! Мадемуазель влюблен

в меня. Так мне пообещаль мадам Квикли.

Хозяин. А что вы скажете о молодом мистере Фэнтоне? Он порхает, он пляшет, он смотрится настоящим юношей, он пишет стихи, он говорит по-праздничному, он пахнет апрелем и маем. Он победит, он победит — уж ему так на роду написано, он победит!

Пэйдж. Но не с моего согласия. За это я ручаюсь. У этого джентльмена нет ни гроша за душой; он водил дружбу с нашим беспутным принцем и Пойнсом; он — птица слишком высокого полета; он чересчур уж много знает. Нет, пальцами моего состояния он не завяжет ни одного узелка в своей участи. Коли хочет взять мою дочь, пускай берет без приданого. Мое богатство зависит от моего согласия, а мое согласие сюда не идет.

Форд. Убедительнейше прошу, чтоб хоть кто-нибудь из вас пожаловал ко мне отобедать. Кроме вкусного стола, вы найдете у меня и забаву: я покажу вам чудовище. Пожалуйста, не откажите, доктор; и вы тоже, мистер Пэйдж, и вы, сэр Хьюго.

Шеллоу. Ну так прощайте. Тем свободнее будет нам сговориться с мистером Пэйджем.

Шеллоу *и* ***Слендер*** *уходят.*

Каюс. Стюпай домой, Жак Рэгби. Я повернусь скоро.

Рэгб *и уходит.*

Хозяин. Прощайте, драгоценные мои: я отправляюсь к моему честному рыцарю Фальстафу и дерну с ним канарского.

(Уходит.)

Форд *(в сторону).* режде, пожалуй, дерну я его самого так, что он запляшет. *(Громко.)* Прошу пожаловать вас, господа!

Все. Идем, посмотрим на ваше чудовище.

Уходят.

Сцена третья

Комната в доме Форда. Входят ***миссис Форд*** *и* ***миссис Пэйдж****.*

Миссис Форд. Эй, Джон! Роберт!

Миссис Пэйдж. Скорей, скорее! А корзина с бельем?

Миссис Форд. Все готово. Эй, Роберт. Да где же ты?

Входят ***слуги*** *с корзиной.*

Миссис Пэйдж. Живей! Живее! Торопитесь!

Миссис Форд. Поставьте ее сюда.

Миссис Пэйдж. Распорядитесь скорее: нам нельзя терять ни минуты.

Миссис Форд. Так вот. Джон и Роберт, ждите там, в пивоварне, и, как только я позову вас, бегите сюда и, не медля ни минуты, хватайте эту корзину на плечи; затем во всю прыть несите ее к валькам на Дэтчетском лугу и там опорожните ее в грязный ров у Темзы.

Миссис Пэйдж. Сделаете все, как сказано?

Миссис Форд. Я уж им это толковала и перетолковала; больше нечего объяснять. — Ступайте и приходите, когда вас позовут.

Слуги *уходят.*

Миссис Пэйдж. Вот маленький Робин.

Входит ***Робин****.*

Миссис Форд. Ну что, мой соколик? Что нового?

Робин. Мой хозяин, сэр Джон, стоит у вашего заднего крыльца, миссис Форд, и желает увидаться с вами.

Миссис Пэйдж. Ты не проговорился, маленький проказник?

Робин. Клянусь, что нет. Мой хозяин не знает, что вы здесь, и пригрозил, что, если я расскажу вам обо всем этом, он обречет меня на вечную свободу, — поклялся, что прогонит.

Миссис Пэйдж. Ты — славный мальчик. Молчаливость будет тебе портным и сошьет тебе новые штаны и камзол. Пойду спрячусь.

Миссис Форд. Идите. *(Робину.)* Ступай, скажи твоему хозяину, что я одна.

Робин *уходит.*

Миссис Пэйдж, помните вашу роль.

Миссис Пэйдж. За это ручаюсь. Коли не сыграю, как следует, ошикайте меня. *(Уходит.)*

Миссис Форд. Ну, теперь за дело. Угостим мы эту зловредную сырость, эту грубую водяную тыкву, научим мы его отличать горлиц от сорок.

Входит ***Фальстаф****.*

Фальстаф. «Сокровище небес, ужели ты моя?»[55] Теперь я могу умереть: я видел в этом мире все. В этой встрече — предел моего честолюбия. О, блаженнейший час!

---

[55] Примечания: 55

«Сокровище небес, ужели ты моя?» — первая строка второй песни поэмы Сидни «Астрофил и Стелла».

Миссис Форд. Милый сэр Джон!

Фальстаф. Миссис Форд, я не умею льстить, я не умею много говорить, миссис Форд. Согрешу я теперь помыслом: о, если б твой муж умер — я скажу это хоть перед главным судьей, я бы сделал тебя моею леди!

Миссис Форд. Меня — вашей леди, сэр Джон? Ах, жалкая леди вышла бы из меня!

Фальстаф. Пусть французский двор предъявит мне подобную тебе! Слепну, глядя на тебя, ведь твои очи соперничают с алмазом. У тебя такое прекрасно изогнутое лицо, что к нему идет и шляпка-кораблик, и шляпка-амазонка, и всякая шляпка венецианского покроя[56].

Миссис Форд. Простой платок, сэр Джон, — больше ни к чему не идет мое лицо, да и тот слишком хорош для меня.

Фальстаф. Клянусь Богом, это измена, что ты так говоришь. Нет, из тебя бы вышла форменная придворная дама, и твердая поступь твоей ноги придавала бы удивительную прелесть твоей походке в полукруглых фижмах. Не будь судьба

---

[56] Примечания: 56

«...шляпка венецианского покроя». — Венеция в шекспировские времена считалась законодательницей моды. Особенно славились венецианские женские головные уборы, часто сделанные в форме кораблей с мачтами, парусами и флагами.

твоим врагом, я знаю, чем была бы ты, когда природа — такой друг тебе. Нет, этого не скроешь.

Миссис Форд. Поверьте: ничего подобного нет во мне.

Фальстаф. За что же я полюбил тебя? Убедись хоть этим, что в тебе есть нечто необыкновенное. Я не умею льстить, не умею говорить, что ты и такая и этакая, как умеют сюсюкать эти франтики, вроде женщин в мужском платье, пахнущие, как аптекарская кладовая во время сбора трав. Я не умею льстить, и я люблю тебя, одну тебя, и ты заслуживаешь этого.

Миссис Форд. Не обманывайте меня, сэр; боюсь, что любите вы миссис Пэйдж.

Фальстаф. Ты точно так же могла бы сказать, что я люблю прохаживаться мимо долговой тюрьмы, которая мне противна, как запах известковой печи.

Миссис Форд. Небо знает, как я люблю вас, и когда-нибудь вы убедитесь в этом.

Фальстаф. Чувствуй так и дальше; я заслужу твою любовь.

Миссис Форд. Я должна сказать, что вы уже заслужили, иначе бы я так не чувствовала.

Робин *(за сценой).* Миссис Форд! К вам пришла миссис Пэйдж; она вся в поту, страшно запыха-

лась и совсем растерянна; ей необходимо сейчас же поговорить с вами.

Фальстаф. Она не должна видеть меня; я спрячусь за занавески.

Миссис Форд. Да, спрячьтесь, пожалуйста: она такая болтливая женщина.

Фальстаф *прячется. Входят* ***миссис Пэйдж*** *и* ***Робин****.*

Миссис Форд. Что такое? Что случилось?

Миссис Пэйдж. Ах, миссис Форд, что вы наделали? Вы осрамлены, вы уничтожены, вы погибли навеки!

Миссис Форд. Да в чем дело, добрейшая миссис Пэйдж?

Миссис Пэйдж. Ну и ну, миссис Форд: когда у вас такой честный муж, разве можно давать ему повод к подозрению?

Миссис Форд. Какой повод к подозрению?

Миссис Пэйдж. «Какой повод к подозрению?» Стыдитесь! Как я ошиблась в вас!

Миссис Форд. Да в чем же дело, господи боже мой?

Миссис Пэйдж. Ваш муж идет сюда со всеми виндзорскими полицейскими: он ищет одного джентльмена, который, по его словам, теперь

здесь, в доме, с вашего согласия, чтобы воспользоваться отсутствием супруга. Вы погибли!

Миссис Форд. Надеюсь, это все не так.

Миссис Пэйдж. Дай Бог, чтобы глаза меня обманули. И все же несомненно, ваш муж идет сюда его отыскивать чуть не с половиной Виндзора. Я примчалась предупредить вас. Если вы уверены в своей невиновности, я, конечно, очень рада; но, если в самом деле у вас здесь спрятан возлюбленный, спровадьте его, спровадьте его поскорее. Не теряйте присутствия духа, придите в себя — защитите вашу репутацию, иначе вам придется навеки проститься с вашей счастливой жизнью.

Миссис Форд. Что мне делать? Здесь спрятан мой дорогой друг, и я своего позора боюсь меньше, чем опасности для него. Я не пожалела бы тысячи фунтов, чтобы только его здесь не было.

Миссис Пэйдж. Стыдитесь! Бросьте ваши стоны: «Я не пожалела бы». Ваш муж в двух шагах отсюда; придумайте, как устроить побег. Здесь, в доме, спрятать его невозможно. О, как вы обманули меня! Постойте: вот корзина; если он умеренного роста, то как-нибудь поместится; потом вы навалите на него грязное белье, как будто отправляете в стирку, а сейчас как раз стирают, — так пусть двое ваших слуг снесут его на

Дэтчетский луг.

Миссис Форд. Он слишком толст, чтоб поместиться в ней. Что мне делать?

Фальстаф *(выходит из-за занавески).* Покажите, покажите мне! О, покажите скорее! Помещусь, помещусь! Последуйте совету вашей подруги, я помещусь! *(Выбрасывает из корзины белье и влезает в корзину.)*

Миссис Пэйдж. Как! Это вы, сэр Джон Фальстаф? *(Тихо.)* А как же ваши письма, рыцарь?

Фальстаф *(тихо).* Я люблю лишь тебя. Помоги мне удрать. Скорее в корзину! Нет, я никогда... *(Влезает в корзину.)*

Миссис Форд *и* ***миссис Пэйдж*** *заваливают его грязным бельем.*

Миссис Пэйдж. Мальчик, помоги хорошенько прикрыть твоего хозяина... Зовите ваших слуг, миссис Форд!.. О лицемерный рыцарь!

Робин *уходит.*

Миссис Форд. Эй, Джон! Роберт! Джон!

Входят ***слуги.***

Берите скорее это белье. Где шест для корзины? Да живее! Что мешкаете? Несите его прачке на

Дэтчетский луг. Живее, живее!

Слуги *забирают корзину.*
Входят ***Форд***, ***Пэйдж***, ***Каюс*** *и* ***Эванс****.*

Форд. Пожалуйте, пожалуйте сюда. Если мои подозрения безосновательны, смейтесь надо мной, сделайте меня посмешищем: я буду стоить этого… Это что такое? Куда вы это несете?

Слуги. Прачке, а то куда же?

Миссис Форд. Да тебе какое дело, куда они несут это? Недостает еще, чтоб ты вмешивался в стирку белья.

Форд. Стирка! О, как я хотел бы с себя самого смыть пятно. Пятно, пятно, пятно! Да, пятно — поверьте; и сейчас для него сезон.

Слуги *уносят корзину.*

Сегодня, джентльмены, мне снился сон. Я расскажу вам этот сон. Вот, вот, вот вам мои ключи. Идемте ко мне в комнаты; ищите, обыскивайте, перероЙте все; я вам ручаюсь, что мы загоним лисицу. Но прежде я отрежу эту дорогу. Вот так. Теперь начинайте травлю.

Пэйдж. Добрейший мистер Форд, успокойтесь, вы несправедливы к самому себе.

Форд. Правда, мистер Пэйдж. Идемте, господа; сейчас вы потешитесь. Следуйте за мной, господа! *(Уходит.)*

Эванс. Ревность лишает людей остатков рассудка.

Каюс. О, дьябль, о бьен, у нас во Франс, фу, нет такой фасон, нет мода ревновать.

Пэйдж. Пойдем, однако, за ним, посмотрим, чем кончится его облава.

Все, кроме ***миссис Форд*** *и* ***миссис Пэйдж****, уходят.*

Миссис Пэйдж. А это оказалось вдвойне здорово.

Миссис Форд. Я уж не знаю, что мне больше нравится: что взбеленился мой муж или что струхнул сэр Джон.

Миссис Пэйдж. Каково ему пришлось, когда ваш муж спросил, что в корзине!

Миссис Форд. Я почти уверена, что ему помыться не мешает. Выходит, мы ему окажем услугу, раз окунем его в воду.

Миссис Пэйдж. Чтоб ему, мерзавцу, пропасть там! Желаю всем ему подобным такой же участи.

Миссис Форд. У мужа, очевидно, была особая

причина подозревать, что Фальстаф здесь; по крайней мере, до сих пор я никогда не видела у него такого грубого припадка ревности.

Миссис Пэйдж. Я найду средство узнать это. А с Фальстафом мы сыграем еще несколько штук. От одного этого лекарства не пройдет его распутная болезнь.

Миссис Форд. Не послать ли нам к нему эту глупую гусыню Квикли извиниться от нашего имени за то, что его бросили в воду, и подать ему другую надежду, чтобы еще раз его проучить.

Миссис Пэйдж. Хорошо. Позовем его завтра в восемь часов, чтобы вознаградить за сегодняшнюю неудачу.

Входят ***Форд***, ***Пэйдж***, ***Каюс*** *и* ***Эванс***.

Форд. Не могу найти его. Может быть, бездельник только хвастал тем, чего не смог.

Миссис Пэйдж *(тихо, миссис Форд).* Слышали?

Миссис Форд. А хорошо вы со мной обращаетесь, мистер Форд, а?

Форд. Да, хорошо.

Миссис Форд. Дай Бог, чтоб вы сделались лучше, чем ваши мысли!

Форд. Аминь.

Миссис Пэйдж. Вы несправедливы к себе, ми-

стер Форд.

Форд. Да-да, я должен искупить свою вину.

Эванс. Если кто-нибудь спрятан в доме, или в комнатах, или в сундуках, или в шкафах, пусть простит небо мои прегрешения в день Страшного суда!

Каюс. Чьорт побери, и мне! Я тоже не видаль здесь никого.

Пэйдж. Ох, мистер Форд! Как вам не стыдно?! Какой злой дух, какой демон внушил вам эти бредни? За все сокровища виндзорского замка не хотел бы я себе вашей болезни.

Форд. Это — моя вина, мистер Пэйдж, и я терплю за нее.

Эванс. Вы терпите за нечистую совесть; ваша жена — честная женщина, какую я желал бы обрести между пятью тысячами и еще пятьюстами.

Каюс. Черт побери, я вижу, что она — честная женщина.

Форд. Итак, я обещал вам обед. Пойдем, прогуляемся в парке. Пожалуйста, извините меня, после я объясню вам, почему сделал это. Пойдем, жена, пойдемте, миссис Пэйдж. Пожалуйста, простите меня; убедительно прошу: простите.

Пэйдж. Пойдемте, господа; но, ей-богу, мы посмеемся над ним. Я приглашаю вас к себе утром

на завтрак, а потом поохотимся на птиц; у меня отличный сокол для леса. Идет?

Форд. К вашим услугам.

Эванс. Ежели будет один, я составлю пару.

Каюс. Ежели будет один или пара, я составлю тройку.

Форд. Пожалуйте, мистер Пэйдж.

Эванс. Прошу вас не забыть завтра об этом вшивом негодяе — хозяине таверны.

Каюс. Это правда, чьорт побри. Охотно.

Эванс. Вшивый негодяй! Позволять себе такие издевательства и насмешки!

Уходят.

Сцена четвертая

*Комната в доме **Пэйджа**. Входят **Фэнтон** и **Анна Пэйдж**.*

Фэнтон.

Согласья не дает нам твой отец.
Поэтому о нем довольно, Нэн.

Анна. Что ж делать?

Фэнтон.

Действуй ты теперь сама.
Он говорит, что слишком знатен я,
Что, расточительством дела попортив,
Хочу их починить его добром.
Препятствия другие выдвигает:
Беспутства прежние, дурных друзей,
И говорит, что невозможно мне
Тебя любить, когда не из-за денег.

Анна. Быть может, прав он…

Фэнтон.

Нет, или пусть мне небо не поможет.
Но признаюсь, отцовское богатство
Меня к тебе сначала приманило.
Но увидал в тебе цены я больше,
Чем в слитках золотых, мешках монеты,
И за богатством, что в тебе самой,
Теперь стремлюсь я.

Анна.

Милый мистер Фэнтон,

Добейтесь все же у отца согласья.
А если ни покорность, ни удача
Нам не помогут – что же…
Давайте отойдем…

Разговаривают в стороне.

Входят ***Шеллоу***, ***Слендер*** *и* ***миссис Квикли***.

Шеллоу. Прервите их беседу, миссис Квикли, мой родственник будет говорить сам.

Слендер. Пущу одну иль две стрелы, так, для попытки.

Шеллоу. Не пугайся.

Слендер. Нет, она не пугает меня. Это-то меня не беспокоит, но только я боюсь.

Миссис Квикли. Послушайте, мистер Слендер желает потолковать с вами.

Анна. Иду.

(В сторону.)

Вот кто отцом моим в мужья мне выбран!
О, сколько гадких, безобразных свойств
Прикрашены доходом в триста фунтов!

Миссис Квикли. А как вы поживаете, добрей-

ший мистер Фэнтон? Позвольте сказать вам словечко.

Шеллоу. Она подходит. Начинай, кузен. Вспомни, дитя мое, какой у тебя был отец!

Слендер. У меня был отец, мисс Анна… Мой дядюшка может рассказать вам о нем много смешного. Пожалуйста, дядюшка, расскажите мисс Анне, как мой отец украл однажды с насеста двух гусей.

Шеллоу. Мисс Анна, мой племянник любит вас.

Слендер. Совершенно так — люблю, как любую женщину в Глостершире.

Шеллоу. Он будет содержать вас, как настоящую королеву.

Слендер. Совершенно так, что бы там ни случилось, по положению не ниже эсквайра.

Шеллоу. Он запишет на ваше имя полтораста фунтов.

Анна. Добрейший мистер Шеллоу, дайте ему свататься самому.

Шеллоу. Благодарю вас за это; благодарю вас за такое одобрение. *(Слендеру.)* Она зовет тебя, племянник. Я оставляю вас… *(Отходит в сторону.)*

Анна. Итак, мистер Слендер…

Слендер. Итак, мисс Анна…

Анна. В чем же ваша последняя воля?

Слендер. Моя последняя воля? Вот это потеха! Вот уж, по правде, шутка! Да я еще, с Божьей помощью, не думал о последней воле: благодаря Господу, мое здоровье еще не так плохо.

Анна. Вы меня не поняли: я хочу сказать, мистер Слендер, чего вы от меня желаете?

Слендер. Да, извольте видеть, для себя-то я не желаю ничего или весьма мало. Ваш отец и мой дядюшка закрутили дело. Если дело мне удастся — хорошо, не удастся — пусть повезет тому, кто счастливее меня! Они лучше меня могут сказать вам, как идет это дело. Вы можете спросить у вашего отца. Вот он идет.

Входят ***Пэйдж*** *и* ***миссис Пэйдж****.*

Пэйдж.

А, мистер Слендер! Дочь, люби его.
А это что? Зачем здесь мистер Фэнтон?
Зря продолжаете сюда ходить:
Сказал я: все об Анне решено.

Фэнтон. Прошу, не гневайтесь так, мистер Пэйдж.

Миссис Пэйдж. Прошу оставить Анну, мистер

Фэнтон.

Пэйдж. Не пара вам она.

Фэнтон. Послушайте же, сэр!

Пэйдж.

Нет, мистер Фэнтон.
Идемте, мистер Шеллоу; сын, идем.
Вы, мистер Фэнтон, ходите напрасно.

***Пэйдж**, **Шеллоу** и **Слендер** уходят в дом.*

Миссис Квикли. Поговорите с миссис Пэйдж.

Фэнтон.

Так вашу дочь люблю я, миссис Пэйдж,
Так искренне, и чисто, и серьезно,
Что, вопреки отказам и манерам,
Я от любви своей не отрекаюсь
И не уйду. Жду вашего согласья.

Анна. Меня с болваном этим не венчайте!

Миссис Пэйдж. И не подумаю: есть лучше муж.

Миссис Квикли. Это — мой хозяин, господин доктор.

Анна.

Так лучше пусть живой зароют в зем-

лю!

Иль насмерть забросают репой![57]

Миссис Пэйдж.

Ну, не волнуйся. Милый мистер Фэнтон,

Я ни врагом не буду вам, ни другом.

Как дочь моя вас любит, расспрошу

И поступлю так, чтоб ей было лучше.

Пока прощайте: мы должны уйти.

Ее отец рассердится.

Фэнтон.
Прощайте, миссис Пэйдж! Прощайте, Нэн!

Анна *и* ***мать*** *уходят.*

Миссис Квикли.
Это ведь я так устроила. «Неужели, — говорю я, — вы бросите вашу дочь этому болвану или какому-нибудь лекарю? Посмотрите-ка на мистера Фэнтона…» Да, это я устроила.

Фэнтон. Спасибо. Передай сегодня Нэн

---

[57] Примечания: 57
«Иль насмерть забросают репой!» — народная поговорка жителей южных графств Англии.

Вот этот перстень. А это – за труды.

Миссис Квикли. Пошли тебе Господь премногого успеха!

***Фэнтон** уходит.*

Доброе у него сердце; за такое доброе сердце любая женщина пойдет в огонь и воду. Но все-таки мне хотелось бы, чтоб мисс Анна досталась моему хозяину, или чтоб она досталась мистеру Слендеру, или уж, право, пусть бы досталась и мистеру Фэнтону. Я буду всячески помогать всем троим, потому что всем троим обещала и — сдержу слово. Но особенно стану хлопотать за мистера Фэнтона. Да ведь мне нужно еще с поручением от моих двух миссис к сэру Джону Фальстафу; а я-то, дура, болтаюсь здесь.

Уходит.

Сцена пятая

*Комната в таверне «Подвязка». Входят **Фальстаф** и **Бардольф**.*

Фальстаф. Эй, Бардольф!

Бардольф. Что прикажете, сэр?

Фальстаф. Принеси мне кружку хереса да не

забудь поджаренного хлеба.

Бардольф *уходит.*

Для того ли я жил, чтоб меня понесли в корзине, точно негодные остатки из мясной, и швырнули в Темзу? Ну если меня еще раз так разыграют, пусть у меня вырежут мозги, намажут их маслом и отдадут собаке в подарок на Новый год. Экие подлецы! Ведь швырнули меня в реку без всякого угрызения совести, точно слепых щенят бродячей шавки. А по моему объему видно, как быстро я способен погружаться на дно. Будь дно так глубоко, как сама преисподняя, я и до него бы добрался. Да, потонуть бы мне непременно, если бы река не была на том месте мелка и с каменистым дном. А для меня такая смерть просто ненавистна: ведь от воды человек раздувается. Какая же фигура вышла бы из меня, если б меня еще больше раздуло! Стал бы горой-мумией!

Бардольф *возвращается с хересом.*

Бардольф. Там пришла, сэр, миссис Квикли. Она хочет говорить с вами.

Фальстаф. Ну, подбавим немного хереса к воде из Темзы. В брюхе у меня такой мороз, точно я глотал пилюли из снега для освежения внутрен-

ностей. *(Выпивает кубок.)* Теперь зови ее сюда!

Бардольф. Иди, женщина!

Входит ***миссис Квикли****.*

Миссис Квикли. С вашего позволения, сэр… Простите, пожалуйста! Доброго здоровья вашей милости.

Фальстаф *(выпивает второй кубок, Бардольфу).* Тащи прочь эти сосуды и вскипяти мне бутылку хереса.

Бардольф. С яйцами, сэр?

Фальстаф. Без всякой примеси: я не желаю видеть у себя в питье зарождающегося цыпленка.

Бардольф *уходит.*

Ну, что скажешь?

Миссис Квикли. Да пришла к вашей милости от миссис Форд.

Фальстаф. Миссис Форд! Довольно с меня фортелей; бросили меня фортелем; у меня все брюхо полно фортелей.

Миссис Квикли. Ах, горе, горе! Да ведь она, голубушка, ни в чем не виновата. Уж она ругала-ругала свою прислугу: они все напутали.

Фальстаф. Как и я запутался в своих мыслях и положился на обещание глупой бабы.

Миссис Квикли. Ах, сэр, она так горюет об этом, что у вас сердце бы разорвалось, глядя на нее. Но сегодня утром ее муж идет на охоту, и она просит вас снова к себе между восемью и девятью часами. Мне велено как можно скорее принести ей ответ. Уж поверьте мне: она вознаградит вас за неудачу.

Фальстаф. Хорошо, я посещу ее. Так ей и скажи. Да пусть обдумает, что есть человек; пусть обмозгует непостоянство человеческой натуры и должно оценит мои достоинства.

Миссис Квикли. Слушаю. Все скажу.

Фальстаф. Да, скажи. Так между девятью и десятью?

Миссис Квикли. Между восемью и девятью, сэр.

Фальстаф. Ну, хорошо. Ступай. Буду непременно.

Миссис Квикли. Да хранит вас Бог, сэр! *(Уходит.)*

Фальстаф. Удивительно мне, что Брука не видно; он послал мне сказать, чтоб я ждал его здесь. Мне его деньги очень по сердцу. А! Да вот и он.

Входит ***Форд****.*

Форд. Доброго здоровья, сэр!

Фальстаф. Ну, мистер Брук, вы пришли узнать, что произошло между мною и женой Форда?

Форд. За этим я и пришел, сэр Джон.

Фальстаф. Мистер Брук, я не хочу лгать вам: я был у нее в доме в назначенный час.

Форд. И успели?

Фальстаф. Весьма неблагополучно, мистер Брук.

Форд. Как же, сэр? Или она изменила свое решение?

Фальстаф. Нет, мистер Брук; но чахлый рогоносец — муж ее, мистер Форд, который живет в вечном смятении от ревности, явился в самую минуту нашей встречи, после того как мы не успели и обняться, и поцеловаться, и уверить друг друга в любви, и, так сказать, сыграть пролог нашей комедии. А по пятам у него — целая свора его друзей, которых он собрал и науськал своим бешенством. И все это затем, чтобы обыскать дом, чтобы обнаружить любовника его жены.

Форд. Как! В то время как вы там были?

Фальстаф. В то времяя, как я там был.

Форд. И он искал вас и не мог найти?

Фальстаф. А вот послушайте. На наше счастье, приходит некая миссис Пэйдж. Она нам дает знать о приближении Форда, и тут, по ее совету,

жена Форда, совсем потеряв голову, спрятала меня в корзину с бельем.

Форд. В корзину с бельем?

Фальстаф. Клянусь Богом, в корзину с бельем. Запихала меня вместе с грязными рубахами и сорочками, носками, грязными чулками, засаленными салфетками. И там, мистер Брук, стояла такая зловонная смесь сквернейших запахов, какая только когда-нибудь оскорбляла человеческие ноздри.

Форд. И как долго вы пролежали там?

Фальстаф. Нет, вы послушайте, мистер Брук, сколько я вытерпел, чтобы склонить эту женщину к злу для вашего блага. Когда я таким образом был запихнут в корзину, миссис Форд позвала двух мерзавцев, лакеев своего мужа, и велела нести меня под видом грязного белья на Дэтчетский луг. Они подняли меня к себе на плечи. В дверях встретился с ними ревнивый мерзавец, их хозяин, который спросил раза два, что у них в корзине. Я трепетал от страха при мысли, что этот сумасшедший мерзавец станет осматривать корзину; но судьба, которая обрекла его на звание рогоносца, удержала его руку. Ну, хорошо! Он отправился дальше, как остервенелый охотник, а я отправился прочь, как грязное белье. Но заме-

чайте, что было дальше, мистер Брук. Я терпел муки трех различных смертей: во-первых, невыносимый страх, что ревнивый гнусный баран обнаружит меня; затем, что лежу на пространстве какого-нибудь наперстка, согнутый, как добрый клинок, концом к рукоятке, головой к пяткам; наконец, что плотно укупорен, точно крепкая настойка, вонючим бельем, которое разлагается от собственного сала. Представьте вы себе человека моей комплекции… представьте себе это… на меня жар действует, как на масло: я начинаю таять. Просто чудо, что я не задохнулся. И вот, в самом разгаре этой бани, когда я, точно голландское кушанье, наполовину сварился уже в собственном жиру, — меня вдруг швырнули в Темзу, докрасна раскаленного охладили в этой влаге, как лошадиную подкову. Представьте вы себе только это — раскаленный так, что шипел, — представьте себе, мистер Брук!

Форд. По совести говорю, сэр, мне весьма прискорбно, что из-за меня вы вытерпели все это. Стало быть, мое дело совсем проиграно. Вы теперь уже к ней не приступитесь?

Фальстаф. Мистер Брук, пускай лучше меня швырнут в Этну, как швырнули в Темзу, чем чтобы я так легко отказался от нее. Ее муж сего-

дня утром отправился на охоту, а я получил от нее приглашение на новое свидание — именно между восемью и девятью часами, мистер Брук.

Форд. Восемь уже било, сэр.

Фальстаф. Уже? Ну так я отправляюсь на свидание. Приходите ко мне, когда найдете удобным, и я сообщу вам об успехах. Дело все-таки увенчается тем, что она будет ваша. Прощайте! Она будет ваша, мистер Брук. Мистер Брук, вы украсите рогами Форда. *(Уходит.)*

Форд. О, что это такое? Видение? Сон? Сплю я, что ли? Мистер Форд, проснись, проснись! Мистер Форд, в твоем праздничном платье прореха, мистер Форд. Вот что значит быть женатым! Вот что значит иметь белье и корзину для белья! Хорошо, теперь я покажу всем, что я такое. Я поймаю этого мерзавца: он у меня в доме; он не увернется от меня, ему невозможно увернуться, не спрятаться же ему в кошелек для мелких монет, не забиться в перечницу! Но чтобы руководящий им дьявол не выпутал его из беды и теперь, я обыщу даже невозможные места. Хоть я и не могу избегнуть моей участи, но эта ненавистная мне участь не покорит меня себе. Если мне достались рога, доводящие до бешенства, то я оправдаю поговорку. Я буду бешен, как рогатый зверь.

Уходит.

Действие IV
Сцена первая

Улица. *Входят* ***миссис Пэйдж***, ***миссис Квикли*** *и* ***Уильям Пэйдж****.*

Миссис Пэйдж. Как ты думаешь, пришел уже он к миссис Форд?

Миссис Квикли. Непременно пришел или придет сию минуту. Ну, правду вам сказать, он ужасно взбешен тем, что его швырнули в воду. Миссис Форд просит вас прийти к ней сейчас же.

Миссис Пэйдж. Я сейчас же иду к ней, только прежде провожу моего мальчугана в школу. А, вот идет его учитель: должно быть, сегодня нет занятий.

Входит ***сэр Хьюго Эванс****.*

Миссис Пэйдж. Что, сэр Хьюго, сегодня нет учения?

Эванс. Нет, мистер Слендер упросил меня позволить мальчикам сегодня поиграть.

Миссис Квикли. Благослови его, Господи, за это.

Миссис Пэйдж. Сэр Хьюго, мой муж говорит,

что наш сын ничего не выносит из учения. Пожалуйста, задайте ему несколько вопросов из грамматики.

Эванс. Подойди сюда, Уильям; подыми голову. Ну!

Миссис Пэйдж. Подойди, мальчуган; подыми голову; отвечай твоему учителю; не робей.

Эванс. Уильям, скажи мне, сколько существует чисел?

Уильям. Два.

Миссис Квикли. Каково! А я всегда думала, что больше тридцати, потому что говорят: первое число, второе, тридцатое, тридцать первое.

Эванс. Прекратите вашу болтовню. — Уильям, как будет на латыни «большой»?

Уильям. Magnus.

Миссис Квикли. Магнус? Наш пономарь Магнус совсем и не большой.

Эванс. Вы — весьма несообразительная женщина. Прошу вас молчать. — Что такое lapis, Уильям?

Уильям. Камень.

Эванс. А что такое камень, Уильям?

Уильям. Голыш.

Эванс. Нет, камень — это lapis. Пожалуйста, заруби у себя в мозгу.

Уильям. Lapis.

Эванс. Хорошо, Уильям. Теперь скажи, от чего получают начало члены.

Уильям. Члены получают начало от местоимений и склоняются так: singulariter nomintivo: hic, haec, hoc.

Эванс. Nominativo: hic, haec, hoc. Пожалуйста, заметь это: gen-itivo — hujus. Ну, хорошо, как же винительный падеж?

Уильям. Винительный — hinc.

Эванс. Пожалуйста, дитя мое, помни хорошенько: accuzativo — hunc, hanc, hoc.

Миссис Квикли. Гунк, ганк, гок — вы точно по-китайски говорите.

Эванс. Прекратите болтовню, женщина. — Как звательный падеж, Уильям?

Уильям. О! Звательный! О!

Эванс. Обдумайте хорошенько, Уильям. Звательный — caret[58].

Миссис Квикли. Парить! Кого это?

Эванс. Женщина, умолкните!

Миссис Пэйдж. Молчите.

Эванс. Как родительный падеж множественного числа, Уильям?

---

[58] Примечания: 58
Отсутствует *(лат.)*.

Уильям. Родительный падеж?

Эванс. Да.

Уильям. Родительный — horum, harum, horum.

Миссис Квикли. Экий стыд какой! Говорить с ребенком об родах, да еще множественного числа, да еще хором! Не говори об этом никогда, голубчик!

Эванс. Женщина, стыдитесь!

Миссис Квикли. Вы не хорошо поступаете, что учите ребенка таким вещам. Каково: родить, да еще хором. Стыдно вам!

Эванс. Ты с ума сошла, женщина! Ты, верно, никакого понятия не имеешь о падежах, числах и родах? Такой глупой христианки, как ты, я и представить себе не могу.

Миссис Пэйдж. Пожалуйста, молчи.

Эванс. Теперь, Уильям, просклоняй некоторые местоимения.

Уильям. Я, право, позабыл.

Эванс. Припомни — qui, quae, quod; а если забудешь qui, quae и quod, — высеку. Теперь ступай играть. Ступай же.

Миссис Пэйдж. Он больше знает, чем я думала.

Эванс. У него очень хорошая память. До свидания, миссис Пэйдж.

Миссис Пэйдж. До свидания, добрейший сэр Хьюго.

Эванс *уходит.*

Ступай домой, Уильям. Пойдем: мы слишком замешкались.

Уходят.

Сцена вторая

Комната в доме Форда. Входят ***Фальстаф*** *и* ***миссис Форд****.*

Фальстаф. Миссис Форд, ваша печаль пожрала мои страдания. Я вижу, как покорна ваша любовь, и, верьте, я воздам за нее вполне, до последнего волоска не только простым долгом любви, миссис Форд, но и всеми ее принадлежностями, украшениями и обрядами. Скажите только, вы теперь уверены относительно вашего мужа?

Миссис Форд. Он на охоте, милый сэр Джон.

Миссис Пэйдж *(за сценой).* Кумушка Форд! Кумушка!

Миссис Форд. Пройдите в эту комнату, сэр Джон.

Фальстаф *уходит. Входит* ***миссис Пэйдж****.*

Миссис Пэйдж. Здравствуйте, голубушка! Кто тут есть в доме, кроме вас?

Миссис Форд. Да никого, кроме прислуги.

Миссис Пэйдж. Это верно?

Миссис Форд. Конечно. *(Тихо ей.)* Говорите громче.

Миссис Пэйдж. Ах, как я рада, что здесь у вас никого нет!

Миссис Форд. Почему?

Миссис Пэйдж. Потому, милая, что у вашего мужа опять начались припадки. Он теперь орет там с моим мужем, ругает всех женатых людей, проклинает всех дочерей Евы без всякого исключения, колотит себя по лбу и при этом кричит: «Ну пробивайтесь, пробивайтесь!» Видывала я всякие беснования, но все они — кротость, вежливость и терпение в сравнении с его теперешним неистовством. Я очень рада, что жирного рыцаря у вас нет.

Миссис Форд. Да разве мой муж говорил о нем?

Миссис Пэйдж. Только о нем и говорит. Он клянется, что в последний раз, как обыскивал здесь, рыцаря пронесли в корзине; уверяет моего мужа, что рыцарь и теперь здесь, и увел и мужа, и всех

остальных с охоты, чтобы еще раз проверить свои подозрения. Но я очень рада, что рыцаря здесь нет. Теперь ваш муж увидит свою глупость.

Миссис Форд. Близко он, миссис Пэйдж?

Миссис Пэйдж. Совсем близко — в конце улицы. Он сейчас явится сюда.

Миссис Форд. Я погибла: рыцарь здесь.

Миссис Пэйдж. Ну, в таком случае, вы окончательно осрамлены, а ваш возлюбленный — мертвец. Экая вы женщина, право! Выпроводите его, выпроводите его! Лучше срам, чем убийство!

Миссис Форд. Куда ему уйти? Как мне его выпроводить? Или снова засунуть в корзину?

Входит ***Фальстаф****.*

Фальстаф. Нет, в корзину я больше не полезу. А я не могу выйти прежде, чем он придет?

Миссис Пэйдж. Увы, три брата мистера Форда сторожат у дверей с пистолетами[59], чтобы никто не вышел, не то вы могли бы ускользнуть. Что ж вы стоите на месте?

Фальстаф. Да что мне делать? Я вылезу в трубу камина.

---

[59] Примечания: 59

«...сторожат у дверей с пистолетами». — Упоминание о пистолетах — один из анахронизмов Шекспира.

Миссис Форд. Туда обычно разряжают охотничьи ружья. Лезьте лучше в обжигательную печь.

Фальстаф. А где она?

Миссис Форд. Нет, я уверена, что он и там будет искать. Он переписал, чтобы запомнить, все шкафы, сундуки, комоды, ящики, колодцы, подвалы и не пропустит ни одного места. В доме вам решительно негде спрятаться.

Фальстаф. Ну так я выйду.

Миссис Пэйдж. Если выйдете в собственном виде, то умрете, сэр Джон. Разве переоденетесь…

Миссис Форд. Как же переодеть его?

Миссис Пэйдж. Ах, я уж и сама не знаю! Ведь женского платья на его толщину нигде не найдешь; а не то он надел бы шляпу, платок на лицо и шаль и ушел бы…

Фальстаф. Выдумайте что-нибудь, добрые души: всякое средство лучше несчастья.

Миссис Форд. Тетка моей горничной, толстуха из Брентфорда, оставила там, наверху, свое платье.

Миссис Пэйдж. Честное слово, оно будет ему впору: она — такая же толстая, как и он. А вот и ее холщовая шапка и шаль. Бегите наверх, сэр Джон.

Миссис Форд. Бегите, бегите, милый сэр Джон;

а мы с миссис Пэйдж поищем платок, чтобы повязать вам на голову.

Миссис Пэйдж. Скорее, скорее! Мы сейчас придем одевать вас. Покамест наденьте платье.

Фальстаф *уходит.*

Миссис Форд. Хорошо, если муж встретит его в этом костюме: он терпеть не может брентфордскую толстуху, клянется, что она — ведьма. Он запретил ей показываться сюда и пригрозил, что поколотит ее.

Миссис Пэйдж. Подведи его небо под дубинку твоего мужа, а затем поведи эту дубинку дьявол.

Миссис Форд. Но мой муж действительно идет сюда?

Миссис Пэйдж. Самым настоящим образом, и толкует о корзине. Уж не знаю, откуда он узнал об этом.

Миссис Форд. Это все мы выясним. Я велю слугам еще раз вынести отсюда корзину и, как тогда было, повстречаться с ним в дверях.

Миссис Пэйдж. Но он сейчас явится сюда. Пойдем наряжать Фальстафа брентфордской ведьмой.

Миссис Форд. Сперва скажу прислуге, что делать с корзиной. Ступайте наверх, а я сейчас

принесу ему платок на голову. *(Уходит.)*

Миссис Пэйдж. Чтоб ему околеть, негодяю! Как бы мы ни насолили ему, все будет мало.

Из наших действий станет всем известно,
Что можно веселиться и быть честной.
Не потеряем чести мы, смеясь.
Верны слова: «Мила лишь свиньям грязь».

(Уходит.)

***Миссис Форд** возвращается с **двумя слугами**.*

Миссис Форд. Взвалите опять корзину к себе на плечи. Хозяин уже у порога. Если он прикажет вам ставить ее на пол, поставьте. Ну, живее же! *(Уходит.)*

Первый слуга. Ну, подымай.

Второй слуга. Дай Господи, чтоб она опять не была полна рыцаря.

Первый слуга. Надеюсь, что нет. Я бы лучше понес столько же свинца.

*Входят **Форд**, **Пэйдж**, **Шеллоу**, **Каюс** и **Эванс**.*

Форд. Ну, мистер Пэйдж, а если это правда, то

что бы вы ни делали, а в дураках останусь я. Поставьте корзину, бездельники!.. Позвать жену!.. Молодчик в корзине!.. Мерзавцы! Сводники!.. Да тут умысел, интрига, целый заговор против меня! Но теперь я одолею дьявола. Да где же моя жена? Ступай, ступай сюда! Полюбуйся, какое славное белье ты отправляешь в стирку!

Пэйдж. Нет, уж это из рук вон, мистер Форд! Вас нельзя дольше оставлять на свободе — надо связать вас.

Эванс. Это — совершенное умопомешательство! Он беснуется, как бешеный кобель.

Шеллоу. В самом деле, мистер Форд, это нехорошо, в самом деле.

Форд. То же и я говорю, сэр.

Входит ***миссис Форд****.*

Форд. Приблизьтесь, миссис Форд, миссис Форд, честная женщина, примерная жена, добродетельное создание, у которой муж — ревнивый дурак! Мои подозрения совершенно безосновательны, сударыня. Не так ли?

Миссис Форд.

Бог свидетель, совершенно безосновательны, если вы подозреваете меня в чем-либо бесчестном.

Форд. Отлично сказано, бесстыдница! Ну выходи, почтеннейший! *(Начинает выбрасывать белье из корзины.)*

Пэйдж. Это из рук вон!

Миссис Форд. Не стыдно ль вам? Оставьте это белье!

Форд. Вот я тебя поймаю сейчас!

Эванс. Это безумие! Неужели вы станете перетряхивать платье вашей жены? Бросьте это.

Форд *(слугам).* Опорожните корзину, говорят вам!

Миссис Форд. Для чего же, сударь, для чего?

Форд. Мистер Пэйдж, вчера — это так же верно, как то, что я человек, — в этой корзине вынесли мужчину из моего дома. Отчего же и сегодня ему не быть здесь? Я уверен, что он у меня в доме: я собрал самые точные сведения; ревность моя основательна. Выкиньте из корзины все белье!

Миссис Форд. Если вы найдете в ней кого-нибудь, пусть он умрет, как блоха.

Пэйдж. Здесь нет решительно никого.

Шеллоу. Клянусь моей ученостью, это нехорошо, мистер Форд. Вы несправедливы к самому себе.

Эванс. Мистер Форд, вы должны молиться, а не следовать причудам вашего воображения. Это

— ревность.

Форд. Значит, тот, кого я ищу, не здесь!

Пэйдж. Нет, и его нет нигде, кроме ваших разгоряченных мозгов.

Форд. Помогите мне еще раз обыскать мой дом. Если я не найду того, кого ищу, не давайте пощады моему сумасбродству — пусть я стану вашей застольной потехой, пусть говорят обо мне: «Ревнив, как Форд, который искал любовника своей жены в ореховой скорлупе». Услужите мне еще раз: еще раз поищите со мной.

Миссис Форд. Миссис Пэйдж! Послушайте, идите вниз со старухой: мой муж идет наверх.

Форд. Со старухой! Это еще что за старуха?

Миссис Форд. Тетка моей горничной, знаешь, та — брентфордская.

Форд. Ведьма, потаскуха, старая, подлая потаскуха! Я запретил ей входить ко мне в дом! Небось, с каким-нибудь поручением пришла сюда? Мы ведь люди простые — не знаем, какие штуки можно проделывать под видом гаданья. У нее тут и колдовства разные, и заговоры, и наговоры, и всякая другая чертовщина. Не нашего ума это дело: мы ничего не знаем. Сходи сюда, колдунья, сходи, ведьма! Сходи же, говорят тебе!

Миссис Форд. Полно, полегче, мой милый муж!

Господа, не позволяйте ему бить старуху.

Входят ***Фальстаф*** *в женском платье и* ***миссис Пэйдж****.*

Миссис Пэйдж. Идем, бабушка Потч! Идем! Давай руку!

Форд. Вот я ее попотчую! *(Бьет Фальстафа.)* Вон отсюда, колдунья, тварь, свиная туша, подлая дрянь! Вон! Вот я тебе поколдую! Вот я тебе погадаю!

Фальстаф *поспешно уходит.*

Миссис Пэйдж. Как вам не стыдно? Вы, кажется, насмерть забили бедную женщину.

Миссис Форд. Очень может быть, что и насмерть. Очень похвально.

Форд. На виселицу ее, ведьму!

Эванс. По моему соображению, эта женщина — действительно колдунья. Я не люблю, когда у женщины большая борода, а из-под платка вокруг лица я у нее видел большую бороду.

Форд. Угодно вам следовать за мною, господа? Умоляю вас: следуйте за мною, дождитесь развязки моей ревности. Если, подавши голос, я вас опять наведу на пустой след, не верьте мне больше никогда.

Пэйдж. Что ж, поступим еще раз по его капризу. Пойдемте, господа.

Уходят ***все****, кроме* ***миссис Пэйдж*** *и* ***миссис Форд****.*

Миссис Пэйдж. Ну, правду сказать, избил он его самым жалостным образом.

Миссис Форд. Совсем нет: избил он его самым безжалостным образом.

Миссис Пэйдж. Надо освятить эту дубинку и повесить ее над алтарем: она оказала великую услугу.

Миссис Форд. Ну как теперь? Можем мы, не изменяя женской скромности и чистой совести, продолжать мстить ему?

Миссис Пэйдж. Я уверена, что дух распутства уже изгнан из него. Если черт не взял его в вечное и потомственное владение, то, наверно, он больше никогда не будет приставать к нам.

Миссис Форд. А рассказать мужьям, как мы удружили ему?

Миссис Пэйдж. Конечно, рассказать — хотя бы для того, чтоб выгнать из головы вашего мужа все его сумасбродства. Если они по совести решат, что несчастного распутного жирного рыцаря следует наказать еще раз, мы опять примем это

дело на себя.

Миссис Форд. Я держу пари, что они захотят осрамить его публично; да и потеха останется неоконченной, если он не будет публично посрамлен.

Миссис Пэйдж. Ну так идем ковать железо: надо его ковать, пока горячо.

Уходят.

Сцена третья

Комната в таверне «Подвязка». Входят ***хозяин таверны*** *и* ***Бардольф****.*

Бардольф. Сэр, немцы просят у вас трех лошадей[60]: сам герцог приедет завтра ко двору, и они собираются выехать к нему навстречу.

Хозяин. Какой же это герцог едет так секретно? Я ничего не слыхал о нем при дворе. Поговорю я сам с этими господами. Говорят они по-английски?

Бардольф. Точно так, сэр. Я позову их к вам.

Хозяин. Лошадей они получат; но я заставлю

---

[60] Примечания: 60

«Сэр, немцы просят у вас трех лошадей…» — намек на то, что в 1592 году во время посещения Виндзора немецкому герцогу было дано право бесплатно пользоваться почтовыми лошадьми.

их заплатить — пусть тряхнут мошной. Целую неделю моя таверна была в их распоряжении, и я отказывал другим постояльцам. Пусть же теперь раскошеливаются — я их порастрясу. Идем.

Уходят.

Сцена четвертая

Комната в доме Форда. Входят ***Пэйдж***, ***Форд***, ***миссис Пэйдж***, ***миссис Форд*** *и* ***Эванс****.*

Эванс. Это — одна из самых лучших женских выдумок, какие мне случалось встречать.

Пэйдж. И он обеим вам прислал эти письма в одно и то же время?

Миссис Пэйдж. В одну и ту же четверть часа.

Форд.

Прости, жена. Теперь что хочешь делай.
Скорей подумаю, что солнце мерзнет,
Чем что ты неверна. Я верю в честность
Твою, как в веру – бывший еретик
Раскаявшийся.

Пэйдж.

Хорошо. И хватит:
Не то впадете вы в такую ж крайность,
Как в ревности.
Подумаем, как быть. Пусть наши жены
Еще раз, чтоб доставить нам потеху,
Назначат толстяку опять свиданье.
Подстережем его мы и проучим.

Форд. Чем план их, лучшего и не придумать!

Пэйдж. Как? Послать ему сказать, что в полночь они будут ждать его в парке? Фи! фи! Он ни за что не придет.

Эванс. Вы говорите, что его ввергали в реку и жестоко били, как старую женщину. Поэтому, наверное, страхов в нем столько, что он не придет. Плоть его, как я думаю, настолько наказана, что у него вожделений больше не осталось.

Пэйдж. Я так же думаю.

Миссис Форд.

Придумайте, как вам его принять,
А мы добьемся, чтобы он пришел.

Миссис Пэйдж.

Есть сказка старая: охотник Херн[61]
(Лесничим был он в виндзорском лесу)
Всю зиму напролет в часы полночи
Обходит дуб в своих рогах огромных.
Деревья губит он, хватает скот,
Кровь из коров доит и цепь качает
Ужасным, отвратительным манером.
Об этом вы слыхали. Вам известно,
Что старость легковерная слыхала
И веку нашему передала
За правду чистую рассказ о Херне.
Пэйдж Не мало есть таких, что не решатся
У дуба Херна в час полночный быть.
Что ж из того?

Миссис Форд.

А в этом-то – наш план.
У дуба мы Фальстафа повстречаем.

---

[61] Примечания: 61

«…охотник Херн…» — По преданию лесничий виндзорского парка Херн совершил проступок и, боясь наказания, повесился на одном из дубов. Позднее около этого дуба стал появляться его призрак.

Пэйдж.

Ну, предположим даже, что придет.
Когда туда приманите его,
Что делать с ним?
Каков дальнейший план?

Миссис Пэйдж.

И это мы обдумали. Он вот в чем:
Мы дочь мою и маленького сына,
Еще ребят их роста, нарядим
В зеленое и белое, как фей,
Чтобы вокруг голов горели свечи,
В руках гремушки были, – и внезапно,
Чуть только там с Фальстафом мы сойдемся,
Пускай они возникнут из оврага
И песню распевают. Их увидев,
Мы обе в сильном страхе убежим,
Они пускай же окружат его
И рыцаря распутного исщиплют,
Чтоб отвечал, как смел в час фейных плясок
В священные места ступить ногой Не-

чистой.

Миссис Форд.

И пока не скажет правды,
Пусть феи мнимые его пощиплют,
Пусть жгут свечами.

Миссис Пэйдж.

Как скажет правду он,
Мы выступим, рога мы снимем с духа,
Прогоним смехом в Виндзор.

Форд.

Детям нужно
Все это разучить, чтоб не ошиблись.

Эванс. Я научу детей, как им себя вести, да и сам наряжусь какой-нибудь образиной, чтоб жечь рыцаря свечкой.

Форд. Отлично. Я сейчас же иду купить масок.

Миссис Пэйдж.

А Нэн пусть будет фейная царица,
Одетая в прелестном белом платье.

Пэйдж *(в сторону).*

Я шелк пойду купить. А в это время

Пусть Слендер Нэн похитит и спешит
Венчаться в Итон.
Фальстафа позовите.

Форд.

Схожу к нему опять как Брук.
Он все расскажет мне. Придет, наверно.

Миссис Пэйдж.

Наверное. Но нужно приготовить
Нам все для фей.

Эванс.
Да, за дело! Это — увеселение препиятное и наичестнейшая подлость.

Эванс, ***Пэйдж*** и ***Форд*** *уходят.*

Миссис Пэйдж. Ну, миссис Форд, пошлите к сэру Джону за ответом.

Миссис Форд *уходит.*

Я к доктору. Ему дала согласье,
Чтоб только он на дочери женился.
Пусть Слендер и богат, но идиот,
А муж его другим предпочитает.

А доктор сам богат; к тому ж и с друзьями
Придворными. Так будет в самом деле,
Хоть лучших тысячи б ее хотели.

Уходит.

Сцена пятая

Комната в таверне «Подвязка». Входят ***хозяин таверны*** *и* ***Симпль****.*

Хозяин. Чего тебе надо, деревенщина? Чего, толстокожее чучело? Ну говори, выкладывай, излагай. Кратко, сжато, быстро, враз.

Симпль. Да извольте видеть, сэр, я пришел поговорить с сэром Джоном Фальстафом от имени мистера Слендера.

Хозяин. Вот его комната, его дом, его замок, его постоянная кровать и походная кровать. И только что свежехонько украшена историей блудного сына. Ступай, стучи, спрашивай: он откликнется тебе, как антропофаг[62]. Стучи же, говорю тебе.

Симпль. К нему в комнату вошла старая женщина, толстая женщина. Я осмелюсь, сэр, по-

---

[62] Примечания: 62
Антропофаг — людоед.

дождать, пока она не выйдет. Я с нею-то пришел поговорить.

Хозяин. Что? Толстая женщина? Рыцаря могут обокрасть. Я позову его! Эй, забияка, забияка сэр Джон! Ответствуй своими воинственными легкими: там ли ты? Тебя зовет твой хозяин, твой эфесец!

Фальстаф *(сверху).* Что надо, хозяин?

Хозяин. Тут какой-то тип ждет, чтобы твоя толстуха вышла от тебя. Спровадь ее, забияка, спровадь, не срами моих комнат. Фу! Интимности! Фу!

Входит ***Фальстаф****.*

Фальстаф. У меня, хозяин, действительно только что была старая, толстая женщина; но она ушла.

Симпль. Позвольте узнать, сэр: не брентфордская ли ворожея?

Фальстаф. Она самая, двустворчатая ты раковина. Тебе до нее какое дело?

Симпль. Мой барин, мистер Слендер, увидав, что она идет по улице, послал меня за ней спросить, что, как, значит, некий Ним украл у него цепочку, так у него ли, этого самого Нима, эта цепочка?

Фальстаф. Об этом я говорил со старухой.

Симпль. Что же она сказала, смею спросить, сэр?

Фальстаф. Сказала, что человек, который стибрил у мистера Слендера цепочку, и есть тот самый, который заполучил ее.

Симпль. Мне бы хорошо было поговорить с нею самой. Хозяин велел порасспросить ее еще кой о чем другом.

Фальстаф. О чем же это? Говори.

Хозяин. Да, выкладывай! Живей!

Симпль. Я не смею скрыть этого, сэр.

Хозяин. А скроешь — тут тебе и смерть!

Симпль. В общем, ничего, сэр, только что насчет мисс Анны Пэйдж; велено узнать, написано ли на роду моему хозяину или не написано жениться на ней.

Фальстаф. Написано, написано.

Симпль. Что, сэр, написано?

Фальстаф. Что он женится на ней или не женится. Ступай, скажи, что старуха так отвечала мне.

Симпль. И я могу иметь смелость так и сказать, сэр?

Фальстаф. Можешь! Кто смелей тебя?

Симпль. Покорнейше благодарю вашу ми-

лость. Этим известием я обрадую моего хозяина. *(Уходит.)*

Хозяин. Ты — мудрец, ты — мудрец, сэр Джон. Так у тебя была ворожея?

Фальстаф. Конечно, была, хозяин, и от нее узнал я больше, чем выучился за всю свою жизнь. И не только ничего не заплатил за науку — еще мне заплатили.

Входит ***Бардольф****.*

Бардольф. Бегите. Ах! Воровство, чистое воровство!

Хозяин. Где мои лошади? Отвечай, как следует, varletto[63]!

Бардольф. Удрали вместе с ворами. Как только мы миновали Итон, меня сбросили в грязную яму — я ведь сидел позади одного из них, потом пришпорили лошадей и — поминай как звали, точно три немецких черта, три доктора Фауста[64].

Хозяин. Они просто поспешили навстречу герцогу, негодяй. Не смей говорить, что они сбежали. Немцы — честные люди.

---

[63] Примечания: 63

Негодяй *(португ.).*

[64] Примечания: 64

«...точно три немецких черта, три доктора Фауста» — намек на пьесу современника Шекспира Марло «Доктор Фауст».

*Входит **сэр Хьюго Эванс**.*

Эванс. Где хозяин?

Хозяин. Что угодно, сэр?

Эванс. Смотрите хорошенько за постояльцами. Только что сюда приехал один из моих друзей; он рассказывает, что какие-то три вора-немца нагрели всех содержателей таверн Рэдинга, Мейденхеда и Кольбрука — и на лошадей, и на деньги. Для вашей же пользы говорю вам: берегитесь. Вы — человек умный, так и сыплете остротами и уколами и не пристало, чтобы вас надули. Прощайте. *(Уходит.)*

*Входит **доктор Каюс**.*

Каюс. Где есть хозяйн?

Хозяин. Здесь, господин доктор, в смущении и затруднительной дилемме.

Каюс. Не мог сказаль, что это означаль, но мне сказаль, что ты делаль гранд приготовления для герцог de Germanie[65]. Дам честный слов, что при королевськи двор герцог не ожидают. Желая вам добро. Прощай. *(Уходит.)*

Хозяин. Кричи, бей тревогу, бездельник! — Помогите мне, рыцарь, я пропал. — Лети, беги, бей

---

[65] Примечания: 65
Немецкий *(фр.)*.

тревогу, бездельник! *(Уходит с Бардольфом.)*

Фальстаф. Хорошо, если бы весь мир надули, да вдобавок еще и отколотили. Ну, если при дворе узнают, какие преображения я проходил и как эти превращения омыли и исколотили мое тело, то из меня капля за каплей вытопили бы весь жир и смазали бы им рыбачьи сапоги, пока я не съежился бы, как иссохшая груша. Страшно не везет мне с тех пор, как я смошенничал, играя в примеро[66]. Ах! Если бы у меня хватило силы прочесть молитву, я бы покаялся.

Входит ***миссис Квикли****.*

Фальстаф. Ну, от кого ты на сей раз?

Миссис Квикли. Да от обеих, сэр.

Фальстаф. Черт побери одну, а его бабушка — другую! Самое лучшее место для них обеих. Из-за них я вынес больше, чем может вытерпеть подлый тлен человеческого тела.

Миссис Квикли. А они разве мало вынесли? Много, поверьте мне. Особенно одна из них — миссис Форд. Ее, голубушку, до того избили, что все тело в синяках и подтеках — ни одного местечка белого.

---

[66] Примечания: 66

«...играя в примеро». — Примеро — одна из старинных карточных игр.

Фальстаф. Что ты мне толкуешь о синяках и подтеках? Меня самого отдубасили так, что я разукрашен во все цвета радуги, да еще чуть не арестовали как брентфордскую ведьму. Если б не моя удивительная находчивость и ловкость, с которой я изобразил обыкновенную старуху, каналья констебль засадил бы меня, как ведьму, в колодку, в тюремную колодку.

Миссис Квикли. Сэр, позвольте поговорить с вами у вас в комнате. Я расскажу вам, как идет дело, и ручаюсь, что вы останетесь довольны. Вот вам письмо: из него вы узнаете кое-что. Ах, сердечные мои, сколько труда-то, труда, чтобы свести вас! Уж, видно, кто-нибудь из вас не служит Богу как следует, что так вам не везет.

Фальстаф. Пойдем ко мне в комнату.

Уходят.

Сцена шестая

Другая комната в той же таверне. Входят ***Фэнтон*** *и* ***хозяин****.*

Хозяин. И не говорите со мною, мистер Фэнтон: у меня на душе тяжело. Я отказываюсь от всего.

Фэнтон.

Послушай хоть меня. Лишь помоги,

Клянусь дворянской честью, ты получишь

На фунтов сто побольше, чем лишился.

Хозяин.

Я выслушаю вас, мистер Фэнтон, и уж во всяком случае не выдам вашей тайны.

Фэнтон.

Я часто говорил тебе,

Какой любовью Анну Пэйдж люблю.

Она ответила мне на любовь.

Насколько выбирать сама вольна,

Она согласна. От нее письмо

Такое получил, что поразишься.

Забавное в нем там смешалось с делом,

Что порознь невозможно рассказать

Ни то и ни другое. Толстый рыцарь

Сэр Джон разыгран будет. Где и как,

Сейчас я расскажу. Хозяин, слушай.

Сегодня в полночь возле дуба Херна

Нэн выступит как фейная царица.
Вот почему: в отличии таком,
Покуда там пойдут другие штуки,
Ее отец ей приказал бежать
Со Слендером и торопиться в Итон,
Чтоб там венчаться. Анна согласилась.
Так, сэр. Но матери не по сердцу сей брак,
Она за Каюса и Нэн велит,
Чтоб дочь ее с французом убежала
И здесь в приходе, где священник ждет,
Венчалась тотчас же. На этот план
Она охотно согласилась также
И доктору дала согласье. Дальше:
Отец велел, чтоб в белое оделась;
Тогда-то Слендер, видя, что пора,
К ней подойдет и пригласит уйти,
И с ним она пойдет; а мать желает,
Чтобы француз скорей ее узнал
(Ведь ряженьми будут все и в масках),
Чтобы зеленое надела платье,

Широкое и с лентами у плеч,
И чтоб француз, когда поспеет время,
Ее бы ущипнул, тем знак подав,
Чтоб девушка немедля с ним пошла.

Хозяин.

Кого ж обманет? Мать или отца?

Фэнтон.

Обоих, чтобы убежать со мной,
Вот нужно, чтоб ты пастора нашел,
Чтоб он нас в полночь в церкви ожидал
И, совершив обряд законный брака,
Сердца обоих нас соединил.

Хозяин.

Ну действуйте, я к пастору пойду.
Лишь вы придите. Пастор будет в церкви.

Фэнтон.

На веки буду я тебе обязан,
Да и сейчас тебя вознагражу.

Уходит.

Действие V
Сцена первая

Комната в таверне «Подвязка». Входят ***Фальстаф*** *и* ***миссис Квикли****.*

Фальстаф. Ну, довольно болтать! Ступай! Я приду. Это третий раз. Я верю, что нечетные числа — счастливые. Ступай же, ступай! Говорят, что в нечетных числа — волшебная сила, будь то жизнь, или удача, или смерть. Проваливай.

Миссис Квикли *(тихо).* Я вам достану цепь, постараюсь, как смогу, добыть и пару рогов.

Фальстаф. Проваливай, говорят тебе: время не терпит. Голову — вверх и марш мелкой рысцой.

Миссис Квикли *уходит.*
Входит Форд *(переодетый).*

Фальстаф. А, мистер Брук. Мистер Брук, наше дело решится сегодня ночью или никогда. Приходите около двенадцати часов в парк к дубу Херна, увидите чудеса.

Форд. А разве вчера вы не ходили к ней, как было условлено, сэр?

Фальстаф. Ходил, мистер Брук, как видите,

жалким стариком, а вернулся жалкой старухой. Этот мерзавец Форд, ее муж, одержим самым хитрым бешеным дьяволом ревности. Я вам сейчас расскажу. Он сильно исколотил меня в образе старухи. В образе мужчины, мистер Брук, я не побоюсь и Голиафа, хотя бы и с целым ткацким станком; к тому же я знаю, что жизнь — то же, что ткацкий челнок. Я тороплюсь. Пойдемте со мной, я расскажу вам все, мистер Брук. С тех пор как я щипал гусей, удирал из дому и погонял кнутиком кубарь, я до вчерашнего дня не знал, что значит быть поколоченным. Пойдемте со мной, я расскажу вам странные вещи про этого мерзавца Форда. Сегодня ночью я отомщу за себя и передам его жену вам в руки. Пойдемте со мной. Чудные вещи приготовляются, мистер Брук. Пойдемте со мной.

Уходят.

Сцена вторая

Виндзорский парк. Входят ***Пэйдж***, ***Шеллоу*** *и* ***Слендер***.

Пэйдж. Идите, идите. Мы заляжем в дворцовый ров, покуда не завидим огоньки наших фей. Не забудь, сынок Слендер, мою дочь.

Слендер.

Еще бы забыть! Я говорил с ней, и мы условились, как узнать друг друга. Я подойду к той, которая будет в белом, и крикну: «Т-с», а она ответит: «Тише!». Так мы и узнаем друг друга.

Шеллоу. Очень хорошо, но зачем тут твое «Т-с» и ее «Тише»? Ты и так узнаешь ее по белому платью. Десять часов пробило.

Пэйдж. Ночь темна; огни и привидения очень кстати. Помоги, небо, нашей потехе! Никто не замышляет злого, кроме дьявола, а его мы узнаем по рогам. Ну идем. Следуйте за мной.

Уходят.

Сцена третья

Улица. *Входят* ***миссис Пэйдж***, ***миссис Форд*** *и* ***доктор Каюс***.

Миссис Пэйдж. Доктор, моя дочь в зеленом платье. Когда улучите удобную минуту, берите ее за руку, отправляйтесь в приходскую церковь и кончайте дело поскорее. Теперь ступайте в парк. Мы обе должны идти вместе.

Каюс. Я знай, что делай. Адье.

Миссис Пэйдж. До свидания, сэр.

Каюс *уходит.*

Муж не так обрадуется, что проучил Фальстафа, как рассердится, что доктор женился на моей дочери. Но — неважно: лучше немного воркотни, чем много разбитого сердца.

Миссис Форд. А где Нэн, ее армия фей и валлийский дьявол Хьюго?

Миссис Пэйдж. Все они собрались в овраге, возле дуба Херна, и притаились, спрятав огоньки. Как только Фальстаф сойдется с нами — они сразу же осветят ночь.

Миссис Форд. Это, несомненно, испугает его.

Миссис Пэйдж. Если он не испугается, все-таки будет осмеян; а испугается — осмеют еще больше.

Миссис Форд. Мы ловко проведем его.

Миссис Пэйдж.

Обманывать развратных и разврат —
Обманом никогда не заклеймят.

Миссис Форд.
Час приближается. К дубу, к дубу!

Уходят.

Сцена четвертая

Виндзорский парк. Входят ***сэр Хьюго Эванс*** *(переодетый) и* ***феи****.*

Эванс. Марш, марш, феи! За мной! И не забывайте ваших ролей; а главное — не робейте. Следуйте за мной в овраг и, как только я подам сигнал, делайте, как сказано. Идем, идем! Марш, марш!

Уходят.

Сцена пятая

Другая часть парка. Входит ***Фальстаф*** *(переодетый) с головой оленя.*

Фальстаф. Виндзорский колокол пробил двенадцать — миг приближается. Помогите мне, боги с пламенною кровью! Припомни, Юпитер, что ты сделался быком ради Европы — любовь заставила тебя надеть рога. О могущественная любовь! В иных случаях ты превращаешь скотов — в людей, в других — человека в скота. Юпитер, и в лебедя превращался ты ради вожделенной

Леды! О всемогущая любовь! Сколь малого недоставало тогда, чтоб бог сделался гусем! Впервые сотворенный грех в образе скота, о Юпитер, — скотский грех! Второй сотворен во образе белой птицы, но сам по себе черный. Подумай об этом, Юпитер! Уж если у богов так горяча кровь, что остается бедным людям? Вот я сделался виндзорским оленем, и, полагаю, жирнее зверя нет в здешнем лесу. О Юпитер, навей прохладу на время моей течки; иначе кто упрекнет меня за то, что я истеку жиром? Кто-то идет сюда. Моя лань?

Входят ***миссис Форд*** *и* ***миссис Пэйдж****.*

Миссис Форд. Сэр Джон, ты здесь, мой олень, мой дорогой олень?

Фальстаф. О моя черношерстая лань! Пусть небо льет картофельный дождь[67], пусть гром раскатывается на мотив: «Ах, рукавчики зеленые мои», пусть сыплется град из ароматных лепешек, пусть бушует метель из ванили, пусть разразится буря плотских искушений — вот где мой приют! *(Целует ее.)*

Миссис Форд. Миссис Пэйдж пришла со мною,

---

[67] Примечания: 67

«Пусть небо льет картофельный дождь...» — Картофель считался возбуждающим средством.

дорогой мой.

Фальстаф. Делите меня, как принесенного в дар оленя, — каждой по ляжке. Бока я сохраню, лопатки отдаю лесному сторожу, а рога предоставляю вашим супругам. Похож я на охотника, а? Совершенный охотник Херн? На этот раз Купидон оказался добросовестным мальчишкой: он вознаграждает меня за прошлое. Как истое привидение, приветствую вас!

За сценой шум.

Миссис Пэйдж. Господи! Что за шум?

Миссис Форд. Прости нам, Господи, наши прегрешения!

Фальстаф. Что бы это значило?

Миссис Форд и миссис Пэйдж. Бежим! Бежим! *(Убегают.)*

Фальстаф. Видимо, дьявол не хочет моего грехопадения, боится, чтоб мое сало не затопило весь ад: иначе он не стал бы так мешать мне.

Входят ***сэр Хьюго Эванс****, переодетый сатиром,* ***Пистоль*** *в виде лесного духа Гобгоблина*[68]*,* ***миссис Квикли****,* ***Анна Пэйдж*** *в костюме феи, все с зажженными свечами.*

---

[68] Примечания: 68

Гобгоблин — персонаж английского фольклора, нечистая сила.

Царица фей.

Все феи, что белы, серы, черны,
Вы, пляшущие при лучах луны,
Наследницы судеб определенных[69], —
К трудам своим, для дел вам отведенных!
Гобгоблин, сделай перекличку им.

Пистоль.

Эй, слушать! Тише там, воздушный дым!
Сверчок, лети по очагам, послушен;
Где пол не метен, жар где не затушен,
Там слуг щипай, пусть будут в синяках.
Царица фей проучит всех нерях.

Фальстаф.

За слово к ним карают смертью феи.
Я лучше лягу. И глядеть не смею.

(Ложится ничком.)

Эванс.

---

[69] Примечания: 69

«...Наследницы судеб определенных...» — Имеются в виду дети людей, взятые на воспитание феями.

Где Бид? Лети! Когда найдешь девицу,

Что на ночь не забыла помолиться,

Воображенье в ней пусть говорит,

Пусть грезит нежно, как младенец спит;

Но легшим не моливши́сь – без оттяжки

Щипай бока, грудь, спину им и ляжки.

Миссис Квикли.

И там, и здесь,

Виндзорский замок облетайте весь.

Рассейте счастье в комнатах, в передних,

Чтоб замок простоял до дней последних,

Чтоб ничего не рушило его,

Достоин был владельца своего.

Чтобы по всем сиденьям в каждом зале

Душистые цветы вы разбросали,

И пусть со всех девизов и щитов

Вовек глядит величие гербов!

Вы, феи луга, выступайте в пляске,
Подобной чину ордена Подвязки,
И лозунг ордена отметьте вы,
Чтобы выделялся изо всей травы.
И «Honny soit qui mal y pense»[70] *вы сами*
По лугу метьте пестрыми цветами,
Как тот узор – сапфир и самоцвет, —
Что под коленом рыцаря надет.
Ведь буквы фей – садов прелестный цвет.
В путь, феи, но до часу нам свобода,
Так не забудем же мы хоровода,
Что по ночам ведем мы дуба вкруг.

Эванс.

Ну, руку в руку, становитесь в круг,
И светлячки наш путь пусть освещают,
Пока наш строй в круг дуба поспешает.
Но – стойте. Чую: человек меж нас.

---

[70] Примечания: 70

«Да будет стыдно тому, кто дурно об этом подумает» *(фр.)* — девиз английского ордена Подвязки.

Фальстаф.
Защити меня, небо, от этого валлийского духа, не то он превратит меня в кусок сыра.

Пистоль.
Червь, проклят ты уж в час рожденья!

Царица фей.

Пусть пальцы тронет пламень испытанья.
Он чист? Огонь не причинит страданья
И отвратится. Если ж вспыхнет он —
Здесь дух распутный в тело облечен.

Пистоль.
Так испытанье!

Эванс.
Как он? Загорится? Они жгут его свечами.

Фальстаф.
Ай, ай, ай!

Царица фей.
Нечистый дух в плоти его таится!
Пусть хоровод свой феи закружат
И пусть, кружась, его исщиплют в лад.

Песня

Срам мечте твоей дурной!
О, как блуд позорен твой!
Блуд – нечистое пыланье,
Он – дитя дурных желаний,
Вскормлен сердцем, чьи мечтанья
О небес очарованье.
Феи, в пляске круговой
Исщиплите: он – дурной.
Щиплите, кружите и жгите все метче.
Пока не погаснут и звезды, и свечи.

Во время этой песни ***феи*** *щиплют* ***Фальстафа****.* ***Каюс*** *выходит с одной стороны и уводит фею в зеленом платье,* ***Слендер*** *— с другой и уводит фею в белом; затем* ***Фэнтон*** *похищает* ***Анну Пэйдж****. За сценой слышится шум охоты. Все феи разбегаются.* ***Фальстаф*** *сбрасывает свои рога и подымается. Входят* ***Пэйдж****,* ***Форд****,* ***миссис Пэйдж*** *и* ***миссис Форд****.*

Пэйдж.

Нет, стой! На этот раз подстерегли.

Вам нужен облик Херна для успеха?

Миссис Пэйдж.

Не стоит шутку больше продолжать.
Как виндзорские кумушки, сэр Джон?
Рога ты видишь, муж? А это бремя
Для леса – не для города пристало.

Форд. Ну, сэр, кто теперь рогоносец? Мистер Брук, Фальстаф — негодяй, рогатый негодяй. Вот его рога, мистер Брук. Мистер Брук, из всего, что принадлежит Форду, он воспользовался только его корзиной для грязного белья, дубинкой да двадцатью фунтами денег, которые следует уплатить мистеру Бруку. В обеспечение захвачены его лошади, мистер Брук.

Миссис Форд. Нам не везло, сэр Джон: мы никак не могли сойтись. В любовники я вас больше не возьму, но моим оленем вы останетесь.

Фальстаф. Я начинаю понимать, что из меня сделали осла.

Форд. Да. И, сверх того, — вола. Оба доказательства — налицо.

Фальстаф. И это были не феи? Три или четыре раза мне самому приходило в голову, что это — не феи, но сознание вины, внезапное ослабление

всех умственных способностей заставили меня принять грубый обман за чистую правду и, наперекор всякому здравому смыслу, я поверил, что это — феи. Вот в какого олуха превращается ум, когда его направишь в дурную сторону.

Эванс. Сэр Джон Фальстаф, служите Богу, отрекитесь от дурных помыслов — и тогда феи не будут щипать вас.

Форд. Отлично сказано, эльф Хьюго.

Эванс. А вас я прошу отречься от ревности.

Форд. Я до тех пор не буду ни в чем подозревать жену, покуда ты не начнешь ухаживать за ней на чистом английском языке.

Фальстаф. Разве я выложил свой мозг для просушки на солнце, и в нем не осталось ничего, чтобы уберечь меня от такого грубого обмана? Неужели валлийский козел мог одурачить меня? Неужели меня нарядят в дурацкий колпак? Теперь мне остается только подавиться куском жареного сыра.

Эванс. Сыр не идет к жиру, а ваше брюхо — один жир.

Фальстаф. Сыр и жир! И я дожил до того, что надо мной издевается человек с такими скверными остротами! Этого достаточно, чтоб погубить во всем государстве распутство и страсть к ночным

похождениям.

Миссис Пэйдж. Неужели, сэр Джон, вы могли подумать, что если бы даже мы из нашего сердца вытолкали в шею добродетель и, без всякого зазрения совести, отдали себя аду, то дьявол заставил бы нас плениться вами?

Форд. Требухой? Тюком льна?

Миссис Пэйдж. Тушей?

Пэйдж. Старым, холодным, истертым и невыносимо вонючим?

Форд. И злоязычным, как сам сатана?

Пэйдж. И нищим, как Иов?

Форд. И сварливым, как его жена?

Эванс. И преданным блуду, и харчевням, и хересу, и прочим винам, и меду, и пьянству, и ругательству, и мошенничествам, и праздношатанию, и всему иному прочему?

Фальстаф. Продолжайте: я ваша мишень, перевес на вашей стороне. Я разбит, я не способен отвечать даже валлийскому войлоку. Само невежество попирает меня ногами. Делайте со мной, что хотите.

Форд. А мы сделаем, сэр, вот что: сведем вас в Виндзор к некоему мистеру Бруку, у которого вы выманили деньги и пообещали сосводничать его. Из всех мучений, какие вы вынесли, самым

горьким, наверное, будет возвратить эти деньги.

Пэйдж. Не горюй, однако, рыцарь, сегодня вечером я угощу тебя ужином. Ты посмеешься над моей женой, которая теперь смеется над тобой: скажешь ей, что на ее дочери женился мистер Слендер.

Миссис Пэйдж *(в сторону).* Некоторые доктора сомневаются в этом. Если Анна Пэйдж — моя дочь, то в настоящую минуту она — жена доктора Каюса.

Входит ***Слендер****.*

Слендер. Ох, ох, батюшка Пэйдж!

Пэйдж. Что, сынок? Что? В чем дело, сынок? Устроил дело?

Слендер. Устроил! Да я разглашу это по всему Глостерширу. Лучше бы меня повесили — вот и все!

Пэйдж. Что «это», сынок?

Слендер. Пришел я в Итон венчаться с мисс Анной Пэйдж, а она, оказывается, дюжий увалень. Не будь это в церкви, я исколотил бы его или он исколотил бы меня. Не сойди я с этого места, если я не думал, что иду с Анной Пэйдж, и вдруг это — сын почтальона.

Пэйдж. Ну, стало быть, вы выбрали не ту.

Слендер. Чего вы мне говорите это? Конечно, ошибся, раз принял мальчика за девушку. Да и женись я на нем, и будь он в женском платье, мне его не нужно.

Пэйдж. Ну, это вы сами сглупили. Разве я не сказал вам, как узнать мою дочь по платью?

Слендер. Да я и подошел к той, что в белом, и крикнул ей: «Т-с!», а она ответила мне: «Тише!», как условились мы с Анной. И все-таки оказывается, что это — не Анна, а сын почтальона.

Миссис Пэйдж. Добрый Джордж, не сердись. Я знала о вашем замысле, одела мою дочь в зеленое, и сейчас она, конечно, с доктором в приходской церкви и там обвенчана.

Входит ***Каюс****.*

Каюс. Где мадам Пэйдж? Чьорт побьери, я — в дураках! Я жениль на garson, на мальчик, на paysan, чьорт, дьябль вас побери! Это — не Анна Пэйдж! Я — в дураках.

Миссис Пэйдж. А вы взяли ту, что в зеленом?

Каюс. Да, чьорт поберьи, а вышель это — мальчик. Я подымай на ноги весь Виндзор, чьорт побери! *(Уходит.)*

Форд. Это странно. Кому же досталась настоящая Анна?

Пэйдж. Ох, чует сердце. Вот и мистер Фэнтон.

Входят ***Фэнтон*** *и* ***Анна Пэйдж****.*

Пэйдж. Ну, мистер Фэнтон?
Анна. Простите, милые отец и мать.
Пэйдж. Как же со Слендером ты не пошла?
Миссис Пэйдж. Как не пошла ты с доктором? Скажи!
Фэнтон.

Совсем смутили вы ее. Вот правда:
Ее хотели вы венчать постыдно —
Дать замуж без супружеской любви,
А с нею мы давно уже едины,
Так связаны теперь, что не разрушить!
Ее непослушание – священно,
И эту хитрость звать нельзя обманом,
Ослушаньем, неповиновеньем.
Она непослушаньем избежала
Ужасных и мучительных часов,
Что вынужденный брак с собой приносит.

Форд.

Ну не дивитесь. Нечем здесь помочь —
На небесах ведется бракам счет.
Поместья мы за деньги покупаем,
А жен – по воле неба получаем.

Фальстаф. А я доволен, что, хотя вы и расположились стрелять в меня, ваша стрела не попала в цель.

Пэйдж.

Ну что поделаешь. Дай Бог вам счастья.
Мудрец, что ни случится, принимает.

Фальстаф.

В ночной охоте всякое бывает.

Миссис Пэйдж.

Ну нечего мне дуться. Мистер Фэнтон,
Пусть Бог пошлет вам много светлых дней.
Ну, муж и все, пойдемте к нам домой
И посмеемся шутке у камина. Сэр Джон, и вы.

Форд.

Идем, сэр Джон. Бруку
Вы все ж сумели правду предсказать:
Он с миссис Форд сегодня будет спать.

Уходят.

Александр Сергеевич Грибоедов. Горе от ума

Действующие лица

Павел Афанасьевич Фамусов, управляющий в казённом месте.

Софья Павловна, дочь его.

Лизанька, служанка.

Алексей Степанович Молчалин, секретарь Фамусова, живущий у него в доме.

Александр Андреевич Чацкий.

Полковник Скалозуб, Сергей Сергеевич.

Наталья Дмитриевна, молодая дама, **Платон Михайлович**, муж её — Горичи.

Князь Тугоуховский и княгиня, жена его, с шестью дочерями.

Графиня-бабушка, Графиня-внучка — Хрюмины.

Антон Антонович Загорецкий.

Старуха Хлёстова, свояченица Фамусова.

Г. N.

Г. D.

Репетилов.

Петрушка и несколько говорящих слуг.

Множество гостей всякого разбора и их лакеев при разъезде.

Официанты Фамусова.

Действие в Москве в доме Фамусова.

Действие I
Явление 1

Гостиная, в ней большие часы, справа дверь в спальню Софьи, откудова слышно фортопияно с флейтою, которые потом умолкают. Лизанька среди комнаты спит, свесившись с кресел.

(Утро, чуть день брезжится.)

Лизанька

(вдруг просыпается, встаёт с кресел, оглядывается)

Светает!.. Ах! как скоро ночь минула!
Вчера просилась спать – отказ.
«Ждём друга». – Нужен глаз да глаз,
Не спи, покудова не скатишься со стула.
Теперь вот только что вздремнула,
Уж день!.. сказать им…

(Стучится к Софии.)

Господа,
Эй! Софья Павловна, беда.
Зашла беседа ваша за ночь.

Вы глухи? – Алексей Степаныч!

Сударыня!.. – И страх их не берёт!

(Отходит от дверей.)

Ну, гость неприглашённый,

Быть может, батюшка войдёт!

Прошу служить у барышни влюблённой!

(Опять к дверям.)

Да расходитесь. Утро. – Что-с?

Голос Софии

Который час?

Лизанька

Всё в доме поднялось.

София
(из своей комнаты)

Который час?

Лизанька

Седьмой, осьмой, девятый.

София
(оттуда же)

Неправда.

Лизанька
(прочь от дверей)

Ах! амур проклятый!
И слышат, не хотят понять,
Ну что бы ставни им отнять?
Переведу часы, хоть знаю: будет гонка,
Заставлю их играть.

(Лезет на стул, передвигает стрелку, часы бьют и играют.)

Явление 2

Лиза и *Фамусов.*
Лиза

Ах! барин!

Фамусов

Барин, да.

(Останавливает часовую музыку)

Ведь экая шалунья ты, девчонка.
Не мог придумать я, что это за беда!

То флейта слышится, то будто фортопьяно;

Для Софьи слишком было б рано?..

Лиза

Нет, сударь, я… лишь невзначай…

Фамусов

Вот то-то невзначай, за вами примечай;

Так, верно, с умыслом.

(Жмётся к ней и заигрывает.)

Ой! зелье, баловница.

Лиза

Вы баловник, к лицу ль вам эти лица!

Фамусов

Скромна, а ничего кроме

Проказ и ветру на уме.

Лиза

Пустите, ветреники сами,

Опомнитесь, вы старики…

Фамусов

Почти.

Лиза

Ну, кто придёт, куда мы с вами?

Фамусов

Кому сюда прийти?
Ведь Софья спит?

Лиза

Сейчас започивала.

Фамусов

Сейчас! А ночь?

Лиза

Ночь целую читала.

Фамусов

Вишь, прихоти какие завелись!

Лиза

Всё по-французски, вслух, читает запершись.

Фамусов

Скажи-ка, что глаза ей портить не годится,

И в чтеньи прок-от не велик:
Ей сна нет от французских книг,
А мне от русских больно спится.

Лиза

Что встанет, доложусь,
Извольте же идти, разбудите, боюсь.

Фамусов

Чего будить? Сама часы заводишь,
На весь квартал симфонию гремишь.

Лиза
(как можно громче)

Да полноте-с!

Фамусов
(зажимает ей рот)

Помилуй, как кричишь.
С ума ты сходишь?

Лиза

Боюсь, чтобы не вышло из того…

Фамусов

Чего?

Лиза

Пора, сударь, вам знать, вы не ребёнок;
У девушек сон утренний так тонок;
Чуть дверью скрипнешь, чуть шепнёшь:
Всё слышат…

Фамусов

Всё ты лжёшь.

Голос Софии

Эй, Лиза!

Фамусов
(торопливо)

Тс!

(Крадётся вон из комнаты на цыпочках.)
Лиза
(одна)

Ушёл… Ах! от господ подалей;
У них беды себе на всякий час готовь,
Минуй нас пуще всех печалей
И барский гнев, и барская любовь.

Явление 3

Лиза, София со свечкою, за ней *Молчалин.*

София

Что, Лиза, на тебя напало?
Шумишь…

Лиза

Конечно, вам расстаться тяжело?
До света запершись, и кажется всё мало?

София

Ах, в самом деле рассвело!

(Тушит свечу.)

И свет и грусть. Как быстры ночи!

Лиза

Тужите, знай, со стороны нет мочи,
Сюда ваш батюшка зашёл, я обмерла;
Вертелась перед ним, не помню что врала;
Ну что же стали вы? поклон, сударь,

отвесьте.

Подите, сердце не на месте;

Смотрите на часы, взгляните-ка в окно:

Валит народ по улицам давно;

А в доме стук, ходьба, метут и убирают.

София

Счастливые часов не наблюдают.

Лиза

Не наблюдайте, ваша власть;

А что в ответ за вас, конечно, мне попасть.

София
(Молчалину)

Идите; целый день ещё потерпим скуку.

Лиза

Бог с вами-с; прочь возьмите руку.

(Разводит их, Молчалин в дверях сталкивается с Фамусовым.)

Явление 4

София, Лиза, Молчалин, Фамусов.

Фамусов

Что за оказия[71]! Молчалин, ты, брат?

Молчалин

Я-с.

Фамусов

Зачем же здесь? и в этот час?

И Софья!.. Здравствуй, Софья, что ты

Так рано поднялась! а? для какой заботы?

И как вас бог не в пору вместе свёл?

София

Он только что теперь вошёл.

Молчалин

Сейчас с прогулки.

Фамусов

---

[71] Примечания: 71

Оказия — происшествие, случай.

Друг, нельзя ли для прогулок
Подальше выбрать закоулок?
А ты, сударыня, чуть из постели прыг,
С мужчиной! с молодым! – Занятье для девицы!
Всю ночь читает небылицы,
И вот плоды от этих книг!
А всё Кузнецкий мост[72]*, и вечные французы,*
Оттуда моды к нам, и авторы, и музы:
Губители карманов и сердец!
Когда избавит нас творец
От шляпок их! чепцов! и шпилек! и булавок!
И книжных и бисквитных лавок!..

София

Позвольте, батюшка, кружится голова;
Я от испуги дух перевожу едва;
Изволили вбежать вы так проворно,

---

[72] Примечания: 72

Кузнецкий мост — улица в центре Москвы, на которой были сосредоточены модные французские магазины.

Смешалась я…

Фамусов

Благодарю покорно,

Я скоро к ним вбежал!

Я помешал! я испужал!

Я, Софья Павловна, расстроен сам, день целый

Нет отдыха, мечусь как словно угорелый.

По должности, по службе хлопотня,

Тот пристаёт, другой, всем дело до меня!

Но ждал ли новых я хлопот? чтоб был обманут…

София

(сквозь слёзы)

Кем, батюшка?

Фамусов

Вот попрекать мне станут,

Что без толку всегда журю.

Не плачь, я дело говорю:

Уж об твоём ли не радели

Об воспитаньи! с колыбели!
Мать умерла: умел я принанять
В мадам Розье вторую мать.
Старушку-золото в надзор к тебе приставил:
Умна была, нрав тихий, редких правил.
Одно не к чести служит ей:
За лишних в год пятьсот рублей
Сманить себя другими допустила.
Да не в мадаме сила.
Не надобно иного образца,
Когда в глазах пример отца.
Смотри ты на меня: не хвастаю сложеньем,
Однако бодр и свеж, и дожил до седин;
Свободен, вдов, себе я господин…
Монашеским известен поведеньем!..

Лиза

Осмелюсь я, сударь…

Фамусов

Молчать!
Ужасный век! Не знаешь, что начать!

Все умудрились не по летам.

А пуще дочери, да сами добряки,

Дались нам эти языки!

Берём же побродяг, и в дом, и по билетам[73],

Чтоб наших дочерей всему учить, всему —

И танцам! и пенью! и нежностям! и вздохам!

Как будто в жёны их готовим скоморохам.

Ты, посетитель, что? ты здесь, сударь, к чему?

Безродного пригрел и ввёл в моё семейство,

Дал чин асессора и взял в секретари;

В Москву переведен через моё содействo;

И будь не я, коптел бы ты в Твери.

София

---

[73] Примечания: 73

Берём же побродяг, и в дом и по билетам... — Кроме домашних учителей, в богатых дворянских семьях бывали ещё учителя приходящие, главным образом французы. После каждого урока им выдавались «билеты», по которым они впоследствии получали вознаграждение.

Я гнева вашего никак не растолкую.

Он в доме здесь живёт, великая напасть!

Шёл в комнату, попал в другую.

Фамусов

Попал или хотел попасть?

Да вместе вы зачем? Нельзя, чтобы случайно.

София

Вот в чём однако случай весь:

Как давиче вы с Лизой были здесь,

Перепугал меня ваш голос чрезвычайно,

И бросилась сюда я со всех ног…

Фамусов

Пожалуй, на меня всю суматоху сложит.

Не в пору голос мой наделал им тревог!

София

По смутном сне безделица тревожит.

Сказать вам сон: поймёте вы тогда.

Фамусов

Что за история?

София

Вам рассказать?

Фамусов

Ну да.

(Садится.)

София

Позвольте… видите ль… сначала
Цветистый луг; и я искала
Траву
Какую-то, не вспомню наяву.
Вдруг милый человек, один из тех, кого мы
Увидим – будто век знакомы,
Явился тут со мной; и вкрадчив, и умён,
Но робок… Знаете, кто в бедности рождён…

Фамусов

Ах! матушка, не довершай удара!
Кто беден, тот тебе не пара.

София

Потом пропало всё: луга и небеса. —

Мы в тёмной комнате. Для довершенья чуда

Раскрылся пол – и вы оттуда

Бледны, как смерть, и дыбом волоса!

Тут с громом распахнули двери

Какие-то не люди и не звери

Нас врознь – и мучили сидевшего со мной.

Он будто мне дороже всех сокровищ,

Хочу к нему – вы тащите с собой:

Нас провожают стон, рёв, хохот, свист чудовищ!

Он вслед кричит!..

Проснулась. – Кто-то говорит, —

Ваш голос был; что, думаю, так рано?

Бегу сюда – и вас обоих нахожу.

Фамусов

Да, дурен сон; как погляжу.

Тут всё есть, коли нет обмана:

И черти, и любовь, и страхи, и цветы.

Ну, сударь мой, а ты?

Молчалин

Я слышал голос ваш.

Фамусов

Забавно.

Дался им голос мой, и как себе исправно

Всем слышится, и всех сзывает до зари!

На голос мой спешил, зачем же? – говори.

Молчалин

С бумагами-с.

Фамусов

Да! их недоставало.

Помилуйте, что это вдруг припало

Усердье к письменным делам!

(Встаёт.)

Ну, Сонюшка, тебе покой я дам:

Бывают странны сны, а наяву страннее;

Искала ты себе травы,

На друга набрела скорее;
Повыкинь вздор из головы;
Где чудеса, там мало складу. —
Поди-ка, ляг, усни опять.

(Молчалину.)

Идём бумаги разбирать.

Молчалин

Я только нёс их для докладу,
Что в ход нельзя пустить без справок, без иных,
Противуречья есть, и многое не дельно.

Фамусов

Боюсь, сударь, я одного смертельно,
Чтоб множество не накоплялось их;
Дай волю вам, оно бы и засело;
А у меня, что дело, что не дело,
Обычай мой такой:
Подписано, так с плеч долой.

(Уходит с Молчалиным, в дверях пропускает его вперёд.)

Явление 5

София, Лиза.

Лиза

Ну вот у праздника! ну вот вам и потеха!
Однако нет, теперь уж не до смеха;
В глазах темно, и замерла душа;
Грех не беда, молва не хороша.

София

Что мне молва? Кто хочет, так и судит,
Да батюшка задуматься принудит:
Брюзглив, неугомонен, скор,
Таков всегда, а с этих пор…
Ты можешь посудить…

Лиза

Сужу-с не по рассказам;
Запрёт он вас; – добро ещё со мной;
А то, помилуй бог, как разом
Меня, Молчалина и всех с двора долой.

София

Подумаешь, как счастье своенравно!
Бывает хуже, с рук сойдёт;
Когда ж печальное ничто на ум нейдёт,
Забылись музыкой, и время шло так плавно;
Судьба нас будто берегла;
Ни беспокойства, ни сомненья…
А горе ждёт из-за угла.

Лиза

Вот то-то-с, моего вы глупого сужденья
Не жалуете никогда:
Ан вот беда.
На что вам лучшего пророка?
Твердила я: в любви не будет в этой прока
Ни во веки веков.
Как все московские, ваш батюшка таков:
Желал бы зятя он с звёздами да с чи-

нами,

А при звездах не все богаты, между нами;

Ну, разумеется, к тому б

И деньги, чтоб пожить, чтоб мог давать он балы;

Вот, например, полковник Скалозуб:

И золотой мешок, и метит в генералы.

София

Куда как мил! и весело мне страх

Выслушивать о фрунте и рядах;

Он слова умного не выговорил сроду, —

Мне всё равно, что за него, что в воду.

Лиза

Да-с, так сказать, речист, а больно не хитёр;

Но будь военный, будь он статский,

Кто так чувствителен, и весел, и остёр,

Как Александр Андреич Чацкий!

Не для того, чтоб вас смутить;

Давно прошло, не воротить,

А помнится…

София

Что помнится? Он славно
Пересмеять умеет всех;
Болтает, шутит, мне забавно;
Делить со всяким можно смех.

Лиза

И только? будто бы? – Слезами обливался,
Я помню, бедный он, как с вами расставался. —
«Что, сударь, плачете? живите-ка смеясь…»
А он в ответ: «Недаром, Лиза, плачу:
Кому известно, что найду я воротясь?
И сколько, может быть, утрачу!»
Бедняжка будто знал, что года через три…

София

Послушай, вольности ты лишней не бери.
Я очень ветрено, быть может, посту-

пила,

И знаю, и винюсь; но где же изменила?

Кому? чтоб укорять неверностью могли.

Да, с Чацким, правда, мы воспитаны, росли;

Привычка вместе быть день каждый неразлучно

Связала детскою нас дружбой; но потом

Он съехал, уж у нас ему казалось скучно,

И редко посещал наш дом;

Потом опять прикинулся влюблённым,

Взыскательным и огорчённым!!.

Остёр, умён, красноречив,

В друзьях особенно счастлив,

Вот об себе задумал он высоко…

Охота странствовать напала на него,

Ах! если любит кто кого,

Зачем ума искать и ездить так далёко?

Лиза

Где носится? в каких краях?
Лечился, говорят, на кислых он водах,
Не от болезни, чай, от скуки, – поволь-нее.

София

И, верно, счастлив там, где люди по-смешнее.
Кого люблю я, не таков:
Молчалин за других себя забыть готов,
Враг дерзости, – всегда застенчиво, несмело,
Ночь целую с кем можно так про-весть!
Сидим, а на дворе давно уж побелело,
Как думаешь? чем заняты?

Лиза

Бог весть,
Сударыня, моё ли это дело?

София

Возьмёт он руку, к сердцу жмёт,

Из глубины души вздохнёт,

Ни слова вольного, и так вся ночь проходит,

Рука с рукой, и глаз с меня не сводит. —

Смеёшься! можно ли! чем повод подала

Тебе я к хохоту такому?

Лиза

Мне-с?.. ваша тётушка на ум теперь пришла,

Как молодой француз сбежал у ней из дому,

Голубушка! хотела схоронить

Свою досаду, не сумела:

Забыла волосы чернить,

И через три дни поседела.

(Продолжает хохотать.)

София

(с огорчением)

Вот так же обо мне потом заговорят.

Лиза

Простите, право, как бог свят,

Хотела я, чтоб этот смех дурацкий

Вас несколько развеселить помог.

(Уходят.)

Явление 6

София, Лиза, Слуга, за ним *Чацкий.*

Слуга

К вам Александр Андреич Чацкий.

(Уходит.)

Явление 7

София, Лиза, Чацкий.

Чацкий

Чуть свет уж на ногах! и я у ваших ног.

(С жаром целует руку.)

Ну поцелуйте же, не ждали? говорите!

Что ж, ради? Нет? В лицо мне посмотрите.

Удивлены? и только? вот приём!

Как будто не прошло недели;

Как будто бы вчера вдвоём

Мы мочи нет друг другу надоели;

Ни на волос любви! куда как хороши!

И между тем, не вспомнюсь, без души,

Я сорок пять часов, глаз мигом не прищуря,

Вёрст больше седьмисот пронёсся, – ветер, буря;

И растерялся весь, и падал сколько раз —

И вот за подвиги награда!

София

Ах! Чацкий, я вам очень рада.

Чацкий

Вы ради? в добрый час.

Однако искренно кто ж радуется этак?

Мне кажется, так напоследок

Людей и лошадей знобя,

Я только тешил сам себя.

Лиза

Вот, сударь, если бы вы были за дверями,

Ей-богу, нет пяти минут,
Как поминали вас мы тут.
Сударыня, скажите сами.

София

Всегда, не только что теперь. —
Не можете мне сделать вы упрёка.
Кто промелькнёт, отворит дверь,
Проездом, случаем, из чужа, из далёка —
С вопросом я, хоть будь моряк:
Не повстречал ли где в почтовой вас карете?

Чацкий

Положимте, что так.
Блажен, кто верует, тепло ему на свете! —
Ах! боже мой! ужли я здесь опять,
В Москве! у вас! да как же вас узнать!
Где время то? где возраст тот невинный,
Когда, бывало, в вечер длинный
Мы с вами явимся, исчезнем тут и

там,

Играем и шумим по стульям и столам.

А тут ваш батюшка с мадамой, за пикетом[74]*;*

Мы в тёмном уголке, и кажется, что в этом!

Вы помните? вздрогнем, что скрипнет столик, дверь…

София

Ребячество!

Чацкий

Да-с, а теперь,

В семнадцать лет вы расцвели прелестно,

Неподражаемо, и это вам известно,

И потому скромны, не смотрите на свет.

Не влюблены ли вы? прошу мне дать ответ,

Без думы, полноте смущаться.

---

[74] Примечания: 74
Пикет — карточная игра.

София

Да хоть кого смутят

Вопросы быстрые и любопытный взгляд…

Чацкий

Помилуйте, не вам, чему же удивляться?

Что нового покажет мне Москва?

Вчера был бал, а завтра будет два.

Тот сватался – успел, а тот дал промах.

Всё тот же толк, и те ж стихи в альбомах.

София

Гоненье на Москву. Что значит видеть свет!

Где ж лучше?

Чацкий

Где нас нет.

Ну что ваш батюшка? всё Английского

клоба[75]

Старинный, верный член до гроба?

Ваш дядюшка отпрыгал ли свой век?

А этот, как его, он турок или грек?

Тот черномазенький, на ножках журавлиных,

Не знаю как его зовут,

Куда ни сунься: тут, как тут,

В столовых и в гостиных.

А трое из бульварных лиц,

Которые с полвека молодятся?

Родных мильон у них, и с помощью сестриц

Со всей Европой породнятся.

А наше солнышко? наш клад?

На лбу написано: Театр и Маскерад;

Дом зеленью раскрашен в виде рощи[76],

Сам толст, его артисты тощи.

На бале, помните, открыли мы вдвоём

---

[75] Примечания: 75

Английский клоб (клуб) — привилегированный дворянский клуб.

[76] Примечания: 76

Дом зеленью раскрашен в виде рощи… — Во времена Грибоедова было модно расписывать стены комнат цветами, деревьями.

За ширмами, в одной из комнат посекретней,

Был спрятан человек и щёлкал соловьём,

Певец зимой погоды летней.

А тот чахоточный, родня вам, книгам враг,

В учёный комитет который поселился[77]

И с криком требовал присяг,

Чтоб грамоте никто не знал и не учился?

Опять увидеть их мне суждено судьбой!

Жить с ними надоест, и в ком не сыщешь пятен?

Когда ж постранствуешь, воротишься домой,

И дым Отечества нам сладок и прия-

---

[77] Примечания: 77

А тот чахоточный, родня вам, книгам враг, в учёный комитет который поселился… — Учёный комитет был учреждён в 1817 году. Он осуществлял надзор над изданием учебной литературы, проводил в делах просвещения реакционную политику.

тен[78]*!*

София

Вот вас бы с тётушкою свесть,
Чтоб всех знакомых перечесть.

Чацкий

А тётушка? всё девушкой, Минервой[79]*?*
Всё фрейлиной Екатерины Первой?
Воспитанниц и мосек полон дом?
Ах! к воспитанью перейдём.
Что нынче, так же, как издревле,
Хлопочут набирать учителей полки,
Числом поболее, ценою подешевле?
Не то чтобы в науке далеки;
В России, под великим штрафом,
Нам каждого признать велят
Историком и географом!
Наш ментор, помните колпак его, ха-

---

[78] Примечания: 78

И дым Отечества нам сладок и приятен! — неточная цитата из стихотворения Г.Р. Державина «Арфа» (1789): // *Мила нам добра весть о нашей стороне:* // *Отечества и дым нам сладок и приятен…*

[79] Примечания: 79

Минерва — в греческой мифологии богиня мудрости.

лат,

Перст указательный, все признаки ученья

Как наши робкие тревожили умы,

Как с ранних пор привыкли верить мы,

Что нам без немцев нет спасенья! —

А Гильоме, француз, подбитый ветерком?

Он не женат ещё?

София

На ком?

Чацкий

Хоть на какой-нибудь княгине,

Пульхерии Андревне, например?

София

Танцмейстер! можно ли!

Чацкий

Что ж? он и кавалер.

От нас потребуют с именьем быть и в чине,

А Гильоме!.. – Здесь нынче тон каков

На съездах, на больших, по ппамиии-раздникам приходским?

Господствует ещё смешенье языков:

Французского с нижегородским?

София

Смесь языков?

Чацкий

Да, двух, без этого нельзя ж.

Лиза

Но мудрёно из них один скроить, как ваш.

Чацкий

По крайней мере, не надутый.

Вот новости! – я пользуюсь минутой,

Свиданьем с вами оживлён,

И говорлив; а разве нет времён,

Что я Молчалина глупее? Где он, кстати?

Ещё ли не сломил безмолвия печати?

Бывало, песенок где новеньких тетрадь

Увидит, пристаёт: пожалуйте спи-

сать.

А впрочем, он дойдёт до степеней известных,

Ведь нынче любят бессловесных.

София

(в сторону)

Не человек, змея!

(Громко и принуждённо.)

Хочу у вас спросить:

Случалось ли, чтоб вы, смеясь? или в печали?

Ошибкою? добро о ком-нибудь сказали?

Хоть не теперь, а в детстве, может быть.

Чацкий

Когда всё мягко так? и нежно, и незрело?

На что же так давно? вот доброе вам дело:

Звонками только что гремя

И день и ночь по снеговой пустыне,

Спешу к вам голову сломя.

И как вас нахожу? в каком-то строгом чине!

Вот полчаса холодности терплю!

Лицо святейшей богомолки!..

И всё-таки я вас без памяти люблю. —

(Минутное молчание.)

Послушайте, ужли слова мои все колки?

И клонятся к чьему-нибудь вреду?

Но если так: ум с сердцем не в ладу.

Я в чудаках иному чуду

Раз посмеюсь, потом забуду:

Велите ж мне в огонь: пойду как на обед.

София

Да, хорошо – сгорите, если ж нет?

Явление 8

София, Лиза, Чацкий, Фамусов.

Фамусов

Вот и другой!

София

Ах, батюшка, сон в руку.

(Уходит.)

Фамусов

(ей вслед вполголоса)

Проклятый сон.

Явление 9

Фамусов, Чацкий (смотрит на дверь, в которую София вышла).

Фамусов

Ну выкинул ты штуку!
Три года не писал двух слов!
И грянул вдруг, как с облаков.

(Обнимаются.)

Здорово, друг, здорово, брат, здорово.
Рассказывай, чай, у тебя готово
Собранье важное вестей?
Садись-ка, объяви скорей.

(Садятся)

Чацкий

(рассеянно)

Как Софья Павловна у вас похорошела!

Фамусов

Вам людям молодым, другого нету дела,

Как замечать девичьи красоты:

Сказала что-то вскользь, а ты,

Я чай, надеждами занёсся, заколдован.

Чацкий

Ах! нет, надеждами я мало избалован.

Фамусов

«Сон в руку» мне она изволила шепнуть.

Вот ты задумал…

Чацкий

Я? – Ничуть.

Фамусов

О ком ей снилось? что такое?

Чацкий

Я не отгадчик снов.

Фамусов

Не верь ей, всё пустое.

Чацкий

Я верю собственным глазам;
Век не встречал, подписку дам.
Чтоб было ей хоть несколько подобно!

Фамусов

Он всё своё. Да расскажи подробно,
Где был? скитался столько лет!
Откудова теперь?

Чацкий

Теперь мне до того ли!
Хотел объехать целый свет,
И не объехал сотой доли.

(Встаёт поспешно.)

Простите; я спешил скорее видеть вас,
Не заезжал домой. Прощайте! Через час
Явлюсь, подробности малейшей не забуду;
Вам первым, вы потом рассказывайте

всюду.

(В дверях.)

Как хороша!

(Уходит.)

Явление 10

Фамусов
(один)

Который же из двух?
«Ах! батюшка, сон в руку!»
И говорит мне это вслух!
Ну, виноват! Какого ж дал я крюку!
Молчалин давиче в сомненье ввёл меня.
Теперь… да в полмя из огня:
Тот нищий, этот франт-приятель;
Отъявлен мотом, сорванцом;
Что за комиссия, создатель,
Быть взрослой дочери отцом!

(Уходит.)
Конец I действия

Действие II
Явление 1

Фамусов, Слуга.

Фамусов

Петрушка, вечно ты с обновкой,
С разодранным локтем. Достань-ка календарь;
Читай не так, как пономарь,
А с чувством, с толком, с расстановкой.
Постой же. – На листе черкни на записном,
Противу будущей недели:
К Прасковье Фёдоровне в дом
Во вторник зван я на форели.
Куда как чуден создан свет!
Пофилософствуй, ум вскружится;
То бережёшься, то обед:
Ешь три часа, а в три дни не сварится!
Отметь-ка, в тот же день… Нет, нет.
В четверг я зван на погребенье.

Ох, род людской! пришло в забвенье,

Что всякий сам туда же должен лезть,

В тот ларчик, где ни стать, ни сесть.

Но память по себе намерен кто оставить

Житьём похвальным, вот пример:

Покойник был почтенный камергер,

С ключом, и сыну ключ умел доставить[80]*;*

Богат, и на богатой был женат;

Переженил детей, внучат;

Скончался; все о нём прискорбно поминают.

Кузьма Петрович! Мир ему! —

Что за тузы в Москве живут и умирают! —

Пиши: в четверг, одно уж к одному,

А может, в пятницу, а может, и в субботу,

---

[80] Примечания: 80

Покойник был почтенный камергер, с ключом и сыну ключ умел доставить... — Камергеры (придворное звание) носили на парадных мундирах золотой ключ.

Я должен у вдовы, у докторши, крестить.

Она не родила, но по расчёту

По моему: должна родить…

Явление 2

Фамусов, Слуга, Чацкий.

Фамусов

А! Александр Андреич, просим,

Садитесь-ка.

Чацкий

Вы заняты?

Фамусов
(слуге)

Поди.

(Слуга уходит.)

Да, разные дела на память в книгу вносим,

Забудется, того гляди.

Чацкий

Вы что-то не веселы стали;

Скажите, отчего? Приезд не в пору мой?

Уж Софье Павловне какой

Не приключилось ли печали?

У вас в лице, в движеньях суета.

Фамусов

Ах! батюшка, нашёл загадку,

Не весел я!.. В мои лета

Не можно же пускаться мне вприсядку!

Чацкий

Никто не приглашает вас;

Я только, что спросил два слова

Об Софье Павловне: быть может, нездорова?

Фамусов

Тьфу, господи прости! Пять тысяч раз

Твердит одно и то же!

То Софьи Павловны на свете нет пригоже,

То Софья Павловна больна.

Скажи, тебе понравилась она?

Обрыскал свет; не хочешь ли жениться?

Чацкий

А вам на что?

Фамусов

Меня не худо бы спроситься,

Ведь я ей несколько сродни;

По крайней мере, искони

Отцом недаром называли.

Чацкий

Пусть я посватаюсь, вы что бы мне сказали?

Фамусов

Сказал бы я, во-первых: не блажи,

Именьем, брат, не управляй оплошно,

А, главное, поди-тка послужи.

Чацкий

Служить бы рад, прислуживаться тошно.

Фамусов

Вот то-то, все вы гордецы!
Спросили бы, как делали отцы?
Учились бы, на старших глядя:
Мы, например, или покойник дядя,
Максим Петрович: он не то на серебре,
На золоте едал; сто человек к услугам;
Весь в орденах; езжал-то вечно цугом:
Век при дворе, да при каком дворе!
Тогда не то, что ныне,
При государыне служил Екатерине.
А в те поры все важны! в сорок пуд…
Раскланяйся – тупеем не кивнут[81].
Вельможа в случае[82] *– тем паче;*
Не как другой, и пил и ел иначе.
А дядя! что твой князь? что граф?
Сурьезный взгляд, надменный нрав.
Когда же надо подслужиться,
И он сгибался вперегиб:

---

[81] Примечания: 81

…тупеем не кивнут — Тупей — старинная причёска: собранный на затылке пучок волос.

[82] Примечания: 82

Вельможа в случае… — то есть в милости, фаворит.

На куртаге[83] *ему случилось обступиться;*

Упал, да так, что чуть затылка не пришиб;

Старик заохал, голос хрипкой;

Был высочайшею пожалован улыбкой;

Изволили смеяться; как же он?

Привстал, оправился, хотел отдать поклон,

Упал вдругорядь – уж нарочно,

А хохот пуще, он и в третий так же точно.

А? как по-вашему? по-нашему – смышлён.

Упал он больно, встал здорово.

Зато, бывало, в вист[84] *кто чаще приглашён?*

Кто слышит при дворе приветливое слово?

Максим Петрович! Кто пред всеми знал

---

[83] Примечания: 83
Куртаг — приёмный день во дворце.

[84] Примечания: 84
Вист — карточная игра.

почёт?

Максим Петрович! Шутка!

В чины выводит кто и пенсии даёт?

Максим Петрович. Да! Вы, нынешние, – ну-тка!

Чацкий

И точно, начал свет глупеть,

Сказать вы можете вздохнувши;

Как посравнить, да посмотреть

Век нынешний и век минувший:

Свежо предание, а верится с трудом;

Как тот и славился, чья чаще гнулась шея;

Как не в войне, а в мире брали лбом;

Стучали об пол, не жалея!

Кому нужда: тем спесь, лежи они в пыли,

А тем, кто выше, лесть, как кружево плели.

Прямой был век покорности и страха,

Всё под личиною усердия к царю.

Я не об дядюшке об вашем говорю;

Его не возмутим мы праха:

Но между тем кого охота заберёт,

Хоть в раболепстве самом пылком,

Теперь, чтобы смешить народ,

Отважно жертвовать затылком?

А сверстничек, а старичок

Иной, глядя на тот скачок,

И разрушаясь в ветхой коже,

Чай, приговаривал: – Ах! если бы мне тоже!

Хоть есть охотники поподличать везде,

Да нынче смех страшит и держит стыд в узде;

Недаром жалуют их скупо государи.

Фамусов

Ах! боже мой! он карбонари[85]*!*

Чацкий

Нет, нынче свет уж не таков.

Фамусов

---

[85] Примечания: 85

Карбонари (карбонарии) — члены тайного революционного общества в Италии (XIX век).

Опасный человек!

Чацкий

Вольнее всякий дышит
И не торопится вписаться в полк шутов.

Фамусов

Что говорит! и говорит, как пишет!

Чацкий

У покровителей зевать на потолок,
Явиться помолчать, пошаркать, пообедать,
Подставить стул, поднять платок.

Фамусов

Он вольность хочет проповедать!

Чацкий

Кто путешествует, в деревне кто живёт…

Фамусов

Да он властей не признаёт!

Чацкий

Кто служит делу, а не лицам…

Фамусов

Строжайше б запретил я этим господам
На выстрел подъезжать к столицам.

Чацкий

Я наконец вам отдых дам…

Фамусов

Терпенья, мочи нет, досадно.

Чацкий

Ваш век бранил я беспощадно,
Предоставляю вам во власть:
Откиньте часть,
Хоть нашим временам впридачу;
Уж так и быть, я не поплачу.

Фамусов

И знать вас не хочу, разврата не терплю.

Чацкий

Я досказал.

Фамусов

Добро, заткнул я уши.

Чацкий

На что ж? я их не оскорблю.

Фамусов
(скороговоркой)

Вот рыскают по свету, бьют баклуши,
Воротятся, от них порядка жди.

Чацкий

Я перестал…

Фамусов

Пожалуй, пощади.

Чацкий

Длить споры не моё желанье.

Фамусов

Хоть душу отпусти на покаянье!

Явление 3

Слуга

(входит)

Полковник Скалозуб.

Фамусов
(ничего не видит и не слышит)

Тебя уж упекут.

Под суд, как пить дадут.

Чацкий

Пожаловал к вам кто-то на дом.

Фамусов

Не слушаю, под суд!

Чацкий

К вам человек с докладом.

Фамусов

Не слушаю, под суд! под суд!

Чацкий

Да обернитесь, вас зовут.

Фамусов
(оборачивается)

А? бунт? ну так и жду содома.

Слуга

Полковник Скалозуб. Прикажете принять?

Фамусов
(встаёт)

Ослы! сто раз вам повторять?

Принять его, позвать, просить, сказать, что дома,

Что очень рад. Пошёл же, торопись.

(Слуга уходит.)

Пожало-ста, сударь, при нём остерегись:

Известный человек, солидный,

И знаков тьму отличья нахватал;

Не по летам и чин завидный,

Не нынче завтра генерал.

Пожало-ста, при нём веди себя скромненько.

Эх! Александр Андреич, дурно, брат!

Ко мне он жалует частенько;

Я всякому, ты знаешь, рад;

В Москве прибавят вечно втрое:

Вот будто женится на Сонюшке. Пу-

стое!

Он, может быть, и рад бы был душой,

Да надобности сам не вижу я большой

Дочь выдавать ни завтра, ни сегодня;

Ведь Софья молода. А впрочем, власть господня.

Пожало-ста, при нём не спорь ты вкривь и вкось,

И завиральные идеи эти брось.

Однако нет его! какую бы причину…

А! знать, ко мне пошёл в другую половину.

(Поспешно уходит.)

Явление 4

Чацкий

Как суетится! что за прыть!

А Софья? – Нет ли впрямь тут жениха какого?

С которых пор меня дичатся как чужого!

Как здесь бы ей не быть!!.

Кто этот Скалозуб? отец им сильно бредит,

А может быть, не только что отец...

Ах! тот скажи любви конец,

Кто на три года вдаль уедет.

Явление 5

Чацкий, Фамусов, Скалозуб.

Фамусов

Сергей Сергеич, к нам сюда-с.

Прошу покорно, здесь теплее;

Прозябли вы, согреем вас;

Отдушничек отвернем поскорее.

Скалозуб

(густым басом)

Зачем же лазить, например,

Самим!.. Мне совестно, как честный офицер.

Фамусов

Неужто для друзей не делать мне ни шагу,

Сергей Сергеич дорогой!

Кладите шляпу, сденьте шпагу;

Вот вам софа, раскиньтесь на покой.

Скалозуб

Куда прикажете, лишь только бы усесться.

(Садятся все трое. Чацкий поодаль.)

Фамусов

Ах! батюшка, сказать, чтоб не забыть:

Позвольте нам своими счесться,

Хоть дальними, наследства не делить;

Не знали вы, а я подавно, —

Спасибо, научил двоюродный ваш брат, —

Как вам доводится Настасья Николавна?

Скалозуб

Не знаю-с, виноват;

Мы с нею вместе не служили.

Фамусов

Сергей Сергеич, это вы ли!

Нет! я перед роднёй, где встретится, ползком;

Сыщу её на дне морском.

При мне служащие чужие очень редки;

Всё больше сестрины, свояченицы детки;

Один Молчалин мне не свой,

И то затем, что деловой.

Как станешь представлять к крестишку ли, к местечку,

Ну как не порадеть родному человечку!..

Однако братец ваш мне друг и говорил,

Что вами выгод тьму по службе получил.

Скалозуб

В тринадцатом году мы отличались с братом

В тридцатом егерском, а после в сорок пятом.

Фамусов

Да, счастье, у кого есть эдакий сынок!

Имеет, кажется, в петличке орденок?

Скалозуб

За третье августа; засели мы в траншею[86]*:*

Ему дан с бантом, мне на шею[87]*.*

Фамусов

Любезный человек, и посмотреть – так хват,

Прекрасный человек двоюродный ваш брат.

Скалозуб

Но крепко набрался каких-то новых правил.

Чин следовал ему: он службу вдруг

---

[86] Примечания: 86

За третье августа — 3 августа — день свидания Александра I с австрийским императором в Праге, ознаменованный торжествами и награждениями. В этот день никаких боевых действий не было; таким образом, «подвиг» Скалазуба состоял только в том, что они «засели в траншею».

[87] Примечания: 87

Ему дан с бантом, мне на шею. — Одни и те же ордена различались в степени способами ношения. Низшие ордена (III и IV степени) носились в петлице, и лента могла завязываться бантом; высшие (I и II степени) — на шее.

оставил,

В деревне книги стал читать.

Фамусов

Вот молодость!.. – читать!.. а после хвать!..

Вы повели себя исправно:

Давно полковники, а служите недавно.

Скалозуб

Довольно счастлив я в товарищах моих,

Вакансии как раз открыты:

То старших выключат иных,

Другие, смотришь, перебиты.

Фамусов

Да, чем кого господь пощет, вознесёт!

Скалозуб

Бывает, моего счастливее везёт.

У нас в пятнадцатой дивизии, не дале.

Об нашем хоть сказать бригадном генерале.

Фамусов

Помилуйте, а вам чего недостаёт?

Скалозуб

Не жалуюсь, не обходили,
Однако за полком два года поводили.

Фамусов

В погонь ли за полком?
Зато, конечно, в чём другом
За вами далеко тянуться.

Скалозуб

Нет-с, старее меня по корпусу найдутся,
Я с восемьсот девятого служу;
Да, чтоб чины добыть, есть многие каналы;
Об них как истинный философ я сужу:
Мне только бы досталось в генералы.

Фамусов

И славно судите, дай бог здоровье вам
И генеральский чин; а там
Зачем откладывать бы дальше,
Речь завести об генеральше?

Скалозуб

Жениться? я ничуть не прочь.

Фамусов

Что ж? у кого сестра, племянница есть, дочь;

В Москве ведь нет невестам перевода;

Чего? плодятся год от года;

А, батюшка, признайтесь, что едва

Где сыщется столица, как Москва.

Скалозуб

Дистанции огромного размера.

Фамусов

Вкус, батюшка, отменная манера;

На всё свои законы есть:

Вот, например, у нас уж исстари ведётся,

Что по отцу и сыну честь;

Будь плохенький, да если наберётся

Душ тысячки две родовых, —

Тот и жених.

Другой хоть прытче будь, надутый вся-

ким чванством,

Пускай себе разумником слыви,

А в семью не включат. На нас не подиви.

Ведь только здесь ещё и дорожат дворянством.

Да это ли одно? возьмите вы хлеб-соль:

Кто хочет к нам пожаловать – изволь;

Дверь отперта для званых и незваных,

Особенно из иностранных;

Хоть честный человек, хоть нет,

Для нас равнехонько, про всех готов обед.

Возьмите вы от головы до пяток,

На всех московских есть особый отпечаток.

Извольте посмотреть на нашу молодёжь,

На юношей – сынков и внучат;

Журим мы их, а если разберёшь,

В пятнадцать лет учителей научат!

А наши старички? – Как их возьмёт задор,

Засудят об делах, что слово – приговор, —

Ведь столбовые всё, в ус никого не дуют;

И об правительстве иной раз так толкуют,

Что, если б кто подслушал их… беда!

Не то, чтоб новизны вводили, – никогда,

Спаси нас боже! Нет. А придерутся

К тому, к сему, а чаще ни к чему,

Поспорят, пошумят, и… разойдутся.

Прямые канцлеры в отставке – по уму!

Я вам скажу, знать время не приспело,

Но что без них не обойдётся дело. —

А дамы? – сунься кто, попробуй овладей;

Судьи всему, везде, над ними нет судей;

За картами когда восстанут общим бунтом,

Дай бог терпение, – ведь сам я был женат.

Скомандовать велите перед фрунтом!

Присутствовать пошлите их в Сенат!

Ирина Власьевна! Лукерья Алексевна!

Татьяна Юрьевна! Пульхерия Андревна!

А дочек кто видал, – всяк голову повесь…

Его величество король был прусский здесь;

Дивился не путём московским он девицам,

Их благонравью, а не лицам;

И точно, можно ли воспитаннее быть!

Умеют же себя принарядить

Тафтицей, бархатцем и дымкой,

Словечка в простоте не скажут, всё с ужимкой;

Французские романсы вам поют

И верхние выводят нотки,

К военным людям так и льнут,

А потому, что патриотки.

Решительно скажу: едва

Другая сыщется столица, как Москва.

Скалозуб

По моему сужденью,

Пожар способствовал ей много к украшенью.

Фамусов

Не поминайте нам, уж мало ли крехтят!

С тех пор дороги, тротуары,

Дома и всё на новый лад.

Чацкий

Дома новы, но предрассудки стары.

Порадуйтесь, не истребят

Ни годы их, ни моды, ни пожары.

Фамусов
(Чацкому)

Эй, завяжи на память узелок;

Просил я помолчать, не велика услуга.

(Скалозубу.)

Позвольте, батюшка. Вот-с – Чацкого, мне друга,

Андрея Ильича покойного сынок:

Не служит, то есть в том он пользы

не находит,

Но захоти – так был бы деловой.

Жаль, очень жаль, он малый с головой,

И славно пишет, переводит.

Нельзя не пожалеть, что с эдаким умом…

Чацкий

Нельзя ли пожалеть об ком-нибудь другом?

И похвалы мне ваши досаждают.

Фамусов

Не я один, все также осуждают.

Чацкий

А судьи кто? – За древностию лет

К свободной жизни их вражда непримирима,

Сужденья черпают из забытых газет

Времён Очаковских и покоренья Крыма[88]*;*

Всегда готовые к журьбе,

---

[88] Примечания: 88

Времён Очаковских и покоренья Крыма… — Взятие турецкой крепости Очаков и присоединение Крыма к России произошли в 1783 году.

Поют все песнь одну и ту же,
Не замечая об себе:
Что старее, то хуже.
Где? укажите нам, отечества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?
Не эти ли, грабительством богаты?
Защиту от суда в друзьях нашли, в родстве,
Великолепные соорудя палаты,
Где разливаются в пирах и мотовстве,
И где не воскресят клиенты-иностранцы
Прошедшего житья подлейшие черты.
Да и кому в Москве не зажимали рты
Обеды, ужины и танцы?
Не тот ли, вы к кому меня ещё с пелен,
Для замыслов каких-то непонятных,
Дитей возили на поклон?
Тот Нестор негодяев знатных[89],

---

[89] Примечания: 89

…Нестор негодяев знатных… — Нестор — имя полководца, упомянутого в «Илиаде» Гомера; в нарицательном смысле — советчик, руководитель.

Толпою окружённый слуг;

Усердствуя, они в часы вина и драки

И честь, и жизнь его не раз спасали: вдруг

На них он выменял борзые три собаки!!!

Или вон тот ещё, который для затей

На крепостной балет согнал на многих фурах

От матерей, отцов отторженных детей?!

Сам погружён умом в Зефирах и в Амурах,

Заставил всю Москву дивиться их красе!

Но должников не согласил к отсрочке:

Амуры и Зефиры все

Распроданы поодиночке!!!

Вот те, которые дожили до седин!

Вот уважать кого должны мы на безлюдьи!

Вот наши строгие ценители и судьи!

Теперь пускай из нас один,

Из молодых людей, найдётся – враг исканий,

Не требуя ни мест, ни повышенья в чин,

В науки он вперит ум, алчущий познаний;

Или в душе его сам бог возбудит жар

К искусствам творческим, высоким и прекрасным, —

Они тотчас: разбой! пожар!

И прослывёт у них мечтателем! опасным!! —

Мундир! один мундир! он в прежнем их быту

Когда-то укрывал, расшитый и красивый,

Их слабодушие, рассудка нищету;

И нам за ними в путь счастливый!

И в жёнах, дочерях – к мундиру та же страсть!

Я сам к нему давно ль от нежности отрёкся?!

Теперь уж в это мне ребячество не впасть;

Но кто б тогда за всеми не повлекся?
Когда из гвардии, иные от двора
Сюда на время приезжали, —
Кричали женщины: ура!
И в воздух чепчики бросали!

Фамусов
(про себя)

Уж втянет он меня в беду.

(Громко.)

Сергей Сергеич, я пойду
И буду ждать вас в кабинете.

(Уходит.)

Явление 6

Скалозуб, Чацкий.
Скалозуб

Мне нравится, при этой смете
Искусно как коснулись вы
Предубеждения Москвы
К любимцам, к гвардии, к гвардейским, к гвардионцам;

Их золоту, шитью дивятся, будто солнцам!

А в Первой армии когда отстали? в чём?

Всё так прилажено, и тальи все так узки,

И офицеров вам начтём,

Что даже говорят, иные, по-французски.

Явление 7

Скалозуб, Чацкий, Софья, Лиза.

София

(бежит к окну)

Ах! боже мой! упал, убился! —

(Теряет чувства.)

Чацкий

Кто?

Кто это?

Скалозуб

С кем беда?

Чацкий

Она мертва со страху!

Скалозуб

Да кто? откудова?

Чацкий

Ушибся обо что?

Скалозуб

Уж не старик ли наш дал маху?

Лиза
(хлопочет около барышни)

Кому назначено-с, не миновать судьбы:
Молчалин на лошадь садился, ногу в стремя,
А лошадь на дыбы,
Он об землю и прямо в темя.

Скалозуб

Поводья затянул. Ну, жалкий же ездок.
Взглянуть, как треснулся он – грудью или в бок?

(Уходит.)

Явление 8

Те же без *Скалозуба.*

Чацкий

Помочь ей чем? Скажи скорее.

Лиза

Там в комнате вода стоит.

(Чацкий бежит и приносит. Всё следующее — вполголоса, — до того, как Софья очнётся.)

Стакан налейте.

Чацкий

Уж налит.
Шнуровку отпусти вольнее,
Виски ей уксусом потри,
Опрыскивай водой. – Смотри:
Свободнее дыханье стало.
Повеять чем?

Лиза

Вот опахало.

Чацкий

Гляди в окно:
Молчалин на ногах давно!
Безделица её тревожит.

Лиза

Да-с, барышнин несчастен нрав.
Со стороны смотреть не может,
Как люди падают стремглав.

Чацкий

Опрыскивай ещё водою.
Вот так. Ещё. Ещё.

София
(с глубоким вздохом)

Кто здесь со мною?
Я точно как во сне.

(Торопко и громко.)

Где он? что с ним? Скажите мне.

Чацкий

Пускай себе сломил бы шею,
Вас чуть было не уморил.

София

Убийственны холодностью своею!

Смотреть на вас, вас слушать нету сил.

Чацкий

Прикажете мне за него терзаться?

София

Туда бежать, там быть, помочь ему стараться.

Чацкий

Чтоб оставались вы без помощи одне?

София

На что вы мне?

Да, правда: не свои беды – для вас забавы,

Отец родной убейся – всё равно.

(Лизе.)

Пойдём туда, бежим.

Лиза
(отводит её в сторону)

Опомнитесь! куда вы?

Он жив, здоров, смотрите здесь в окно.

(София в окошко высовывается.)

Чацкий

Смятенье! обморок! поспешность! гнев! испуга!

Так можно только ощущать,

Когда лишаешься единственного друга.

София

Сюда идут. Руки не может он поднять.

Чацкий

Желал бы с ним убиться…

Лиза

Для компаньи[90]*?*

София

Нет, оставайтесь при желаньи.

Явление 9

София, Лиза, Чацкий, Скалозуб, Молчалин (с подвязанною рукою).

---

[90] Примечания: 90

Для компаньи? — Эти слова, входившие ранее в реплику Чацкого, Грибоедов, по совету П.А. Вяземского, передал Лизе.

Скалозуб

Воскрес и невредим, рука
Ушибена слегка,
И, впрочем, всё фальшивая тревога.

Молчалин

Я вас перепугал, простите ради бога.

Скалозуб

Ну! я не знал, что будет из того
Вам ирритация[91]*. Опрометью вбежали. —*
Мы вздрогнули! – Вы в обморок упали,
И что ж? – весь страх из ничего.

София
(не глядя ни на кого)

Ах! очень вижу, из пустого,
А вся ещё теперь дрожу.

Чацкий
(про себя)

С Молчалиным ни слова!

---

[91] Примечания: 91
Ирритация — волнение, замешательство.

София

Однако о себе скажу,
Что не труслива. Так бывает,
Карета свалится, – подымут: я опять
Готова сызнова скакать;
Но всё малейшее в других меня пугает,
Хоть нет великого несчастья от того,
Хоть незнакомый мне, – до этого нет дела.

Чацкий
(про себя)

Прощенья просит у него,
Что раз о ком-то пожалела!

Скалозуб

Позвольте, расскажу вам весть:
Княгиня Ласова какая-то здесь есть,
Наездница, вдова, но нет примеров,
Чтоб ездило с ней много кавалеров.
На днях расшиблась в пух, —
Жоке не поддержал, считал он, видно, мух. —
И без того она, как слышно, неуклюжа,

Теперь ребра недостаёт,
Так для поддержки ищет мужа.

София

Ах, Александр Андреич, вот —
Явитесь вы вполне великодушны:
К несчастью ближнего вы так неравнодушны.

Чацкий

Да-с, это я сейчас явил,
Моим усерднейшим стараньем,
И прысканьем, и оттираньем,
Не знаю для кого, но вас я воскресил.

(Берёт шляпу и уходит.)

Явление 10

Те же, кроме *Чацкого.*

София

Вы вечером к нам будете?

Скалозуб

Как рано?

София

Пораньше, съедутся домашние друзья,
Потанцевать под фортепияно, —
Мы в трауре, так балу дать нельзя.

Скалозуб

Явлюсь, но к батюшке зайти я обещался,
Откланяюсь.

София

Прощайте.

Скалозуб
(жмёт руку Молчалину)

Ваш слуга.

(Уходит.)

Явление 11

София, Лиза, Молчалин.
София

Молчалин! как во мне рассудок цел остался!

Ведь знаете, как жизнь мне ваша дорога!

Зачем же ей играть, и так неосторожно?

Скажите, что у вас с рукой?

Не дать ли капель вам? не нужен ли покой?

Пошлемте к доктору, пренебрегать не должно.

Молчалин

Платком перевязал, не больно мне с тех пор.

Лиза

Ударюсь об заклад, что вздор;

И если б не к лицу, не нужно перевязки;

А то не вздор, что вам не избежать огласки:

На смех, того гляди, подымет Чацкий вас;

И Скалозуб, как свой хохол закрутит,

Расскажет обморок, прибавит сто прикрас;

Шутить и он горазд, ведь нынче кто не

шутит!

София

А кем из них я дорожу?

Хочу – люблю, хочу – скажу.

Молчалин! будто я себя не принуждала?

Вошли вы, слова не сказала,

При них не смела я дохнуть,

У вас спросить, на вас взглянуть. —

Молчалин

Нет, Софья Павловна, вы слишком откровенны.

София

Откуда скрытность почерпнуть!

Готова я была в окошко к вам прыгнуть.

Да что мне до кого? до них? до всей вселенны?

Смешно? – пусть шутят их; досадно? – пусть бранят.

Молчалин

Не повредила бы нам откровенность эта.

София

Неужто на дуэль вас вызвать захотят?

Молчалин

Ах! злые языки страшнее пистолета.

Лиза

Сидят они у батюшки теперь,
Вот кабы вы порхнули в дверь
С лицом весёлым, беззаботно:
Когда нам скажут, что хотим —
Куда как верится охотно!
И Александр Андреич, – с ним
О прежних днях, о тех проказах
Поразвернитесь-ка в рассказах,
Улыбочка и пара слов,
И кто влюблён – на всё готов.

Молчалин

Я вам советовать не смею.

(Целует ей руку.)

София

Хотите вы?.. Пойду любезничать сквозь слёз;

Боюсь, что выдержать притворства не сумею.

Зачем сюда бог Чацкого принёс!

(Уходит.)

Явление 12

Молчалин, Лиза.

Молчалин

Весёлое созданье ты! живое!

Лиза

Прошу пустить, и без меня вас двое.

Молчалин

Какое личико твоё!

Как я тебя люблю!

Лиза

А барышню?

Молчалин

Её

По должности, тебя...

(Хочет её обнять.)

Лиза

От скуки.

Прошу подальше руки!

Молчалин

Есть у меня вещицы три:

Есть туалет, прехитрая работа —

Снаружи зеркальцо, и зеркальцо внутри,

Кругом всё прорезь, позолота;

Подушечка, из бисера узор;

И перламутровый прибор —

Игольничик и ножинки, как милы!

Жемчужинки, растёртые в белилы!

Помада есть для губ, и для других причин,

С духами скляночки: резеда и жасмин. —

Лиза

Вы знаете, что я не льщусь на инте-

ресы;

Скажите лучше, почему

Вы с барышней скромны, а с горнишной повесы?

Молчалин

Сегодня болен я, обвязки не сниму;

Приди в обед, побудь со мною;

Я правду всю тебе открою.

(Уходит в боковую дверь.)

Явление 13

София, Лиза.

София

Была у батюшки, там нету никого.

Сегодня я больна, и не пойду обедать,

Скажи Молчалину, и позови его,

Чтоб он пришёл меня проведать.

(Уходит к себе.)

Явление 14

Лиза

Ну! люди в здешней стороне!

Она к нему, а он ко мне,

А я… одна лишь я любви до смерти трушу. —

А как не полюбить буфетчика Петрушу!

Конец II действия

Действие III
Явление 1

Чацкий, потом *София.*

Чацкий

Дождусь её и вынужу признанье:
Кто наконец ей мил? Молчалин! Скалозуб!
Молчалин прежде был так глуп!..
Жалчайшее созданье!
Уж разве поумнел?.. А тот —
Хрипун, удавленник, фагот[92],
Созвездие манёвров и мазурки!
Судьба любви – играть ей в жмурки,
А мне…

(Входит София.)

Вы здесь? я очень рад,
Я этого желал.

---

[92] Примечания: 92

Хрипун, удавленник, фагот… — Хрипунами во времена Грибоедова называли армейских офицеров, из щегольства говоривших хриплым басом, отсюда сравнение с фаготом.

София
(про себя)

И очень невпопад.

Чацкий

Конечно, не меня искали?

София

Я не искала вас.

Чацкий

Дознаться мне нельзя ли,
Хоть и некстати, нужды нет:
Кого вы любите?

София

Ах! боже мой! весь свет.

Чацкий

Кто более вам мил?

София

Есть многие, родные.

Чацкий

Всё более меня?

София

Иные.

Чацкий

И я чего хочу, когда всё решено?
Мне в петлю лезть, а ей смешно.

София

Хотите ли знать истины два слова?
Малейшая в ком странность чуть видна,
Весёлость ваша не скромна,
У вас тотчас уж острота готова,
А сами вы…

Чацкий

Я сам? не правда ли, смешон?

София

Да! грозный взгляд, и резкий тон,
И этих в вас особенностей бездна;
А над собой гроза куда не бесполезна.

Чацкий

Я странен, а не странен кто ж?
Тот, кто на всех глупцов похож;

Молчалин, например…

София

Примеры мне не новы;

Заметно, что вы жёлчь на всех излить готовы;

А я, чтоб не мешать, отсюда уклонюсь.

Чацкий

(держит её)

Постойте же.

(В сторону.)

Раз в жизни притворюсь.

(Громко.)

Оставимте мы эти пренья,

Перед Молчалиным не прав я, виноват;

Быть может, он не то, что три года назад:

Есть на земле такие превращенья

Правлений, климатов, и нравов, и умов;

Есть люди важные, слыли за дураков:

Иной по армии, иной плохим поэтом,

Иной… Боюсь назвать, но признаны всем светом,

Особенно в последние года,

Что стали умны хоть куда.

Пускай в Молчалине ум бойкий, гений смелый,

Но есть ли в нём та страсть? то чувство? пылкость та?

Чтоб, кроме вас, ему мир целый

Казался прах и суета?

Чтоб сердца каждое биенье

Любовью ускорялось к вам?

Чтоб мыслям были всем, и всем его делам

Душою – вы, вам угожденье?..

Сам это чувствую, сказать я не могу,

Но что теперь во мне кипит, волнует, бесит,

Не пожелал бы я и личному врагу,

А он?.. смолчит и голову повесит.

Конечно, смирён, все такие не резвы;

Бог знает, в нём какая тайна скрыта;

Бог знает, за него что выдумали вы,

Чем голова его ввек не была набита.

Быть может, качеств ваших тьму,

Любуясь им, вы придали ему;

Не грешен он ни в чём, вы во сто раз грешнее.

Нет! нет! пускай умён, час от часу умнее,

Но вас он стоит ли? вот вам один вопрос.

Чтоб равнодушнее мне понести утрату,

Как человеку вы, который с вами взрос,

Как другу вашему, как брату,

Мне дайте убедиться в том;

Потом

От сумасшествия могу я остеречься;

Пущусь подалее – простыть, охолодеть,

Не думать о любви, но буду я уметь

Теряться по свету, забыться и развлечься.

София
(про себя)

Вот нехотя с ума свела!

(Вслух.)

Что притворяться?

Молчалин давиче мог без руки остаться,

Я живо в нём участье приняла;

А вы, случась на эту пору,

Не позаботились расчесть,

Что можно доброй быть ко всем и без разбору;

Но, может, истина в догадках ваших есть,

И горячо его беру я под защиту;

Зачем же быть, скажу вам напрямик,

Так невоздержну на язык?

В презреньи к людям так нескрыту?

Что и смирнейшему пощады нет!.. чего?

Случись кому назвать его:

Град колкостей и шуток ваших грянет.

Шутить! и век шутить! как вас на это станет! —

Чацкий

Ах! боже мой! неужли я из тех,
Которым цель всей жизни – смех?
Мне весело, когда смешных встречаю,
А чаще с ними я скучаю.

София

Напрасно: это всё относится к другим,
Молчалин вам наскучил бы едва ли,
Когда б сошлись короче с ним.

Чацкий
(с жаром)

Зачем же вы его так коротко узнали?

София

Я не старалась, бог нас свёл.
Смотрите, дружбу всех он в доме приобрёл:
При батюшке три года служит,
Тот часто без толку сердит,
А он безмолвием его обезоружит,
От доброты души простит.
И, между прочим,

Весёлостей искать бы мог;

Ничуть: от старичков не ступит за порог;

Мы резвимся, хохочем,

Он с ними целый день засядет, рад не рад,

Играет…

Чацкий

Целый день играет!

Молчит, когда его бранят!

(В сторону.)

Она его не уважает.

София

Конечно, нет в нём этого ума,

Что гений для иных, а для иных чума,

Который скор, блестящ и скоро опротивит,

Который свет ругает наповал,

Чтоб свет об нём хоть что-нибудь сказал;

Да эдакий ли ум семейство осчастливит?

Чацкий

Сатира и мораль – смысл этого всего?

(В сторону.)

Она не ставит в грош его.

София

Чудеснейшего свойства
Он наконец: уступчив, скромен, тих,
В лице ни тени беспокойства
И на душе проступков никаких,
Чужих и вкривь и вкось не рубит, —
Вот я за что его люблю.

Чацкий
(в сторону)

Шалит, она его не любит.

(Вслух.)

Докончить я вам пособлю
Молчалина изображенье.
Но Скалозуб? вот загляденье:
За армию стоит горой,
И прямизною стана,
Лицом и голосом герой…

София

Не моего романа.

Чацкий

Не вашего? Кто разгадает вас?

Явление 2

Чацкий, София, Лиза.
Лиза
(шёпотом)

Сударыня, за мной, сейчас
К вам Алексей Степаныч будет.

София

Простите, надобно идти мне поскорей.

Чацкий

Куда?

София

К прихмахеру.

Чацкий

Бог с ним.

София

Щипцы простудит.

Чацкий

Пускай себе…

София

Нельзя, ждём на вечер гостей.

Чацкий

Бог с вами, остаюсь опять с моей загадкой.

Однако дайте мне зайти, хотя украдкой,

К вам в комнату на несколько минут;

Там стены, воздух – всё приятно!

Согреют, оживят, мне отдохнуть дадут

Воспоминания об том, что невозвратно!

Не засижусь, войду, всего минуты две,

Потом, подумайте, член Английского клуба,

Я там дни целые пожертвую молве

Про ум Молчалина, про душу Скалозу-

ба.

(София пожимает плечами, уходит к себе и запирается, за нею и Лиза.)

Явление 3

Чацкий, потом *Молчалин.*

Чацкий

Ах! Софья! Неужли Молчалин избран ей!

А чем не муж? Ума в нём только мало;

Но чтоб иметь детей,

Кому ума недоставало?

Услужлив, скромненький, в лице румянец есть.

(Входит Молчалин.)

Вон он на цыпочках, и не богат словами;

Какою ворожбой умел к ней в сердце влезть!

(Обращается к нему.)

Нам, Алексей Степаныч, с вами
Не удалось сказать двух слов.
Ну, образ жизни ваш каков?
Без горя нынче? без печали?

Молчалин

По-прежнему-с.

Чацкий

А прежде как живали?

Молчалин

День за день, нынче, как вчера.

Чацкий

К перу от карт? и к картам от пера?
И положённый час приливам и отливам?

Молчалин

По мере я трудов и сил,
С тех пор, как числюсь по Архивам,
Три награжденья получил.

Чацкий

Взманили почести и знатность?

Молчалин

Нет-с, свой талант у всех…

Чацкий

У вас?

Молчалин

Два-с:
Умеренность и аккуратность.

Чацкий

Чудеснейшие два! и стоят наших всех.

Молчалин

Вам не дались чины, по службе неуспех?

Чацкий

Чины людьми даются,
А люди могут обмануться.

Молчалин

Как удивлялись мы!

Чацкий

Какое ж диво тут?

Молчалин

Жалели вас.

Чацкий

Напрасный труд.

Молчалин

Татьяна Юрьевна рассказывала что-то,
Из Петербурга воротясь,
С министрами про вашу связь,
Потом разрыв…

Чацкий

Ей почему забота?

Молчалин

Татьяне Юрьевне!

Чацкий

Я с нею не знаком.

Молчалин

С Татьяной Юрьевной!!

Чацкий

С ней век мы не встречались;
Слыхал, что вздорная.

Молчалин

Да это, полно, та ли-с?

Татьяна Юрьевна!!! Известная, – притом

Чиновные и должностные —

Все ей друзья и все родные;

К Татьяне Юрьевне хоть раз бы съездить вам.

Чацкий

На что же?

Молчалин

Так: частенько там

Мы покровительство находим, где не метим.

Чацкий

Я езжу к женщинам, да только не за этим.

Молчалин

Как обходительна! добра! мила! проста!

Балы даёт нельзя богаче.

От рождества и до поста,

И летом праздники на даче.

Ну, право, что бы вам в Москве у нас служить?

И награжденья брать и весело пожить?

Чацкий

Когда в делах – я от веселий прячусь,

Когда дурачиться – дурачусь;

А смешивать два эти ремесла

Есть тьма искусников, я не из их числа.

Молчалин

Простите, впрочем тут не вижу преступленья;

Вот сам Фома Фомич, знаком он вам?

Чацкий

Ну что ж?

Молчалин

При трёх министрах был начальник отделенья,

Переведён сюда.

Чацкий

Хорош!

Пустейший человек, из самых бестолковых.

Молчалин

Как можно! слог его здесь ставят в образец,

Читали вы?

Чацкий

Я глупостей не чтец,

А пуще образцовых.

Молчалин

Нет, мне так довелось с приятностью прочесть,

Не сочинитель я…

Чацкий

И по всему заметно.

Молчалин

Не смею моего сужденья произнесть.

Чацкий

Зачем же так секретно?

Молчалин

В мои лета не должно сметь
Своё суждение иметь.

Чацкий

Помилуйте, мы с вами не ребяты,
Зачем же мнения чужие только святы?

Молчалин

Ведь надобно ж зависеть от других.

Чацкий

Зачем же надобно?

Молчалин

В чинах мы небольших.

Чацкий
(почти громко)

С такими чувствами! с такой душою
Любим!.. Обманщица смеялась надо мною!

Явление 4

Вечер. Все двери настежь, кроме в спальню к Софии. В перспективе раскрывается ряд освещённых комнат. Слуги суетятся; один из них, главный, говорит:

Эй! Филька, Фомка, ну, ловчей!
Столы для карт, мел, щёток и свечей!

(Стучится к Софии в дверь.)

Скажите барышне скорее, Лизавета:
Наталья Дмитревна, и с мужем, и к крыльцу
Ещё подъехала карета.

(Расходятся, остаётся один Чацкий.)

Явление 5

Чацкий, Наталья Дмитриевна (молодая дама).

Наталья Дмитриевна

Не ошибаюсь ли!.. он точно, по лицу…
Ах! Александр Андреич, вы ли?

Чацкий

С сомненьем смотрите от ног до головы,

Неужли так меня три года изменили?

Наталья Дмитриевна

Я полагала вас далёко от Москвы.

Давно ли?

Чацкий

Нынче лишь…

Наталья Дмитриевна

Надолго?

Чацкий

Как случится.

Однако кто, смотря на вас, не подивится?

Полнее прежнего, похорошели страх;

Моложе вы, свежее стали:

Огонь, румянец, смех, игра во всех чертах.

Наталья Дмитриевна

Я замужем.

Чацкий

Давно бы вы сказали!

Наталья Дмитриевна

Мой муж – прелестный муж, вот он сейчас войдёт.

Я познакомлю вас, хотите?

Чацкий

Прошу.

Наталья Дмитриевна

И знаю наперёд,

Что вам понравится. Взгляните и судите!

Чацкий

Я верю, он вам муж.

Наталья Дмитриевна

О нет-с, не потому;

Сам по себе, по нраву, по уму.

Платон Михайлыч мой единственный, бесценный!

Теперь в отставке, был военный;

И утверждают все, кто только прежде

знал,

Что с храбростью его, с талантом,

Когда бы службу продолжал,

Конечно был бы он московским комендантом.

Явление 6

Чацкий, Наталья Дмитриевна, Платон Михайлович.

Наталья Дмитриевна

Вот мой Платон Михайлыч.

Чацкий

Ба!

Друг старый, мы давно знакомы, вот судьба!

Платон Михайлович

Здорово, Чацкий, брат!

Чацкий

Платон любезный, славно.

Похвальный лист тебе: ведёшь себя исправно.

Платон Михайлович

Как видишь, брат:

Московский житель и женат.

Чацкий

Забыт шум лагерный, товарищи и братья?

Спокоен и ленив?

Платон Михайлович

Нет, есть-таки занятья:

На флейте я твержу дуэт

А-мольный…

Чацкий

Что твердил назад тому пять лет?

Ну, постоянный вкус в мужьях всего дороже!

Платон Михайлович

Брат, женишься, тогда меня вспомянь!

От скуки будешь ты свистеть одно и то же.

Чацкий

От скуки! как? уж ты ей платишь

дань?

Наталья Дмитриевна

Платон Михайлыч мой к занятьям склонен разным,

Которых нет теперь – к ученьям и смотрам,

К манежу… иногда скучает по утрам.

Чацкий

А кто, любезный друг, велит тебе быть праздным?

В полк, эскадрон дадут. Ты обер или штаб[93]*?*

Наталья Дмитриевна

Платон Михайлыч мой здоровьем очень слаб.

Чацкий

Здоровьем слаб! Давно ли?

Наталья Дмитриевна

Всё рюматизм и головные боли.

---

[93] Примечания: 93

Ты обер или штаб? — Обер-офицеры — младшая группа офицеров — до капитана, штаб-офицеры — от майора до полковника.

Чацкий

Движенья более. В деревню, в тёплый край.

Будь чаще на коне. Деревня летом – рай.

Наталья Дмитриевна

Платон Михайлыч город любит,

Москву; за что в глуши он дни свои погубит!

Чацкий

Москву и город… Ты чудак!

А помнишь прежнее?

Платон Михайлович

Да, брат, теперь не так…

Наталья Дмитриевна

Ох! мой дружочек!

Здесь так свежо, что мочи нет,

Ты распахнулся весь, и расстегнул жилет.

Платон Михайлович

Теперь, брат, я не тот…

Наталья Дмитриевна

Послушайся разочек,
Мой милый, застегнись скорей.

Платон Михайлович
(хладнокровно)

Сейчас.

Наталья Дмитриевна

Да отойди подальше от дверей,
Сквозной там ветер дует сзади!

Платон Михайлович

Теперь, брат, я не тот…

Наталья Дмитриевна

Мой ангел, ради бога
От двери дальше отойди.

Платон Михайлович
(глаза к небу)

Ах! матушка!

Чацкий

Ну, бог тебя суди;
Уж точно стал не тот в короткое ты

время;

Не в прошлом ли году, в конце,

В полку тебя я знал? лишь утро: ногу в стремя

И носишься на борзом жеребце;

Осенний ветер дуй, хоть спереди, хоть с тыла.

Платон Михайлович
(со вздохом)

Эх! братец! славное тогда житьё-то было.

Явление 7

Те же, Князь Тугоуховский и *Княгиня с шестью дочерьми.*

Наталья Дмитриевна
(тоненьким голоском)

Князь Пётр Ильич, княгиня, боже мой!

Княжна Зизи! Мими!

(Громкие лобызания, потом усаживаются и осматривают одна другую с головы до ног.)

1-я княжна

Какой фасон прекрасный!

2-я княжна

Какие складочки!

1-я княжна

Обшито бахромой.

Наталья Дмитриевна

Нет, если б видели, мой тюрлюрлю[94] *атласный!*

3-я княжна

Какой эшарп[95] *cousin*[96] *мне подарил!*

4-я княжна

Ах! да, барежевый[97]*!*

5-я княжна

Ах! прелесть!

---

[94] Примечания: 94
Тюрлюрлю — накидка.

[95] Примечания: 95
Эшарп — шарф.

[96] Примечания: 96
Кузен, двоюродный брат (франц.).

[97] Примечания: 97
Барежевый — из лёгкой шерстяной ткани.

6-я княжна

Ах! как мил!

Княгиня

Сс! – Кто это в углу, взошли мы, поклонился?

Наталья Дмитриевна

Приезжий, Чацкий.

Княгиня

От-став-ной?

Наталья Дмитриевна

Да, путешествовал, недавно воротился.

Княгиня

И хо-ло-стой?

Наталья Дмитриевна

Да, не женат.

Княгиня

Князь, князь, сюда. – Живее.

Князь
(к ней оборачивает слуховую трубку)

О-хм!

Княгиня

К нам на вечер, в четверг, проси скорее
Натальи Дмитревны знакомого: вон он!

Князь

И-хм!

(Отправляется, вьётся около Чацкого и покашливает)

Княгиня

Вот то-то детки:
Им бал, а батюшка таскайся на поклон;
Танцовщики ужасно стали редки!..
Он камер-юнкер?

Наталья Дмитриевна

Нет.

Княгиня

Бо-гат?

Наталья Дмитриевна

О! нет!

Княгиня
(громко, что есть мочи)

Князь, князь! Назад!

Явление 8

Те же и *Графини Хрюмины:* бабушка и внучка.
Графиня-внучка

Ах! grand'maman[98]*! Ну кто так рано приезжает!*

Мы первые!

(Пропадает в боковую комнату.)
Княгиня

Вот нас честит!

Вот первая, и нас за никого считает!

Зла, в девках целый век, уж бог её простит.

Графиня-внучка
(вернувшись, направляет на Чацкого двойной лорнет)

Мсьё Чацкий! вы в Москве! как были, все

---

[98] Примечания: 98
Бабушка (франц.).

такие?

Чацкий

На что меняться мне?

Графиня-внучка

Вернулись холостые?

Чацкий

На ком жениться мне?

Графиня-внучка

В чужих краях на ком?
О! наших тьма без дальних справок
Там женятся, и нас дарят родством
С искусницами модных лавок.

Чацкий

Несчастные! должны ль упрёки несть
От подражательниц модисткам?
За то, что смели предпочесть
Оригиналы спискам?

Явление 9

Те же и множество других гостей. Между прочим, *Загорецкий. Мужчины* являются, шаркают, отходят в сторону, кочуют из комнаты в комнату и проч. *София* от себя выходит, все к ней навстречу.

Графиня-внучка

Eh! bon soir! vous voila! Jamais trop diligente,

Vous nous donnez toujours le plaisir de l'attente[99].

Загорецкий
(Софье)

На завтрашний спектакль имеете билет?

София

Нет.

Загорецкий

---

[99] Примечания: 99

А! Добрый вечер! Наконец-то и вы! Вы не торопитесь, и мы всегда вас с удовольствием поджидаем. (франц.).

Позвольте вам вручить, напрасно бы кто взялся
Другой вам услужить, зато
Куда я ни кидался!
В контору – всё взято,
К директору – он мне приятель, —
С зарёй в шестом часу, и кстати ль!
Уж с вечера никто достать не мог;
К тому, к сему, всех сбил я с ног;
И этот наконец похитил уже силой
У одного, старик он хилый,
Мне друг, известный домосед;
Пусть дома просидит в покое.

София

Благодарю вас за билет,
А за старанье вдвое.

(Являются ещё кое-какие, тем временем Загорецкий отходит к мужчинам.)

Загорецкий

Платон Михайлыч…

Платон Михайлович

Прочь!

Поди ты к женщинам, лги им, и их морочь;

Я правду об тебе порасскажу такую,

Что хуже всякой лжи. Вот, брат,

(Чацкому)

рекомендую!

Как эдаких людей учтивее зовут?

Нежнее? – человек он светский,

Отъявленный мошенник, плут:

Антон Антоныч Загорецкий.

При нём остерегись: переносить горазд,

И в карты не садись: продаст.

Загорецкий

Оригинал! брюзглив, а без малейшей злобы.

Чацкий

И оскорбляться вам смешно бы;

Окроме честности, есть множество отрад:

Ругают здесь, а там благодарят.

Платон Михайлович

Ох, нет, братец, у нас ругают
Везде, а всюду принимают.

(Загорецкий мешается в толпу.)

Явление 10

Те же и *Хлёстова.*

Хлёстова

Легко ли в шестьдесят пять лет
Тащиться мне к тебе, племянница?.. – Мученье!
Час битый ехала с Покровки, силы нет;
Ночь – светопреставленье!
От скуки я взяла с собой
Арапку-девку да собачку;
Вели их накормить, ужо, дружочек мой;
От ужина сошли подачку. —
Княгиня, здравствуйте!

(Села.)

Ну, Софьюшка, мой друг,

Какая у меня арапка для услуг:
Курчавая! горбом лопатки!
Сердитая! всё кошачьи ухватки!
Да как черна! да как страшна!
Ведь создал же господь такое племя!
Чёрт сущий; в девичьей она;
Позвать ли?

София

Нет-с, в другое время.

Хлёстова

Представь: их, как зверей, выводят напоказ…
Я слышала, там… город есть турецкий…
А знаешь ли, кто мне припас?
Антон Антоныч Загорецкий.

(Загорецкий выставляется вперёд.)

Лгунишка он, картёжник, вор.

(Загорецкий исчезает.)

Я от него было и двери на запор;
Да мастер услужить: мне и сестре

Прасковье

Двоих арапченков на ярмарке достал;

Купил, он говорит, чай в карты сплутовал;

А мне подарочек, дай бог ему здоровье!

Чацкий

(с хохотом Платону Михайловичу)

Не поздоровится от эдаких похвал,

И Загорецкий сам не выдержал, пропал.

Хлёстова

Кто этот весельчак? Из звания какого?

София

Вон этот? Чацкий.

Хлёстова

Ну? а что нашёл смешного?

Чему он рад? Какой тут смех?

Над старостью смеяться грех.

Я помню, ты дитей с ним часто танцевала,

Я за уши его дирала, только мало.

Явление 11

Те же и *Фамусов.*

Фамусов

(громогласно)

Ждём князя Петра Ильича,

А князь уж здесь! А я забился там, в портретной.

Где Скалозуб Сергей Сергеич? а?

Нет, кажется, что нет. – Он человек заметный —

Сергей Сергеич Скалозуб.

Хлёстова

Творец мой! оглушил, звончее всяких труб.

Явление 12

Те же и Скалозуб, потом *Молчалин.*

Фамусов

Сергей Сергеич, запоздали;

А мы вас ждали, ждали, ждали.

(Подводит к Хлёстовой.)

Моя невестушка, которой уж давно
Об вас говорено.

Хлёстова
(сидя)

Вы прежде были здесь… в полку… в том…
в гренадерском?

Скалозуб
(басом)

В его высочества, хотите вы сказать,
Ново-землянском мушкетёрском.

Хлёстова

Не мастерица я полки-та различать.

Скалозуб

А форменные есть отлички:
В мундирах выпушки, погончики, петлички.

Фамусов

Пойдёмте, батюшка, там вас я насмешу;

Курьёзный вист у нас. За нами, князь! прошу.

(Его и князя уводит с собою.)

Хлёстова

(Софии)

Ух! я точнёхонько избавилась от петли;

Ведь полоумный твой отец:

Дался ему трёх сажень удалец, —

Знакомит, не спросясь, приятно ли нам, нет ли?

Молчалин

(подаёт ей карту)

Я вашу партию составил: мосье Кок,

Фома Фомич и я.

Хлёстова

Спасибо, мой дружок.

(Встаёт.)

Молчалин

Ваш шпиц – прелестный шпиц, не более напёрстка;

Я гладил всё его: как шёлковая шёрст-

ка!

Хлёстова

Спасибо, мой родной.

(Уходит, за ней Молчалин и многие другие.)

Явление 13

Чацкий, София и несколько посторонних, которые в продолжении расходятся.

Чацкий

Ну! тучу разогнал…

София

Нельзя ль не продолжать?

Чацкий

Чем вас я напугал?

За то, что он смягчил разгневанную гостью,

Хотел я похвалить.

София

А кончили бы злостью.

Чацкий

Сказать вам, что я думал? Вот:

Старушки все – народ сердитый;

Не худо, чтоб при них услужник знаменитый

Тут был, как громовой отвод.

Молчалин! – Кто другой так мирно всё уладит!

Там моську вовремя погладит,

Тут в пору карточку вотрёт,

В нём Загорецкий не умрёт!

Вы давиче его мне исчисляли свойства,

Но многие забыли? – да?

(Уходит.)

Явление 14

София, потом *Г. N.*

София

(про себя)

Ах! этот человек всегда

Причиной мне ужасного расстройства!

Унизить рад, кольнуть; завистлив, горд и зол!

Г. N.
(подходит)

Вы в размышленьи.

София

Об Чацком.

Г. N.

Как его нашли, по возвращеньи?

София

Он не в своём уме.

Г. N.

Ужли с ума сошёл?

София
(помолчавши)

Не то чтобы совсем…

Г. N.

Однако есть приметы?

София
(смотрит на него пристально)

Мне кажется.

Г. N.

Как можно, в эти леты!

София

Как быть!

(В сторону.)

Готов он верить!

А, Чацкий, любите вы всех в шуты рядить,

Угодно ль на себе примерить?

(Уходит.)

Явление 15

Г. N., потом *Г. D.*

Г. N.

С ума сошёл!.. Ей кажется, вот на!

Недаром? Стало быть… с чего б взяла она!

Ты слышал?

Г. D.

Что?

Г. N.

Об Чацком?

Г. D.

Что такое?

Г. N.

С ума сошёл!

Г. D.

Пустое.

Г. N.

Не я сказал, другие говорят.

Г. D.

А ты расславить это рад?

Г. N.

Пойду, осведомлюсь; чай, кто-нибудь да знает.

(Уходит.)

Явление 16

Г. D., потом *Загорецкий.*

Г. D.

Верь болтуну!

Услышит вздор, и тотчас повторяет!

Ты знаешь ли об Чацком?

Загорецкий

Ну?

Г. D.

С ума сошёл!

Загорецкий

А, знаю, помню, слышал.

Как мне не знать? Примерный случай вышел;

Его в безумные упрятал дядя плут…

Схватили в жёлтый дом, и на цепь посадили.

Г. D.

Помилуй, он сейчас здесь в комнате был, тут.

Загорецкий

Так с цепи, стало быть, спустили.

Г. D.

Ну, милый друг, с тобой не надобно газет,

Пойду-ка я, расправлю крылья,

У всех повыспрошу; однако чур! секрет.

Явление 17

Загорецкий, потом *Графиня-внучка.*

Загорецкий

Который Чацкий тут? – Известная фамилья.

С каким-то Чацким я когда-то был знаком.

Вы слышали об нём?

Графиня-внучка

Об ком?

Загорецкий

Об Чацком, он сейчас здесь в комнате был.

Графиня-внучка

Знаю.

Я говорила с ним.

Загорецкий

Так я вас поздравляю:
Он сумасшедший…

Графиня-внучка

Что?

Загорецкий

Да, он сошёл с ума!

Графиня-внучка

Представьте, я заметила сама;
И хоть пари держать, со мной в одно вы слово.

Явление 18

Те же и *Графиня-бабушка.*

Графиня-внучка

Ah! grand'maman, вот чудеса! вот ново!
Вы не слыхали здешних бед?
Послушайте. Вот прелести! вот мило!..

Графиня-бабушка

Мой труг, мне уши залошило;
Скаши покромче…

Графиня-внучка

Время нет!
Il vous dira toute l'histoire[100]*…*
Пойду спрошу…

(Уходит.)

Явление 19

Загорецкий, Графиня-бабушка.

Графиня-бабушка

Что? что? уж нет ли здесь пошара?

Загорецкий

Нет, Чацкий произвёл всю эту кутерьму.

Графиня-бабушка

Как, Чацкого? Кто свёл в тюрьму?

Загорецкий

---

[100] Примечания: 100
Он вам расскажет всю историю подробно (франц.).

В горах изранен в лоб, сошёл с ума от раны.

Графиня-бабушка

Что? к фармазонам в клоб? Пошёл он в пусурманы!

Загорецкий

Её не вразумишь.

(Уходит.)

Графиня-бабушка

Антон Антоныч! Ах!

И он пешит, всё в страхе, впопыхах.

Явление 20

Графиня-бабушка и *Князь Тугоуховский.*

Графиня-бабушка

Князь, князь! ох, этот князь, по палам, сам чуть тышит!

Князь, слышали? —

Князь

Э-хм?

Графиня-бабушка

Он ничего не слышит!

Хоть мошет, видели, здесь полицмей-стер пыл?

Князь

Э-хм?

Графиня-бабушка

В тюрьму-та, князь, кто Чацкого схва-тил?

Князь

И-хм?

Графиня-бабушка

Тесак ему да ранец,

В солматы! Шутка ли! переменил за-кон!

Князь

У-хм?

Графиня-бабушка

Да!.. в пусурманах он!

Ах! окаянный волтерьянец!

Что? а? глух, мой отец; достаньте свой рожок.

Ох! глухота большой порок.

Явление 21

Те же и *Хлёстова, София, Молчалин, Платон Михайлович, Наталья Дмитриевна, Графиня-внучка, Княгиня с дочерьми, Загорецкий, Скалозуб,* потом *Фамусов* и *многие другие.*

Хлёстова

С ума сошёл! прошу покорно!

Да невзначай! да как проворно!

Ты, Софья, слышала?

Платон Михайлович

Кто первый разгласил?

Наталья Дмитриевна

Ах, друг мой, все!

Платон Михайлович

Ну все, так верить поневоле,

А мне сомнительно.

Фамусов

(входя)

О чём? о Чацком, что ли?

Чего сомнительно? Я первый, я открыл!

Давно дивлюсь я, как никто его не свяжет!

Попробуй о властях – и нивесть что наскажет!

Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцом,

Хоть пред монаршим лицом,

Так назовёт он подлецом!..

Хлёстова

Туда же из смешливых;

Сказала что-то я – он начал хохотать.

Молчалин

Мне отсоветовал в Москве служить в Архивах.

Графиня-внучка

Меня модисткою изволил величать!

Наталья Дмитриевна

А мужу моему совет дал жить в деревне.

Загорецкий

Безумный по всему.

Графиня-внучка

Я видела из глаз.

Фамусов

По матери пошёл, по Анне Алексевне;
Покойница с ума сходила восемь раз.

Хлёстова

На свете дивные бывают приключенья!
В его лета с ума спрыгнул!
Чай, пил не по летам.

Княгиня

О! верно…

Графиня-внучка

Без сомненья.

Хлёстова

Шампанское стаканами тянул.

Наталья Дмитриевна

Бутылками-с, и пребольшими.

Загорецкий
(с жаром)

Нет-с, бочками сороковыми.

Фамусов

Ну вот! великая беда,
Что выпьет лишнее мужчина!
Ученье – вот чума, учёность – вот причина,
Что нынче, пуще, чем когда,
Безумных развелось людей, и дел, и мнений.

Хлёстова

И впрямь с ума сойдёшь от этих, от одних
От пансионов, школ, лицеев, как бишь их,
Да от ланкартачных взаимных обуче-

ний[101].

Княгиня

Нет, в Петербурге институт

Пе-да-го-гический, так, кажется, зовут:

Там упражняются в расколах и в безверьи,

Профессоры!! – у них учился наш родня,

И вышел! хоть сейчас в аптеку, в подмастерьи.

От женщин бегает, и даже от меня!

Чинов не хочет знать! Он химик, он ботаник,

Князь Фёдор, мой племянник.

Скалозуб

---

[101] Примечания: 101

Да от ланкартачных взаимных обучений… — Ланкартачный — искажённое слово «ланкастерский». Система английского педагога Ланкастера (1771–1838) состояла в том, что более сильные ученики обучали слабейших, помогая учителю. В России этой системой увлекались поборники народного просвещения, передовые офицеры при обучении солдат в армии, в частности, декабристы. В правительственных кругах к ланкастерским школам относились подозрительно, как к рассаднику вольномыслия. Такою же репутацией пользовались пансионы (Благородный пансион при Московском Университете), лицей (Царскосельский лицей) и Педагогический институт (Петербургский педагогический институт).

Я вас обрадую: всеобщая молва,

Что есть проект насчёт лицеев, школ, гимназий;

Там будут лишь учить по нашему: раз, два;

А книги сохранят так: для больших оказий.

Фамусов

Сергей Сергеич, нет! Уж коли зло пресечь:

Забрать все книги бы, да сжечь.

Загорецкий
(с кротостию)

Нет-с, книги книгам рознь. А если б, между нами,

Был цензором назначен я,

На басни бы налёг; ох! басни – смерть моя!

Насмешки вечные над львами! над орлами!

Кто что ни говори:

Хотя животные, а всё-таки цари.

Хлёстова

Отцы мои, уж кто в уме расстроен,
Так всё равно, от книг ли, от питья ль;
А Чацкого мне жаль.
По-христиански так; он жалости достоин,
Был острый человек, имел душ сотни три.

Фамусов

Четыре.

Хлёстова

Три, сударь.

Фамусов

Четыреста.

Хлёстова

Нет! триста.

Фамусов

В моём календаре…

Хлёстова

Всё врут календари.

Фамусов

Как раз четыреста, ох! спорить голосиста!

Хлёстова

Нет! триста! – уж чужих имений мне не знать!

Фамусов

Четыреста, прошу понять.

Хлёстова

Нет! триста, триста, триста.

Явление 22

Те же все и *Чацкий.*

Наталья Дмитриевна

Вот он.

Графиня-внучка

Ш-ш!

Все

Ш-ш!

(Пятятся от него в противную сторону.)

Хлёстова

Ну как с безумных глаз

Затеет драться он, потребует к разделке!

Фамусов

О господи! помилуй грешных нас!

(Опасливо.)

Любезнейший! Ты не в своей тарелке.

С дороги нужен сон. Дай пульс. Ты нездоров.

Чацкий

Да, мочи нет: мильон терзаний

Груди от дружеских тисков,

Ногам от шарканья, ушам от восклицаний,

А пуще голове от всяких пустяков.

(Подходит к Софье.)

Душа здесь у меня каким-то горем сжата,

И в многолюдстве я потерян, сам не свой.

Нет! недоволен я Москвой.

Хлёстова

Москва, вишь, виновата.

Фамусов

Подальше от него.

(Делает знаки Софии.)

Гм, Софья! – Не глядит!

София
(Чацкому)

Скажите, что вас так гневит?

Чацкий

В той комнате незначащая встреча:
Французик из Бордо, надсаживая грудь,
Собрал вокруг себя род веча
И сказывал, как снаряжался в путь
В Россию, к варварам, со страхом и слезами;
Приехал – и нашёл, что ласкам нет конца;
Ни звука русского, ни русского лица
Не встретил: будто бы в отечестве, с

друзьями;

Своя провинция. Посмотришь, вечерком

Он чувствует себя здесь маленьким царьком;

Такой же толк у дам, такие же наряды…

Он рад, но мы не рады.

Умолк, и тут со всех сторон

Тоска, и оханье, и стон.

Ах! Франция! Нет в мире лучше края! —

Решили две княжны, сестрицы, повторяя

Урок, который им из детства натвержен.

Куда деваться от княжен!

Я одаль воссылал желанья

Смиренные, однако вслух,

Чтоб истребил господь нечистый этот дух

Пустого, рабского, слепого подражанья;

Чтоб искру заронил он в ком-нибудь с

душой,

Кто мог бы словом и примером

Нас удержать, как крепкою возжой,

От жалкой тошноты по стороне чужой.

Пускай меня отъявят старовером,

Но хуже для меня наш Север во сто крат

С тех пор, как отдал всё в обмен на новый лад —

И нравы, и язык, и старину святую,

И величавую одежду на другую

По шутовскому образцу:

Хвост сзади, спереди какой-то чудный выем,

Рассудку вопреки, наперекор стихиям;

Движенья связаны, и не краса лицу;

Смешные, бритые, седые подбородки!

Как платья, волосы, так и умы коротки!..

Ах! если рождены мы всё перенимать,

Хоть у китайцев бы нам несколько занять

Премудрого у них незнанья иноземцев.
Воскреснем ли когда от чужевластья мод?
Чтоб умный, бодрый наш народ
Хотя по языку нас не считал за немцев.
«Как европейское поставить в параллель
С национальным – странно что-то!
Ну как перевести мадам и мадмуазель?
Ужли сударыня!!» – забормотал мне кто-то…
Вообразите, тут у всех
На мой же счёт поднялся смех.
«Сударыня! ха! ха! ха! ха! прекрасно!
Сударыня! ха! ха! ха! ха! ужасно!!» —
Я, рассердясь и жизнь кляня,
Готовил им ответ громовый;
Но все оставили меня. —
Вот случай вам со мною, он не новый;
Москва и Петербург – во всей России то,
Что человек из города Бордо,
Лишь рот открыл, имеет счастье

Во всех княжен вселять участье;

И в Петербурге и в Москве,

Кто недруг выписных лиц, вычур, слов кудрявых,

В чьей, по несчастью, голове

Пять, шесть найдётся мыслей здравых

И он осмелится их гласно объявлять, —

Глядь…

(Оглядывается, все в вальсе кружатся с величайшим усердием. Старики разбрелись к карточным столам.)

Конец III действия

Действие IV
Явление 1

У Фамусова в доме парадные сени; большая лестница из второго жилья, к которой примыкают многие побочные из антресолей; внизу справа (от действующих лиц) выход на крыльцо и швейцарская ложа; слева, на одном же плане, комната Молчалина. Ночь. Слабое освещение. Лакеи иные суетятся, иные спят в ожидании господ своих.

Графиня-бабушка, Графиня-внучка, впереди их *Лакей.*

Лакей

Графини Хрюминой карета!

Графиня-внучка
(покуда её укутывают)

Ну бал! Ну Фамусов! умел гостей назвать!

Какие-то уроды с того света,

И не с кем говорить, и не с кем танцевать.

Графиня-бабушка

Поетем, матушка, мне, прафо, не под силу,

Когда-нибудь я с пала та в могилу.

(Обе уезжают.)

Явление 2

Платон Михайлович и *Наталья Дмитриевна.* Один *Лакей* около их хлопочет, *другой* у подъезда кричит: Карета Горича!

Наталья Дмитриевна

Мой ангел, жизнь моя,

Бесценный, душечка, Попошь, что так уныло?

(Целует мужа в лоб.)

Признайся, весело у Фамусовых было.

Платон Михайлович

Наташа-матушка, дремлю на балах я,

До них смертельный неохотник,

А не противлюсь, твой работник,

Дежурю за полночь, подчас

Тебе в угодность, как ни грустно,

Пускаюсь по команде в пляс.

Наталья Дмитриевна

Ты притворяешься, и очень неискусно;
Охота смертная прослыть за старика.

(Уходит с лакеем.)

Платон Михайлович
(хладнокровно)

Бал вещь хорошая, неволя-то горька;
И кто жениться нас неволит!
Ведь сказано ж иному на роду…

Лакей
(с крыльца)

В карете барыня-с, и гневаться изволит.

Платон Михайлович
(со вздохом)

Иду, иду.

(Уезжает.)

Явление 3

Чацкий и *лакей* его впереди.

Чацкий

Кричи, чтобы скорее подавали.

(Лакей уходит.)

Ну вот и день прошёл, и с ним
Все призраки, весь чад и дым
Надежд, которые мне душу наполняли.
Чего я ждал? что думал здесь найти?
Где прелесть эта встреч? участье в ком живое?
Крик! радость! обнялись! – Пустое.
В повозке так-то на пути
Необозримою равниной, сидя праздно,
Всё что-то видно впереди
Светло, сине, разнообразно;
И едешь час, и два, день целый, вот резво
Домчались к отдыху; ночлег: куда ни взглянешь,

Всё та же гладь, и степь, и пусто, и мёртво…

Досадно, мочи нет, чем больше думать станешь.

(Лакей возвращается.)

Готово?

Лакей

Кучера-с нигде, вишь, не найдут.

Чацкий

Пошёл, ищи, не ночевать же тут.

(Лакей опять уходит.)

Явление 4

Чацкий, Репетилов (вбегает с крыльца, при самом входе падает со всех ног и поспешно оправляется).

Репетилов

Тьфу! оплошал. – Ах, мой создатель!

Дай протереть глаза; откудова? приятель!..

Сердечный друг! Любезный друг! Мон

cher[102]*!*

Вот фарсы мне как часто были петы,

Что пустомеля я, что глуп, что суе-
вер,

Что у меня на всё предчувствия, при-
меты;

Сейчас… растолковать прошу,

Как будто знал, сюда спешу,

Хвать, об порог задел ногою,

И растянулся во весь рост.

Пожалуй смейся надо мною,

Что Репетилов врёт, что Репетилов
прост,

А у меня к тебе влеченье, род недуга,

Любовь какая-то и страсть,

Готов я душу прозакласть,

Что в мире не найдёшь себе такого
друга,

Такого верного, ей-ей;

Пускай лишусь жены, детей,

Оставлен буду целым светом,

---

[102] Примечания: 102
Мой милый (франц.).

Пускай умру на месте этом,
И разразит меня господь…

Чацкий

Да полно вздор молоть.

Репетилов

Не любишь ты меня, естественное дело:
С другими я и так и сяк,
С тобою говорю несмело;
Я жалок, я смешон, я неуч, я дурак.

Чацкий

Вот странное уничиженье!

Репетилов

Ругай меня, я сам кляну своё рожденье,
Когда подумаю, как время убивал!
Скажи, который час?

Чацкий

Час ехать спать ложиться;
Коли явился ты на бал,
Так можешь воротиться.

Репетилов

Что бал? братец, где мы всю ночь до бела дня,

В приличьях скованы, не вырвемся из ига,

Читал ли ты? есть книга…

Чацкий

А ты читал? задача для меня,

Ты Репетилов ли?

Репетилов

Зови меня вандалом:

Я это имя заслужил.

Людьми пустыми дорожил!

Сам бредил целый век обедом или балом!

Об детях забывал! обманывал жену!

Играл! проигрывал! в опеку взят указом[103]*!*

Танцовщицу держал! и не одну:

Трёх разом!

---

[103] Примечания: 103

…в опеку взят указом! — то есть над имением Репетилова, по царскому указу, была учреждена опека (надзор).

Пил мёртвую! не спал ночей по девяти!
Всё отвергал: законы! совесть! веру!

Чацкий

Послушай! ври, да знай же меру;
Есть от чего в отчаянье прийти.

Репетилов

Поздравь меня, теперь с людьми я знаюсь
С умнейшими!! – всю ночь не рыщу напролёт.

Чацкий

Вот нынче например?

Репетилов

Что ночь одна, не в счёт,
Зато спроси, где был?

Чацкий

И сам я догадаюсь.
Чай, в клубе?

Репетилов

В Английском. Чтоб исповедь начать:

Из шумного я заседанья.

Пожало-ста молчи, я слово дал молчать;

У нас есть общество, и тайные собранья,

По четвергам. Секретнейший союз…

Чацкий

Ах! я, братец, боюсь.

Как? в клубе?

Репетилов

Именно.

Чацкий

Вот меры чрезвычайны,

Чтоб взашеи прогнать и вас и ваши тайны.

Репетилов

Напрасно страх тебя берёт:

Вслух, громко говорим, никто не разберёт.

Я сам, как схватятся о камерах, при-

сяжных[104],

О Бейроне, ну о матерьях важных.

Частенько слушаю, не разжимая губ;

Мне не под силу, брат, и чувствую, что глуп.

Ах! Alexandre! у нас тебя недоставало;

Послушай, миленький, потешь меня хоть мало;

Поедем-ка сейчас; мы, благо на ходу;

С какими я тебя сведу

Людьми!! Уж на меня нисколько не похожи.

Что за люди, mon cher! Сок умной молодёжи!

Чацкий

Бог с ними, и с тобой. Куда я поскачу?

Зачем? в глухую ночь? Домой, я спать хочу.

Репетилов

---

[104] Примечания: 104

…о камерах, присяжных… — Камеры — палаты народных депутатов в конституционных государствах. О палатах депутатов, как и о введении в России суда присяжных, много говорили тогда в русском обществе, особенно в среде декабристов.

Э! брось! кто нынче спит? Ну полно, без прелюдий,

Решись, а мы!.. у нас… решительные люди,

Горячих дюжина голов!

Кричим – подумаешь, что сотни голосов!..

Чацкий

Да из чего беснуетесь вы столько?

Репетилов

Шумим, братец, шумим.

Чацкий

Шумите вы? и только?

Репетилов

Не место объяснять теперь и недосуг;

Но государственное дело:

Оно, вот видишь, не созрело,

Нельзя же вдруг.

Что за люди! mon cher! Без дальних я историй

Скажу тебе: во-первый, князь Григо-

рий!!

Чудак единственный! нас со смеху морит!

Век с англичанами, вся английская складка,

И так же он сквозь зубы говорит,

И так же коротко обстрижен для порядка.

Ты не знаком? о! познакомься с ним.

Другой – Воркулов Евдоким;

Ты не слыхал, как он поёт? о! диво!

Послушай, милый, особливо

Есть у него любимое одно:

«А! нон лашьяр ми, но, но, но»[105].

Ещё у нас два брата:

Левон и Боринька, чудесные ребята!

Об них не знаешь что сказать;

Но если гения прикажете назвать:

Удушьев Ипполит Маркелыч!!!!

Ты сочинения его

---

[105] Примечания: 105

«А! нон лашьяр ми, но, но, но» («Ах! не оставь меня, нет, нет, нет») — популярная песенка из оперы итальянского композитора Галуппи (1706–1785) «Покинутая Дидона».

Читал ли что-нибудь? хоть мелочь?

Прочти, братец, да он не пишет ничего;

Вот эдаких людей бы сечь-то,

И приговаривать: писать, писать, писать;

В журналах можешь ты, однако, отыскать

Его отрывок, взгляд и нечто.

Об чём бишь нечто? – обо всём;

Всё знает, мы его на чёрный день пасём.

Но голова у нас, какой в России нету,

Не надо называть, узнаешь по портрету:

Ночной разбойник, дуэлист,

В Камчатку сослан был, вернулся алеутом,

И крепко на руку нечист;

Да умный человек не может быть не плутом.

Когда ж об честности высокой говорит,

Каким-то демоном внушаем:

Глаза в крови, лицо горит,

Сам плачет, и мы все рыдаем.

Вот люди, есть ли им подобные? Навряд…

Ну, между ими я, конечно, зауряд,

Немножко поотстал, ленив, подумать ужас!

Однако ж я, когда, умишком понатужась,

Засяду, часу не сижу,

И как-то невзначай, вдруг каламбур рожу,

Другие у меня мысль эту же подцепят,

И вшестером, глядь, водевильчик слепят,

Другие шестеро на музыку кладут,

Другие хлопают, когда его дают.

Брат, смейся, а что любо – любо:

Способностями бог меня не наградил,

Дал сердце доброе, вот чем я людям мил,

Совру – простят…

Лакей
(у подъезда)

Карета Скалозуба.

Репетилов

Чья?

Явление 5

Те же и Скалозуб (спускается с лестницы).
Репетилов
(к нему навстречу)

Ах! Скалозуб, душа моя,
Постой, куда же? сделай дружбу.

(Душит его в объятиях.)
Чацкий

Куда деваться мне от них!

(Входит в швейцарскую.)
Репетилов
(Скалозубу)

Слух об тебе давно затих;
Сказали, что ты в полк отправился на службу.

Знакомы вы?

(Ищет Чацкого глазами.)

Упрямец! ускакал!

Нет нужды, я тебя нечаянно сыскал,

И просим-ка со мной, сейчас без отговорок:

У князь-Григория теперь народу тьма,

Увидишь человек нас сорок,

Фу! сколько, братец, там ума!

Всю ночь толкуют, не наскучат,

Во-первых, напоят шампанским на убой,

А во-вторых, таким вещам научат,

Каких, конечно, нам не выдумать с тобой.

Скалозуб

Избавь. Учёностью меня не обморочишь,

Скликай других, а если хочешь,

Я князь-Григорию и вам

Фельдфебеля в Волтеры дам,

Он в три шеренги вас построит,

А пикните, так мигом успокоит.

Репетилов

Всё служба на уме! mon cher, гляди сюда:

И я в чины бы лез, да неудачи встретил,

Как, может быть, никто и никогда;

По статской я служил, тогда

Барон фон-Клоц в министры метил,

А я

К нему в зятья.

Шёл напрямик без дальней думы,

С его женой и с ним пускался в реверси[106],

Ему и ей какие суммы

Спустил, что боже упаси!

Он на Фонтанке жил, я возле дом построил,

С колоннами! огромный! сколько стоил!

Женился наконец на дочери его,

---

[106] Примечания: 106
Реверси — карточная игра.

Приданого взял – шиш, по службе – ничего.

Тесть немец, а что проку? —

Боялся, видишь, он упрёку

За слабость будто бы к родне!

Боялся, прах его возьми, да легче ль мне?

Секретари его все хамы, все продажны,

Людишки, пишущая тварь,

Все вышли в знать, все нынче важны,

Гляди-ка в адрес-календарь.

Тьфу! служба и чины, кресты – души мытарства;

Лахмотьев Алексей чудесно говорит,

Что радикальные потребны тут лекарства,

Желудок дольше не варит.

(Останавливается, увидя, что Загорецкий заступил место Скалозуба, который покудова уехал.)

Явление 6

Репетилов, Загорецкий.

Загорецкий

Извольте продолжать, вам искренно признаюсь,

Такой же я, как вы, ужасный либерал!

И от того, что прям и смело объясняюсь,

Куда как много потерял!..

Репетилов

(с досадой)

Все врознь, не говоря ни слова;

Чуть из виду один, гляди уж нет другова.

Был Чацкий, вдруг исчез, потом и Скалозуб.

Загорецкий

Как думаете вы об Чацком?

Репетилов

Он не глуп,

Сейчас столкнулись мы, тут всякие турусы,

И дельный разговор зашёл про водевиль.

Да! водевиль есть вещь, а прочее всё гиль.

Мы с ним… у нас… одни и те же вкусы.

Загорецкий

А вы заметили, что он

В уме сурьезно повреждён?

Репетилов

Какая чепуха!

Загорецкий

Об нём все этой веры.

Репетилов

Враньё.

Загорецкий

Спросите всех.

Репетилов

Химеры[107].

---

[107] Примечания: 107

Химеры — здесь: нелепые выдумки.

Загорецкий

А кстати, вот князь Пётр Ильич,
Княгиня и с княжнами.

Репетилов

Дичь.

Явление 7

Репетилов, Загорецкий, Князь и Княгиня с шестью дочерями; немного погодя *Хлёстова* спускается с парадной лестницы, *Молчалин* ведёт её под руку. *Лакеи* в суетах.

Загорецкий

Княжны, пожалуйте, скажите ваше мненье,
Безумный Чацкий или нет?

1-я княжна

Какое ж в этом есть сомненье?

2-я княжна

Про это знает целый свет.

3-я княжна

Дрянские, Хворовы, Варлянские, Скачковы.

4-я княжна

Ах! вести старые, кому они новы?

5-я княжна

Кто сомневается?

Загорецкий

Да вот не верит…

6-я княжна
(Репетилову)

Вы!

Все вместе

Мсьё Репетилов! Вы! Мсьё Репетилов! что вы!

Да как вы! Можно ль против всех!

Да почему вы? стыд и смех.

Репетилов
(затыкает себе уши)

Простите, я не знал, что это слишком гласно.

Княгиня

Ещё не гласно бы, с ним говорить опасно,

Давно бы запереть пора.

Послушать, так его мизинец

Умнее всех, и даже князь-Петра!

Я думаю, он просто якобинец,

Ваш Чацкий!!!.. Едемте. Князь, ты везти бы мог

Катишь или Зизи, мы сядем в шестиместной.

Хлёстова
(с лестницы)

Княгиня, карточный должок.

Княгиня

За мною, матушка.

Всё
(друг другу)

Прощайте.

(Княжеская фамилия уезжает и Загорецкий тоже.)

Явление 8

Репетилов, Хлёстова, Молчалин.

Репетилов

Царь небесный!

Амфиса Ниловна! Ах! Чацкий! бедный! вот!

Что наш высокий ум! и тысяча забот!

Скажите, из чего на свете мы хлопочем!

Хлёстова

Так бог ему судил; а впрочем

Полечат, вылечат, авось;

А ты, мой батюшка, неисцелим, хоть брось.

Изволил вовремя явиться! —

Молчалин, вон чуланчик твой,

Не нужны проводы; поди, господь с тобой.

(Молчалин уходит к себе в комнату.)

Прощайте, батюшка; пора перебесить-

ся.

(Уезжает.)

Явление 9

Репетилов с своим *лакеем.*

Репетилов

Куда теперь направить путь?
А дело уж идёт к рассвету.
Поди, сажай меня в карету,
Вези куда-нибудь.

(Уезжает.)

Явление 10

Последняя лампа гаснет.

Чацкий

(выходит из швейцарской)

Что это? слышал ли моими я ушами!
Не смех, а явно злость. Какими чудесами?
Через какое колдовство
Нелепость обо мне все в голос повто-

ряют!
И для иных как словно торжество,
Другие будто сострадают...
О! если б кто в людей проник:
Что хуже в них? душа или язык?
Чьё это сочиненье!
Поверили глупцы, другим передают,
Старухи вмиг тревогу бьют —
И вот общественное мненье!
И вот та родина... Нет, в нынешний приезд,
Я вижу, что она мне скоро надоест.
А Софья знает ли? – Конечно, рассказали,
Она не то, чтобы мне именно во вред
Потешилась, и правда или нет
Ей всё равно, другой ли, я ли,
Никем по совести она не дорожит.
Но этот обморок? беспамятство откуда??
Нерв избалованность, причуда, —
Возбудит малость их, и малость утишит, —

Я признаком почёл живых страстей. –
Ни крошки:
Она конечно бы лишилась так же сил,
Когда бы кто-нибудь ступил
На хвост собачки или кошки.

София

(над лестницей во втором этаже, со свечкою)

Молчалин, вы?

(Поспешно опять дверь припирает.)

Чацкий

Она! она сама!
Ах! голова горит, вся кровь моя в волненьи!
Явилась! нет её! неужели в виденьи?
Не впрямь ли я сошёл с ума?
К необычайности я, точно, приготовлен;
Но не виденье тут, свиданья час условлен.
К чему обманывать себя мне самого?
Звала Молчалина, вот комната его.

Лакей его

(с крыльца)

Каре…

Чацкий

Сс!..

(Выталкивает его вон.)

Буду здесь, и не смыкаю глазу,

Хоть до утра. Уж коли горе пить,

Так лучше сразу,

Чем медлить, а беды медленьем не избыть.

Дверь отворяется.

(Прячется за колонну.)

Явление 11

Чацкий спрятан, *Лиза* со свечкой.

Лиза

Ах! мочи нет! робею:

В пустые сени! в ночь! боишься домовых,

Боишься и людей живых.

Мучительница-барышня, бог с нею.

И Чацкий, как бельмо в глазу;

Вишь, показался ей он где-то здесь, внизу.

(Осматривается.)

Да! как же! по сеням бродить ему охота!

Он, чай, давно уж за ворота,

Любовь на завтра поберёг,

Домой – и спать залёг.

Однако велено к сердечному толкнуться.

(Стучится к Молчалину.)

Послушайте-с. Извольте-ка проснуться.

Вас кличет барышня, вас барышня зовёт.

Да поскорей, чтоб не застали.

Явление 12

Чацкий за колонною, *Лиза*, *Молчалин* (потягивается и зевает). *София* (крадётся сверху).

Лиза

Вы, сударь, камень, сударь, лёд.

Молчалин

Ах! Лизанька, ты от себя ли?

Лиза

От барышни-с.

Молчалин

Кто б отгадал,
Что в этих щёчках, в этих жилках
Любви ещё румянец не играл!
Охота быть тебе лишь только на посылках?

Лиза

А вам, искателям невест,
Не нежиться и не зевать бы;
Пригож и мил, кто не доест
И не доспит до свадьбы.

Молчалин

Какая свадьба? с кем?

Лиза

А с барышней?

Молчалин

Поди,
Надежды много впереди,
Без свадьбы время проволочим.

Лиза

Что вы, сударь! да мы кого ж
Себе в мужья другого прочим?

Молчалин

Не знаю. А меня так разбирает дрожь,
И при одной я мысли трушу,
Что Павел Афанасьич раз
Когда-нибудь поймает нас,
Разгонит, проклянёт!.. Да что? открыть ли душу?
Я в Софье Павловне не вижу ничего
Завидного. Дай бог ей век прожить богато,
Любила Чацкого когда-то,
Меня разлюбит, как его.
Мой ангельчик, желал бы вполовину
К ней то же чувствовать, что чувствую к тебе;

Да нет, как ни твержу себе,

Готовлюсь нежным быть, а свижусь – и простыну.

София
(в сторону)

Какие низости!

Чацкий
(за колонною)

Подлец!

Лиза

И вам не совестно?

Молчалин

Мне завещал отец:

Во-первых, угождать всем людям без изъятья —

Хозяину, где доведётся жить,

Начальнику, с кем буду я служить,

Слуге его, который чистит платья,

Швейцару, дворнику, для избежанья зла,

Собаке дворника, чтоб ласкова была.

Лиза

Сказать, сударь, у вас огромная опека!

Молчалин

И вот любовника я принимаю вид
В угодность дочери такого человека…

Лиза

Который кормит и поит,
А иногда и чином подарит?
Пойдёмте же, довольно толковали.

Молчалин

Пойдём любовь делить плачевной нашей крали.
Дай обниму тебя от сердца полноты.

(Лиза не даётся.)

Зачем она не ты!

(Хочет идти, София не пускает.)

София

(почти шёпотом, вся сцена вполголоса)

Нейдите далее, наслушалась я много,
Ужасный человек! себя я, стен стыжусь.

Молчалин

Как! Софья Павловна…

София

Ни слова, ради бога,
Молчите, я на всё решусь.

Молчалин
(бросается на колена, София отталкивает его)

Ах, вспомните, не гневайтеся, взгляньте!..

София

Не помню ничего, не докучайте мне.
Воспоминания! как острый нож оне.

Молчалин
(ползает у ног её)

Помилуйте…

София

Не подличайте, встаньте,
Ответа не хочу, я знаю ваш ответ,
Солжёте…

Молчалин

Сделайте мне милость…

София

Нет. Нет. Нет.

Молчалин

Шутил, и не сказал я ничего, окроме…

София

Отстаньте, говорю, сейчас,
Я криком разбужу всех в доме,
И погублю себя и вас.

(Молчалин встаёт.)

Я с этих пор вас будто не знавала.
Упрёков, жалоб, слёз моих
Не смейте ожидать, не стоите вы их;
Но чтобы в доме здесь заря вас не застала,
Чтоб никогда об вас я больше не слыхала.

Молчалин

Как вы прикажете.

София

Иначе расскажу

Всю правду батюшке с досады.

Вы знаете, что я собой не дорожу.

Подите. – Стойте, будьте рады,

Что при свиданиях со мной в ночной тиши

Держались более вы робости во нраве,

Чем даже днём, и при людях, и в яве,

В вас меньше дерзости, чем кривизны души.

Сама довольна тем, что ночью всё узнала,

Нет укоряющих свидетелей в глазах,

Как давиче, когда я в обморок упала,

Здесь Чацкий был…

Чацкий
(бросается между ими)

Он здесь, притворщица!

Лиза и София

Ах! Ах!..

(Лиза свечку роняет с испугу; Молчалин скрывается к себе в комнату.)

Явление 13

Те же, кроме *Молчалина.*

Чацкий

Скорее в обморок, теперь оно в порядке,
Важнее давишной причина есть тому,
Вот наконец решение загадке!
Вот я пожертвован кому!
Не знаю, как в себе я бешенство умерил!
Глядел, и видел, и не верил!
А милый, для кого забыт
И прежний друг, и женский страх и стыд, —
За двери прячется, боится быть в ответе.
Ах! как игру судьбы постичь?
Людей с душой гонительница, бич! —
Молчалины блаженствуют на свете!

София

(вся в слезах)

Не продолжайте, я виню себя кругом.

Но кто бы думать мог, чтоб был он так коварен!

Лиза

Стук! шум! ах! боже мой! сюда бежит весь дом.

Ваш батюшка, вот будет благодарен.

Явление 14

Чацкий, София, Лиза, Фамусов, толпа слуг со свечами.

Фамусов

Сюда! за мной! скорей!

Свечей побольше, фонарей!

Где домовые? Ба! знакомые всё лица!

Дочь, Софья Павловна! страмница!

Бесстыдница! где! с кем! Ни дать ни взять, она,

Как мать её, покойница жена.

Бывало, я с дражайшей половиной

Чуть врознь – уж где-нибудь с мужчиной!

Побойся бога, как? чем он тебя прельстил?

Сама его безумным называла!

Нет! глупость на меня и слепота напала!

Всё это заговор, и в заговоре был

Он сам и гости все. За что я так наказан!..

Чацкий
(Софии)

Так этим вымыслом я вам ещё обязан?

Фамусов

Брат, не финти, не дамся я в обман,

Хоть подерётесь – не поверю.

Ты, Филька, ты прямой чурбан,

В швейцары произвёл ленивую тетерю,

Не знает ни про что, не чует ничего.

Где был? куда ты вышел?

Сеней не запер для чего?

И как не досмотрел? и как ты не дослышал?

В работу вас, на поселенье вас[108]*:*

За грош продать меня готовы.

Ты, быстроглазая, всё от твоих проказ;

Вот он, Кузнецкий мост, наряды и обновы;

Там выучилась ты любовников сводить,

Постой же, я тебя исправлю:

Изволь-ка в избу, марш за птицами ходить.

Да и тебя, мой друг, я, дочка, не оставлю,

Ещё дни два терпение возьми:

Не быть тебе в Москве, не жить тебе с людьми.

Подалее от этих хватов,

В деревню, к тётке, в глушь, в Саратов,

Там будешь горе горевать,

За пяльцами сидеть, за святцами зевать.

---

[108] Примечания: 108

В работу вас, на поселенье вас… — Дворовых крепостных часто отправляли в наказание на тяжёлые работы в поместья. Помещики также имели право ссылать своих крепостных без суда на поселение в Сибирь. // М. П. Ерёмин.

А вас, сударь, прошу я толком

Туда не жаловать ни прямо, ни просёлком;

И ваша такова последняя черта,

Что, чай, ко всякому дверь будет заперта:

Я постараюсь, я, в набат я приударю,

По городу всему наделаю хлопот,

И оглашу во весь народ:

В Сенат подам, министрам, государю.

Чацкий

(после некоторого молчания)

Не образумлюсь… виноват,

И слушаю, не понимаю,

Как будто всё ещё мне объяснить хотят,

Растерян мыслями… чего-то ожидаю.

(С жаром.)

Слепец! я в ком искал награду всех трудов!

Спешил!.. летел! дрожал! вот счастье, думал, близко.

Пред кем я давиче так страстно и так низко

Был расточитель нежных слов!

А вы! о боже мой! кого себе избрали?

Когда подумаю, кого вы предпочли!

Зачем меня надеждой завлекли?

Зачем мне прямо не сказали,

Что всё прошедшее вы обратили в смех?!

Что память даже вам постыла

Тех чувств, в обоих нас движений сердца тех,

Которые во мне ни даль не охладила,

Ни развлечения, ни перемена мест.

Дышал, и ими жил, был занят беспрерывно!

Сказали бы, что вам внезапный мой приезд,

Мой вид, мои слова, поступки – всё противно, —

Я с вами тотчас бы сношения пресёк,

И перед тем, как навсегда расстаться

Не стал бы очень добираться,

Кто этот вам любезный человек?..

(Насмешливо.)

Вы помиритесь с ним по размышленьи зрелом.

Себя крушить, и для чего!

Подумайте, всегда вы можете его

Беречь, и пеленать, и спосылать за делом.

Муж-мальчик, муж-слуга, из жениных пажей —

Высокий идеал московских всех мужей.

—

Довольно!.. с вами я горжусь моим разрывом.

А вы, сударь отец, вы, страстные к чинам:

Желаю вам дремать в неведеньи счастливом,

Я сватаньем моим не угрожаю вам.

Другой найдётся благонравный,

Низкопоклонник и делец,

Достоинствами, наконец,

Он будущему тестю равный.

Так! отрезвился я сполна,

Мечтанья с глаз долой – и спала пелена;

Теперь не худо б было сряду

На дочь и на отца,

И на любовника-глупца,

И на весь мир излить всю жёлчь и всю досаду.

С кем был! Куда меня закинула судьба!

Все гонят! все клянут! Мучителей толпа,

В любви предателей, в вражде неутомимых,

Рассказчиков неукротимых,

Нескладных умников, лукавых простаков,

Старух зловещих, стариков,

Дряхлеющих над выдумками, вздором, —

Безумным вы меня прославили всем хором.

Вы правы: из огня тот выйдет невредим,

Кто с вами день пробыть успеет,

Подышит воздухом одним,

И в нём рассудок уцелеет.

Вон из Москвы! сюда я больше не ездок.

Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,

Где оскорблённому есть чувству уголок!..

Карету мне, карету!

(Уезжает.)

Явление 15

Кроме *Чацкого.*

Фамусов

Ну что? не видишь ты, что он с ума сошёл?

Скажи сурьезно:

Безумный! что он тут за чепуху молол!

Низкопоклонник! тесть! и про Москву так грозно!

А ты меня решилась уморить?

Моя судьба ещё ли не плачевна?
Ах! боже мой! что станет говорить
Княгиня Марья Алексевна!

Конец

All rights reserved. This book or any portion thereof may not be reproduced or used in any manner whatsoever without the express written permission of the publisher except for the use of brief quotations in a book review.

Все права защищены. Эта книга или любая ее часть не может быть воспроизведена или использована любым другим способом без письменного разрешения издателя исключая использование цитат из книг или иного способа предусмотренного законодательством.

«Strelbytskyy Multimedia Publishing»

Saksaganskogo str., 58, office 8
Kiev, Ukraine, 01033

tel. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

ул. Саксаганского, 58, оф.8
Киев, Украина, 01033

тел. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Электронная книга издана
«Мультимедийным издательством Стрельбицкого»

С нашими изданиями электронных книг и аудиокниг вы можете познакомиться на сайтах:
www.strelbooks.com **www. audio-book.com.ua**

Желаем приятного чтения!
Свои замечания и предложения направляйте на e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Эта книга охраняется авторским правом
Copyright © 2016
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»